ЛЕНИЗДАТ
-1917-

Вячеслав Каликинский

АГАСФЕР

СТАРЬЕВЩИК

Издательская группа «Лениздат»
Санкт-Петербург

УДК 881.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6
К17

Дизайн обложки Вадима Обласова

Каликинский В.
К17 Старьевщик : Роман. — СПб. : Издательская группа «Лениздат», «Книжная лаборатория», 2016. — 512 с.

ISBN 978-5-4453-0975-8

Писатель, историк и журналист Вячеслав Каликинский открывает серию историко-детективных романов о зарождении и развитии российской контрразведки под общим названием «Агасфер».

Россия, вторая половина XIX века. Русский боевой офицер Михаил Берг, спасая друга, убивает на дуэли японского дипломата и вынужден покинуть родину. Двадцать лет он проводит на чужбине, исполняя должность хранителя монастырской библиотеки, пока честь офицера и любовь к оставшейся на родине девушке не заставляют его вернуться. А над Россией тем временем сгущаются тучи — германские, австро-венгерские и японские разведки плетут против нее сети интриг. В этом им помогают предатели и продажные чиновники из самых высших эшелонов российской власти. Силой обстоятельств Михаил Берг становится активным участником опасной игры и принимает участие в создании российской контрразведки.

Точный язык, динамичный сюжет, множество малоизвестных исторических фактов и подробностей делают чтение этой книги не только увлекательным, но и крайне познавательным занятием.

УДК 881.161.1-31
ББК 84(2Рос = Рус)6

ISBN 978-5-4453-0975-8

© Каликинский В., 2016
© Оформление. ООО «Команда А», 2016
© ООО «Книжная лаборатория», 2016
Издательство ЛЕНИЗДАТ®

ОТ АВТОРА

Практически все герои романа «Старьевщик» — реальные люди, стоявшие у истоков создания контрразведки в России. Один лишь Михаил Берг, прозванный Агасфером, — образ собирательный. Именно он помог мне собрать «команду» патриотов России, пытающихся препятствовать разгулу разведчиков Германии, ШШ, Японии на рубеже XIX–XX веков, а также показать и тех, кто продавал военные секреты России оптом и в розницу.

Автор позволил себе несколько нарушить в некоторых местах хронологию событий...

ПРЕДИСЛОВИЕ

...Гудок паровой машины словно переключил время с тяжкого ожидания на непостижимую воображением быстроту. С первым его аккордом Асикага вырвал меч из ножен и без замаха нанес Бергу рубящий удар слева, в горизонтальной плоскости. Катана ударила по основанию сабли, которую Берг держал обеими руками, — удар был настолько мощным, что острие меча коснулось шеи офицера.

Берг уже видел, как тяжелый клинок, словно вопреки физическим законам, остановился у его лица и тут же стал возноситься вверх для завершающего удара. Какой-то первобытный инстинкт бросил молодого офицера под ноги противника в то самое мгновение, когда сердито жужжащий меч распорол воздух у него за спиной.

Перекатившись вперед, Берг вскочил, с отчаянием констатируя, что противник намного быстрее его. Асикага, по-кошачьи извернувшись, уже почти нанес завершающий удар. Клинок летел к левому боку молодого офицера.

Берг одной рукой попытался защититься — с таким же успехом он мог бы подставить под тяжелый меч легкую тросточку. Катана легко отбросила сабельный клинок, ударив по левой руке Берга, но одновременно сам Асикага получил страшный и неожиданный для него удар крылом семафора, мимо которого в тот момент промчался поезд.

Тело японца с наполовину оторванной головой и сучащими ногами было отброшено на самый край крыши вагона, перекатилось пару раз по инерции и свалилось вниз. Все было кончено. А поезд продолжал мчаться вперед. Он остановился позже, когда кровь из ран Берга залила окно вагона и перепугала пассажиров...

* * *

Потеряв сознание, Берг не слышал, как некий доктор из Варшавы, случившийся в соседнем вагоне, сердито распекал железнодорожный персонал за медлительность. Бегло осмотрев раненого, он потребовал как можно быстрее доставить офицера в больничный стационар. Властный тон доктора оказал на старшего кондуктора магическое действие: он распорядился перенести носилки с раненым в угольный тендер локомотива. Туда же забрался со своим саквояжем и доктор, а кондуктор, приказав машинисту отцепить вагоны, поместился с зажженным красным фонарем на крохотной площадке над передней решеткой паровоза.

Опоясавшись тучей пара, локомотив тронулся с места. Кондуктор знал, что они на «зеленой улице», однако из предосторожности поминутно размахивал красным фонарем и, перегнувшись, грозил машинисту кулаком: сигнал, сигнал подавай! Локомотив на предельной скорости мчался к Варшаве и ревел почти беспрерывно.

* * *

На крыльце стоял господин в черной визитке, с аккуратной бородкой. Он прикоснулся двумя пальцами к венскому котелку и шаркнул ногой:

— Позвольте рекомендоваться: доктор Шлейзер из Варшавы! Предупреждая ненужные вопросы, я сразу и категорически заявляю вам, сударь, что не ищу практики или пациентов.

— Тогда что вам угодно?

— Говорит ли вам что-либо имя Михаила фон Берга, сударь?

— Мишеля? — Хозяин невольно поглядел по сторонам, шагнул к посетителю. — Да, разумеется — это жених моей дочери... Прошу вас, проходите, доктор.

— Слушайте меня внимательно, сударь! Господин фон Берг, которого вы уже завтра, возможно, откажетесь признавать женихом вашей дочери, попал в большие неприятности. Спасибо Иисусу — при монастыре сестер-бенедиктинок, куда я его отвез, есть приют для престарелых и убогих и вполне компетентный персонал сестер милосердия и даже два доктора, ушедшие от мира. Там я произвел единственно возможное, на мой взгляд, медицинское действие — ампутировал молодому человеку и без того почти что отрубленную руку и по прошествии двух дней оставил его на попечение этих самых бенедектинок.

* * *

Пароход сипло рявкнул, и капитан с мостика прокричал в блестящий рупор команду матросам. Дамы на палубе и на причале махали друг другу платками, мужчины салютовали более сдержанно — притрагивались пальцами к шляпам, приподнимали их, покашливали, прогоняя из горла невесть откуда взявшийся комок.

В растущую щель между корпусом судна и причалом с корабля полетели монеты. Почти все отъезжающие пассажиры непременно желали вернуться сюда!

Эномото стоял у левого борта, крепко держась за леер. Он точно знал, что в карманах его вице-адмиральского мундира нет ни одной монеты: накануне он отдавал мундир гостиничной обслуге в чистку. И вдруг он вспомнил!

— Мамочка, погляди, что дяденька военный делает! — громко зашептал мальчишка на палубе по соседству.

А Эномото торопливо рвал крючки и пуговицы мундира. Справившись с ними, он поспешно снял с шеи цепочку, на которой висела золотая монета, подаренная ему русским царем

Александром на Монетном дворе Петропавловской крепости. Миг — и монета вместе с цепочкой, блеснув на солнце, полетела в серые волны залива Петра Великого...

...Но первому в истории дипломатических контактов двух стран Чрезвычайному и Полномочному посланнику не суждено было вернуться в Россию. Жалел ли он об этом?

Кто, кроме него, знает это?..

И вот прошло 20 лет...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОЛОГ

Сознание возвращалось медленно, словно через силу. Звуки и свет давили на нервы какими-то неровными толчками. Серая муть ненадолго сменялась ясными короткими картинками — чтобы тут же заволочь все на свете глухой вязкостью небытия.

Яснее всего ощущался холод — причем холоднее всего было рукам, лежащим на гладкой отполированной плите — то ли из камня, то ли металлической. Он попробовал открыть глаза и почувствовал на лице плотную повязку. Попробовал снять ее — и не смог: руки оказались плотно примотанными к этой холодной плите. Попробовал пошевелиться — и тоже не смог: в тело врезались ремни, которыми его предусмотрительно привязали к стулу.

Последний отчаянный рывок Агасфера словно окончательно включил его слух. Он различил чьи-то шаги неподалеку, покашливание, невнятное бормотание. Потом кто-то, не слишком церемонясь, сорвал с его глаз повязку, и Агасфер зажмурился от слишком яркого, как ему показалось, света электрической лампы, свисавшей откуда-то с терявшегося в темноте потолка. Он поморгал, и предметы, находившиеся в поле его зрения, начали обретать четкость.

Его руки — здоровая и культя со снятым протезом — были действительно привязаны к металлической плите, прямо под

массивной рамой какого-то станка. Сбоку от основания этого станка виднелось мощное колесо-маховик.

Снова послышались шаги, и по другую сторону станка показались лица двух людей, внимательно разглядывающих своего пленника. Одно лицо было явно знакомым — только Агасфер, еще не полностью вынырнувший из беспамятства, никак не мог вспомнить — кто это? Второе лицо, показавшееся ему добрым, было совершенно незнакомым.

— Доктор, вы уверены, что наш гость пришел в себя? Что он слышит нас, видит и полностью отдает отчет происходящему?

Незнакомец с добрым лицом обошел станок, к которому был привязан Агасфер, профессионально проверил его пульс, оттянул нижние веки и отступил куда-то в сторону.

— Да, господин капитан, он полностью пришел в себя — насколько это, конечно, возможно после процедуры, которой он был подвергнут. Мне кажется, от него все еще пахнет эфиром...

— Прекрасно! Мориц, плесните-ка ему в лицо водой! Потом дайте ему попить — я слышал, что после эфира людей мучит жажда...

Еще один человек, до сих пор неслышно стоявший за спиной Агасфера, выступил вперед и выплеснул ему в лицо с полведра холодной воды. Потом, звякнув чем-то, поднес к губам пленника кружку.

Только теперь Агасфер почувствовал, что действительно страшно хочет пить, что во рту у него сухо настолько, что язык буквально царапает нёбо. Он с жадностью припал к кружке.

— Достаточно, Мориц! Мы все же не из общества сестер милосердия! — раздался тот же насмешливый знакомый голос.

Теперь Агасфер узнал его. Капитан Гедеке! Он ехал вместе с ним в международном вагоне поезда Вена — Берлин — Петербург.

— Значит, очухались, господин Ковач? Очухались и, судя по выражению вашего лица, вспомнили меня. Прекрасно! Дайте ему еще воды, Мориц! Я желаю, чтобы наш гость полностью осознал ситуацию, в которой оказался! Знаете, что это за станок, к которому вы привязаны, Ковач? Нет? О-о, а вот наши русские друзья-нелегалы из социал-демократов моментально дали бы правильный ответ! Это типографский станок-гильотина, с помощью которого обрезают края книг, пачки листовок. И не только, Ковач, не только! Мориц, раскрутите-ка маховик как следует! И подайте мне вон тот кусок доски!

Молчаливый Мориц выступил вперед, взялся за рукоять маховика, и огромное колесо пришло в движение — сначала медленно, потом все ускоряя и ускоряя ход.

Доктор с добрым лицом откашлялся и подал голос:

— Господин Гедеке, я прошу освободить меня от этого зрелища! Позвольте мне уйти! Если желаете, я буду где-нибудь неподалеку...

— Оставайтесь на месте, доктор! — прикрикнул на него Гедеке. — Лучше приготовьте свои инструменты и медикаменты — «пациенту» вскоре понадобятся ваши профессиональные услуги!

— Что вам нужно от меня, Гедеке? — подал наконец голос и Агасфер. Подал — и удивился — это было какое-то хриплое карканье.

Гедеке рассмеялся.

— Что мне нужно? Неужели вы столь наивны, Ковач? Мне нужна информация! Мне нужны честные ответы на вопросы, которые я вам буду задавать! Но имейте терпение, Ковач! Прежде я хочу продемонстрировать вам в действии свой главный «аргумент»! Довольно крутить, Мориц... Теперь доска! Да, и отодвинь пока руки нашего гостя подальше от рамы! Смотрите, Ковач!

Гедеке положил на то место, где только что лежали руки пленника, доску, взялся за рычаг на раме и двинул его вниз. Тотчас из верхней части рамы выдвинулось остро заточенное лезвие резака-гильотины. Оно плавно опустилось вниз, без всяких усилий перерубило полуторадюймовую доску и, чуть подергиваясь, словно нечто живое и уже сытое, снова ушло в паз. Во время этой демонстрации маховик, приводивший

гильотину в движение, лишь скрипнул и немного замедлил ход.

Даже в полумраке Агасфер смог заметить, как доктор побледнел и схватился за горло.

— Итак, Ковач, вы все видели. Состоится ли наша беседа? Кивните головой, если да. Ага, моя аргументация показалась вам убедительной, я вижу! Мориц, уберите со станка обломки дерева и верните на место здоровую руку нашего гостя! Дайте ему еще воды.

Гедеке придвинул свой стул поближе, раскурил сигару.

— Вы попали в поле зрения специальной службы Австро-Венгерского Главного штаба, едва успев поселиться у полковника Архипова в Петербурге, Ковач. Знаете, мы очень плотно сотрудничаем с германскими коллегами из разведцентра. Да и не только с ними — с британцами, румынами, итальянцами, даже с японцами. Общий враг у нас один, и вам не составит труда угадать, что это Россия! Вы наверняка знаете, Ковач, что дом полковника Архипова — это гнездовье будущей русской контрразведки. К сожалению, у чиновников, проводивших первичную проверку, ваша персона поначалу интереса не вызвала. Однако время показало, что вы необычайно опасный для своих врагов человек. И теперь мы многое о вас знаем. Многое, но не все. Остаются пробелы, которые мы с вами постараемся восполнить в ходе нашего диалога. Вам понятно? Моя задача — получить ответы на интересующие вопросы. Ваша — попытаться сохранить в целости вашу вторую руку. И в конечном итоге — возможно, жизнь. Мориц, будьте добры, стакан мадеры мне и доктору! Мне кажется, ему скоро понадобится...

Гедеке подождал, пока молчаливый помощник принес вино, отхлебнул немного и одобрительно покачал головой.

— Итак, для начала — ваше настоящее имя, Ковач!

— Михаил фон Берг.

— Вы в прошлом русский офицер?

— Да... Гвардеец.

— Как вы попали в монастырь паулинов в Ясной Гуре?

— У меня состоялся поединок с японским дипломатом. Дипломат погиб, я был тяжело ранен. — Берг кивнул на искалеченную левую руку. — Монахи приютили меня, вылечили, спасли от смерти.

— Почему вы остались у них?

— Мой поединок с японцем наделал в свое время много шума. Государь был разгневан, издал высочайший указ об отчислении меня из гвардии. Я был объявлен в розыск.

— Что ж, пока у нас все хорошо, фон Берг! В монастыре вы перешли в католическую веру?

— Нет. Я был и остался православным.

— Почему вы покинули монастырь?

— Тоска по родине, Гедеке... Если вам, конечно, знакомо это чувство.

— Не дерзите, Берг! Кроме того, для вас я — господин Гедеке!

— Я понял...

— Вы проходили на военной службе или в монастыре какую-либо специальную подготовку?

— Нет... В далеком прошлом я сапер и военный инженер. В монастыре был хранителем библиотеки.

— А ваша поразительная фотографическая память? Дар Божий?

— Не знаю. Я много читал, в том числе и специальной литературы по мнемотехнике*. Мне было просто интересно, да и времени свободного было много.

— Понятно... Мориц, подкрутите-ка нашу «машинку»: мне кажется, что останавливающийся маховик внушает гостю несбыточные иллюзии. Итак, вы покинули монастырь, Берг, и оттуда направились прямым ходом в Петербург, к полковнику Архипову. Подумайте хорошенько, прежде чем ответить на следующий вопрос: вы знали, чем на самом деле занимаются в этом доме?

---

* *Мнемотехника* — совокупность специальных приемов и знаний, облегчающих запоминание нужной информации.

— Нет. Я получил от аббата рекомендательное письмо к господину Архипову. И ехал к нему, чтобы стать помощником в его хобби. Если бы полковник не взял меня к себе, у меня было второе рекомендательное письмо на должность управляющего имением в московской губернии.

— Но вы пришлись ко двору Архипову и остались там. Еще бы, с такими-то задатками!

— Я говорю правду, господин Гедеке!

— Сколько человек входит в группу полковника Архипова?

— Точно я не знаю. Активный состав группы — около десяти человек, которые собираются по четвергам у полковника. И не спрашивайте меня, кто именно туда приходит: вы и сами прекрасно это знаете!

— Начинаете снова дерзить, Берг?

— Но это же очевидно! В группе полковника у вас есть свой осведомитель!

— Это ваш собственный вывод, Берг?

— Скорее, предположение.

— И на чем же оно основано?

— На утечке некоторой информации, которая становится известной и вам, и оппонентам группы. Кроме того, ваш человек был замечен во время отправки письма своему резиденту. К счастью для него, он вовремя успел сбежать. Полковник Архипов был весьма расстроен...

— Ладно, поговорим пока о вас лично, Берг! Какова цель вашей нынешней поездки в Европу?

— Вы прекрасно знаете, что я выехал в Германию по документам Ковача. Передо мной была поставлена задача завести знакомства в Главном штабе германской армии, обратить на себя внимание. В Берлине у меня состоялась встреча с шефом разведки Германии фон Люциусом — по его же, кстати, инициативе.

— Чем закончилась ваша встреча с фон Люциусом?

— Об этом вам лучше спросить у него самого. Я не уполномочен отвечать на подобные вопросы.

— Дерзите, Ковач! Полагаете, что фон Люциус запретил нам трогать вас?

— Если только вы не работаете еще на кого-то...

— Вы знакомы с Полонским, Ковач?

— Я слышал это имя в доме Архипова, однако лично никогда с ним не встречался.

— Что еще вы слышали о Полонском, Ковач?

— Он служит у графа Гейдена, коменданта Императорской главной квартиры. Занимается, по-моему, вопросами минирования северных проливов. Любопытный момент, если вы этого не знаете, господин Гейдеке: у Полонского, как и у меня, нет кисти одной руки. Вот только не знаю — правой или левой.

— Вы опередили мой вопрос, Ковач! Неужели в Русской армии настолько плохо с военными кадрами, что там берут на службу калек?

— Я не нахожусь на службе его величества, а выполняю частные поручения полковника Архипова.

— А что еще поручил вам полковник в Европе?

— В Вене я должен был встретиться с Анатолием Николаевичем Гриммом, подданным России, старшим адъютантом штаба Варшавского военного округа. И, по возможности, установить его связи с разведкой Австро-Венгрии.

— Все намеченные встречи состоялись?

— С Гельмутом фон Люциусом, как я уже отметил, — да. Но в Главный штаб я не проникал, секретных документов у вас не крал. Можете поинтересоваться непосредственно у Люциуса. Мы с ним побывали в Берлинской опере, в закрытом частном клубе и на скачках.

— Цель этих встреч?

— Моя? Я просто ответил на приглашение. А фон Люциус, по-моему, страстно мечтает завербовать второго человека в доме Архипова.

— Веселый вы человек, Берг! — криво улыбнулся Гедеке. — Так что же получилось с Гриммом?

— Я дважды телефонировал в Вене в его гостиницу, но там о его приезде ничего не знали.

— Странно... По нашим данным, он был в Вене вместе со своей любовницей. И встречался с Полонским — не говоря уже об его визите в Императорскую квартиру.

— В Петербурге мне назвали гостиницу, где Гримм обычно останавливается, будучи в Вене. Я не рискнул обзванивать все австрийские отели. В конце концов, он военный человек, и его служебную командировку могли перенести. У него есть непосредственное начальство в Варшавском военном округе.

— А какова была цель вашего знакомства с господином Гриммом?

— По данным полковника Архипова, он довольно регулярно поставляет германской разведке секретные данные военного характера. И вот теперь пытается «продать один товар дважды» — подсунуть те же секреты и вам. Мне было поручено узнать, что именно интересует вашу разведку. Характер службы господина Гримма предполагает весьма широкие связи в русских военных штабах Варшавского округа.

— Чтобы подкидывать нам и нашим немецким коллегам ложную информацию?

— Я всего лишь маленький винтик в большом механизме, господин Гедеке! И всех задумок Архипова просто не знаю!

— У вас на все готов ответ, Берг! Прямо ангел, только без крыльев и без одной руки! Кстати, о Петербурге! Что вы делали там в номере господина советника фон Люциуса?

— Искал книги, которые разведчики используют в качестве кодовых.

— Нашли?

— Не знаю. У него в номере оказалось всего четыре, если мне не изменяет память, книги. Любая из них могла быть использована в качестве кодовой.

Гедеке залпом допил мадеру, отшвырнул стакан в угол и зло уставился на пленника. Если бы не строгие инструкции, полученные им перед допросом, он давно заставил бы русского разведчика кричать диким голосом!

— Ладно, Берг! Ладно! — В руках у него оказался кусок металла прямоугольной формы, и он принялся колотить им

по массивной плите, к которой были прикручены руки Берга. — Но от последнего обвинения, проклятая русская свинья, тебе не отвертеться! Как быть с портфелем, Берг?!

— С каким портфелем?

— С портфелем, в который ты залез, как в собственный карман! В одном купе поезда Берлин — Варшава — Петербург вместе с тобой ехал наш офицер, перевозивший секретные документы! И не успел он на минутку выйти из купе — кстати, после того, как ты подсыпал в его стакан слабительное средство, — как ты немедленно вскрыл его портфель и ознакомился с многостраничным документом, на котором стоял гриф «Строго секретно»! Два человека из соседнего купе через просверленные дырочки видели это и готовы выступить свидетелями в военном трибунале! Ты пропал, Берг!

— Господин Гедеке, представьте себя на моем месте. С вами в купе едет какой-то лопоухий полупьяный субъект, бросивший опечатанный портфель прямо под нос незнакомому попутчику. Грех было не воспользоваться такой возможностью, Гедеке!

Зарычав от ярости, Гедеке с размаху ударил кулаком по рычагу гильотины. И смертоносный резак начал плавное движение вниз...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Одна из свечей в шандале неожиданно громко затрещала, и человек за столом вздрогнул от неожиданности и даже смущенно обернулся, словно кто-то застал его за непотребным занятием. Но в сумрачном зале библиотеки, среди высоких шкафов с фолиантами и манускриптами, он по-прежнему был один. Человек вгляделся в узкие витражи немногочисленных окон, еле угадываемых в темноте, но время определить так и не смог. Пришлось встать и с шандалом в руке подойти к затерянным между книжными шкафами старинным часам.

Четверть пятого утра. Человек с удовольствием потянулся, разминая затекшие мышцы спины и поясницу, и побрел

обратно к столу, за которым работал по ночам вот уже много лет подряд. Надо было собрать заметки, сделанные им за время очередных ночных бдений, вложить закладки в раскрытые тома, использованные для работы, и спрятать все это до следующей ночи в небольшую нишу, которую занимал с разрешения отца приора. Он давно привык к отсутствию левой руки и ловко использовал для прихватов и поддержки культю — и только здесь, да в своей келье, в одиночестве, давал обрубку руки отдохнуть от протеза.

Приоткрыв входную дверь, калека поставил шандал на низкий столик, привычно закрепил на левой руке протез — самый простой, со складным крюком — задул свечи и вышел на широкое каменное крыльцо библиотеки, в прохладу июньского утра. Запер дверь ключом, висевшим на шейном вервии, и неторопливо зашагал по дорожке, посыпанной мелким речным песком.

День обещал быть хлопотным: монастырь на Ясной Гуре принимал гостей и делегатов теологической конференции, проводимой монахами-паулинами два раза в год. На конференцию съехалось около семидесяти ученых богословов и предстоятелей братств монахов не только католической приверженности. Богословские споры проходили, как обычно, вполне корректно, без шумных скандалов.

Вчерашний день работы конференции было решено закончить до торжественного обеда, после которого для всех желающих был намечен осмотр древнего монастыря. Сегодня планировалось короткое собрание предстоятелей монастырей и принятие очередного воззвания ко всем братьям и сестрам во Христе. После чего желающие из числа гостей имели возможность ознакомиться с сокровищами монастырской библиотеки, побродить по великолепному Собору Святого Креста и Рождества Богородицы, посетить сердце монастыря — Капеллу Девы Марии, где хранилась знаменитая на весь мир Ченстоховская икона Божией Матери.

Кроме того, гостям с гордостью и весьма подробными пояснениями показывали фрески Рыцарского зала, где, собственно, и проходили конференции, а также водили в мастерские братьев-паулинов, в госпиталь для больных и страждущих. В более позднее летнее время знакомство с монастырем завершалось прогулками по его знаменитым фруктовым садам. Однако нынче там не было на что полюбоваться: в мае сады уже откипели пенным кружевом цветущих яблонь и вишен.

На колокольне пробило половину пятого, после чего 36 колоколов традиционно отзвонили мелодию гимна, посвященного Деве Марии, и калека заторопился. Свои ночные бдения в библиотеке он, как правило, завершал омовением в специальной купальне для монахов. Трубы, по которым вода из источника поступала в небольшой бассейн, были проложены через вечно горящие кухонные очаги, и поэтому даже самый лютый мороз не мог препятствовать омовению.

Обычно он не спешил и подолгу плескался в чистой воде, бьющей из земных глубин. Но сегодня его наверняка назначат куратором на время осмотра гостями сокровищ библиотеки, и к этому времени надо успеть не только помыться, но и поспать хотя бы несколько часов.

Но, как ни спешил человек с протезом, в купальне он оказался не первым. Обогнув угол арсенала, он услышал резкий скрип двери и увидел яркую полосу света, частично заслоненную силуэтом замершего на крыльце человека в длинной сутане. Столь ранний визит для омовения был для монашеской братии крайне необычен, и человек с протезом невольно остановился и даже прижался к серой шероховатой стене, став совершенно невидимым.

Тем временем выскочивший из купальни человек продолжал неподвижно стоять на крыльце, прислушиваясь к гаснущему колокольному перезвону гимна Девы Марии на колокольне.

Позднее калека и сам затруднялся объяснить, почему он не преодолел расстояние в два-три десятка шагов до купальни и не поприветствовал гостя — в том, что это именно гость, сомнений не было — здешние братья-монахи предпочитали вечерние омовения.

Наконец, неизвестный купальщик легко сбежал с крыльца, и шорох песка от его шагов затих на боковой тропинке, ведущей в сторону корпуса монашеских келий. Шел купальщик хоть и быстро, но часто спотыкался на изгибах тропинки, обрамленной камнями, всякий раз бормоча под нос невнятные ругательства.

Дождавшись, когда незнакомец исчезнет за углом здания, калека в задумчивости вышел из своего укрытия. Он как можно тише открыл дверь и проник внутрь купальни. Здесь все вроде было так, как обычно. Хотя нет — ни одно из сотни полотенец с монастырскими вензелями, ровными рядами вывешенных вдоль одной из стен, не тронуто. Пуста и корзина, предназначенная для использованных полотенец и белья, нуждающегося в стирке. Что же делал тут ночной гость?

Оглядевшись по сторонам, калека приметил непорядок в огромном камине, выстроенном в купальне для тепла и разжигаемом с октября до конца мая. Монахи-истопники, чтобы не дежурить у огня всю ночь, с вечера «заряжали» чудовищное жерло камина саженными бревнами. Вот на одном таком бревне калека и заметил белую дымящуюся тряпку. Выглянув на всякий случай за дверь и прислушавшись — не возвращается ли ранний купальщик, — он длинной кочергой выволок тряпку из камина. А чтобы сразу потушить — вылил на нее шайку воды.

Тряпка оказалась нижней рубашкой, надеваемой монахами в холодное время года под рясу. Рубашка была из тонкой, явно дорогой ткани, посему калека сделал вывод, что носил ее не простой монах. Также стало ясно, отчего ее столь безжалостно бросили в огонь: передняя часть подола была выпачкана кровью. Кровь, видимо, пытались замыть, однако убедившись в тщетности своих усилий, просто бросили в огонь. Причем неудачно: на тлеющий конец только-только разгорающегося бревна попала мокрая часть рубахи.

Немного подумав, калека бросил в огонь одно из полотенец со стены — оно тут же ярко вспыхнуло. Теперь, если незнакомец спохватится и вернется, то увидит в камине обгорелый лоскут и успокоится. Наскоро совершив омовение, калека завернул находку в чистое сухое полотенце и поспешил в свою келью.

Желание хоть несколько часов подремать, разумеется, напрочь исчезло: было о чем поразмыслить. Он не сомневался в том, что стал свидетелем финала чего-то темного и страшного, свершившегося в монастыре. Кто ночью в купальне пытался смыть кровь с рубашки и в конце концов бросил ее в огонь? И чья это была кровь? Эти вопросы вертелись в голове, но ответа на них не было. Калека уже жалел, что не проследил, в какую сторону пошел незнакомец...

Часы на колокольне отзвонили уже шесть часов утра, потом половину седьмого, когда в дверь постучались. Двери в монашеских кельях не запирались изнутри, поэтому калека, возвысив голос, пригласил посетителя зайти.

Вошедший оказался ключником отца приора. Просунув голову в щель приоткрывшейся двери, он передал калеке, что его срочно желает видеть сам предстоятель, аббат Девэ.

В гостевой комнате аббата собрались предстоятели монастырей, прибывшие на конференцию. При виде калеки в простой рясе многие из них удивленно подняли брови, зашептались, но аббат Девэ властно поднял правую руку:

— Братья мои во Христе... Не выражайте удивление, что присутствует на нашем экстренном собрании сей мирянин. Это хранитель нашей библиотеки, не имеющий монашеского звания, но давно живущий среди нас. Много раз брат Тадеуш — так мы привыкли называть его — удивлял меня и других людей остротой ума и ясностью мышления. Я уверен, что именно он может разгадать сию ужасную загадку! С вашего позволения, братья, я посвящу его в подробности.

Аббат оглядел собравшихся, ожидая возражений, однако лишь престарелый предстоятель ордена бенедиктинцев что-то пробормотал про то, что Господь сам укажет верной своей пастве заблудшую овцу. Не обращая на старика внимания, Девэ повернулся к брату Тадеушу, жестом велел ему сесть в свободное кресло и начал свой рассказ.

— Как вам всем известно, братья сервиты* привезли на нашу конференцию двух девочек-подростков, имея целью продемонстрировать нам достижения своего ордена на ниве просветительской деятельности, а также удивительные способности малолетних служительниц Девы Марии в постижении ими угодных Господу наук. После демонстрации сих удивительных отроковиц они были накормлены, а затем отведены специально закрепленным за ними наставником, братом Рафаилом, в помещение для ночлега паломников, ныне пустующее. Брату Рафаилу было велено дежурить в коридоре до утра. Однако он злоупотребил оказанным ему доверием и заснул, выпив перед этим две бутылки вина из монастырских погребов. Проснулся он лишь под утро от ужасных криков, доносившихся из кельи отроковиц. Брат Рафаил вбежал в келью и обнаружил, что одна из отроковиц мертва, а вторая только-только получила возможность двигаться и кричать, освободившись от опутывающих ее простыней. Сквозь слезы она пояснила брату Рафаилу, что проснулась ночью от каких-то шорохов и стонов. В свете лампады у своей кровати она увидела некую фигуру, совершающую нечто страшное с ее подругой. Отроковица вскрикнула, и злодей, оставив свою жертву, кинулся к ней, потушив по пути лампаду. Девочку спутали простынями и ударили по голове, отчего ее сознание помутилось, и она лишилась чувств.

Собравшиеся поначалу глухо ворчали, затем послышались возмущенные выкрики. Аббат Девэ поднял обе руки, призывая братьев к спокойствию. Постепенно шум затих, и приор продолжил:

— Спустя какое-то время вторая отроковица очнулась, сумела выпутаться из простыней, добраться до двери кельи и позвать на помощь. Брат Рафаил зажег фонарь, обнаружил свершенное злодеяние и, захватив уцелевшую девочку, кинулся наружу, призывая брата Симеона, который, насколько ему

* *Сервиты* — один из нищенствующих орденов Девы Марии, основанный в 1233 году во Флоренции. Сервиты работают в приходских общинах, занимаются преподавательской деятельностью и миссионерством.

было известно, нес ночное бдение у помещения паломников снаружи. Однако брата Симеона на положенном ему месте не оказалось, и на крики брата Рафаила прибежали только ночные истопники и повара. Поручив отроковицу их заботам, брат Рафаил поспешил к моей опочивальне, разбудив по дороге ключника и звонаря. Я немедленно направился к месту страшного происшествия, где сбивчивый рассказ брата Рафаила получил полное подтверждение.

В воцарившейся тишине аббат закончил:

— В злополучной келье я обнаружил убитую девочку — ей свернули шею, а перед этим изнасиловали. Братья-паулины, которых я поднял по тревоге, обыскали весь монастырь и прилегающие сады, но нигде не обнаружили брата Симеона. Причем монахи-стражники у ворот поклялись святым Причастием, что ночью монастырь никто не покидал, и мимо них не проходила ни единая живая душа.

Аббат перекрестился, вслед за ним перекрестились все присутствующие, исключая калеку Тадеуша.

— Так что же нам теперь делать, братья? Давайте подумаем сообща... — проговорил аббат Девэ.

— А что тут думать? — раздался из угла густой бас предстоятеля ордена францисканцев. — Этот ваш брат Симеон, доподлинно зная о грешном увлечении винопитием брата Рафаила, воспользовался его бессознательным состоянием, сотворил грех насилия над девочкой, а потом удрал. Я не удивлюсь, если после вторичного, более строгого допроса ночной стражи выяснится, что кто-то из них слукавил. И ужасный насильник и убийца сейчас уже далеко отсюда...

Приор паулинов в сомнении покачал головой и с надеждой воззрился на калеку Тадеуша, спокойно сидевшего в кресле и лишь теребившего конец опоясывающего его вервия. Почувствовав устремленный на него взгляд, Тадеуш поднял голову и глазами показал аббату, что желает переговорить с ним наедине.

— Простите великодушно, братья, но Тадеуш имеет сообщить мне нечто важное, причем строго конфиденциально, —

объявил присутствующим аббат и, сделав повелительный жест, направился в смежную с гостиной молельню.

Не обращая внимания на недовольные взгляды и ропот оскорбленных недоверием предстоятелей, калека встал и последовал за приором.

— Брат Рафаил, конечно, страдает склонностью к чрезмерному пьянству, — без предисловий начал он. — И нет ничего удивительного в том, что, оставшись один, он предался этому пороку и уснул. Возможно, это спасло ему жизнь. Но чтобы брат Симеон, которого я знаю с момента поступления в монастырь, совершил грех прелюбодеяния, надругался над малолетней девочкой, да еще и убил ее — нет, не верю! Так же, как и вы, святой отец! Нам надобно искать не брата Симеона, а его бездыханное тело!

— Но братья уже несколько раз обшарили весь монастырь, все его потаенные уголки, все подвалы и даже колокольню! И никого не обнаружили — ни живых, ни мертвых тел, Тадеуш!

— И тем не менее надо искать! С вашего позволения, святой отец, я немедленно приступлю к поискам. А когда мы найдем тело, я предъявлю вам неоспоримые доказательства совершенного преступления и, возможно, укажу убийцу и насильника.

— Какая помощь тебе потребна, сын мой?

— Мне нужны все ключи от запираемых помещений монастыря. Было бы хорошо, если бы вы отрядили в помощники мне ключника. А вас, святой отец, я самым убедительным образом прошу ни под каким видом не выпускать из соседней комнаты никого из гостей!

— Но что я скажу, если кто-то из них потребует, чтобы его выпустили?

— Не ведаю, святой отец. Знаю лишь одно: гнусный насильник и убийца находится среди них! Благословите меня на поиски истины, святой отец! Хоть я и не принадлежу к католической церкви, думаю, лишним это не будет!

Выйдя на монастырский двор, Тадеуш велел ключнику принести все имеющиеся у него ключи к зданию, служившему

обычно приютом для паломников. Сам он направился туда, стараясь не обращать внимания на угрюмые взгляды монахов-паулинов, кучками и поодиночке бродивших по дорожкам.

Подойдя к дому паломников, Тадеуш остановился и оглядел стены, прикидывая, где обычно коротают время охраняющие вход монахи. Ага, вот, кажется, такое место: сбоку от крыльца, в тихом закутке, спасающем от холодных ветров и летнего зноя! Здесь даже валун большой приспособлен — явно для отдыха.

Тадеуш подошел поближе, пристально рассматривая старую стену. Вот здесь, как раз неподалеку от валуна-скамейки, кирпичная кладка словно отполирована спинами караульщиков на уровне лопаток человека среднего роста. Он заметил и снял с одного из кирпичей длинную серую нить, опустил глаза и осмотрел землю.

Так и есть! На утоптанной земле две бороздки — словно от каблуков сползшего по стене человека!

Тадеуш прошелся по дорожке от крыльца до угла здания, затем осмотрел широкий газон, поросший молодой, пробивающейся к солнцу травой. Да, будь сейчас разгар лета — он мог бы и не различить слабые следы волочения тела, что вели за угол мощной крепостной стены, окружающей монастырь.

Эта стена еще в XVII веке защищала монастырь от набегов сначала гуситов, а позже и шведов. Стена была полой, с многочисленными ходами и внутренними лестницами, позволяющими защитникам крепости незаметно перебираться на наиболее опасные для штурма участки и оттуда обрушиваться на осаждающего противника. В нынешнее время эти ходы показывали только гостям Ясной Гуры, да и то не всегда: многие лестницы и внутренние перекрытия были источены временем и стали совсем ветхими. Потому и двери, открывающие доступ внутрь стены, велено было постоянно держать под замком, во избежание несчастных случаев.

К Тадеушу подошел наконец брат-ключник, сгибаясь под тяжестью полупудовой, не меньше, корзины с великим множеством ключей.

— Брат Теофил, гости вчера осматривали эту часть стены? — повернулся к нему Тадеуш.

— Да, но только снаружи. Меня попросили открыть одну из дверей, ведущих внутрь стены, но замки совсем заржавели, и два ключа сломались прямо у меня в руках, — закивал Теофил. — А третья дверь, во-от эта, оказалась и вовсе открытой: замок там вообще превратился в труху. Поэтому дверь была прижата большим камнем. Но никто из гостей не пожелал пачкать руки и ворочать камень, все прошли мимо...

Уже не слушая, Тадеуш направился к двери, подпертой камнем. Беглый осмотр показал, что камень ворочали совсем недавно и даже не удосужились вернуть в прежнее земляное «гнездо».

Тадеуш взялся за камень, поднапрягся... Нет, слишком тяжело для однорукого.

— А ну-ка, помоги! — крикнул он брату Теофилу.

Камень дрогнул, тяжело качнулся. Тадеуш ухватился за массивную дверную ручку, в душе надеясь, что древние гвозди не вылетят от рывка. Но нет — дверь со скрипом поддалась и отворилась.

Теофил вскрикнул: прямо за дверью, почти на пороге, виднелись чьи-то ноги в грубых монашеских башмаках. Тадеуш и ожидал увидеть примерно такую картину, поэтому промолчал. Пригнувшись, он шагнул за порог, во влажную затхлость. Присел на корточки, взял лежащее тело за плечи и с усилием придал ему сидячее положение.

Это был, как и предполагал Тадеуш, брат Симеон. Разумеется, мертвый...

Теофил, непрерывно крестясь, порывался бежать за помощью. Прикрикнув на ключника, Тадеуш заставил его помочь вытащить тело наружу, перевернуть лицом вниз. Ощупал спину трупа, затылок: так и есть: сначала беднягу с силой «приложили» спиной об стену с выступающими ребрами кирпичей, а потом, оглушенному, проломили чем-то голову.

Тадеуш огляделся: кусты бузины надежно прикрывали их возню с трупом, никто из монашеской братии их не видел.

— Давай-ка, брат Теофил, спрячем тело до времени обратно за дверь. Давай-давай, так надо! — прикрикнул Тадеуш. — Я пойду доложу о нашей находке отцу приору, а ты запрись у себя и пока никому ни слова! Понял? Поклянись Девой Марией!

По дороге к апартаментам предстоятеля Тадеуш зашел в мастерские монастыря и именем аббата велел двум дюжим кузнецам следовать за ним. Сделав крюк, он заскочил в свою келью и захватил корзинку с рубашкой, найденной в купальне.

За дверями в гостиную, где аббат Девэ продолжал удерживать возмущенных клириков, было шумно. На пороге замерли два дюжих монаха, и Тадеуш мысленно усмехнулся: видно, отец приор тоже страховался от возможных неприятностей. Он объявил стражам, что прибыл с докладом о выполнении поручения аббата и просит его выйти наружу.

Взъерошенный и красный аббат через минуту вышел, увлек Тадеуша в боковой притвор и буквально простонал:

— Ну, говори же, сын мой! Говори быстрее, ибо наши гости на грани бунта!

Калека поведал приору о страшной находке за дверью в крепостной стене, а также показал нижнюю рубашку, брошенную в камин купальни и только чудом не сгоревшую.

Аббат выслушал рассказ, взял в руки рубашку, рассмотрел вышитые у ворота буквы «S. J.» и инициалы владельца, взятые в кокетливый вышитый вензель.

— Проклятый иезуит! — вырвалось у приора.

Он несколько раз перекрестился и с отвращением бросил рубашку обратно в корзину.

— С полгода назад он вернулся из заморской испанской колонии в Америке, — словно размышляя вслух, произнес аббат. — Ходят упорные слухи, что орден отозвал его оттуда из-за того, что брат наш во Христе приобщился к пагубной привычке местных племен жевать листья какого-то кустарника. Сок, содержащийся в этих листьях, дикари используют

перед сражениями для придания воинам храбрости. Говорят, что злоупотребление этим соком может привести человека к совершению безумных поступков...

— И привело, — кивнул Тадеуш. — Если угодно, отец приор, я в любую минуту готов дать письменные показания.

Аббат машинально кивнул.

— Но, насколько я понимаю, они никому не потребуются, — позволил себе горько усмехнуться калека. — Самое большее, что грозит негодяю, это церковный суд его ордена. На насильника и убийцу наложат какое-нибудь «страшное» покаяние в виде тысячи молитв, потихоньку переведут в другой приход — тем дело и кончится...

— Мы поговорим об этом позже, Тадеуш! — раздосадованный аббат выпрямился, прищурился, глядя на собеседника. — Это не мирское дело, и не мирянину надлежит давать оценки поступкам отцов церкви!

— Прошу простить, отец приор. — Калека склонил перед аббатом голову. — Полагаю, что мои услуги вам сегодня больше не понадобятся...

— Да-да, конечно, Тадеуш, — кивнул Девэ, думая о чем-то своем. — Можете быть свободным и заниматься всем, чем вам угодно!

— Пользуясь случаем, я смиренно прошу у вас аудиенции и приватного разговора, отец приор! — вторично поклонился калека. — Разумеется, не сию минуту, а в тот день и час, который вы назначите.

— Хорошо, Тадеуш. К обеду, полагаю, мы распрощаемся с нашими гостями, а после вечерней службы я готов принять и выслушать тебя!

* * *

— Значит, вы настроены покинуть нашу обитель, господин Берг, — задумчиво произнес аббат Девэ. — Надеюсь, ваше решение никак не связано со страшным ночным происшествием и теми резкими словами, которые вырвались у меня в минуту раздражения?

— Я не могу поклясться в этом! — покачал головой собеседник. — Ваше очевидное намерение не придавать преступлению подобающей огласки убедило меня в том, что я в этой «стае» — все же чужая «птица».

— Полагаю, напоминать вам о том, что существует Суд Божий, который со временем воздаст всем грешникам по заслугам, бесполезно. И вы по-прежнему считаете, что миряне имеют право судить одного из столпов нашей церкви... И то обстоятельство, что по одной паршивой овце они будут судить обо всей пастве, вас ничуть не трогает. Что ж, видит Бог, как мне не хочется расставаться с вами, господин Берг, — признался предстоятель. — Скажу по совести, у меня еще не было столь квалифицированного хранителя библиотеки и столь интересного собеседника, как вы...

— Благодарю, отец приор...

— Не говоря уже о прочих ваших талантах и способностях, — чуть заметно усмехнулся аббат. — М-да... Но все птенцы, говоря образно, рано или поздно покидают свое гнездо — если вас не оскорбляет такое сравнение, господин Берг. Что ж, не смею удерживать вас и влиять на ваш выбор! С того момента, как вы попали в мой монастырь — а это случилось, если не ошибаюсь, осенью 1874 года, прошло почти 20 лет. Я помогу вам освоиться в мире, который вы покинули много лет назад и который забыл вас! Без сомнения, вы знаете, что я имею большие связи за пределами нашей обители. И регулярно навожу в миру всякие справки — в том числе и на ваш счет, господин Берг! Русский император, которого вы прогневали и который объявил вас во всероссийский розыск, давно уже почил в бозе. Его царственный наследник, Александр III, полагаю, знать не знает вашего имени. К тому же ходят слухи о тяжкой болезни императора и о том, что нынешний год ему не пережить*. Так что ему не до вас, господин Берг! Что же касается полицейского

* Император Александр III действительно скончался в ноябре 1894 года в Ливадии.

розыска, объявленного на вас 20 лет назад, то вряд ли его можно считать серьезным фактором...

— Смею надеяться, отец приор...

— Да, вы теперь уже не тот юный прапорщик, стройный и гибкий, как тростник...

— Вы забыли про главную примету, неизвестную тем, кто меня может искать, отец приор. С тех пор у меня стало на одну руку меньше...

— Да, и это тоже, — не обращая внимания на горькую иронию, прозвучавшую в словах собеседника, кивнул аббат. — Впрочем, вы и с одной рукой управляетесь так, как не каждый человек с двумя! Я видел, как вы вместе с братьями работаете лопатой в саду... Но чем же вы намерены заниматься, выйдя из монастырских стен? Куда направитесь? Если это не секрет, конечно...

— Я не знаю, отец приор, — пожал плечами Берг. — Меня тянет в Россию, и все...

— «И все»! — усмехнулся аббат. — Ваши батюшка с матушкой, насколько мне известно, покинули сей бренный мир несколько лет назад. После них осталось небольшое именьице, но предъявить на него права вы не можете, ибо тогда вам придется выйти из тени и отдаться властям. Не собираетесь ли вы в Японию, дорогой господин Берг? Признаюсь, что сведений о вашем японском друге я не имею, и даже не знаю, жив ли он...

— Я хотел бы вернуться в Россию, — упрямо повторил Берг. — Если ваша милость сочтет возможным дать мне рекомендации, может быть, я найду место в какой-нибудь частной библиотеке. Ну, а нет — поеду в Крым, поищу место управляющего в одном из тамошних многочисленных имений.

— Что ж... Раз вы тверды в своем намерении покинуть нас, открою вам несколько секретов. Во-первых, вы достаточно обеспеченный человек, господин Берг, — хотя и не знали об этом до сих пор!

— Вы не шутите, отец приор?

— Такими вещами не шутят. Итак, ваш японский друг Эномото, покидая Россию, оставил у меня для вас некую денежную сумму. Эти деньги, положенные мною в банк, за двадцать лет увеличились почти втрое и на сегодняшний день делают вас если не богатым, то весьма обеспеченным человеком! Во-вторых, я намерен выплатить вам жалованье хранителя нашей библиотеки, которую вы взялись приводить в порядок полтора десятка лет назад, добившись на этом поприще превосходных результатов...

— Не знаю, отец приор, смогу ли я принять от монастыря эти деньги...

— Надеюсь, вы не считаете, господин Берг, что таким образом я хочу купить ваше молчание относительно страшного преступления, совершенного одним из отцов нашей церкви нынешней ночью?! Наш орден, скажу вам откровенно, один из самых богатых в Европе и легко может себе позволить по достоинству вознаградить человека, много лет трудившегося на его благо! Ну, а что касается вашего молчания, то поверьте, господин Берг: в этих стенах вам не найти ни одного свидетеля, способного подтвердить ваши обвинения, кои таковые возникнут...

— Не сомневаюсь, отец приор...

— С рекомендациями, разумеется, проблем не возникнет. Более того, я имею возможность обеспечить вас документами на новое имя! И не спорьте! Мне кажется, это будет разумной предосторожностью на тот случай, если ваше настоящее имя в России еще не забыто.

— Вы предусмотрели буквально все, отец приор...

— Погодите, Берг, я еще не все сказал. Знаете, мне кажется, что желание прозябать где-нибудь в хранителях библиотек или управляющих поместьями вряд ли соответствует вашему живому уму и удивительным аналитическим способностям. И я, пожалуй, дам вам письмо к моему старинному петербургскому знакомцу. Весьма любопытный человек, даю слово, Берг! Если он проникнется к вам доверием, у вас начнется очень интересная и нужная людям и правительству жизнь!

— Вы начали говорить загадками, отец приор...

— Увы: это не моя тайна. Да и узнал я о втором увлечении господина Архипова случайно. Вычислил, как вы любите говорить. Но все, больше ни слова. Готовьтесь к выходу в большой мир, Берг! Если по совести, я даже завидую вам. Впрочем, у каждого из нас своя судьба, своя доля, свой крест...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Городовой четвертого года службы Перфильев, стуча жесткими сапогами, вынырнул из проулка, по-хозяйски прошелся вдоль ступеней вокзального дебаркадера, где дремали три извозчичьих клячи, а из-под пологов доносился дружный храп заскучавших без работы «ванек». В скудном свете далекого качающегося на ветру фонаря городовой разобрал номера, намалеванные на прибитых к основанию оглобель жестянках. Ага: нуль-четыре-двадцать-два! Свой человечек спит здесь, стало быть! Перфильев властно постучал по полости ножнами шашки:

— Хватит дрыхнуть! Эй! Царствие небесное проспишь!

— Но-но! Побалуй тут у меня! — спросонья заворчал из-под меховой полости «ванька», заворочался, выпрастывая голову. — Я вот тя счас ожгу кнутом, чтоб не баловал, уставших людев не беспокоил...

Высунув голову наружу и разглядев «баловника», извозчик тут же выбрался из-под полости целиком и поклонился:

— Кондратий Степанович, вот уж кого сто лет не видал! Доброго здоровьица, господин Перфильев!

— Ты мне зубы-то не заговаривай, «нуль-четыре-двадцать-два»! — с ходу рассердился городовой. — Ты пошто это, бедовая твоя душа, к тумбе посмел дохлятину свою привязать? * Али извощичий билет у тебя лишний?

* Согласно городским правилам, извозчикам запрещалось привязывать лошадей к каменным тумбам, расставленным вдоль большинства улиц Петербурга.

— Грешен, много грешен, батюшко Кондратий Степанович! — «ванька» торопливо сдернул с городской каменной тумбы веревочную вожжу. — Оно ведь как получилось, господин Перфильев: подковку поправлял! А чтобы кормилица моя не баловала — накинул на чуток, а потом и забыл! Задремавши, стало быть, Кондратий свет Степанович!

— Задр-р-ремал он, каналья! Вот сволоку сей минут в часть, да рапорт пр-р-едставлю! А потом погляжу, куды ты со своей дохлятиной напр-р-равишься! А ну-ка спиной повернись, сукин сын... Ага, так и знал! Номер под воротником кой-как да вкось пришит, так что цифирь и не различить!

— Батюшка, не погуби! — бухнулся на колени не на шутку перепугавшийся «ванька». — Дело-то известное, хозяин чуть свет со двора на промысел гонит! И возвертаться не велит, покуда двух с полтиною не привезу — так и спишь, как собака, не раздемшись. Вот оно и случается: пришьешь наскоро, во сне повернешься, а нитка-то возьми да и лопни! Вот те крест, батюшко Кондратий Степанович, счас прям побегу до съезжего двора, да все и исправлю, как следывает!

— И коляску перекрасить успеешь? — усмехнувшись, начал понемногу остывать городовой. — Ну-ка, скажи мне, горе луковое, каким цветом извощик екипаж свой красить должен, а?

— Известно, господин Перфильев: желтым, и никаким другим! Да только хозяин-то желтый цвет для економии вохрой разводить велит! Поправлю, ей-богу! Нынче же и поправлю!

— Поправит он! — проворчал городовой, шмыгая носом. — Пользуешься, негодяй, что из одной деревни мы с тобой, Пашка! Тут ходишь-ходишь, денно и нощно, прямо как собака, а ен заберется под полость и дрыхнет всю ночь! Гм... Слышь, Пашка, а погреться-то у тебя есть чем? Зябко под утро стало что-то!

— То исть как это нету чем хорошего человека уважить? — заблажил обрадованный Пашка, ныряя куда-то вглубь коляски и звякая стеклом бутылки. — Завсегда запасец держим-с!

— Тихо ты! — цыкнул городовой, опасливо озираясь по сторонам. — Я тебе не кто попало, а должностное лицо полицейского звания! Спятил, что ли: чтобы я на площади, на глазах у всех, чрез горлышко начал хлебать?! Давай-ка хоть до угла отъедь, там потемнее будет...

С тем на четверть часа городовой с извозчиком из-под фонаря и удалились, а потом и вернулись на биржу — городовой — изрядно повеселевший, гулко откашливался в густые усы, все еще хранящие запах терпкой «калганной», а «ванька» — слегка приунывший, поскольку у него-то на припрятанный «шкалик» были совсем другие планы!

— В обчем, гляди у меня, землячок хренов! — распрощался с Пашкой городовой. — Гм! А ты так без седоков и стоишь с вечера, что ли?

— А откель им взяться, седокам-то? — вздохнул «ванька». — Нонесь утром по расписанию только один варшавский и пришел поезд. «Первоклашек» всего трое-четверо было — их свои екипажи встречали. А которые третьим классом причапали — те до первых конок в зале да в буфете хоронятся. Берегут свои двоегривенные...

«Ванька» сплюнул с тоской, махнул кнутовищем, поклонился вслед благодетелю и, подумавши, полез было опять под полость досыпать до свету — да не получилось! Наблюдавший всю сцену воспитания «ваньки» пассажир из варшавского, из «третьеклассников», неслышно сбежал по ступеням дебаркадера и похлопал Пашку по плечу:

— Слышь, дядя, до Нескучного сада сколько возьмешь?

Тот обернулся, мгновенно обмерил-обшарил глазами нежданного седока. Росту пассажир был обыкновенного, только левый рукав пальтеца нерусского покроя зашпилен — убогий, стало быть. Говорит по-русски чисто, да только все равно из иноземцев, тут Пашку не проведешь! И саквояж у седока не из дешевых, кожа мягкая, замочки аккуратненькие.

— До Нескучного, барин, говоришь? Ежели русскими деньгами, то как раз полтинник, твое степенство! Ехать уж больно далеко, а оттель мне порожняком по утреннему времени придется вертаться. Из иностранцев будешь, что ли, твое степенство? Ладно, коли так, то и сорока копеек довольно будет...

«Убогий» громко рассмеялся:

— Это до Некучного-то далеко? Да тут же по проспекту пять минут твоей кляче доскакать! Пятнадцать копеек — божеская цена, дядя! — и полез в повозку.

— Стало быть, не иностранец! — вздохнул в бороденку Пашка. — Грамотный, язви его! Ладно, где наша не пропадала — пятачок за ожидание накинешь, ваш-бродь?

— Накину, накину! — продолжал смеяться «убогий». — Давай, поезжай!

У Нескучного седок выпрыгнул из коляски, отсыпал «ваньке» пригоршню мелких медных монет. Делая вид, что закуривает, дождался, когда извозчик исчезнет за углом, и только тогда пошел по адресу, который давно уже выучил наизусть.

Крутить звонок пришлось долго. Наконец дверь с треском распахнулась, и на пороге возник крупный бородатый мужик в полотняном фартуке и плисовых штанах, заправленных в короткие сапоги. Посетитель, оглядев мужика, надел сдернутую было шапку и спросил, дома ли хозяин.

Мужик в фартуке с любопытством оглядел раннего гостя, его пальто нерусского покроя и небольшой саквояж и кивнул, не двигаясь с места: дома, мол!

— Ну, поди, доложи тогда, что ли... Я к полковнику из Ченстохова приехал, из монастыря...

— От аббата Девэ? Ну, проходи, — посторонился мужик.

Заперев дверь за гостем, он протянул руку:

— Давай письмо, что стоишь? Я и есть полковник Архипов!

— Прощения просим, ваше высокоблагородие! — спохватился посетитель, доставая письмо. — Не признал сразу...

При этом саквояж, который гость попытался повесить на крючок протеза левой руки, сорвался и увесисто шлепнулся на мраморный пол.

Хозяин без церемоний поднял рукав пальто гостя, глянул на крючок и, повернувшись, махнул рукой с конвертом: иди за мной, мол!

Прошли через анфиладу комнат с мебелью, накрытой полотняными чехлами. В доме пахло пылью и каким-то неуловимым неуютом. Спустились по лестнице — уже не мраморной, но добротной, гранитной, и очутились в совершенно не ожиданной в таком респектабельном доме механической мастерской. Хозяин мотнул бородой на табурет, сам пристроился на другой и нетерпеливо вскрыл письмо. Посетитель с любопытством оглядывался по сторонам.

Такой мастерской не было даже в монастыре у паулинов. Вдоль одной из стен стояли в ряд несколько станков, соединенных ремнями с длинным валом, вращающимся под потолком. У другой стены вперемежку со шкафами стояли верстаки для столярных и слесарных работ. В углу, под обширной закопченной вытяжкой, в кузнечном горне пылал огонь. Углы мастерской были завалены множеством ящиков, шарманок, диковинных механических приспособлений и всевозможным железным хламом.

— Стало быть, отец приор Девэ помощничка мне прислал, — хмыкнул, дочитав письмо, хозяин. — Как же тебя называть прикажешь?

— По документам — меня уверили, что они подлинные, — я Миклош Ковач. Но мне не нравится это имя. И если сговоримся насчет места, прошу называть меня Агасфером.

— Как скажешь, господин хороший. Агасфер так Агасфер, — не выказал удивления полковник. — А Ковач, это как? Из мадьяров, по документам, стало быть, будешь?

— Из них самых, ваше высокоблагородие! — привстал и поклонился посетитель.

— Угу... А руку, как его высокопреподобие отписывает, ты *официально* с детства на механической молотилке потерял?

— Был грех, господин полковник. С мальчишками забавлялся и вот... попал!

— Грех, говоришь? А я вот не там грех зрю, человече! Аббат Девэ сроду никогда не врал — а тут, в письме, крутит! Пишет: «Сам, мол, все скажет — когда время придет». Руку-то покалеченную не желаешь показать, мил-человек? Она у тебя, выходит дело, два раза пострадала? Один раз в мальчишестве, а потом и в юности?

— Зачем вам моя рука-то? — насупился посетитель. — Ежели не желаете рекомендацию отца приора принять, так и скажите! Пойду другое место искать, ежели что...

— Ишь ты, какой быстрый! — усмехнулся хозяин. — Пойдет он другое место искать! Может, и пойдешь, да только не ранее, чем я тебя, мил-человек, разъясню! Дом-то у меня особый, можно сказать... Ну, так как, Агасфер? Не застесняешься старому солдату и рубаке руку свою покалеченную показать?

Тон у хозяина дома был самый что ни на есть веселый, даже игривый какой-то. Однако глаза смотрели недобро, вприщур. А ручищи, поросшие густым рыжим волосом, с широкими, словно садовые лопаты ладонями, не оставляли сомнения в том, что отставной полковник привык не только бумаги разбирать и холеную бородку в порядок приводить. В общем, скандал был раннему просителю совершенно ни к чему, и он, пожав плечами, расстегнул пальтецо, скинул его на табурет, задрал до плеча левый рукав то ли куртки, то ли полукафтана и привычным движением отстегнул крепления протеза. Помявши целой рукой культю, он вызывающе поднял ее чуть ли не до уровня глаз хозяина.

— Вот, извольте! Глядите!

— Ты на меня не обижайся, мил-человек! — примирительно забормотал хозяин, смачивая холщовую тряпицу какой-то остро пахнущей жидкостью из склянки с высоким горлышком. Тщательно протер тряпицей ручищи. — Не бойся и не стесняйся — я ведь, брат, и по медицинской части дока! А что предосторожности блюду — так не от скуки, а потому как дом у меня, как уже говорилось, особый. Хоть и один, не считая прислуги, в нем живу, а гости самые разные здесь бывают!

Не переставая бормотать, хозяин осторожно взял культю обеими руками, согнул-разогнул локтевой сустав, бережно прощупал концы обрубленных некогда локтевой и лучевой костей предплечья.

— Извини, мил-человек, за бдительность. Приводи себя в порядок и пошли-ка чайку с дороги попьем!

Хозяин быстро пересек мастерскую, бросил в пламя кузнечного горна ярко вспыхнувшую тряпицу, коей протирал руки, и дважды дернул сонетку со шнуром, уходящим в отверстие под потолком.

— Это я сигнал камердинеру подаю, чтобы на двоих накрывал, — пояснил он с усмешкой и кивнул на саквояж: — Весь твой багаж? Или остальное в вокзальной камере хранения оставил?

— Все здесь, — буркнул посетитель. — А сундук с книгами отец приор обещал прислать позже, когда устроюсь окончательно.

Архипов удивленно поднял брови, однако от комментариев воздержался. Скинув фартук, он повел гостя какими-то коридорами. На первый этаж поднялись уже по другой лестнице. Мимоходом хозяин остановился у застекленной наполовину двери, распахнул ее:

— Вот твое обиталище, господин Агасфер! Устраивает?

Комната была большой, светлой и почти пустой. Кровать, письменный стол с бюро, козетка с низким столиком, мраморный умывальник у двери, два шкапа вдоль стены. Через огромное французское окно, задернутое шторой, угадывался обширный балкон.

— Устраивает? — нетерпеливо повторил хозяин. — Ну, коли так, через тридцать минут жду в столовой. Обживайся пока, передохни с дороги-то!

Гость открыл было рот, чтобы спросить — раз «обживайся» — стало быть, место точно за ним? Но хозяин уже исчез, не удосужившись даже сказать — где искать эту столовую.

Агасфер прошелся по комнате, трогая сероватые чехлы на мебели, посидел на высоченной кровати — покачаться на ней, как в далеком детстве, не удалось: слишком она была обволакивающе уютна. Вспомнив о балконе, он с трудом выбрался из мягкого ложа, рванул балконные ручки — одна из них, не выдержав единоборства со стальным крюком в левой культяшке, с жалобным хрустом обломилась. Но тяжеленные балконные двери все-таки распахнулись, наполнив комнату влажным воздухом. Воздухом свободы!

Весь балкон был устлан ковром из листьев — и прошлогодних, и совсем уже почерневших, рассыпавшихся в мелкое крошево. Ступая по этому «ковру», Агасфер добрался до балюстрады — белоснежной, несомненно подновляемой каждый год, а то и несколько раз в год, сообразно с влажным петербургским климатом. Балкон выходил в небольшой сад, ограниченный серыми слепыми стенами окружающих домов.

Сад, когда-то ухоженный и уютный, ныне пребывал в запустении. Дорожек под листвой вперемешку с упавшими сучьями и даже целыми деревьями почти не было видно. Часть скамеек перевернута, часть поломана. Единственная натоптанная тропка вела откуда-то из-под балкона к дальней стене и заканчивалась перед глухой мощной калиткой в заборе. Черный ход?

Порыв ветра надул шторы, как паруса на корабле. Спохватившись, гость вернулся в комнату, прикрыл двери и присел на жалобно скрипнувшую козетку.

За два десятка лет, проведенных в монастыре, гость отвык от людского общества. Да, в монастыре шла своя жизнь, там тоже порой кипели страсти, были свои радости и огорчения... Однако крепкие стены Ясногурского монастыря, выдержавшие не одну осаду, даровали отрешение от суетного мира. Здесь, в Петербурге, таком знакомом и одновременно ставшим чужим, надо было заново привыкать к обществу людей...

Впрочем, надо ли? Может быть, покинув паулинов, он сделал ошибку?

И этот странный хозяин, отставной полковник Главного штаба... Еще в Ченстохове, затеяв разговор с отцом приором о своем желании покинуть монастырь и зная об обширных,

порой неожиданных связях аббата в миру, гость втайне надеялся на надежность и разносторонность этих связей. Однако особняк чудаковатого полковника-отставника оказался полной неожиданностью.

Новоявленный петербуржец не мог не признаться себе, что его коробит панибратское «тыканье». Ему «тыкали» и непритязательные попутчики по варшавскому поезду, а вот теперь и этот полковник. Подобное обращение, бывшее нормой в монастыре, возмущало донельзя за его пределами.

Однако пора было идти искать столовую. Подумав, Агасфер раскрыл саквояж, достал аккуратно сложенную белоснежную сорочку и свой самый лучший, «парадный» протез — протезами-то и был, в основном, наполнен дорожный сак. Самыми разными, на все случаи жизни, как говорится.

Протез являлся не только «парадным» по мастерству отделки и обтягивающей кисть коже тончайшей выделки. Паулины из монастырских мастерских сделали его многофункциональным подобием живой человеческой руки. Сложная система ремешков и стальных прутков-тяг, опутавших руку почти от предплечья, позволяла хоть и неуклюже, но держать в бесчувственных пальцах стакан, браться за край тарелки и даже передавать ее — во время обеда например... Или удерживать какой-нибудь круглый предмет вроде рукоятки трости... Все это требовало не только определенных движений верхней части руки, но и сгибания локтевого сустава, сжатия и растягивания невидимых под тканью рукавов пружин и гуттаперчевых лент...

Дорожных брюк гость менять не стал — надел только заранее начищенные полувоенные ботинки с крючками вместо шнурков — он давно уже приловчился застегивать и расстегивать их одной рукой довольно споро.

Несколько минут ушло на тренировку перед зеркалом: «парадным» протезом калека пользовался нечасто, а управление его механизмом требовало, как уже было сказано, определенных навыков. Посмеиваясь над своими усилиями казаться полноценным человеком, Агасфер, наконец, выбрался из комнаты и пошел на поиски столовой, полагаясь при этом не столько на интуицию, сколько на следы, оставленные кем-то на изрядно запыленном паркете.

Скоро стали слышны голоса — отрывистый командирский бас хозяина дома и почтительный тенорок прислуги. Между столовой и гостем оставалась лишь одна довольно массивная дверь. Приостановившись, гость поправил здоровой рукой зажатую мертвыми пальцами протеза книгу, в последний момент захваченную из комнаты, и, коротко постучав, отворил дверь.

Он ожидал чего угодно — только не этого! И хозяин, и камердинер, стоя на коленях, вдохновленно рылись в груде старых газет, сваленных посреди столовой.

— А-а, это ты, мил-человек! — как ни в чем не бывало улыбнулся сквозь бороду Архипов. — Проходи к столу, садись! Не обращай внимания на сей бедлам — как видишь, пользы от моего старого Кузьмы как от козла молока! Ну, чего стал столбом, дурень? — это было уже обращено к камердинеру. — Угощай гостя!

Камердинер, не сводя вытаращенных глаз с зажатой в мертвой руке гостя книги, разогнулся, попытался отряхнуть от пыли испачканные колени, улыбнулся и сделал приглашающий жест.

— Я сейчас закончу! — объявил хозяин. — Не люблю, знаешь ли, оставлять незаконченные дела, хоть и пустяшные! Кузьма, ты переложил, как тебе было велено, все приборы нашего гостя под правую руку? Вот и усаживай его, угощай! Называть его можно господин Агасфер!

Кузьма, явно предупрежденный о физическом изъяне хозяйского сотрапезника, по-прежнему с изумлением взирал на зажатую в его левой руке книгу. Услыхав библейское имя, он торопливо перекрестился, бросил на хозяина вопрошающий взгляд: а не шуткуешь ли ты, барин, со мной, старым? Где ж тут калека-то? Да еще с таким-то именем...

Проследив за взглядом слуги, Архипов, прищурясь, всмотрелся в заглавие книги.

— «Опыты» Мишеля Монтеня? Читал давеча сие, мил-человек, или просто в руку взял первую попавшуюся книгу? Кстати, можешь называть меня запросто Андреем Андреичем.

— Читал, и много раз, Андрей Андреич, — ответил гость. — В монастырской библиотеке это издание было в наличии, однако, признаться, отец приор не одобрял многих воззрений и наблюдений господина Монтеня и не любил, когда эту чрезвычайно полезную, по моему разумению, книгу брали для чтения его братья — монахи.

— Хм... Не знаю, как аббат, но я целиком и полностью разделяю убеждение в полезности писательских трудов господина Монтеня. И с удовольствием вернусь — позже, разумеется, в свое время — к приятной беседе на эту тему. Ага! — неожиданно вскрикнул хозяин, потрясая выуженной из кипы старых газет одной из них. — Ага! Вот и нужный мне номер!

Архипов, не обращая внимания на перепачканные пылью локти и колени, направился к столу, уселся и снова воззрился на книгу в руках гостя, словно пронизывая взглядом ее толстый переплет.

— Кажется, Монтень всегда был склонен преуменьшать истинную ценность принадлежащего ему. И, наоборот, — преувеличивать ценность всего чужого. Успешно справившись с каким-либо делом, он приписывал сие скорее удаче, нежели собственному мастерству или умению. А вот я, милостивый государь, в отличие от господина писателя, больше полагаюсь на собственные память и наблюдения! И вот результат! — полковник с торжеством потряс старой газетой. — Кузьма, пошел прочь! Мы тут с господином Агасфером сами вполне способны управиться с завтраком. Пошел, пошел, потом позову!

Хозяин заткнул за воротник салфетку, приподнял крышку судка, удовлетворенно кивнул головой.

— Завтрак в английском стиле: бекон, тосты, жареные яйца! Собственно, мой Кузьма и делать-то ничего более приличного не умеет! Нравится ли вам английский завтрак, господин Агасфер? — Хозяин неожиданно перешел на мадьярский язык, не сводя с гостя внимательных глаз.

Тот, ничего не поняв, лишь пожал плечами и улыбнулся, отметив про себя, что надо бы на досуге заняться еще одним языком.

– Ах, да, вы покинули Венгрию ребенком и не знаете родного языка!

— Я не совсем понимаю вас, господин полковник. Мой паспорт в полном порядке, и по документам я действительно Ковач, Миклош Ковач, с вашего позволения... И если моя просьба называть меня Агасфером кажется вам бестактной или чрезвычайной... Отец приор...

— Вы такой же венгр, как я американский индеец, — бесцеремонно прервал гостя хозяин. — Вы — русский. Скорее всего, обрусевший немец, хоть и прожили в польском монастыре, в окружении польских братьев-паулинов, два десятка лет. Я сразу заподозрил это, как только услышал ваше легкое грассирование. Хотите, продолжим игру в «угадайку»? Вы человек благородного происхождения и явно имели какое-то отношение к армейской службе. Это видно по невольным заученным телодвижениям при виде старшего офицера. Сейчас мы с вами попробуем проследить логику моих рассуждений и наблюдений — желаете?

— Что ж, любопытно, — слегка усмехнулся гость.

— Прекрасно! Я, знаете ли, хоть и живу этаким анахоретом, однако наблюдения за человеческой природой мне отнюдь не чужды. Аббат Девэ, кстати говоря, высоко оценивает ваши необычные аналитические способности!

— Он наверняка преувеличивает, ваше высокоблагородие...

— Вы скромны! Посмотрим, посмотрим! Начнем строить цепочку наших рассуждений. Итак, аббат рекомендует мне вас в качестве незаурядного и весьма способного помощника. Но в чем? И кого? Некоего мадьяра-подкидыша, без роду и племени, да к тому же еще, простите за прямоту, инвалида. Сразу напрашивается вопрос: кого именно Девэ хочет облагодетельствовать больше? Меня? Вас? Предположим, вас... Однако простите, господин Агасфер: аббат мог в гораздо большей степени облагодетельствовать вас, направив

куда-нибудь в теплую Италию или ту же Венгрию. Садовником — вы же, судя по письму, весьма преуспели на этом поприще в монастырских садах? А как насчет библиотеки Ватикана, разве вам не предлагали поехать туда?

— Допустим, предлагали. Но, простите, откуда...

— Это совершенно неважно! Пока важно то, что аббат отправляет вас ко мне — именно после того, как я оказал ему весьма существенную и... своеобразную, скажем так, услугу. Это сигнал своего рода. Сигнал о том, что, направив ко мне человека выдающегося, аббат полагает, что он со мной в расчете! Вот старый лис! Но откуда, откуда он мог пронюхать?!

— Если позволите, господин полковник... Признаться, я и сам несколько удивлен. Отпрашиваясь из монастыря, я имел в виду всего лишь место садовника, или, в крайнем случае, управляющего сельским поместьем, либо домом, поставленным на широкую ногу. И был крайне удивлен, узнав о решении отца приора отправить меня к отставному полковнику, увлекающемуся поисками и реставрацией всевозможных механических предметов старины.

— Так... Значит, пока мы мыслим в одном направлении! — удовлетворенно крякнул хозяин, отправляя в рот огромный кусок бекона. — Вы ешьте, ешьте, не стесняйтесь! Надеюсь, вашему пищеварению не помешает небольшая головоломка, которую я вам сейчас предложу?

Гость уже начал привыкать к неожиданным поворотам в беседе с экстравагантным хозяином дома и послушно кивнул.

— Некий падишах, затрудняясь в выборе наследника — падишахи, знаете ли, в восточных легендах всегда стараются облагодетельствовать подданных наиболее мудрым правителем, — приказал двум своим сыновьям устроить верблюжьи гонки. Оба были признанными мастерами в этом, с позволения сказать, виде спорта. Однако главное условие отца было несколько необычным: наследником он поклялся сделать того, чей любимый тренированный верблюд придет к финишу не первым, а последним. Халтурить и сдерживать верблюдов при сем запрещалось, заметьте! Сыновья пребывали в унынии, пока не получили совет некоего жалкого, но сообразительного дервиша. В восточных легендах дервиши всегда появляются вовремя, знаете ли. Итак, дервиш дал совет... И как только до братьев-соперников дошел смысл сказанного, они вскочили на верблюдов и изо всех сил погнали их к месту финиша. Что же посоветовал им дервиш, господин Агасфер? Как, по-вашему?

Гость тем временем, закрепив вилку в протезе, разрезал зажатым в правой руке ножом кусок бекона. Отправив кусочек в рот, он пожал плечами:

— Поскольку халтурить по условиям игры было нельзя, у сыновей падишаха не оставалось другого выхода, кроме как поменяться перед скачкой любимыми верблюдами.

— Черт побери! Признайтесь, что вы знали эту восточную загадку! — досадливо покрутил головой Архипов.

— Слово чести — нет! Просто решение сей задачи вытекало из самих условий падишаха, — улыбнулся гость. — Большинство ошибок в своих рассуждениях люди совершают, не заметив в предлагаемой им задачке скрытого условия.

— Действительно... Концентрация внимания — вот ключ к решению большинства задач! — тряхнул бородой полковник. — Ладно, оставим пока открытым вопрос о вашей национальности и прочие личные тайны. Место брокантёра, считайте, за вами!

— Простите?..

— Или, если угодно, моего личного старьевщика. Мне кажется, что слово «брокантёр» более благозвучно. Его даже можно поместить на визитную карточку, и оно не будет шокировать публику. Во Франции, если не ошибаюсь, так именуют любителей всяческого механического хлама и торговцев таковым. Эти люди рыщут по городам и весям, разыскивая старинные механические приспособления, или, если угодно, игрушки. Большей частью просто забавные, но иногда и полезные. Изделия старых талантливых мастеров довольно часто выходят из строя по людской небрежности или неумению с ними обращаться. И, сломавшись, «переселяются»

куда-нибудь в задние комнаты, потом в кладовые, или на чердак, а то и вовсе выбрасываются. А я, господин Агасфер, обожаю возиться с различными механизмами, разбираться в их устройстве либо хитрости обращения с ними. По большей части мне удается починить сломанные «игрушки», и каждая занимает свое почетное место в моем скромном музее. После завтрака я непременно вас туда сведу!

— И вы предлагаете мне, господин полковник...

— ...стать моим разъездным агентом, если вам не нравятся упомянутые наименования. Коммивояжером! Я регулярно помещаю в русских и европейских газетах объявления о скупке механических предметов старины, но, когда на них откликаются, не всегда имею возможность выехать в Германию или ту же Италию. К тому же неизвестно, в каком состоянии пребывает та или иная «игрушка», соответствует ли мой запрос ее ценности — ну и так далее. Надеюсь, вы, господин Агасфер, не будете возражать против поездок — в том числе и заграничных — с приличными прогонными, представительскими и так далее? Ну и, разумеется, я положу вам оклад жалованья... Устроит вас, скажем, жалованье квалифицированного мастера на Путиловском заводе? Ах, вы не в курсе — это 45–50 рублей в месяц. Плюс премиальные за особо ценные находки во время ваших командировочных вояжей. Квартирные и прочие домовые расходы не поминаю — во время вашего пребывания в нашей Северной столице это я беру на себя! Ну-с, что скажете?

— Это слишком щедро для человека, которого вы час назад еще не знали, господин полковник!

— Благодарите аббата Девэ за его рекомендации и ручательство. Ах, да! Он тут пишет, старый лис, что когда мы с вами сойдемся поближе — а он в этом, видите ли, не сомневается, то вы сможете открыть мне некие окутывающие вас тайны. Отчего наше с вами сотрудничество будет более полезным... Что ж, подождем, когда вы проникнитесь ко мне доверием... Ну а пока... Во время деловых поездок вы будете обеспечены суммами, достаточными для покупки интересных

для меня «игрушек». Ну а если стоимость раритета превысит эту сумму, вам достаточно будет дать мне телеграмму, и мы решим вопрос с ближайшим к месту вашего пребывания банком. Вот теперь все! Вы уже закончили с завтраком? Тогда милости прошу в мой музей!

Полковник сдернул заткнутую за ворот салфетку, провел ею по бороде и стремительно направился к выходу, нисколько не заботясь о том, поспевает ли за ним новый, только что принятый служащий.

Поднимаясь по маршевой поворотной лестнице, полковник Архипов несколько раз обернулся к поспешавшему за ним гостю:

— Разумеется, заграничные вояжи начнутся для вас не с завтрашнего дня, господин Агасфер! Полагаю, что после двадцатилетнего пребывания в монастыре вы, э.., несколько отвыкли от мирской суеты. Вам надо пожить в цивилизованном обществе, побродить по улицам, побывать в обычных магазинах, ресторациях, клубах, увеселительных заведениях, если на то пошло. Кстати, вы раньше бывали в Санкт-Петербурге? В Москве, в других крупных губернских и уездных городах? Не растеряетесь в толпе? Или где-нибудь на балу? Умеете ли вы, к примеру, танцевать?

— Приходилось мне живать и в Санкт-Петербурге, и в других крупных городах — как России, так и заграничных, господин полковник. Но вы бесконечно правы: адаптация после многолетнего пребывания в монашеской среде лишней не будет. Было время, когда я вращался и в великосветском обществе, общался даже с весьма высокопоставленными персонами — но нынче даже в воспоминаниях с трудом представляю себя там...

— М-да, задал мне аббат задачку! — буркнул сквозь бороду Архипов. — Что же вы, любопытно мне, натворили этакого в свое время?

— Не понял, господин полковник!

— Вот и я понять не могу. Впрочем, чужие тайны надобно уважать... Кстати, забыл упомянуть самое главное

условие, м-молодой человек! Молчание-с! Да-да, молчание! Здесь, в этом доме, вы будете встречать самых разных людей — многие из них весьма высокопоставленные особы! Да и скромные экспонаты моего музея представляют некоторый интерес... Ну, скажем так, для конкурентов по моим увлечениям. Так вот, я самым серьезнейшим образом рассчитываю на вашу преданность и скромность. Договорились?

— Договорились, господин полковник!

— И не удивляйтесь, что этот зал, единственный из всех помещений в моем доме, всегда заперт на замок. Здесь я храню не только свою коллекцию, но и ценные бумаги — преимущественно технического свойства. Чертежи, описание механизмов, секреты которых мне пришлось разгадывать долгими ночами — иногда неделями. Кроме того, некоторые экспонаты музея попросту смертельно опасны для непосвященного.

— Смертельно опасны?

— Вот именно! Видите ли, человеческий гений весьма разнообразен и разнонаправлен. Один гениальный механик создает механическое чудо для поражения человеческого воображения. А другой, выполняя заказ, изобретает настоящую машину для убийства... Впрочем, сейчас у вас будет возможность своими глазами увидеть все это...

Полковник снял с шеи ключ с замысловатой бородкой и, вставив его в замок, повернулся к Агасферу:

— Значит, аббат утверждает, что у вас чрезвычайно развито логическое мышление? Поглядим! — Архипов достал из кармана увесистое портмоне и, покопавшись в нем, положил себе на ладонь три монеты. — Как видите, у меня в руке золотой полуимпериал, серебряный рубль и медный пятак. Господин Агасфер, вы должны произнести сейчас словесное утверждение, которое окажется правдой — только в этом случае вы получите одну из этих монет в качестве, скажем, талисмана. Если ваше утверждение будет неправильным, вы не получите талисмана! Итак, что вы должны сказать, чтобы получить полуимпериал?

Гость, для которого очередная причуда хозяина оказалась совершенно неожиданной, на мгновение опешил. Поняв, что Архипов не шутит, он нахмурился, разглядывая монеты на широкой ладони.

— Итак, молодой человек, вы, я смотрю, в затруднении? — торжествуя, полковник раскрыл портмоне и приготовился ссыпать в него монеты.

— Погодите! — попросил Агасфер. — Наверное, так: вы ведь не собираетесь давать мне ни серебряную монету, ни пятака!

— Допустим. Но чем вы докажете, что ваше утверждение справедливо?

— Если мое предположение неверно, тогда, согласно логике, должно быть верным обратное: вы собираетесь дать мне либо серебряную, либо медную монету. Но это противоречит условиям вашей загадки: за ложное утверждение ничего не полагается, господин полковник. Значит, верно мое первое предположение.

— Черт бы вас побрал, господин из монастыря! — с восхищением уставился на собеседника хозяин. — Черт бы вас побрал! Вы потратили на решение этой древней греческой задачи лишь несколько мгновений! Признаться, в свое время я бился над ней около получаса!

Он протянул полуимпериал Агасферу:

— Просверлите дырку и носите на шее, как вечное напоминание о моей посрамленной гордыне! Итак, вперед, в таинственные закрома!

И полковник отворил перед гостем тяжелую дверь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Агасфер с любопытством перешагнул вслед за хозяином порог таинственной залы, о которой ему рассказывал еще аббат Девэ.

Помещение занимало, по-видимому, весь второй этаж особняка Архипова. Здесь, в отличие от комнат, переходов

и коридоров первого этажа, было удивительно чисто. Ни пылинки, все сверкало. Высокие французские окна вдоль трех стен были завешены тяжелыми плотными шторами с небольшими щелями, отчего в зале царил полумрак, который усиливали отходившие от стен перегородки разной длины — иногда совсем короткие, а иногда достигавшие в длину трети ширины залы. В основном, перегородки были совсем легкие, из некрашеного бамбука. Однако встречались и более массивные, из тяжелых плах, или вовсе каменные.

Поймав удивленный взгляд Агасфера, Архипов усмехнулся:

— Дивитесь чистоте и порядку, сударь? Ну, во-первых, сие помещение — храм, святыня своего рода. А кроме всего прочего, точные и тонкие механизмы, собранные здесь, не любят пыли и чрезмерной влажности. Раз в неделю приходится приводить сюда полдюжины поломоек и тратить по два часа, зорько следя за тщательностью их усилий. И главным образом, естественно, для того, чтобы разбитны́е молодые бабенки из любопытства либо по легкомыслию ничего тут не трогали и не крутили. Начнем с правой или левой руки, молодой человек? Ну, с левой так с левой...

И Архипов с видом заправского экскурсовода начал знакомить нового служащего со своей сокровищницей.

— Нашу экскурсию мы начнем с Британии. В XVIII веке Англия славилась замечательными учеными-механиками. Одним из них был Джеймс Кокс — искусный ювелир и изобретатель сложных механизмов. Расцвет его деятельности относится к 1760–1780 годам, когда он имел в Лондоне мастерскую и даже небольшой музей своих работ. В этом музее были выставлены всевозможные замысловатые часы (одни «с вечным заводом»), поющие механические птицы и дорогие игрушки с движущимися фигурами... Кстати, господин Ковач, самое известное произведение этого замечательного механика находится в России. К сожалению, не у меня...

— Вы говорите о чуде инженерной мысли этого механика, о часах «Павлин»?

— Да, знаменитые часы Кокса выставлены в одном из залов Эрмитажа. Я отдал бы любой из своих экспонатов за одну лишь возможность заглянуть внутрь этого чудесного механизма, — вздохнул Архипов. — Часы «Павлин» были куплены у английской герцогини Кингстонской, которая в 1777 году на собственном корабле с грузом художественных ценностей приплыла в Санкт-Петербург. Герцогиня щедро дарила свои сокровища Екатерине II, графу Григорию Потемкину-Таврическому и его секретарю Гарновскому. А знаете дальнейшую историю этого шедевра механики?

— Ну откуда же? — медленно, словно размышляя, покачал головой Агасфер.

— Часы попали к графу в разобранном виде. И, естественно, не работали. Множество колесиков и винтиков отсутствовало. Граф призвал на помощь знаменитого русского кудесника-механика Кулибина. И тот сумел без чертежей и описаний разобраться в сложнейшем механизме. Ну-с, молодой человек, а теперь прошу за мной в музыкальное отделение музея!

Архипов подвел Агасфера к обширному подиуму в углу зала. Здесь вдоль стены выстроились в ряд с полдюжины шарманок. А на полу и разновеликих подставках были выставлены фигурки балерин, клоунов, барабанщиков и органистов. Центром композиции был огромный, богато украшенный ящик, с одной стороны прикрытый складчатой тканью.

— Все эти музыкальные шкатулки, шарманки и двигающиеся игрушки, — широко провел рукой вокруг хозяин, — попали ко мне в крайне плачевном, нерабочем состоянии. И я горжусь тем, что смог их починить. Вот, к примеру, сложнейшее произведение неизвестного немецкого мастера — театр! Желаете полюбопытствовать?

— Не отказался бы...

Архипов приблизился к ящику, жестом фокусника извлек откуда-то снизу ручку, вставил ее в отверстие сбоку и принялся плавными движениями крутить, вслух считая обороты. Досчитав до двенадцати, он вынул ручку, спрятал ее на прежнее место и повернулся к Ковачу:

— Музыкальные шкатулки находятся в рабочем состоянии, однако в действии я демонстрирую их весьма редко. Дело в пружинах, в старых пружинах, господин Ковач! Этим игрушкам не менее семидесяти, а то и ста лет, а попадаются экземпляры и более почтенного возраста! И если реставрировать оси, колесики, металлические тяги мне удается сравнительно легко, то со старыми пружинами просто беда!

Архипов сокрушенно покачал головой.

— Должен вам признаться, молодой человек, что, имея некоторые способности по механической и даже ювелирной частям, без толковых помощников по слесарной части я все-таки обойтись не могу. Но ни я, ни они не являемся специалистами в области химии сплавов. И изготовить пружину, идентичную по своим свойствам древнему аналогу, мы, увы, не можем! Тут нужны либо природный гений Кулибина, либо профессорские знания в области металлургии. Короче говоря, в тех случаях, когда я самонадеянно менял сломанные старые пружины на новодельные, старинный механизм при испытании ломался! А вот этот механический театр — исключение из правил! Его главная заводная пружина, благодаря густой смазке, оказалась в идеальном, практически первозданном состоянии! Ну, а тяги и зубчатые колесики я восстановил. Так что театр восьмидесятилетней давности я могу продемонстрировать вам без всякой опаски! Итак, внимание!

Архипов двинул какой-то рычажок и поднес палец к губам, призывая гостя к вниманию и молчанию.

Заиграла музыка, передняя стенка ящика, представляющая занавес, медленно раздвинулась, и на сцене начали появляться фигурки балерин. Они сменяли друг друга, кружились, грациозно поднимали и опускали руки. И хотя Ковач видел, что движения фигурок были несколько резкими, какими-то угловатыми, и двигались они строго вдоль прорезывающих пол сцены пазов, его охватило детское чувство восторга, приобщения к чуду.

Через несколько минут музыка начала понемногу стихать, балерины развернулись раскрашенными лицами к зрителям,

сделали реверанс и замерли. Занавес плавно задернулся, и музыка смолкла окончательно.

— Просто поразительно! — улыбнулся Агасфер. — Я сразу вспомнил детство. Рождество, легкая метель, и сани, в которых отец везет меня делать визит в соседнее поместье. Там много детей, елка, вот такой же механический театр — ну, не совсем такой же, разумеется, — похожий! Но конец того спектакля был испорчен: кто-то из детей, расшалившись, бросил на сцену, где кружились балерины, елочную игрушку. Взрослые не успели помешать шалуну, несколько балерин, столкнувшись с препятствием, остановились, в ящике что-то звонко лопнуло... Последнее, что я помню: хозяин дома и отец того шалуна орут друг на друга, не обращая внимания на плачущих вокруг детей... В общем, праздник был испорчен!

— М-да, в механике, особенно тонкой, все как в жизни, — несколько туманно отозвался Архипов. — Ну, а мы с вами последуем дальше! Вот-с, рекомендую: тоже английское изделие середины прошлого столетия!

Он подвел Агасфера к роскошному палантину, в котором сидела не то королева, не то принцесса. Двое пажей, спереди и сзади, держали палантин за длинные ручки. Фигурки были выполнены в половину роста человека и искусно раскрашены. Только маленькие колесики, едва видневшиеся за каблуками слуг, выдавали их искусственное происхождение.

— Или вот, рекомендую: сундук-убийца! — Архипов широким жестом указал на ничуть не зловещий с виду предмет, покоящийся на некотором возвышении. — Имеет все внешние признаки обычного вместилища предметов либо вещей, обычно хранимых под замком, однако на самом деле фальшив от первого до последнего гвоздя! В него, пожалуй, и не спрячешь ничего: все внутреннее пространство занято системой рычагов с мощными пружинами. Можете осмотреть его со всех сторон, господин Ковач: самый обычный с виду сундук! Стоял себе в ряду прочих вместилищ злата и прочих сокровищ у какого-нибудь ростовщика либо восточного владыки и терпеливо поджидал простодушного взломщика.

Агасфер с любопытством обошел вокруг постамента, пытаясь представить себе проявление зловещей сущности «убийцы», и, наконец, вопросительно посмотрел на хозяина музея.

— Что есть сундук в обычном представлении? — продолжал тот. — Короб с крышкой. Выполнен из крепких досок, окован для прочности по углам и поверхностям металлом, не так ли? А тут все не так! Петли, соединяющие заднюю стенку с крышкой, — фальшивые! Задняя и боковые стенки соединены с крышкой скрытыми петлями. И вот, вообразите себя алчным злодеем, забравшимся в сокровищницу за поживой, Агасфер! Вы облюбовали этот сундук, склоняетесь над ним и пытаетесь вскрыть либо взломать обычный с виду замок, приводя в действие страшный механизм, посредством коего сундук-убийца выполняет свою миссию! Крышка с огромной силой и скоростью распахивается — на настоящих петлях, которые закреплены не на задней, а на передней стенке. Одновременно задняя и боковые стенки также вырываются из своих гнезд, превращаясь в продолжение крышки, удлиняя и расширяя ее. Крышка с силой бьет по тому месту, где находится в этот момент не ожидающий подобных «сюрпризов» взломщик, убивая либо, как минимум, калеча его.

— Мне привезли этот сундук из Бельгии, — помолчав, закончил рассказ Архипов. — Привезли уже в раскрытом, так сказать, сработавшем виде. После того, как сундук насмерть пришиб некоего молодого наследника известного ростовщика. Наследнику по каким-то причинам не была раскрыта страшная тайна. Сундук хотели было выбросить, а тут как раз мой агент в том городишке случился. Выкупил его за какие-то гроши, арендовал целую железнодорожную платформу да и отправил мне.

— Целую платформу? — удивился Агасфер.

— Да, ибо сей сундук имеет весьма обширное основание, к которому крепятся рычаги и пружины. Да вот, извольте! — полковник снял с ближайшей полки точную копию сундука в миниатюре и показал гостю. — Мне удалось восстановить механизм, поврежденный при извлечении его из подвала и

при перевозке, — только главную пружину я, знаете ли, значительно ослабил по вполне понятным соображениям. Дело в том, что иные посетители моего музея просят продемонстрировать сей сундук в действии. И после каждой такой демонстрации требуется ремонтировать экспонат, ибо крышка, распахиваясь и ударяя по каменному полу, «калечила саму себя». И вот, чтобы не обижать людей отказом демонстрировать зловещее предназначение сундука, пришлось изготовить сию миниатюрную копию.

Он протянул «игрушку» гостю:

— Хотите попробовать? Кстати, открыть сундучок вы вполне можете и своей левой... гм... рукой, боли отныне не чувствующей.

Агасфер пальцем протеза прикоснулся к защелке, исполняющей роль замка. Тут же раздался громкий щелчок, и крышка сундучка, раскрывшись, как и предсказывал Архипов, ощутимо ударила по протезу. Полковник подхватил едва не свалившуюся на пол «игрушку», сложил ее в первоначальное положение и отнес на полку. Затем, словно спохватившись, вытащил из кармашка часы, поглядел на циферблат и сокрушенно покачал головой:

— Совсем забыл, милостивый государь! Через два часа у меня назначена встреча, которую никак нельзя пропустить. Так что нашу экскурсию придется прервать — прошу прощения! Впрочем, общее представление о музее вы уже получили. Ну а ежели возникнет желание вернуться сюда и более внимательно осмотреться — милости прошу! А чем вы намерены заняться сегодня, господин Агасфер? — неожиданно спросил хозяин. — Простите за нескромность, но ведь вы уже у меня на службе!

— Чем прикажете, господин полковник...

— Та-ак... Чем прикажу... А вы что, действительно все двадцать лет безвылазно просидели в своей обители?

Агасфер пожал плечами: он вовсе не имел намерения рассказывать едва знакомому человеку, что «сидение» в монастыре паулинов вовсе не было похожим на тюремное заточение.

Несколько раз он сопровождал отца приора в его поездках в Варшаву, Берлин и даже в Ватикан, самостоятельно выполнял мелкие поручения монастырского начальства в Ченстохове и окрестных городишках.

— Ладно, в конце концов, это ваше личное дело, — не дождавшись ответа, проворчал Архипов, жестом приглашая гостя к выходу из музея. — Но мои вопросы, прошу понять правильно, продиктованы не дамским любопытством. Поставлю вопрос иначе: есть ли у вас в Петербурге основания ожидать неприятной для вас встречи с прошлым?

— Не думаю. Хотя и исключить такой вариант не могу, — признался Агасфер.

— Ага, уже «теплее»! — хмыкнул Архипов. — Тогда следующий вопрос: насколько изменилась ваша внешность за последние 20 лет? Вот, к примеру, бородка польского образца... Вы давно отдаете ей предпочтение?

— Двадцать лет назад у меня были шикарные «гвардейские» усы. Бородки не было...

— А волосы? Короткая стрижка — монастырская мода?

— Можно сказать и так... Но зачем вам это все, господин полковник?

— Зачем? Черт возьми, милостивый государь, я собираюсь обзавестись помощником вовсе не для того, чтобы через неделю-другую вы покинули меня, скрываясь от своего прошлого, которое неожиданно догнало вас!

Агасфер резко остановился:

— Уж не подозреваете ли вы, что я беглый каторжник, господин полковник?

— Ну-ну, успокойтесь, молодой человек! И не надо так сверкать глазами! Во-первых, я слишком хорошо знаю аббата Девэ, чтобы подозревать, что он способен на подобные «сюрпризы»! А во-вторых, попробуйте поставить себя на мое место. К вам является проситель — зрелый мужчина, с хорошим рекомендательным письмом. Весьма смышленый, образованный, однако по какой-то причине вынужденный скрываться за монастырскими стенами два десятка лет! Венгерский

мальчишка, взятый монахами из милости? Чушь собачья, сударь! Ваша левая рука попала в молотилку, как вы утверждаете, еще в мальчишеском возрасте. Допустим! Но где вы обретались до паулинов в течение восьми-десяти лет? В том же мадьярском поместье, где покалечились? Чушь, чушь! Кроме того, милостивый государь, я, как человек военный, знаю толк в ранах! Ваша рука отсечена острейшим режущим инструментом — саблей, мечом, топором — не знаю! Рана почти хирургическая: чтобы сформировать культю, доктор приложил немало сил и уменья, собирая по клочкам кожу и мышцы... И ваша образованность, наконец!

— Я был долгое время хранителем библиотеки, — напомнил с легкой улыбкой Агасфер.

— И снова чушь! — начал уже сердиться полковник. — Общение с книгами не принесло бы полуграмотному мадьярскому оборванцу и десятой доли того образования, которое получили вы! Совершенно ясно, что монастырская библиотека лишь расширила ваш кругозор...

Он запер за собой дверь музея, и, придерживая гостя за локоть здоровой руки, повел его к лестнице.

— Вы дворянин, милостивый государь! — доверительно сообщил Архипов свои наблюдения. — В конце концов, вы сами проговорились об этом, рассказывая о своих детских впечатлениях, об испорченном рождественском вечере! Не желаете поведать первому встречному о себе всей правды? Это ваше дело! Я ведь и не требую исповеди, не так ли? Будет время и желание — когда мы с вами познакомимся поближе — расскажете. Не захотите — воля ваша! Но минимум сведений о вас, согласитесь, я все же должен получить! Почему аббат прислал вас именно ко мне? Почему именно вас он посчитал полезным делу, которым я занимаюсь?

— О каком деле вы говорите, господин полковник? Об этих куклах, которые вы мне только что показали? О механических игрушках? Но для поиска экспонатов для вашего музея достаточно ловкого пройдошистого коммивояжера. При чем тут аналитические и прочие способности?

— Еще теплее!

— Я знаю о вас как своем нанимателе гораздо меньше, чем вы обо мне, — и это порождает массу вопросов! Позволительно ли мне будет поразмышлять вслух?

— Извольте! Поглядим, поглядим!

— Направляя меня к вам, отец приор вскользь упомянул о том, что вы — полковник-отставник Главного штаба русской армии. Один из высших чинов Генерал-квартирмейстерской службы его величества. Между тем, ни ваш возраст, ни цветущий вид, ни, стало быть, состояние вашего здоровья не позволяют предположить, что причиной вашей неожиданной отставки стала болезнь. Опала? Вы слишком умны, чтобы испортить себе путь к генеральским эполетам открытым противостоянием с чинами ближнего царского окружения. Можете ли вы сказать, почему оставили престижную и многообещающую военную карьеру и занялись «детскими игрушками» и «куклами»?

— Действительно, отчего бы? — пробормотал хозяин.

— Не отвечайте, господин полковник... Вы не можете... Ни один заговорщик не признается первому встречному в своей сути, — вздохнул гость.

— Заговорщик? — искренне расхохотался полковник. — У вас весьма странные представления о заговорщиках, господин Агасфер!

— Возможно, я неточно выразился, — замялся тот. — Прошу простить, если так. Но ведь и заговорщикам вовсе не обязательно злоумышлять против государя или государственных основ...

— Довольно, милостивый государь! — оборвал его полковник. — Довольно! Предлагаю на время объявить перемирие и перестать терзать друг друга трудными вопросами. Давайте пока оставим все так, как есть. Возможно, настанет минута, когда между нами возникнет доверие, которое позволит нам без утайки раскрыть друг другу свои тайны.

— Хорошо. Согласен, — Агасфер пожал протянутую руку. — Но на чем мы тогда остановимся нынче?

— На моем совете. Вполне дружеском. Если вы когда-либо жили в Петербурге и есть основания думать, что вас могут узнать — измените внешность! Отрастите, например, более длинную бородку. Закажите несколько комплектов верхней одежды, не похожей на ту, что когда-то носили. Откройте заново для себя Северную столицу, больше гуляйте по улицам — но избегайте, хотя бы первое время, мест, где вас могут помнить!

— Советы вполне разумные, — согласился гость.

— Хотите, на первое время я дам вам сопровождающего для прогулок по городу? — предложил полковник. — Это мой бывший адъютант, который подал в отставку вслед за мной. Правда, он несколько моложе вас, но вполне дружелюбен и доброжелателен. Он прекрасно знает Петербург и будет вашим гидом до тех пор, пока вам не надоест его опека.

— Спасибо, я подумаю...

— Дом — в вашем полном распоряжении... кроме музея. Хотите — можете помогать мне в моих мастерских. По мере сил, разумеется.

— Спасибо. А сад? Знаете, в монастыре я часто работал в саду. Мне нравится запах земли, нравится неспешная возня с деревьями и цветами...

— Да ради бога! Правда, сад несколько запущен...

— Это ничего! Тем интереснее будет поглядеть через несколько месяцев, что из всего этого получится...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Первую ночь в доме Архипова Агасфер проспал как убитый, и когда хозяйский камердинер, он же дворецкий Кузьма, подошел к двери его комнаты, чтобы позвать на завтрак, гость проснулся не с первого деликатного удара в дверь.

— Завтрак на столе, сударь! — воззвал из-за двери Кузьма и снова выдал короткую деликатную дробь костяшками пальцев.

— Да-да, сейчас! Сей момент! — Агасфер уже был на ногах и с некоторым удивлением оглядывал незнакомую обстановку, с трудом припоминая, как он здесь очутился.

Убедившись, что новый жилец проснулся, услышал зов и не намерен вновь зарываться в подушки, Кузьма ушоркал дальше по коридору.

Ополоснув лицо и руки, Агасфер быстро оделся во вчерашнее платье — белую сорочку и полурабочие брюки, — пристегнул протез и направился уже знакомыми коридорами в столовую.

К его удивлению, обеденный стол был свободен от еды и приборов и почти весь завален газетами, журналами и приложениями. То, что не поместилось на обеденном столе, аккуратными стопками было разложено на таком же обширном приставном. За столом сидели хозяин дома и незнакомый Агасферу молодой человек лет тридцати в цивильной одежде, с аккуратным пробором. Хозяин был облачен в необъятный синий халат с рукавами, по-рабочему закатанными чуть ли не до локтя.

— Доброго, доброго утра! — пророкотал Архипов, мельком взглянув на вошедшего и снова впиваясь взглядом в газетные колонки. — Небось, удивляетесь, молодой человек, что с утра на столе не английский завтрак, а бумага разных сортов? А между тем это старая моя традиция — начинать день не с натуральной, а с духовной пищи!

Пока Агасфер раздумывал над подходящим ответом, Архипов обратился к привставшему с поклоном молодому человеку:

— Кстати, знакомьтесь! Господин Миклош Ковач, он же Агасфер, мой новый служащий! А это мой старинный, несмотря на возраст, друг и ротмистр в отставке Владимир Терентьев! Некогда начальник рыцарей*, он оставил свой

* *Rittmeiser (нем.)* — начальник рыцарей — ротмистр, военный чин VIII класса в кавалерийских частях русской армии, соответствовал капитану сухопутных частей.

полк, прельстившись перспективой служить адъютантом при моей персоне! А когда мою персону «попросили» из Главного штаба, Владимир Семенович, представьте, тоже подал в отставку! Я был тронут, разумеется... Одного мне только жаль: я так и не сумел приохотить ротмистра к своим механическим «забавам»!

— Побойтесь Бога, Андрей Андреич! — по-свойски хмыкнул Терентьев. — Сколько я вам этих механических цацек нашел и в дом доставил! Вот и нынче — извольте-ка поглядеть! Два весьма перспективных объявленьица для вас в «Петербургском листке» откопал! А вы, господин полковник, едва их не пропустили!

— Ну, молодец, молодец, хвалю за зоркость — углядел! — проворчал полковник. — Да только это пока, извините, журавль в небе! А поедешь смотреть на сии «шедевры» — сплошь рухлядь и барахло несусветное! Что, мил-человек, не бывало такого?

— Ваша прихоть сродни старательскому искусству! Сами не раз говаривали, Андрей Андреич! Пока в грохоте* золотинка блеснет — сколько породы через него пропустить надобно!

— Поучите, поучите старого старателя, ротмистр! Вот сегодня с нашим новым сотрудником, с господином Агасфером, и извольте отправиться по сим адресам! И поглядим тогда, чего ваша интуиция стоит!

Из этого короткого диалога гость уразумел, что рабочий день полковник начинает с просмотра объявлений о продаже разного имущества, в изобилии печатавшихся в городских газетах**.

Чтобы не сидеть сложа руки, Агасфер взял с приставного стола стопку газет и принялся их просматривать. Полковник тут же заметил:

* *Грохот* — старательский инструмент для просеивания сыпучих материалов и разделения на фракции горных пород. В золотодобыче — для отделения золотого песка от пустой породы.

** Объявления в газетах того времени занимали до половины газетной площади.

— А вот в этих газетах подобных объявлений не сыскать, милостивый государь! Эти газеты финансирует и лично водит пером их сотрудников советник посольства Германии в России Гельмут фон Люциус! *

Агасфер недоуменно нахмурился:

— Открытый шпионаж? Но позвольте, если об этом знают, то отчего же господину Люциусу и иже с ним дозволяется столь нахально попирать российские законы? Отчего не прикрыть эту лавочку?

— Ха! Видал, Владимир Семенович? Люциусовскую лавочку прикрыть господин Агасфер желает! А на каком основании, скажите на милость, милостивый государь? Газета как газета, печатает различные материалы и корреспонденции, соответствующие вкусу и потребностям своих читателей... Тут хоть в лупу гляди — никаких военных тайн, могущих нанести ущерб нашей державе, не сыскать!

— Тогда отчего же...

— Шифр, милостивый государь! Без ключей к этому шифру, один из которых спрятан за семью замками у герра Люциуса, а другой хранится в Генеральном штабе в Берлине, немецкую разведку ни в чем невозможно обвинить! Один шпион собирает, допустим, засекреченные данные о перевооружении нашего военного флота — через писарей, чертежников, этнических немцев, работающих в десятках и даже сотнях филиалов вполне респектабельных фирм с громкими именами. Другой трудолюбиво несет добытое фон Люциусу. А тот встречается с корреспондентом, работающим в солидной газете и подготовившим, допустим, занимательную публикацию о развитии в России электротехнической

* Г. фон Люциус осуществлял в те годы общее руководство военным шпионажем Германии в России. Он занимался сбором военно-промышленной информации и курировал канал передачи важной стратегической информации практически открыто, через статьи, которые лично, пользуясь особым шифром, надиктовывал германским журналистам. Таким образом, под видом «невинных зарисовок о российской действительности» газета осведомляла свое руководство в Германии о самых секретных мероприятиях государства.

промышленности. Ничего секретного в той исходной статье нет, боже упаси! Но Люциус берет ее «на карандаш» и слегка перерабатывает. Меняет в определенных местах словосочетания, вставляет в текст кодовые слова, меняет знаки препинания — и возвращает статью автору. А тому и делать-то ничего не надо — только со всей тщательностью проследить, чтобы внесенная немцем правка сохранилась при выходе газеты в печать!

— Кажется, понимаю, — кивнул Агасфер. — А в германском Генеральном штабе, получив по подписке очередной номер русской газеты, применят имеющийся у разведчиков ключ к шифру, все легко прочтут и будут довольно потирать руки... Вы знаете, господин полковник, в монастырской библиотеке мне как-то попалась любопытная книга по истории криптологии. Вы, кстати, знаете, господа, что еще Аристотель увлекался этим делом? Любое шифрование производится, как известно, с помощью какого-то алгоритма, то бишь последовательности действий и набора определенных символов. Например, букв и цифр. Таким образом, расшифровать послание можно лишь двумя способами. Первый очевиден: нужны алгоритм и ключ! Но есть и целая наука, господа, противодействующая искусству криптографии! Это так называемый криптоанализ, с помощью которого можно раскрыть шифр или код без предварительного знания ключа и алгоритма! Это называется дешифрованием, и мне, господа, просто трудно представить, что Департамент русской полиции не имеет в своих штатах таких специалистов! Куда ж они смотрят?

Архипов и Терентьев переглянулись, и ротмистр со вздохом посмотрел на газетный лист, который держал в руках. Полковник откашлялся:

— По-моему, мы чрезмерно увлеклись не свойственным нам делом! Предлагаю сменить тему беседы — нас больше интересуют механические забавы, оставленные нам предками! Итак, вы, молодые люди, сегодня идете по следу, «нарытому» Владимиром Семеновичем! А заодно, я надеюсь, «начальник рыцарей» покажет нашему гостю адрес приличного портного

и поможет заказать несколько современного вида пиджаков и прочей одежды. Ну а вы, Агасфер, побродите по окрестностям с открытыми глазами: мир за последние 20 лет сильно изменился! Люди стали не только иначе одеваться — они и думать стали иначе! Обзавелись, знаете ли, новейшими достижениями технического прогресса... Вот, например, конка, господин Ковач! Вы знакомы с таким видом общественного транспорта? Нет? О-о, сколько же вам открытий предстоит сделать. — Архипов благодушно покачал головой и вдруг заорал так, что молодые люди невольно вздрогнули: — Кузьма! Где ты, бездельник? Убирай эти чертовы газеты и дай нам более удобоваримые для желудка вещи!

Кузьма, словно стоял за дверью в ожидании этой команды, тут же появился. Газеты с обеденного стола мигом перекочевали на приставной столик, снабженный колесиками, и исчезли за шторой где-то в боковом проходе.

Архипов за завтраком был весьма оживлен, беззлобно подшучивал над сотрапезниками. Агасфер то и дело ловил на себе любопытные взгляды Терентьева. В конце трапезы, когда мужчины встали и направились по своим комнатам переодеваться, Агасфер поймал за рукав тяжело сопящего Кузьму и, словно невзначай, поинтересовался, куда отправляются газеты после прочтения — уж не на растопку ли печей и каминов?

— Бог с вами, сударь! — Кузьма даже перекрестился. — Бог с вами! Только в библиотеку его высокоблагородия! А там уж оне сами их как-то сортируют, раскладывают по пачкам, переплетают, да и по полкам потом...

Уговорившись с Терентьевым выйти из дома во второй половине дня, первую Агасфер посвятил знакомству с особняком.

Изнутри дом оказался едва ли не больше, чем представлялось снаружи. Большие залы и маленькие комнатенки непонятного предназначения, переходы, лестницы, упирающиеся словно в никуда...

Сегодня в доме вовсю кипела работа: наступил «четверг», и целая ватага наемных поденщиков под водительством Кузьмы скребла, чистила, мыла все подряд. Выглянул Агасфер и в сад — но и тут чистили и выбивали ковры, длинные дорожки, диванные подушки.

Чтобы убить время, Агасфер собственноручно навел порядок на балконе — подмел старые листья, собрал ветки и мелкий хлам. И направился на поиски Архипова.

Он нашел полковника в его мастерских. В «чистке Авгиевых конюшен» хозяин участия не принимал. Уже без шикарного синего халата, в плисовых штанах, заправленных в короткие сапоги, и в тяжелом кожаном переднике, Архипов, бурча что-то под нос, налаживал привод небольшого токарного станка. Судя по всему, разговор с новым служащим не входил в планы полковника, и он недовольно обернулся на звук шагов.

— В этом доме существует строгий распорядок дня, милейший: каждому делу — свое время! Вы, как мне помнится, с ротмистром нынче должны в городе променад делать! Впрочем, вы тут человек новый, постепенно к порядку привыкнете, так что извиняйте за старческое бурчание. У вас есть ко мне какие-то вопросы?

Агасфер, чуть смущаясь, объяснился. Архипов отбросил какие-то железки и отполированный кожаный ремень и поднял брови домиком:

— Сколько, вы говорите? М-да... Откровенно говоря, впервые мне попадается помощник, который едва ли не богаче самого хозяина! Не будет ли нескромным поинтересоваться происхождением этаких деньжищ? Наследство? Но почему тогда «живьем», так сказать, а не в ценных бумагах, векселях, облигациях? Впрочем, можете не отвечать — вопрос явно бестактный. Простите...

Агасферу же его вопрос показался самым обычным. Он рассказал, что большую сумму «на оздоровление» в золотых монетах передал предстоятелю монастыря его друг — когда вынужден был оставить его смертельно раненым на попечение монахов. Щепетильный же аббат не счел возможным брать из этих денег ни гроша — тем более получив от этого

друга поистине царский подарок. Деньги «на оздоровление» были положены в банк на имя Агасфера — с тем, что если Бог даст ему поправиться и когда-нибудь покинуть монастырь, то он смог бы покинуть его не нищим. Кроме того, аббат Девэ счел необходимым определить Агасферу неплохое жалованье за работу по приведению в порядок библиотеки паулинов. И перед его уходом из Ченстохова передал ему тяжелый кошель с дукатами и почему-то наполеондорами*.

— И все это у вас в этом «сундуке»? Вы позволите? — Архипов перехватил ручку тяжелого саквояжа из здоровой руки Агасфера, прикинул на вес, уважительно вернул обратно. — М-да, молодой человек! С этаким грузом по улицам славного города Петербурга опасно ходить не только ночью, но и днем! И в доме оставлять его я бы не рискнул — мало ли! У меня, конечно, есть вместительный сейф германской работы, можете пользоваться, милости прошу! Или обустроить в доме свой личный тайник, даже не ставя меня в известность... Но лучше всего, поверьте, отнести это золото в банк! По крайней мере, бóльшую его долю. Правда, с вашим венгерским паспортом не всякий банкир, скажу вам откровенно, примет на себя такую ответственность... Впрочем, этот вопрос решаем! Если желаете, я тотчас же напишу письмецо наследникам своего старинного знакомца, барона Штиглица**. Его банкирский дом весьма надежен, и я там,

* *Дукат* — венгерская золотая монета весом 3,5 г, получившая широкое распространение в Европе. *Наполеондор* — французская золотая монета достоинством в 20 франков, чеканившаяся с 1803 года и имеющая хождение до сей поры.

** *Александр Штиглиц* — один из самых известных банкиров и предпринимателей Санкт-Петрбурга XIX века, был неоднократно избираем председателем Биржевого комитета, получил назначение председателя Коммерческого совета Министерства финансов. А его Коммерческий банк особым Указом Александра II получил статус Государственного. Любопытно, что, будучи вполне независимым человеком, чьи капиталы охотно принимались в самых разных странах, Штиглиц всегда отдавал предпочтение русским фондам. А на упреки в неосторожном доверии к русским капиталам всегда отвечал: «Я нажил свое состояние в России и готов потерять свою состоятельность вместе с ней!»

грешник, кое-какие деньги держу. Да и лишних вопросов, с учетом моего ручательства, задавать не станут. Так что, господин Агасфер, все складывается как нельзя более удачно: прогуляетесь, а Терентьев вас заодно в сей банкирский дом и препроводит! Скажу только, чтобы он второй револьвер взял...

Помолчав, Архипов взялся за написание рекомендательного письма, закончил его широким росчерком с кляксою и, помахивая бумагой в воздухе, чтобы просохли чернила, небрежно поинтересовался:

— Кстати, милостивый государь, а сами-то вы как к оружию относитесь? Не привили вам монахи к нему отвращения?

— Нет, — коротко ответил собеседник.

— Тогда могу презентовать вам кое-что из своего арсенала. Желаете?

— Не откажусь, господин полковник. Только, если можно, что-нибудь не слишком большое, чтобы не оттопыривало карманов...

В условленное время Агасфер и Терентьев встретились на широкой парадной лестнице. На отставном ротмистре был мундир темно-зеленого сукна и круглая шапка-«боярка» без козырька, с треугольными вырезами спереди и сзади. Кожаный пояс украшала кобура, а на лице вместо тонких подбритых щегольских усиков появились громадные растопыренные усищи.

С лица Агасфера исчезла щегольская бородка-«шкиперка» польского образца — бритва пощадила лишь тонкие усы. Поскольку переодеваться ему пока было не во что, он так и остался в длинном темном пальто с двойным воротником и множеством карманов и клапанов и сером котелке с широкими, загнутыми вверх полями.

Пряча улыбку, Терентьев представил новому знакомому маячившего по ту сторону лестницы швейцара:

— А вот, господин Агасфер, рекомендую: наш бессменный Трофим! Имеет, к сожалению, прескверное обыкновение

любопытствовать, стараясь оставаться при этом незамеченным! Трофим! Поди сюда! Это венгерский дворянин Миклош Ковач, гость и давний друг полковника!

Из-за лестницы тотчас же выскочил с поклоном человечек неопределенного возраста, маскируемого бородой, широкой и окладистой, как у архиерея. Мало того, борода была двухцветной: черной, как вороново крыло, по краям и совсем седой в срединной части. Волосы на голове, разделенные на неровный пробор, были у Трофима и вовсе неопределенного цвета, полуседые-полупегие.

Одет он был, как все городские швейцары: фуражка с золоченым околышем, длинное пальто с золотыми же галунами и брюки навыпуск, также украшенные узким золотым лампасом.

— Как же-с, как же-с! Много наслышан, господин Ковач! Ваш пачпорт вчера я имел честь в околоток носить, с целью положенной регистрации! Готов служить верою и правдою! Любое деликатное поручение — завсегда готов-с! И супруга наша, Катерина — очченно аккуратный человек по женской части. Постирать, платье почистить али отгладить — обернуться не успеете, как все будет сделано! А его высокоблагородие ротмистр Терентьев — известный шутник и насмешник, господин Ковач, хи-хи! Оттого и его намеки на мою незаметность, что имеют происхождение от всемерного старания никоим образом не мозолить господам глаза!

Все это было произнесено скороговоркой, с непрерывными поклонами, отчего шикарная борода Трофима разъезжалась по всей ширине груди.

Пока Агасфер лихорадочно соображал, что бы произнести подходящее к случаю, или вовсе промолчать, Трофим этаким незаметным манером очутился у него за спиной и невесть откуда взявшейся щеточкой принялся бережно обрабатывать плечи и рукава его пальто.

— Хор-рош материалец! — продолжал стрекотать Трофим. — Сразу видно: польских мастеров работы пальтецо! В Варшаве изволили заказывать, господин Ковач?

— В Варшаве, в Варшаве! — Терентьев без особых церемоний оттер швейцара в сторону, сунул ему двугривенный. — Ты нам извозчика лучше сыщи, да поскорее!

— Извозчика? Сей момент! — Трофим кинулся к парадным дверям, без усилия распахнул трехсаженную створку и, придерживая ее, принялся зорко озирать улицу в оба ее конца.

Через пару минут искомый извозчик уже осаживал лошаденку возле подъезда, бормоча: «Пожа! Пожалуйте, господа хорошие!» Терентьев, пропустив вперед гостя, легко запрыгнул в пролетку следом. Ткнул «ваньку» тростью в ватную спину:

— Эй, борода! Банкирское заведение господина Штиглица знаешь?

— Как не знать! — «Ванька» поскреб бороду, соображая, сколько спросить за недолгую, в общем-то, поездку.

Однако Терентьев не дал извозчику времени на размышления:

— Там подождать немного придется, а потом поедем к Циммерману, на Большую Морскую, где ждать уже не надо будет — так что три гривенника, борода! Давай, трогай!

— Три гривенника! — закряхтел «ванька». — Маловато, барин. Все так-то говорят — «немного, мол»! А зайдут, так и уснешь ожидаючи!

— Давай, давай, борода! Там поглядим!

Пролетка тронулась, оставив позади кланяющегося вслед Трофима и подскочившего дворника, на чьем лице было написано явное сожаление о том, что он не успел поприветствовать господ. Терентьев, поудобнее усаживаясь напротив Агасфера, хмыкнул:

— Имейте в виду, господин Агасфер: наш Трофим в Охранном, можно сказать, вторую службу несет! Если не первую... А вот дворник Серега — тот ничего! Тоже, конечно, обязан околоточному сообщать все интересные подробности о своих жильцах... Но, сами понимаете: одно дело из-под палки, по обязанности, а совсем другое — по велению души!

Трофим-то, прости, Господи, его душу, ежели чего и не заметит, так догадается. Или того хуже — придумает! Так что прошу иметь в виду услышанное.

— Зачем же держать при доме этакого Иуду? — вырвалось у Агасфера. — Ежели господин Архипов знает про его «теплую дружбу» с «охранкой»?!

— Борода уж больно красивая у Трофима, — усмехнулся Терентьев. — Просто знатная борода!.. Ну а ежели серьезно, то пусть служит на здоровье! По меньшей мере, знаешь, кто он и чем, как говорится, дышит. Можно ведь и не давать Иуде повода лишний раз в «охранку» с доносами бегать... А нового возьмешь — опять-таки долго присматриваться к человечку надобно. Да и один черт, завербуют: «охранке» в таком доме, как у господина полковника, все равно глаз да глаз нужен! Несмотря на то, что у нашего полковника сам директор Департамента полиции часто с дружескими визитами бывает. Да вы плюньте, господин Агасфер! Вам-то какая печаль? Не социалист, поди, не революционер... Лучше отмечайте перемены, какие в нашей Северной столице за два десятка лет произошли! Смотрите, к примеру, — сие есть конка!

Терентьев указал глазами на огромное нелепое сооружение темно-синего цвета, влекомое по рельсам двумя лошадьми.

Сооружение было необычайно похоже на железнодорожный вагон, на крыше которого высилась открытая площадка, огороженная решеткой в половину роста среднего человека — так называемый «империал». И в верхней, и в нижней части вагона виднелись узкие поперечные скамейки, однако многие пассажиры, коим не хватило на них места, стояли в проходах, вцепившись руками кто в свисающие ременные петли, кто в огораживающую империал решетку с призывной надписью: «Пейте коньяк Шустова!»

На передней площадке царствовал кучер, разгонявший зазевавшихся пешеходов и встречных извозчиков отчаянным звоном колокола. Время от времени он принимался вертеть тормозное колесо, отчего все сооружение с грохотом и дребезжанием останавливалось. Тогда часть пассажиров

покидали вагон через заднюю площадку, а их места тут же занимали новые.

Впрочем, положенной остановки дожидались не все: иные прохожие мелкой рысью догоняли вагон и запрыгивали на площадку на ходу и точно так же покидали конку в нужных им местах. На увещевания вагоновожатого, снующего по вагону и «империалу» с большой кожаной сумкой через плечо, внимание, как показалось Агасферу, мало кто обращал.

В банкирском заведении Штиглица все устроилось быстро и без особых хлопот — то ли благодаря стилю работы наследников знаменитого банкира, то ли письму полковника Архипова. Управляющий тут же предложил Агасферу два варианта сохранения сбережений: депозитное беспроцентное хранение в банковской ячейке, либо выдачу банковских векселей на сумму вклада. Оставив себе несколько дукатов «на счастье», а также небольшую сумму денег в рублях, Агасфер выбрал второе. Никаких вопросов ему задано не было.

Задремавший на козлах «ванька» был без церемоний растолкан и направлен к портному Циммерману, державшему мастерскую в четырех кварталах от банка.

По дороге Терентьев показывал Агасферу изменившуюся за два десятилетия Северную столицу, дома, появившиеся на ее центральных улицах за последние годы, обращал его внимание на особенности покроя мужской и женской моды. Не доезжая до заведения портного Циммермана пару кварталов, он предложил отпустить извозчика и немного прогуляться.

Несмотря на начало дня, улицы были полны самой разнообразной публикой. Торопливо или вразвалочку, в зависимости от чина, шагали чиновники различных ведомств — каждый в мундире положенного ему цвета, фасона и покроя. Пританцовывая, легко скользили по самым краям тротуаров приказчики и рассыльные. Деловито шагали в своей темно-синей униформе почтальоны с огромными сумками.

Однако больше всего на улицах было офицеров. От разноцветья их мундиров и блеска начищенных пуговиц, кокард и погон буквально слепило глаза. Наиболее яркой форма была

у офицеров-гвардейцев — к тому же для большего шика многие из кавалеристов опускали шашки ниже колена, отчего на улицах стоял звон металла о камень.

У дверей портновского заведения Терентьев придержал Агасфера за локоть:

— Позвольте мне, несмотря на краткость нашего знакомства, дать вам совет... Если вы не сочтете это за дерзость, разумеется.

— Хорошие советы никогда не бывают лишними, Владимир Семенович. Слушаю вас, и готов им следовать!

— Гм, да... Но прежде один предварительный вопрос: если я ошибаюсь в своих предположениях, то совет будет несколько иного рода.

— Стало быть, ответ вам требуется искренний, и в моих же интересах? — Агасфер в упор поглядел на сросшиеся у переносья светлые брови Тереньтьева.

— Был бы вам за это чрезвычайно признателен!

— Итак?

— Господин Агасфер, вы ведь в прошлом офицер? Русский офицер?

— Гм... А позвольте, в свою очередь, поинтересоваться: с чего бы такой вывод?

— Чувствуется офицерская косточка! Манера держаться, походка... Вот вы левой рукой, перед тем как в экипаж забраться, особый жест делаете — как будто саблю придерживаете! И еще: я совсем не случайно предложил вам сойти с извозчика за два квартала до портного и прогуляться. Извините, я внимательно наблюдал за вами, пытаясь одновременно отвлечь вас разговорами на сторонние темы. И вы знаете, господин Агасфер, что я заметил? У вас типично офицерский, «набитый» взгляд! Вы не упускаете из виду всех встречных офицеров, и при виде старших невольно ровняете шаг, подтягиваетесь, расправляетесь плечи — однако тут же, вспоминая о своем нынешнем гражданском статусе, спохватываетесь и ваша походка становится... ну, более развязной, что ли... Я не прав? Лезу не в свои дела?

— А вы очень наблюдательны, господин Терентьев, — вздохнул Агасфер. — Наблюдательны и... настойчивы. Но скажите-ка на милость, вам-то какая разница? Был я офицером, не был... Это мое прошлое, понимаете — МОЁ! И я не обязан — вы только не обижайтесь, ради бога — раскрывать свое прошлое, свою душу перед первым, извините, встречным! Ну серьезно, господин Терентьев, мы ведь с вами в окопах не сидели, одной шинелишкой не укрывались, в атаки не ходили. Один день только и знакомы. Поверьте, жизнь человеческая — не оперетка, тут все серьезнее! И мое прошлое оставило мне много не слишком радостных воспоминаний! Может быть, когда-нибудь я и поделюсь ими с близким мне человеком. Но не сегодня... Кстати: я гляжу, у вас так и вертится на языке вопрос о моем необычном библейском прозвище. Прошу, Владимир Семенович, не задавайте этого вопроса, потерпите! Уж ежели оно совсем ухо режет — паспорт-то у меня мадьярский, соответственно и обращайтесь!

— Это вы меня простите, господин Агасфер! Простите и поймите: мной движет даже не любопытство. Единственное, к чему я затеял этот разговор — хотел предложить вам вместе со статским платьем заказать у Циммермана и военный мундир! Пользуйтесь случаем, черт возьми, — за счет полковника! Он ведь официально мне о сем перед выходом заявил-с.

— Мундир? Но для чего он мне?

— Ну, во-первых, как мне кажется, вам в нем будет удобнее. Во-вторых — да вы оглянитесь по сторонам, друг мой! На улицах Петербурга — сплошные мундиры! А в статском модном платье ходят разве что господа социалисты! Ну, я не имею в виду, разумеется, рабочий люд и приказчиков в их поддевках, а также посыльных! Но в военном мундире вы сольетесь со всей этой многоликой толпой! Не будете от нее отличаться!

— А почему я не должен отличаться от толпы, господин Терентьев?

— Потому что такова специфика службы у господина полковника Архипова! — вырвалось у Терентьева.

— Не понимаю. Решительно не понимаю! — затряс головой Агасфер. — Почему служащий частного лица, коммивояжер, по сути дела, должен быть замаскирован?

— Еще раз простите, это уже не мой секрет, господин Агасфер. Единственное, что могу сказать — полковник некоторое время будет присматриваться к вам. Определять вашу пригодность и ваши способности к более серьезным делам, нежели розыски механических игрушек старых мастеров. А сейчас... Сейчас давайте забудем наш разговор! До поры до времени... Прошу вас! — И Терентьев распахнул перед спутником дверь портновской мастерской с глухо брякнувшим колокольчиком.

Помедлив, Агасфер шагнул в помещение, где бегали, дрались и самозабвенно играли не менее десятка «разнокалиберных» портновских детей. Царствовал над всем этим бедламом, усевшись по-татарски на обширном столе, заваленном кусками материи, старый еврей в ермолке. При виде посетителей ребятня мгновенно смолкла, а после грозного отцовского окрика порскнула за шторы.

Портной тоже довольно-таки проворно для своего возраста соскользнул со стола, сбросил с двух ближайших кресел куски материи и полуготовые изделия, прошитые белыми нитками, и разразился бойким местечковым речитативом, приветствуя гостей.

Послушав его минуты три, Терентьев властно поднял руку:

— Соломон, тебя и за полдня не переслушаешь. А ведь мы к тебе по делу. Вот этого молодого человека надо одеть по последней парижской моде. Имей в виду, это дальний родственник хорошо известного тебе господина полковника Архипова. Поэтому ты уж, братец, расстарайся.

Соломон Циммерман всплеснул руками: царица небесная, дева Мария! Да для господина полковника все что угодно! Господин желает заказать летнее платье? Межсезонное? На всякие жизненные ситуации? Тогда вы пришли в правильное место, достопочтимые господа офицеры!

В мастерской поднялась невиданная суета. Откуда-то из подсобок появились двое подмастерьев, увешанные матерчатыми метрами. Агасфера почтительно поставили на низкую скамеечку и принялись хлопотать вокруг.

Узнав, что своего материала свалившиеся на голову клиенты не принесли, Циммерман возликовал еще больше. Один из подмастерьев был немедленно послан в соседний магазин за последними образцами самых наимоднейших расцветок и самого высокого качества.

Суета усилилась, когда из магазина прибыли посланцы с несколькими образцами тканей. Образцы Циммерманом были немедленно забракованы, высмеяны, а приказчики отправлены обратно со строжайшим наказом принести самое лучшее из последнего привоза.

Через полтора часа Терентьев и Агасфер покидали мастерскую, провожаемые бесконечными благословениями и пожеланиями счастья и благополучия как циммермановского семейства, так и прибежавшего на шум соседа-галантерейщика. Вид у Агасфера был несколько усталым — будто он вскопал пару-тройку десятин земли в монастырских садах. Терентьев же, посмеиваясь, предложил выбор: либо тотчас же взять извозчика и ехать по намеченным утром объявлениям о продаже «хитроумных старинных механических изделий», либо сначала отобедать в ближайшей приличной ресторации.

— Впрочем, давайте-ка пока у почты притормозим, — вдруг предложил бывший ротмистр. — Совсем забыл, что долги время от времени возвращать надо. А «литовские кредиторы» — люди серьезные и злопамятные. Никак нельзя про них забывать!

— Литовские кредиторы? — удивился Агасфер. — Про евреев-заимодавцев слышал, про скопцов, которые в долг под зверские проценты дают, знаю. А вот про литовских — ей-богу, не слыхал. Впрочем, 20 лет отсутствия в Петербурге — срок немалый. Очень многое, конечно, тут изменилось.

— Не слыхали? Ну, и слава богу, что не слыхали! — Терентьев закусил губу, словно проговорился о чем-то запретном, и, хлопнув извозчика по ватному плечу, выскочил из экипажа.

В почтовую контору он сходил один и вернулся довольно быстро.

— Ну-с, теперь и желудочные потребности удовлетворить надобно! — бодро заметил он. — Эй, борода, где тут ближайшее приличное заведение?

Таковым оказался один из ресторанов Палкина, однако, когда извозчик стал притормаживать лошаденку перед огромными застекленными дверями, Агасфер, оглядывая толпу у входа, засомневался:

— Может, еще куда поедем, Владимир Семенович? Народу-то сколько! Пока достоимся, и ужинать пора настанет...

— А это очень даже хорошо, что народ стоит и дверь закрыта! — жизнерадостно воскликнул Терентьев, легко перемахивая через край экипажа и приглашая следовать за ним. — Сейчас мы с вами проведем эксперимент, который может вам показаться несколько обидным, но в целом окажется поучительным! Пойдемте, пойдемте, милостивый государь!

Терентьев легко оттер плечами клубившихся перед запертой дверью молодых и не очень людей в модных визитках и смокингах, с непременными тросточками в руках, и властно постучал перстнем в зеркальное стекло, за которым маячила спина швейцара. Тот, не оборачиваясь, только отмахнулся: недосуг, мол... Терентьев, постучав громче, ловко укрылся за спинами прочих желающих попасть к «Палкину».

Швейцар, насупив брови, наконец-то соизволил обернуться, вычислил набитым взором стоявшего у самых дверей Агасфера и укоризненно покачал головой. Приблизив заросший густыми усами и бородой рот к щелке в двери, он выговорил:

— Нешто неграмотным будете, господин хороший? — и указал рукой на массивную табличку, закрепленную на одной створке двери:

К сожалению, вход в ресторацию — только по предварительной записи!

Не успел Агасфер и рта раскрыть, как вперед выступил Терентьев.

— Ты что же это, братец, совсем ума лишился?! Ты перед кем, насекомое, дверь запираешь?! — Он подкрутил свои «зверские усы» и шарахнул носком сапога по двери так, что она жалобно тренькнула.

Испуганный швейцар уже снимал с дверей цепочку:

— Извините, ваше благородие! Не узнамши... А вы все назад осадите! Назад! Его высокоблагородие господин ротмистр третьего дня записаться на обед изволили!

Стягивая перчатки, Терентьев продолжал допрашивать съежившегося швейцара:

— Хамье! Кто из мэтров сегодня работает? Василий? Позвать!

А метрдотель уже спешил навстречу, делая приглашающие жесты.

— Давненько, давненько честь не оказывали, ваше высокоблагородие! Я как раз намедни вспоминал: что-то позабыл нас господин ротмистр Терентьев! И своих пытал: никак его высокоблагородие обиделся на кого-то за неуслужливость? В общей зале изволите столик выбрать али кабинетик освободить для вашего высокоблагородия?

— Некогда нам сегодня по твоим клоповникам рассиживаться, Василий! Прикажи где-нибудь в приятном уголке столик накрыть, да стулья лишние убрать!

— Сей момент! — метрдотель словно растворился в воздухе. И тут же рядом появился официант, с почтительным поклоном указывающий на уютный столик в углу.

— Господам там будет удобно! — шепнул он.

Хрустя крахмалом, над столом взметнулась свежая скатерть, на ней мгновенно появились шандал с двумя свечами, приборы, изящно завернутые в такие же накрахмаленные салфетки. Метрдотель Василий с толстой, красного сафьяна, папкой меню в руках, подобострастно осведомился:

— Чем угощать прикажете? Волжская рыбка имеется, пулярки нынче у повара необычайной вкусноты и нежности...

Терентьев протестующе поднял руку, сделал скромный заказ и в упор поглядел на спутника, отрешенно глядевшего куда-то в угол.

— Простите за наглядность, господин Агасфер! Никак не желая произвести на вас впечатление своим нахальством завсегдатая, я все же, как мне кажется, сумел убедить вас в том, кто является истинными хозяевами Петербурга. Сумел? Вспомните толпу светских бездельников у входа, вспомните отношение к ним здешней обслуги... К сожалению, не сумел продемонстрировать вам — это случится через пару-тройку часов, в сумерки — как многочисленные агенты «Охранного отделения», которыми заполнен город, будут провожать каждого из этих франтов подозрительными взглядами, многих возьмут на заметку, а кое-кого и вовсе сволокут в участок на предмет выявления лояльности к властям предержащим... И совсем другое дело — офицеры! Опора трона! Санкт-Петербург, господин Агасфер, — город чиновников и офицеров! Причем офицерам отдается предпочтение — пока чиновники решают свои и государевы вопросы в своих многочисленных присутствиях под сенью пальм и сикомор!

— Намек ваш понял! — усмехнулся Агасфер. — Но позвольте все же возразить! Все-таки разница чувствуется — достопочтенный мадьярский подданный с настоящими документами — и фигляр, щеголяющий в мундире, который достойные люди зарабатывают кровью и беззаветным служением престолу!

— Сомневаетесь насчет подлинности отпускных билетов?* Напрасно! У Андрея Андреевича Архипова прекрасные связи в большинстве штабов! Это не проблема!

— А к чему бы полковнику Главного штаба плодить самозванцев?

* Запасно-отпускные билеты выдавались всем офицерам русской армии, увольняемым в запас. Других документов от офицеров, даже в случае их проверок, не требовалось.

Терентьев шутливо поднял руки, как бы сдаваясь и одновременно показывая, что вопрос не относится к его компетенции.

— Давайте все-таки перекусим. Нам еще предстоит поход за предметами старины по выбранным объявлениям. Впрочем, я сомневаюсь в успехе нашей нынешней экспедиции. Скорее уж, разведка боем. Настоящие раритеты фигурируют в газетных объявлениях достаточно редко.

— Зачем же мы идем?

— Кто знает, господин Агасфер? Кто знает...

— Потеряем время, получим нагоняй от господина полковника.

— Насчет нагоняя не беспокойтесь! — успокоил Терентьев. — Андрей Андреевич прекрасно знает статистику удачных поисков.

— Между тем в разделе объявлений «Петербургского листка», на который мне удалось взглянуть, попадались и более перспективные объявления, нежели выбранные вами, господин ротмистр! Впрочем, я дилетант в вопросах старины и вполне могу ошибиться...

— Вот как? И что же вам запомнилось?

— Мне показались более привлекательными объявления на второй странице, в левом верхнем углу. Ну, которые начинались практически одинаково: «С грустью извещая всех заинтересованных лиц о скоропостижной кончине любимой тетушки, наследники назначают распродажу дивной (во втором случае — бесценной) коллекции предметов старины...» Или вот, на четвертой странице: предпоследнее в крайнем левом столбце...

Терентьев недоверчиво поглядел на собеседника:

— Насколько мне помнится, вы держали тот номер газеты в руках не более двух минут. И хотите сказать, что запомнили эти объявления?!

— Почему же только эти? — усмехнулся Агасфер. — Я, кажется, рассказывал вам, как и полковнику, что за много лет напряженных трудов в монастырской библиотеке, благодаря

усиленной тренировке и особой методе запоминания, выработал необычный навык чтения. Этот навык, впервые упомянутый швейцарским лингвистом Гершелем, позволяет охватывать зрением не отдельные слова или даже абзацы, а весь текст, помещенный на странице...

— Погодите... Вы хотите сказать, что, просмотрев несколько листов незнакомой вам книги или газеты, вы в состоянии все это запомнить?..

— Не хочу бахвалиться, Владимир Семенович, но не несколько листов, а две-три главы. Причем на любом из знакомых мне европейских языков. Запомнить и дословно воспроизвести...

— Простите, но верится с трудом... Вы позволите небольшую проверку? Эй, человек, принеси-ка сюда быстренько любую сегодняшнюю газету! Сегодняшнюю, дурень! Ага!

Бывший ротмистр развернул свежий номер «Голоса», сложил его пополам и протянул Агасферу:

— Извольте! Меня, к примеру, интересует корреспонденция из Херсона! В середине листа...

Он достал карманные часы, щелкнул крышкой:

— Сколько вам, говорите, потребуется времени?..

Агасфер взял газету в руки, развернул и, прищурясь, принялся рассматривать желтоватый лист. Терентьев следил за секундной стрелкой своего хронометра и был весьма разочарован, когда через минуту с четвертью Агасфер сложил газету.

— И это все? — недоверчиво спросил он.

— Желаете проверить? — пожал плечами Агасфер.

Сохраняя на лице недоверчивое выражение, Терентьев пробежал глазами несколько заметок и возгласил:

— «Консул Григорий...

— «Консул Григорий Степанович Щербина, о смерти которого сообщает телеграф, уроженец города Чернигова», — монотонно продолжил Агасфер. — «Среднее образование он получил в черниговской гимназии, а высшее — в московском Лазаревском институте». Тут грамматическая ошибка, господин Терентьев! — название учебного заведения с прописной буквицы писать надобно!

— Довольно! А вот это, к примеру: «Новая механическая пушка. На днях в Лондоне...»

— «...производилось двумя американскими генералами испытание нового механического орудия „Кливленд“. Орудие весит 450 фунтов и выпускает с одного завода 25 зарядов в 1 ф. весом. При испытании пушка делала 800 выстрелов в минуту, без нагревания дула...»

— Довольно! Вы просто феномен, господин Агасфер! Если это, конечно, не какой-либо трюк наподобие циркового!

— Помилуйте! Какой же тут цирк! На ваших глазах все делается!

— Восхищен вашей скромностью, но не могу, не имею права скрывать от господина полковника сии сверхъестественные способности! Хотите вы или нет, я обязан доложить ему о подобном феномене!

— Да я, собственно, ничего и не скрывал, — пожал плечами Агасфер. — Сам могу рассказать...

За обедом Терентьев выпил пару лишних рюмок, без конца шутил, много рассказывал о своем армейском прошлом. И, как показалось Агасферу, просто беспардонно лез к нему в душу, стремясь поскорее стать своим «в доску». Однако некая фальшивинка в новом приятеле все-таки чувствовалась. Развивший в себе за 20 монастырских лет большую наблюдательность, Агасфер чувствовал в Терентьеве напряженность — сродни постоянному опасению сказать что-то лишнее.

Что стояло за этим, Агасфер пока не понимал. Но старался не «подыгрывать», не изображал готовность немедленно стать «поверенным в секретах и сердечных делах».

После четвертой рюмки Терентьев, доверительно подвинув стул поближе и понизив голос, многозначительно поинтересовался — как у Агасфера обстояли в монастыре дела с «женским вопросом»? Дело-то житейское — не может же молодой мужчина много лет, вопреки физиологии, обходиться

без женского пола? А другие монахи? Наверняка монастырские стены — ну признайтесь, господин Агасфер! — не столь уж неприступны в этом плане. Неужели в монастыре не было ни прачек, ни прочей, иногда и специально содержащейся для подобных целей, женской обслуги?

— Совсем-совсем не было? Но ведь человеческое естество никуда не денешь и ничем, простите, «грех воздержания» не замолишь!

Или через минуту:

— А верно ли говорят, что в таких чисто мужских сообществах чрезвычайно развиты противоестественные интимные связи?

Не добившись от собеседника исчерпывающих ответов, Терентьев «тяпнул» пятую рюмку и заговорщицким тоном предложил Агасферу нынче же — а чего откладывать, дело-то солдатское! — совершить «набег» на «приличный бордель»!

— Нет, в самом деле, дружище, так же нельзя, — бормотал он в ухо Агасферу. — Ненадолго «выпустить на волю» мужскую плоть — это же так естественно! Да вы, после стольких лет воздержания, произведете фурор в любом публичном доме! Извините, но местные красотки вас просто на руках носить будут!

Агасфер молчал. У него были свои соображения на сей счет, однако он вовсе не желал раскрываться перед кем попало. Терентьев же продолжал бубнить:

— В конце концов, мой друг, ежели вам противно само понятие продажной любви под крышей борделя, мы можем придумать нечто особенное. Я, к примеру, знаю в Петербурге несколько «домов свиданий» с приличными хозяйками... Боже упаси — никаких проституток! Верьте слову, — туда заглядывают даже дамы из высшего общества! Хорошо сохранившиеся вдовы, но главным образом — молодые жены престарелых и бессильных в мужском смысле сановников, а также скучающие «амазонки» и желающие разнообразия шалуньи. Даже гимназистки, в ком рано проснулось женское начало...

— Гимназистки? Маленькие девочки? — Агасфер круто повернулся к собеседнику всем телом.

— Ну-у, не такие уж они и маленькие. — Терентьев закинул руки за голову, сцепил на затылке пальцы, прикрыл глаза и сладострастно причмокнул губами. — Все, знаете ли, при них — и тут, и попки... А всего-то, дурочкам, только и надо, что порцию некоего снадобья! Порошочек такой, из Америки привозят. У знакомых аптекарей можно запросто раздобыть — если, конечно, знать, к кому обратиться.

— Из Америки? Да, я знаю. Кокаин называется. А листья кустов, которые местные аборигены жуют, называются кокой...

— Дружище, так вы знаете эту штуку?! — Терентьев откинулся на спинку кресла. Его ноздри стали быстро раздуваться и опадать, словно соблазнительный порошок уже ударил ему по мозгам. — Пробовали? Словно крылья вырастают... Становишься смелым, раскрепощенным...

— Хватит, господин ротмистр! Сам я, слава Богу, не пробовал, но действие коки знаю. И к гимназисткам я вам, извините, не попутчик. И вообще, разговоры на эту тему мне достаточно неприятны. Вот представьте себе, что ваша дочь в самом цветущем возрасте приобщается не только к «взрослой» жизни, но и готова отдать свое юное тело за порцию дьявольского порошка опытному бонвивану! Я бы на месте родителя просто растерзал бы негодяя! Впрочем, я старше вас, вам родительские чувства, поди, и неведомы...

— О-о, вот только давайте без этих moralite, господин Агасфер. Терпеть, знаете ли, не могу, от кого бы то ни было! — сверкнул глазами Терентьев. Однако тут же, словно спохватившись, заговорил вполне миролюбиво: — Ну, не желаете, и Бог с вами. Но напрасно, напрасно, дружище. Я ж говорю: полная тайна, полумрак и даже маски — сродни маскарадным! И никакого даже намека на деньги! Ну, хозяйкам таких салонов, понятное дело, немножко надо деликатно сунуть. Должны же они на что-то жить — но все настолько прилично и культурно, что чувства неловкости не возникает! Клянусь!

— Простите, господин Терентьев, но пока... пока я просто не готов к такому времяпрепровождению. — Агасфер почувствовал, что у него начинают пылать щеки. — Как-нибудь позже... Может быть... А нам, к тому же, сегодня предстоит еще делать обещанные господину полковнику дела. Извините, конечно, — коли вы непременно желаете — ради Бога. Но нынче — без меня!

Терентьев резко отодвинулся, посмотрел на Агасфера долгим взглядом и пробормотал что-то невнятное. Собеседнику послышалось: «евнух несчастный!» Махнув рукой и сбив при этом со стола шестую рюмку коньяку, Терентьев отодвинулся, затем, помолчав, громко потребовал счет.

— Вы совершенно правы, господин Агасфер! — неожиданно трезвым, но с некоторой грустинкой в голосе произнес он. — Сначала, конечно, дело. Пустяки подождут-с!

ГЛАВА ПЯТАЯ

— Нет, вы мне можете вразумительно объяснить, Андрей Андреевич, отчего так происходит? Половина Санкт-Петербурга, не меньше — немцы по крови! — Человек с густыми щетинистыми усами и бритым подбородком неторопливо взболтал в широком бокале коньяк, прищурившись, поглядел сквозь янтарную жидкость на свет, сделал короткий глоток. — По моим сведениям, в Северной столице на сегодняшний день 93 тысячи немецких переселенцев, которые компактно проживают в 8 колониях — Шуваловской, Гражданке, Ново-Саратовской, Среднерогатской, Колпинской, Эдиопе, Стрельнинской и Кипени. Да, Константин Эдуардович* уверяет нас, что среди этой без малого сотни тысяч немцев практически нет шпионов Большого Генерального штаба Пруссии. Допустим! Но скорее можно допустить и другое: начнись, не дай Господь, война — и все эти этнические немцы механически превратятся в пятую колонну! Крайне серьезная сила! Или вы полагаете, Андрей Андреевич, что упомянутые девяносто с лишком тысяч немцев будут сражаться на русской стороне против собственных братьев по крови? Чушь!

Лопухин, товарищ прокурора Московского окружного суда, с вызовом поглядел на директора Департамента полиции Сергея Эрастовича Зволянского. Сам он слыл человеком крайне осторожных взглядов. Никто не отрицал, что на «четверги» Архипова Лопухин ходил неохотно, больше отмалчивался, а если и высказывался, то несколько туманно.

Однако в нынешний четверг, как успел шепнуть хозяину дома Зволянский, в Лопухина словно черт вселился! Агрессивен, категоричен... Вот и сейчас, криво усмехнувшись, он с вызовом закончил:

— Так что же, милостивые государи, гнать взашей всех немцев из России прикажете? А на каком, позвольте спросить, основании? Только из-за наличия у людей немецких корней?

Чуть сдвинув штору окна, возле которого витийствовал, Лопухин окликнул хозяина:

— Андрей Андреич, можно вас на минутку? Насколько я понимаю, это Терентьев из дома вышел, не правда ли? А вместе с ним, в статском, ваш новый помощник?

— Совершенно верно, Алексей Александрович.

— Ага! Как вы его изволили отрекомендовать — Агамемнон, что ли? И знаете, господа, насколько я вижу, у него тоже вполне немецкий тип лица!

— Во-первых, он мадьяр — во всяком случае, по документам, Алексей Александрович. Во-вторых — не Агамемнон, а Агасфер. Не путайте, батенька, библейскую историю с древнегреческой. — Архипов еле заметно подмигнул Зволянскому.

Тот немедленно подскочил к окну, глянул вслед садящимся в извозчичью пролетку мужчинам и тут же, словно забыв о

* *К. Э. Вельбицкий* — начальник Охранного отделения Санкт-Петербурга в описываемое время. Охранное отделение — структурное подразделение Департамента полиции Министерства внутренних дел.

них, загорячился, продолжая начатую с Лопухиным пикировку:

— При чем здесь национальные корни? Экономическая экспансия немецкого предпринимательства в России тотальна, и в первую очередь — в военно-промышленный сектор. Вы статистике верите, Алексей Александрович? Так вот, по утверждению наших отечественных статистиков, в России на сегодняшний день создано и успешно работают около 450 фирм с австро-германским капиталом. И обратите внимание: где они прилагают свое тщание? Не в сапожной либо кожевенной промышленности! Главная сфера их внимания — электротехническая, металлургическая, судостроительная и чисто военная промышленность. А знаете ли вы, милостивый государь, где сосредоточены усилия по «титанической помощи» немцев и австрияков русской экономике? Производство и продажа швейных машин «Зингер», страховое и справочное дело!

— Чем же сапожное дело отличается от швейного? — подбросил «уголька» в топку спора Архипов. — Кстати, «Зингер и К°», насколько мне известно, вообще американское акционерное общество.

— Действительно! — фыркнул Зволянский. — Но почему тогда главные учредители этой компании проживают не в Нью-Йорке, а в Гамбурге? Почему акции этой компании не котируются ни на одной международной бирже? Почему именно «Зингер» применил в России, насколько я слышал, беспроволочный телеграф для передачи секретных сведений? Не уверен, что правильно назвал это техническое новшество — но позвольте спросить: если это так, то на кой черт оно сдалось трудолюбивым русским домохозяйкам и их техническим «благодетелям»? Впрочем, это можно обсуждать бесконечно. Андрей Андреич, я, с вашего позволения, отъеду часика на полтора, хорошо? Пару слов вот только вам по секрету шепну — и отъеду...

Смягчив улыбкой возможную обиду прочих гостей на «секретничанье», директор Департамента взял Архипова под локоть и повел к выходу из библиотеки.

— Позвольте вам доложить, что у вас в доме, уважаемый Андрей Андреевич, с некоторых пор обитает соглядатай господина Люциуса!

— Чушь! — чуть не споткнулся от неожиданного известия Архипов. — Я своих людей десятилетиями знаю, каждому доверяю! Голову готов прозакладывать!

— Доверяете? — грустно усмехнулся Зволянский. — Что ж вы так неосторожно свою голову-то бедовую на кон ставите, а?

— Вы на что намекаете? — встопорщился Архипов. — Извольте объясниться, ваше превосходительство!

— Изволю, изволю! — проворчал Зволянский, с громким сопением доставая из внутреннего кармана сюртука объемистый портмоне. — Видит Бог, не хотел! Сам, думаю, выслежу подлеца и вам на блюдечке преподнесу... Но коли вы так на дыбки становитесь... Тогда уж давайте вместе искать!

Директор Департамента наконец выудил из кармана портмоне, а из него — сложенную в несколько раз бумажку, каковая оказалась обрывком ресторанного счета, на котором, помимо цен за заказанные блюда, имелась надпись химическим карандашом, сделанная по-немецки:

> *Respektvoll zu informieren, dass im Haus des Oberst A. heute ein neues Mensch erschien. Anscheinend — ehemaliger oder amtierender Offizier, der Krüppel — keine linke Hand. Magyar? Warte auf weitere Befehle N*.*

— Вот видите, как оно получается? А вы головой ручаетесь, Андрей Андреевич! Завелся, завелся «подсадной» в вашем доме. А вот кто он — вот вопрос! Записка сия попала ко мне сегодня. Случайно, скрывать не хочу! Хоть вы меня и костерите, господа, обвиняете в том, что директор Департамента полиции никого, кроме социалистов и бомбистов, не

---

* Почтительно сообщаю, что в доме полковника А. сегодня появился новый субъект. Судя по всему — бывший или действующий офицер, калека — нет левой руки. Мадьяр? Жду дальнейших распоряжений. Н. — *иск. нем.*

наблюдает и наблюдать не желает, однако сами видите — и за немчиками присматриваем-с. А уж за фон Люциусом — в оба глаза. Осторожненько так присматриваем — потому как «волчара» битый, опытный. «Наружку» за три версты в грозу с градом чувствует! А вот нынче утром «прокололся» наш «волчара»!

Зволянский остановился у выхода из библиотеки, достал из кожаного портсигара сигару, отрезал карманной гильотинкой кончик, лизнул отставший лист, со вкусом прикурил и продолжил:

— В «Асторию», где наш Люциус жительство имеет, я, грешник, внедрил нескольких опытных агентов. Ну, кто они — вам, Андрей Андреич, извините, знать не обязательно. Довольно и того, что они есть. И вот сегодня утром один из «наружняков» заметил, что некий субъект, по виду спившийся тапер*, суетится возле вышедшего позавтракать Люциуса. Что-то клянчил якобы, но и бумажку сунул ему — за что получил от скуповатого немца мелкую мзду. Поскольку бумажка была мятая и засаленная, то брезгливый немец засунул двумя пальцами ее в карман, да и не до конца, уголок торчал наружу. Ну, тут уже «наружняк» не растерялся и быстренько нанял мальчишку-карманника. А тот в лучшем виде, как говорится, исполнил «литерное мероприятие»!

— И кого у вас только на службе нет, — невольно улыбнулся Архипов.

— Рано смеетесь, уважаемый Андрей Андреевич! — укоризненно пыхнул ароматным дымком Зволянский. — Во-первых: как долго продолжается эта связь «Люциус — тапер»? Второе: неизвестный корреспондент ставит под вопрос национальное происхождение вашего Ковача-Агасфера, но, заметьте, уверенно называет его офицером, бывшим или действующим. Каково-с?

* От французского «taper» — букв. «стучать, хлопать» — так в начале XX века называли музыкантов, преимущественно пианистов, сопровождавших своей игрой танцы, немые фильмы и т. д.

— Признаться, есть в Агасфере что-то такое, — в задумчивости ухватился за бороду Архипов. — Военная косточка, что ли... Вот и Куропаткин клянется, что ему лицо нашего Агасфера знакомо.

Зволянский хмыкнул:

— Значит, не один наш неизвестный «доброжелатель» на это внимание обратил.

— Неуловимое такое сходство, — вслух размышлял Архипов. — И напрямую спрашивал я его — не говорит! И аббат Девэ ничего по этому поводу не сообщил — вот незадача! Хоть садись и поезжай к нему. Есть, есть у человека какая-то тайна — но что прикажете? Под пыткой спрашивать? Калека, опять-таки... И аббат — хоть режьте, а ему я верю! Не мог он случайного человечка ко мне прислать. Не мог! Что же касается вашей версии, господин директор, то я не вижу в ней логики. Разве внедренный в дом агент будет сам на себя доносы писать? Нет, тут что-то не то! Ерунда все это!

— Ну, милостивый государь, не такая уж и ерунда, если разобраться. Есть такой маскировочный прием! Хотя я, признаться, и сам в это слабо верю, но с вашим Агасфером не худо бы побыстрее определиться. Это не менее важно, чем найти и обезвредить в вашем доме вражеского агента! А ведь он есть. Допустим, не Агасфер, но кто тогда?

Зволянский быстро прошелся по библиотеке и остановился перед Архиповым:

— Три дня у вас в доме чужой человек живет, Андрей Андреич, а мы о нем ничего не знаем. Ну, это, я полагаю, поправимо! — Он затушил сигару, ободряюще тронул Архипова за плечо. — Мысль у меня одна появилась — простенькая такая, как раньше не догадался! Вот сгоняю сейчас к человечку одному — и, Бог даст, все узнаем. Насчет Агасфера, я имею в виду. А потом и «подсадных» из нашего «гнезда» выводить начнем. В общем, я поехал, а вы меня тут как-нибудь «прикройте». И первое дело — перед благоверной моей!

Неожиданные отъезды директора Департамента полиции на самом деле давно в этом доме неожиданностью быть перестали. Решил отлучиться — значит, неотложное что-то появилось. Вернется — наверняка расскажет что-то интересное...

Архипов на правах внимательного и хлебосольного хозяина дома переходил от одной группы гостей к другой. Его традиционные «четверги» практически ничем не отличались от прочих приемов и «суаре», коими был заполнен досуг петербургского высшего общества. Гости, как правило, съезжались к 8 часам вечера, с женами и взрослыми дочерьми «на выданье».

Гости полковника представляли собой весьма сложный конгломерат, состоявший из руководства военного министерства, министерства иностранных дел, в чьих руках были сосредоточены основы сведений политического, экономического и военного характера, поступавшие из-за рубежа. Сбором сведений государственного значения занималось и Министерство финансов, у тех была собственная агентура — финансовые агенты и представители банков. Сведения, собираемые духовными миссиями Русской православной церкви, добавлял в «общий котел» даже Святейший Синод.

Отсутствие централизации — специального контрразведывательного ведомства — было одной из особенностей России. На политической карте мира она оставалась абсолютной монархией с самодержавной формой правления. В России не было законодательных органов, а наличествовал лишь *законосовещательный* Госсовет. Исполнительную власть осуществляли 11 министерств, причем каждый руководитель ведомства ревниво сохранял самостоятельность и докладывал о своих успехах и неудачах самому царю. При этом для «всеохватности» руководители министерств вынуждены были постоянно увеличивать свой административный аппарат. Считается, что на рубеже XIX–XX веков Россия имела самую большую в мире бюрократическую аппаратную прослойку во всем мире — около полумиллиона чиновников.

Не все сильные мира российского, собиравшиеся у полковника Архипова по четвергам, осознавали необходимость создания единого контршпионского ведомства. Каждый видел борьбу по-своему. Иногда это понимание было близким к общему, но чаще высшие иерархи Санкт-Петербурга рассматривали борьбу с врагом всяк со своего «насеста». Полагая при этом, что бороться должен кто-то другой, но никак не аппарат его ведомства.

Разновеликость и пестрота составляющих предтечу единого противошпионского ведомства, о создании которого мечтал Архипов, вынуждали его быть предельно внимательным при обсуждении планов на будущее. Общество, собиравшееся в его особняке, хоть и обсуждало текущие проблемы России, практически никогда не представляло собой хотя бы отдаленное подобие «общих пленарных» заседаний. Это было бы безумием; ну как прикажете ратовать за создание единого центра в присутствии главных его противников, людей великого реформатора и сторонника строжайшей экономии финансов Витте? Но знать о том, что опасность ухода за рубежи отечества сведений военного и экономического характера все еще беспокоит «неразумных растратчиков» — это Сергею Юльевичу было полезно!

Архипов не сомневался, что после каждого такого «четверга» его гостя из Минфина неизменно вызывают на «ковер» к Витте и подробно расспрашивают о замыслах и задумках «заговорщиков».

Так что «костяк» будущей контрразведки собирался на короткие обсуждения по тем же четвергам «посекционно», и каждый из «заговорщиков» знал только то, что ему было положено знать. Что же касается скептиков и умеренно сочувствующих идее, то к их услугам были карточные и бильярдные столы, великолепные вина и творения поваров из ближайших модных ресторанов.

А чтобы дамская «составляющая» не скучала, для них приглашались модные в Северной столице оркестры, а в гвардейские полки и батальоны заботами военного министра

Ванновского рассылались «пригласительные билеты» для молодых офицеров.

В самом доме приглашенное общество, как уже было сказано, разделялось. Внимательный наблюдатель мог бы без труда заметить некоторые странности, присущие этим четвергам. Дамы и офицеры «оккупировали» два больших зала особняка — там гремела музыка, ловкие официанты разносили шампанское, столы с белоснежными скатертями ломились от обилия яств, выставляемых хлебосольным хозяином дома.

«Изюминкой» было открытие дважды в месяц знаменитого на весь Петербург музея механических диковин — чаще отставной полковник, как его ни просили дамы, посетителей, за редчайшими исключениями, не пускал.

Посмеиваясь, Архипов всякий раз напоминал просительницам, что постоянно повторяющееся чудо перестает быть таковым, ссылался на бесконечные поломки сложной старинной техники и на необходимость частого ремонта и реставрации оной.

Впрочем, у него в доме был и еще один, весьма завлекательный для посетителей разного возраста зал — так называемый «охотничий». В юности Архипов принимал участие во многих военно-географических и исследовательских экспедициях и привез с собой из азиатских и африканских походов не только великое множество чучел диких зверей, диковинное оружие, маски, но и весьма экзотического «хранителя» своего музея — невысокого горбатого и смуглого туземца неопределенного возраста, покрытого с ног до головы татуировками и шрамами. То ли для вящей демонстрации явных следов когтей и зубов, то ли для того, чтобы шокировать дам, туземец появлялся перед ними исключительно в короткой набедренной повязке из куска шкуры. Живописную картинку дополняли амулеты, висевшие у туземца на шее, а также воткнутые в его ушные раковины и даже в нос.

По-русски туземец то ли вовсе не говорил, то ли не желал разговаривать (кое-кто из дам даже утверждал, что полковник спас его от гнева какого-то свирепого вождя в тот момент, когда палачи уже отрезали несчастному язык).

Пока сильные мира сего, их жены и дочери развлекались, в библиотеке полковника собирались как раз те немногие чины петербургского общества, ради которых эти четверги и устраивались. Те, которых не на словах, а на деле беспокоило засилье иностранной военной агентуры и ее активность в России. Те, кто понимал, что для противодействия ей нужна единая, мощная и без ограничений финансируемая контршпионская организация с самыми широкими полномочиями. Иначе говоря, контрразведка. Однако, несмотря на вполне очевидный вред шпионства, в анналах начала XIX века борьбы с ним в России зафиксировано практически не было... Во всяком случае, на государственном уровне.

Кинув хозяйский взгляд на столы, обеденные и подготовленные для карточной игры, Архипов сделал несколько деловых замечаний нанятому на вечер метрдотелю, глянул на часы и направился в Малую библиотеку, отделенную от основной замаскированной под стеллажи перегородкой. Это было любимое место для размышлений Андрея Андреевича, и только самые близкие его друзья знали секретный рычаг, сдвигающий фальшивый стеллаж.

Расположившись в глубоком уютном кресле, Архипов в который уж раз с грустью подумал о том, что созданию в России столь нужной ей контрразведки мешают самые разные обстоятельства. Как говорится, от великого до смешного...

Основополагающую роль в противодействии созданию контршпионской организации сыграла, как ни странно, затеянная еще предыдущим государем, Александром II, военная реформа. Ее необходимость, продиктованная поражением России в Крымской войне, была очевидна: главными целями реформирования было сокращение русской армии в мирное время, способность быстрого ее разворачивания в военное, смена дедовских систем вооружений современными.

Про смешное тоже сказано недаром: обновление армии началось... с формы! Первое, за что принялся сентиментальный

Александр II, была смена военных мундиров! Трудно поверить, но начало царствования нового государя было ознаменовано изданием более 60 приказов, меняющих цвет мундиров, погоны, кантики, кокарды, пуговицы... Дорожившие судьбами отечества умные люди с горечью и изумлением спрашивали друг друга: неужели подобными «реформациями» новый государь всерьез намерен выиграть следующую войну?

Нашлись близкие к самодержцу люди, которые не только поддерживали решения императора относительно военных реформ. Желание любой ценой выслужиться, обратить на себя монаршее внимание порождало порой самые дикие, не поддающиеся никакому разумному анализу идеи, каковые предлагалось считать «подсказками». В основном, эти «подсказки» касались экономики.

На армии старались экономить во всем и по всем статьям! При этом изменение самого характера войн на рубеже веков не учитывалось. А ведь они становились глобальными, все больше зависели от военно-экономического состояния страны. Информация о слабых и сильных сторонах предполагаемого противника, его мобилизационных возможностях и научно-технических разработках, новинках в области тактики и стратегии приобретала особую ценность.

«Именно в этот исторический период русской разведке и начать бы превращаться в самостоятельный вид государственной деятельности», — досадливо думал Архипов. Огромные финансовые средства, нынче раздробленные, стали бы аккумулироваться и планомерно, по мере степени нужности, уходить на добывание государственных секретов и тайн, на проведение тайных операций влияния и подрыва, на защиту наших военных и экономических интересов!

Отечественные аналитики поражались иной раз суммам, затрачиваемым европейскими соседями на разведывательную деятельность. Поражались и признавали: никто не выкидывает деньги даром. Раз тратят — значит, готовятся. Торят тропинки... Россия, естественно, отставала и здесь...

Полковник протянул руку и взял с подлокотника кресла заранее приготовленный Кузьмой, досконально знающим привычки своего хозяина, бокал с коньяком. Сделал глоток, поставил бокал на место и снова перенесся мыслями к недавно обсуждавшимся в его «кружке» проблемам.

Он искренне не понимал, почему иные его соратники видят главного врага и соперника России в Бисмарке. Безусловно, другом России его назвать было никак нельзя! Именно в России канцлер усматривал главное препятствие для германского превосходства в Европе. Именно России Бисмарк стремился вредить всегда и везде, втягивая ее в конфликты с Англией и Турцией. Он был слишком умен, чтобы «пакостить» своими руками, — понимал, какая сила таится в русском народе.

Нельзя было сбрасывать со счетов и опасность, которую принесли бы обеим странам в случае войны внутренние враги — революционеры всех мастей. Вот уж кто непременно попытался бы половить «рыбку в мутной воде»!

Иное дело, что Германия стала истинным военным учителем других народов. Той же Японии, к примеру. Германия строила для нее военные корабли, консультировала производство оружия, налаживала разведку. Германия и Австро-Венгрия не только учили, *как именно* следует добывать чужие секреты, но и *щедро делились* с Японией добытыми в России секретами военного и экономического свойств!

Полковник был уверен: мудрый и хитрый Бисмарк сделает все возможное, чтобы удержать Германию от прямой конфронтации с Россией. А вот столкнуть ее с другой державой, попытаться ослабить ненавистную Россию «на перспективу» — вот это было вполне в духе немецкого канцлера.

Не нужно было быть великим стратегом, чтобы «вычислить» ближайшего военного противника России, вздохнул Архипов. Он был готов заключить пари на что угодно: этим противником станет именно Япония! Ведь на разведку в России и сопредельных государствах Страна восходящего солнца тратила баснословные по сравнению с нашими средства — по 2 миллиона рублей ежегодно!

Возможно, его, полковника Главного штаба Архипова, назовут паникером и сумасшедшим, но прежде пусть доказательно объяснят, с какой целью всю Сибирь, Центральную Россию и саму Северную столицу заполонили тысячи и десятки тысяч японских цирюльников, прачек, докторов, содержателей гостиниц и борделей?

Не все, разумеется, разделяли тревогу полковника относительно готового к прыжку «хищника с Востока». Уж на что болезненно подозрителен директор Департамента полиции Зволянский, но и тот расхохотался, когда Архипов впервые поделился с ним своими опасениями.

— Андрей Андреевич, помните, что утверждают наши агенты в Японии, в том числе и сын нынешнего военного министра Ванновский-младший? По его мнению, пройдет не один десяток лет, прежде чем японская армия будет хотя бы сопоставима с любой европейской! Там больше бравады, нежели реального умения воевать!

— Пусть так! — не уступал Архипов. — Но вы же не можете не знать и другого! И Ванновский-младший, и его предшественник, просто-напросто сбежавший со своего поста, признают, что японцы, пользуясь незнанием нашими агентами их языка, показывают русским военным атташе лишь то, что хотят показать! Как можно произвести разведку в стране, не зная ее языка? И почему так много японцев стало в Петербурге?

— Бросьте, господин полковник! — отмахивался Зволянский. — Вы пользуетесь сомнительными источниками информации, которые просто-напросто путают японцев с китайцами! Не могу спорить: азиатов в Северной столице за последние годы стало больше. Но это же китайцы, дружище! У меня есть отчеты на основе материалов подведомственных мне жандармских органов. Так вот, скажу вам по секрету: японских шпионов в Петербурге не более полутысячи!* Разве

* Данными по этому вопросу, добытыми оперативным путем, Россия не располагает до сей поры.

это много? И потом: что эти макаки могут передать на свою родину? Количество сорочек, в том числе и твоих, стираемых ежедневно? Ха-ха!

— А сколько у вас, ваше превосходительство, жандармов и сыщиков, знающих японский язык?

— Ну, тут с вами не поспоришь: знаете, куда бить, полковник! — чуть сдвинул брови Зволянский. — Знаете ведь: ни одного!

— Предлагаю пари — своего рода эксперимент! Ставлю ящик вашего любимого арманьяка против ведра «шустовского», что японцев в Северной столице гораздо больше, нежели показывают в отчетах ваши жандармы.

— Вот как? Арманьяк? Это очень интересно, Андрей Андреич! И как же мы с вами узнаем истину?

— Очень просто! — пожал плечами полковник. — Вы организуете тотальную проверку всех этих псевдокитайских прачечных, борделей, гостиниц и частнопрактикующих докторов. А я договариваюсь с профессором Поповым из университета, который поучаствует в данной проверке. Надеюсь, вы помните, ваше превосходительство, что профессор прекрасно знает не только японский язык, но и несколько китайских диалектов? И что фальшивыми косами его не проведешь!

— А почему бы и нет? Как я подозреваю, Андрей Андреич, с профессором вы уже сговорились? Интересно, а что вы посулили ему в качестве компенсации за потраченное время?

Зволянский принял пари, организовал тотальную проверку проживающих в Петербурге «китайцев». Нечего и говорить, что четыре пятых зарегистрированных в Северной столице «китайцев», как выяснил в ходе их опроса дотошный профессор Попов, действительно не знали ни одного китайского диалекта. И оказались, таким образом, японцами, а в небольшом количестве — корейцами, из числа тех же японских агентов.

Зволянский признал свое поражение. Затруднился он с ответами и на многие «японские» вопросы.

Почему, например, как доносят русские резиденты из Токио, нынче всем японцам, достигшим призывного возраста, предлагают любыми путями добывать российскую прописку? А те призывники, которые смогли ее получить, получают освобождение от воинской службы и... «растворяются» на необъятных русских просторах? Почему японские школьники разучивают на занятиях песни откровенно антирусского содержания?

И таких вопросов была масса!

...Покинув гостей под предлогом отдачи неких распоряжений, полковник схитрил. Ему было необходимо обдумать неожиданно пришедшую в голову мысль. Поминутно извиняясь и прижимая правую ладонь к груди, он укрылся за высоченными книжными стеллажами и уже оттуда перебрался в Малую библиотеку, где в глубоком уютном кресле принялся обдумывать сложившуюся ситуацию.

Как ни покажется странным, но одним из главных оппонентов создания в стране единого и действенного контрразведывательного органа был сам Александр III, коего в Европе недаром называли царем-миротворцем: за все время его царствования Россия ни разу не ощетинивалась штыками и даже не принимала участия в более-менее серьезных военных конфликтах.

На престол Александр III вступил в непростое время, когда в мире начались первые революционные волнения. Император-миротворец, опасаясь подобного внутри страны, тянул, сколько мог, даже с обрядом собственной коронации. В своей политике он придерживался взглядов, что власть должна быть только самодержавной. Именно поэтому им был отвергнут, в числе прочего, и рассматривавшийся погибшим отцом проект конституции. Всех несогласных с самодержавной политикой Александр III без долгих размышлений отправлял в отставку.

Однако, будучи довольно жестким по отношению к своим близким, император многое делал для простого люда: в частности, были снижены выкупные платежи, был создан Крестьянский банк, который мог помочь в приобретении участков земли. Были ликвидированы многие бреши в вопросах трудовой защиты: под строгий контроль были взяты работа детей и ночные смены для женщин — с сокращением часов их работы.

Для того чтобы порядок в стране был повсеместным, Александр III ввел должности земских начальников. Подверглось реформе и образование: многие учреждения были закрыты, в оставшихся — введена жесткая дисциплина. Над революционной деятельностью в стране был установлен жесткий контроль. Правда, время было упущено, и «джинн революции» уже вырвался из бутылки.

«...У каждой палки есть два конца, — с горечью думал Архипов. — Убежденность царя в том, что так мирно и благостно будет всегда, заставит Россию жестоко расплачиваться за монаршие иллюзии. Да еще и этот Витте...»

Полковник Главного штаба Архипов был ярым приверженцем создания в России контршпионского ведомства. Руководители европейских спецслужб, раздраженные его активной деятельностью, посредством внедренных агентов «стравили» полковника с амбициозным Витте.

Операцию начали издалека. Александру III в нескольких королевских дворах Европы пожаловались на пресловутую «Священную дружину»*, автором и вдохновителем которой считал себя Витте**. «Дружина» за несколько месяцев сумела довольно «громко наследить» в Европе. Витте, ожидавший от трона Романовых совсем другой оценки своей ура-патриотической деятельности, был уязвлен монаршим окриком и последующей директивой о ликвидации «Дружины». С государем Витте спорить, разумеется, не стал — тем более что

* Дворянская конспиративная организация, созданная по инициативе С. Ю. Витте для охраны государя-императора и борьбы с революционерами их же методами.

** На самом деле, возмущенный убийством императора Александра II, С. Ю. Витте написал своему дяде, генералу Р. А. Фадееву весьма сумбурное письмо, был вызван из Киева в Петербург к министру двора и уделов графу И. И. Воронцову-Дашкову и флигель-адъютанту графу П. П. Шувалову, которому и дал клятву на Евангелии в верности новому обществу.

делал в то время стремительную карьеру. В конце 1882 года он был назначен министром финансов, и вот тут-то ему на стол легла сфабрикованная докладная записка, из которой «неопровержимо» следовало, что весь этот европейский шум насчет патриотической деятельности «Дружины» поднят благодаря доносам и докладным полковника Архипова.

Ни самодержец, ни Витте, ни Архипов так до конца жизни и не узнали, что Европе по большому счету не было до пресловутой «Дружины» никакого дела.

Ну убивают русские своих царей — и Бог с ними! Подкладывают бомбы, стреляют — это, в конце концов, чисто русские дела.

И когда «ура-патриот» Витте стал у финансового руля России, следовало поссорить его с полковником и его командой. Причем Сергей Юльевич обиделся не на государя, а на «фискала» Архипова. Это был первым из вбитых клиньев!

Дело в том, что карьере Сергея Юльевича Витте едва не помешал второй, последовавший после смерти первой жены, брак. Новая избранница, Матильда Липасевич (в девичестве Нурок), оказалась не только еврейкой, но вдобавок еще и разведенной.

Новая супруга, несмотря на более чем солидные взносы, перечисленные Витте в благотворительные фонды под патронажем великих княгинь (обычно это снимало все вопросы!), и несмотря на все усилия и немалый авторитет финансового гения Витте, так и не была принята при дворе. Ну не любил наш монарх евреев — и все тут!

Поначалу Витте старался не обращать внимание на едкие эпиграммы и замаскированные насмешки придворной камарильи, добросовестно передаваемые ему «доброжелателями». Старался — до тех пор, пока «неизвестные доброжелатели» не довели до его сведения, что автор большинства эпиграмм и злых стишков опять-таки... полковник Архипов!

Такое простить уже было нельзя — даже с учетом того обстоятельства, что Витте был не только высочайше назначен министром финансов империи, но и получил одновременно

чин действительного статского советника и стал почетным членом императорской Академии наук.

Полномочия нового министра финансов были необычайно широки и включали, помимо всего прочего, продолжение военной реформы, начатой еще при Александре II. Не утомляя читателя подробностями, суть этой реформы можно охарактеризовать весьма кратко: строжайшая экономия. А паче чаяния — в мирное время.

А тут — нате вам! Какой-то полковник из Главного штаба военного ведомства — «ябедник» и «рифмоплет» — печется о создании новой структуры для борьбы со шпионством! Структуры заведомо дорогостоящей, и к тому же совершенно излишней в мирное время! Раздражение амбициозного Витте, не признающего иных авторитетов в финансовых делах, кроме собственного, было вовремя и умело подогрето нашептыванием ближнего окружения, приписывавшего авторство очередной эпиграммы по адресу рвущихся к русскому трону «дочерей Израилевых» полковнику Архипову.

Такого Сергей Юльевич терпеть не пожелал и, получив очередную верноподданническую реляцию Архипова о необходимости неотложной борьбы со шпионством на государственном уровне, вызвал полковника к себе.

Обрадованный вызовом, Архипов (наконец-то заметили в верхах грозящую России опасность!) явился к Витте с целой охапкой бумаг, подтверждающих его опасения относительно засилья иностранной агентуры в столице.

— Милостивый государь, я пригласил вас не для того, чтобы выслушивать ваши измышления о вредности для отчизны лиц немецкого происхождения! — Витте, не предложив посетителю сесть, встал сам, опираясь на обширный стол костяшками сжатых в кулаки пальцев. — Как истинный патриот, я раз и навсегда запрещаю вам смущать государя мнимыми угрозами, якобы подстерегающими Россию в «коварной Европе»!

Архипов был растерян: одно дело — выслушивать внушение от непосредственного воинского начальства, и совсем

другое — от статского министра. Правда, именно от Витте во многом зависело финансирование армии. И полковник сдержался:

— Но, ваше высокопревосходительство, я располагаю неопровержимыми свидетельствами, что в русских сейфах беззастенчиво орудуют английские, прусские и австрийские шпионы! Это не только оскорбительно для нашей отчизны, но и наносит ей непоправимый военный и экономический ущерб!

— Немцы и прочие европейцы издавна селились на берегах Невы, милостивый государь! Позволю напомнить вам — еще с ведома и по приглашению царя Петра! Селились и своими техническими достижениями премного продвинули Россию, поставив ее в один ряд с цивилизованной Европой! Впрочем, я не уверен, что русское офицерство в достаточном мере осведомлено об этом.

— А штаб-ротмистр Мясоедов*, ваше высокопревосходительство? Что вы скажете о Мясоедове?

— Фи, милостивый государь! В хорошем стаде, как говорится, не без паршивой овцы! Чья «паршивость», кстати говоря, пока никем не доказана!

Вежливо улыбнувшись, Архипов безошибочно выудил из кипы принесенных папок несколько отмеченных зелеными корешками.

— Хорошее стадо, ваше высокопревосходительство? А как вы расцените ежемесячную «дотацию» в одну тысячу рублей, получаемую из австрийского посольства газетой «Вечерний голос»? За эти деньги несколько газетчиков вступили в сговор со скупщиками макулатуры и рассылали по определенным адресам черновики делопроизводства — по большей части с грифом «Весьма секретно». У них на содержании были букинисты, которые покупали после смерти крупных военных чинов ненужные их наследникам «скучные библиотеки». Между прочим, среди этой якобы «макулатуры» нередко попадались секретнейшие издания Главного управления Генерального штаба! Неужели ваше высокопревосходительство никогда не слыхало о скандале с директором Сестрорецкого оружейного завода генерал-майором Дмитриевым-Бойцуровым? Он совершил крупную растрату, и представьте, ему тут же, «совершенно случайно», на пути попался один из опытнейших вербовщиков Германского генерального штаба, охотно и на особых условиях ссудивший нужную для покрытия сумму! Позвольте спросить, чем, интересно, Бойцуров будет рассчитываться с немцами?

— Умерьте свой пыл, господин полковник! — недовольно поморщился Витте. — У меня не слишком много времени — государственные дела, знаете ли! Я не могу себе позволить, в отличие от нашего генералитета, столь бурно фантазировать! Буду краток: уже не в первый раз, милостивый государь, вы и ваши приспешники подаете государю докладные записки о необходимости создания сверхсекретной организации по борьбе со шпионством в России, каковая должна иметь постоянный штат и, соответственно, постоянный источник финансирования. И немалый, господин полковник! Цифра содержания подобной организации, помноженная на число военных округов в России, способна свести «на нет» все мои усилия по укреплению рубля. Усилия, заметьте, получившие всемерное одобрение со стороны его величества! Вы предлагаете мне заняться этим вместе с вами?!

Архипов давно уже понял, что конструктивного разговора со всесильным министром финансов не будет, и едва удержался от язвительного замечания относительно статьи расходов царского семейства по безудержной закупке предметов искусства, всячески поощряемой финансовым министерством. Тратились на это, разумеется, кабинетские деньги, однако при дворе ходили слухи о регулярном пополнении личных кошельков Александра III и его супруги за счет казны.

* По некоторым источникам, жандармский штаб-ротмистр Мясоедов был осведомителем германской разведки. Несмотря на то, что расследование о его причастности к германскому шпионажу вели три независимых серьезных органа, выявить компрометирующие данные так и не удалось. Пойман с поличным Мясоедов был в 1912 году, однако его шпионская деятельность началась много раньше, в упоминаемое Архиповым время.

Конечно, придворный этикет и церемониал при последнем императоре стали гораздо проще. Царь сократил штат министерства двора, уменьшил число слуг и ввел строгий надзор за расходованием денег. Дошло до того, что дорогие заграничные вина на царском столе даже во время официальных приемов заменялись крымскими и кавказскими, а число балов ограничилось четырьмя в год.

Вместе с тем на приобретение предметов искусства тратились поистине чудовищные деньги. Будучи еще наследником, в молодости царь обучался рисованию у профессоров живописи, а позже продолжил рисовать вместе с супругой Марией Федоровной под руководством академика А. П. Боголюбова. После восшествия на престол Александр III из-за загруженности делами оставил занятия художествами, сохранив, однако, на всю жизнь любовь к искусству.

Да бог бы с государевым пристрастием и к его собственной, весьма посредственной, по оценке современников, «мазне»! Однако император стал страстным коллекционером, уступая в этом отношении разве что Екатерине II. Гатчинский замок, в котором практически постоянно проживал император, превратился буквально в склад бесценных сокровищ. Предметы искусства уже не помещались в галереях Зимнего, Аничкова и других дворцов. Причем зачастую они закупались без оценки авторитетных экспертов и являлись, откровенно говоря, малохудожественной дрянью.

Как ни горько это сознавать, размышлял Архипов, стараясь не поднимать глаза на внушительную фигуру всесильного министра финансов, но пара полотен иностранных живописцев или итальянских скульптур вполне могли бы решить начальные хлопоты по созданию контрразведывательной организации в России.

— Давайте присядем, — вдруг миролюбиво предложил министр. — Давайте присядем и вместе подумаем, стоит ли предлагаемая вами *затея* стольких сломанных вокруг нее копий? Скажите-ка по совести, Андрей Андреевич, нужна

ли России проводимая вот уже около двух десятков лет военная реформа?

— Безусловно! — тотчас же согласился Архипов.

— И вы наверняка согласитесь, друг мой, что меры по реорганизации армии позволили существенно снизить расходы на ее содержание в мирное время?

Архипов мысленно усмехнулся: он сразу понял, куда клонит Витте.

— Поймите, Андрей Андреич, я целиком и полностью согласен с вами относительно необходимости борьбы со шпионством! Но почему бы не создать такую организацию по примеру военного ополчения? Чем оно плохо, милостивый государь? И зачем, скажите на милость, нам постоянно держать «под ружьем» сотни и, возможно, даже тысячи людей — в мирное-то время, а? Начнется война — не дай бог, конечно! — Витте набожно перекрестился. — Начнется война — вот тут вашему контрразведывательному «ополчению» и раздолье! Ловите! Сажайте, расстреливайте...

— Вы охотник, ваше высокопревосходительство? — неожиданно спросил Архипов, уже начавший укладывать на диване рядом с собой принесенные, но оказавшиеся ненужными документы.

— Да так, знаете ли, от случая к случаю, — не учуял поначалу ловушки Витте. — Не люблю, признаться, я этого дела... Мокнешь, мерзнешь — а куда деваться прикажете, ежели получил высочайшее приглашение?*

— Рискну предположить, ваше высокопревосходительство, — Архипов встал, почтительно поклонился и направился к дверям. — Рискну предположить, что ваши личные

* Александр увлекался охотой и рыбалкой. Часто летом царская семья уезжала в финские шхеры. Любимым местом охоты императора была Беловежская пуща. Иногда императорская семья вместо отдыха в шхерах уезжала в Польшу, в Ловическое княжество, и там с азартом предавалась охотничьим забавам, особенно охоте на оленей. Обычно в охотничьих забавах царя по его личному приглашению принимали участие и его ближайшие министры, чем немало гордились.

трофеи во время подобных «ополченческих» охот оставляют желать лучшего. Не так ли? Не зная ни особенностей местности, ни повадок зверя и его привычек, трудно рассчитывать на какой-либо успех. Ну, на царской-то охоте егеря, допустим, помогут — подскажут, где логово зверя, направят его в нужное место, добьют, в случае чего... Ну а нам-то, российским патриотам, где таких егерей взять? Коли и сами охотиться не умеем, и навыками не владеем. Нешто из-за границы приглашать?

Сергей Юльевич Витте, будучи опытным царедворцем, умел «держать удар». Моментально поняв, что «попался», он вынужденно рассмеялся, провел гребнем по пушистым бакенбардам и кивнул Архипову:

— А я, милостивый государь, давно уже приметил ваш острый язычок! И в прозе отличаетесь им, и в поэзии... Не опасаетесь постоянно держать во рту такое опасное и острое оружие, Андрей Андреевич? Надо бы с Ванновским на эту тему поговорить.

Последний, слава богу, оказался слишком умен для того, чтобы бездумно выполнить подсказку всесильного министра финансов и перевести Архипова в какой-нибудь дальний военный округ, подальше от Северной столицы. Поняв после разговора с государем, что Витте свою мысль об удалении из столицы строптивого полковника не оставит, военный министр Ванновский, не желая оставаться без ближнего единомышленника, предложил Архипову почетную отставку. В тот момент это был, пожалуй, единственный выход.

Так и родились со временем архиповские «четверги», на которых приверженцы идеи создания контрразведки обменивались планами, мыслями, поддерживали в себе боевой дух и надежду на скорые перемены.

Имея кое-какое состояние, самостоятельно отставной полковник подобные еженедельные сборища, тем не менее, не «потянул» бы. К тому же массу финансовых средств отвлекало его увлечение древней механикой, да и содержание особняка, прислуги и необходимых в его ремесле помощников

обходилось в «копеечку». И сами «четверги» — с приглашением модных оркестров, хорошим шампанским из французских погребов (это уже в пику скуповатому государю, даже иностранных посланников потчевавшего «астраханским кваском») и наймом временной прислуги из лучших ресторанов — в одиночку все это было бы для полковника-отставника просто неподъемным.

Именно поэтому «заговорщики», посовещавшись и невзирая на яростное сопротивление полковника, устроили что-то вроде постоянной складчины: на одной из полок в библиотеке Архипова была водружена объемистая шкатулка, и гости всякий раз пополняли ее пачками казначейских билетов. Чеки, поначалу предложенные кем-то из «контрразведчиков», были по зрелому размышлению отвергнуты: не приведи господи, пойдут слухи о настоящем заговоре — тогда уже отсылкой в дальние гарнизоны и округа не отделаешься!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Покинув временно дом Архипова, начальник Департамента полиции отправился не к себе на Фонтанку 16, а велел ехать на Гороховую, в «Охранное отделение». У подъезда Зволянский распорядился свою персональную карету отправить в особняк господина Архипова, а для дальнейших передвижений приготовить «разгонную», можно без конного конвоя: отставной начальник исполнительной полиции Иван Осипович Велио жил совсем неподалеку.

В вестибюле, сбросив плащ на руки ночному сторожу, Зволянский по-молодому взбежал на третий этаж, бесшумно прошагал по темно-красному ковру и рывком открыл дверь присутствия Вельбицкого. То ли адъютант, то ли делопроизводитель начальника в расстегнутом мундире в поте лица трудился между пошатывающимися пирамидами папок. При виде директора Департамента, ничуть не удивившись его позднему визиту, он поднялся, успев застегнуть большинство крючков на мундире.

— У себя? — не дав ему рта раскрыть, мотнул головой Зволянский на дверь кабинета Вельбицкого и, не дожидаясь ответа, распорядился, проходя мимо: — Два стакана чаю покрепче, да мне рюмку очищенной, распорядитесь уж...

— Желаю здравствовать, ваше превосходительство! — как на пружинах подскочил Вельбицкий.

— Трудишься все? — поинтересовался Зволянский. — А в «Мариинке», между прочим, сегодня премьера! Весь свет там нынче, говорят...

— Не весь, выходит, коли и вы, Сергей Эрастович, пренебрегли, — позволил себе пошутить Вельбицкий.

— У нас с тобой другие спектакли, насмотримся, — неопределенно пообещал директор, ловко перехватывая подстаканник из рук делопроизводителя. — А рюмку на стол поставь! И не уходи пока, погоди... Это у нас с Константином Эдуардовичем вроде приза будет! Ну-с, Константин Эдуардович, что у нас нынче срочного на ближайшую недельку запланировано?

Вельбицкого было трудно застать врасплох. Почти не заглядывая в записи, он скороговоркой перечислил наиболее срочные дела. Зволянский еле заметно кивал и, наконец, поднял руку:

— Достаточно. Первые пять дел, почти завершенных, можно пока отложить. Ты запиши-ка пока, Константин Эдуардович: вот эти людишки меня в первую очередь интересуют! — Зволянский бросил на стол Вельбицкого четвертушку бумаги с коротким перечнем фамилий. — И пусть твои орлы очень аккуратно — слышишь, аккуратно! — обратят внимание на стесненные обстоятельства этих человечков, коли таковые имели место год-два-три назад. Ну, долги, скажем, серьезные — и вдруг с неба наследство свалилось, либо выигрыш по заемному билету. Или, скажем... В общем, меня интересуют реальные обстоятельства, могущие способствовать вербовке иностранной агентурой. Понимаешь, о чем я?

— Не первый год замужем, понимаем-с! — позволил себе легкую ухмылку Вельбицкий. — Что-нибудь еще?

— А в первую очередь меня интересует отставной ротмистр Терентьев.

— Помощник господина полковника Архипова? — впервые позволил себе удивиться Вельбицкий. — Его бывший адъютант? Который, чтобы не расставаться с командиром, в отставку вслед за ним подался?!

— Вот именно, вот именно, милостивый государь! Это жены декабристов вслед за своими любимыми в Сибирь рвались, а тут? У него что — болезнь какая-то тайная есть? Прекрасное происхождение, перспективы службы в Главном штабе — лучше не придумаешь! Блестящие реляции — и вдруг отставка! Ну, будь полковник Архипов сам больным, немощным, ухода бы постоянного требовал — тоже было бы понятно! Воевал бы с ним, шинелькой одной укрывались — так нет же! Так что ты покопай, покопай, Константин Эдуардович! В полку его прежнем — в первую очередь! Только осторожненько!

— Действительно, странно, — нахмурился Вельбицкий, жирно подчеркивая имя Терентьева в ежедневнике. — Что-нибудь еще, ваше превосходительство?

— Пока все. Хотя нет! За кем у нас Полли-Полячек числится? За Евдокимовым? Евдокимова и всю его команду ко мне завтра к восьми утра! И поглядим тогда, что день грядущий нам покажет! — Директор с сожалением поглядел на запотевшую рюмку очищенной, встал, помял поясницу. — Ивану Осипычу Велио* протелефонируй, пока я еду к нему — не дай бог, уже спать завалился! Старички — они такие...

— Не извольте беспокоиться, — снова усмехнулся Вельбицкий. — По имеющимся данным, Иван Осипович почивать ложится не ранее одного часа пополуночи, а до той поры истязает своего дворецкого игрою в шахматы. Зато и спит потом до обеда... А команду Евдокимова с «Астории» в это

* Тайный советник И. О. Велио в 1866 году был назначен начальником исполнительной полиции.

время снимать никак нельзя-с! Не приведи господи, заметит немчик подмену в персонале — а сколько трудов положено, пока внедряли-с! Сами извольте пожаловать в гостиницу, коли нужда неотложная! Я, грешник, завсегда свеженькое предписание санитарной службы для таких экстренных случаев держу-с.

— И все-то ты знаешь! И все-то ты держишь! — удивился Зволянский. — Ну ладно, с нынешним жульем понятно — это твоя работа, которую всяк хорошо знать должен. А старик-отставник Велио? Он-то по какой причине к тебе на заметку попал, а?

— По правде сказать, старик одно время «желтобилетницами» увлекался, — не стал скрывать Вельбицкий. — Он же вдовец! Как стемнеет — старец наш, аки тать в нощи, с дворецким своим караулил на своем углу «девочек». Один-то побаивался поздно на улицу выходить... Да ничего особенного, ваше превосходительство, — заторопился Вельбицкий. — Не будучи способен физиологически, так сказать, соответствовать, в баньку девочек водил, мыться просил, да за мытьем и наблюдал-с. А потом часто платить отказывался: плохо-де мылись курвы... Ну, те в крик, естественно. Жалобы пошли-с. Пришлось старичку аккуратное внушеньице сделать.

— Твой приз! Пей! — велел, смеясь, директор. — Удивил, ничего не скажешь! А санитарное твое предписание, ежели что, подозрений в гостинице не вызовет?

— Бороденку наклеим-с, очки синие дадим, фартучек беленький... Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство!

* * *

— Да нет, Иван Осипович, никакой беды не стряслось — вот, мимо проезжал, гляжу — окна светятся в знакомом этаже. Дай, думаю, заеду — может, не спит старый товарищ! Вдруг рюмку коньяку нальет новомодного, «шустовского». Впрочем, у меня к вам, Иван Осипович, и вопросец имеется! Вы ж, как народ говорит, за мемуары взялись...

Старик, поначалу встревоженный неожиданным визитом, успокоился до того, что велел дворецкому подлить в лохань горячей воды — на ночь глядючи выводил старец вечные мозоли. А шахматная доска, как и предсказывал Вельбицкий, стояла поперек грязноватого пледа, прикрывающего тощие колени.

— Мемуары — это да, Сергей Эрастович. Вот вымрет наше поколение, аки мамонты в стародавние времена, — кому вспомнить-то старое? Да-с... А вот с «шустовским» у меня беда, гостюшка дорогой. Племенник днями заходил, да все и вылакал, ирод!

— Вот беда так беда! — хохотнул Зволянский. Умел он, не подавая виду, примечать даже самые легкие телодвижения собеседника. И по тому, как непередаваемо сыграл старик-дворецкий бровями, сразу смекнул — что за племянник тут был. — Вот беда так беда! Сбегай-ка, как там тебя, человече, к кучеру моему — я, как нарочно, велел ему про запас бутыленцию купить. Вот и пригодится запасец-то, а, Иван Осипович?

Когда невольная суета, возникшая в связи с переносом старца к круглому столу посреди залы, улеглась, собеседники взялись за рюмки.

— Ну-с, нас со встречей нечаянной, а вам, вам, Иван Осипович, во здравие! — Зволянский, чокнувшись и чуть поморщившись, пригубил коньяк из нечистой рюмки.

Старик с удовольствием, хоть и закашлявшись, выпил, бросил в рот порезанное на кусочки сморщенное яблоко, долго гонял его беззубыми деснами, наконец проглотил и вдруг поглядел на гостя совсем не старческими, мутными, а ясными, с хитринкой глазами.

— Партейку в древнюю индийскую игру не желаете? — заранее зная ответ, спросил он. И, дождавшись отрицательного жеста, жестко закончил: — Тогда кайтесь, Сергей Эрастович, чего это ради вы меня в ночь-полночь посетили? Чего ради коньяком дорогущим поите, и чего от меня, убогого, ожидаете? И не надо, бога ради, про мемуары мои

никчемные поминать. Мы ж с вами профессионалы, Сергей Эрастович. Только вы-то нынешний, а я в тираж вышедший, так сказать. Но, как видно, потребовался старый Велио, а?

— Потребовался, — мгновенно перестроился директор. — Очень нам ваша память понадобилась нынче, а паче чаяния — записи и старые вырезки из газет, кои вы как зеницу ока храните!

Старик тоже преобразился, даже морщины на ссохшемся лице словно разгладились.

— Что ж... Готов помочь и слушаю вас.

— Нужен мне офицерик один, — медленно, подбирая слова, начал Зволянский. — Исчез он осенью 1874 года. 20 лет не было о нем ни слуху ни духу — и вдруг объявился. Под чужим именем просидел все эти годы в монастыре в Южной Польше, в Ченстохове. Объявился калекой — с отрубленной левой рукой. Нужен, очень нужен он мне, Иван Осипович, — но не знаю, могу ли ему доверять? А дело серьезное, поверьте.

— Семен, подай-ка мне папку за указанный господином год, из крайнего шкапа! — распорядился Велио. — Непростую задачку вы мне задали, ваше превосходительство! Знаете ли вы, к примеру, что только в одном Петербурге расквартировано около ста тысяч военнослужащих из разных полков и батальонов? Что ежегодно, только по приблизительным данным — ну что тут поделать, не любят армейские полицейских! — из этих полков и батальонов исчезает почти треть солдат и офицеров? Где ж тут вашего беглого сыскать, Сергей Эрастович? Ежели, к примеру, поздней осенью или зимой пропадают в Петербурге людишки — так их весной только можно сыскать, когда лед ломается. Всплывают, прости мя господи! А всплывают-то в голом виде, раздетые до нитки — где ж тут офицера от мазурика отличить? Полиция всех таких чохом записывает в пострадавшие в пьяном виде от утопления... Не-е, Сергей Эрастович, не по адресу пришли. За коньячок, конечно, благодарствую, но помочь...

— Погоди ты, дослушай, Иван Осипович! Сию статистику я и без тебя знаю! Не совсем так дело было! Поехал наш офицер в Европу, будем считать — в командировку служебную. Дело было, как уже поминалось, осенью 1874 года. А на обратном пути случилась у него стычка с неким иностранцем. Иностранец погиб, а наш офицер руки левой лишился. Поскольку иностранец был важной дипломатической персоной, то пропавшего офицера объявили во всероссийский розыск. Исключили из списков батальона, лишили воинского звания и вообще собирались под трибунал отдать. А ему, можно сказать, повезло: попал он в руки знающего хирурга из Варшавы, да еще со знакомствами в Ченстоховском монастыре, чей госпиталь и поныне славится. В общем, спрятали его там монахи на два десятка лет. Отсиделся там, да вот нынче и объявился...

— Погодите, ваше превосходительство, совсем я, видать, старый стал. Кого ж вы искать изволите, коли и так все про вашего «монте-кристо» знаете? — Старик нацепил на нос очки в тонкой стальной оправе, нашел в папке нужную закладку и принялся перелистывать хрустящие страницы. Часть их он безжалостно выдергивал, складывал отдельной стопкой. Буквально через несколько минут работа была закончена.

Старик перетасовал часть бумаг, выровнял их стопочкой и с поклоном передал директору Департамента:

— Извольте, ваше превосходительство. Все, как есть — в хронологической последовательности разложено.

— Ну, а на словах? Коротко ежели? — Зволянский уже разливал коньяк.

— На словах? В июне месяце 1874 года объявился в Санкт-Петербурге чрезвычайный и полномочный посол Японии, господин Эномото, с сопровождающими его, как и положено, лицами. По принятии верительных грамот к послу был выказан чрезвычайный монарший интерес. Балы в его честь, приемы — ну, в газетах все подробно описывается. Еще пишут о необычайной приязни, возникшей между гос-

подином Эномото и прапорщиком лейб-гвардии саперного батальона Михаилом Бергом, — старик хихикнул. — Ежели не в Зимнем посол пребывал, стало быть, с другом-гвардейцем Северную столицу изучал-с. Переговоры по Сахалину шли с японским послом ни шатко ни валко — не могу подробностей знать, ваше превосходительство, — может, так оно и положено. Только вот осенью одно из сопровождающих господина посла лиц засобиралось экстренно в Европу. И Берг отчего-то за ним помчался. А на обратном пути, уже в границах Российской империи, случилась между господином Бергом и японским господином Асикагой ссора. Да такая, что стороны решились, не дожидаясь прибытия в российскую столицу, драться...

Велио выкушал свою рюмку, пососал яблоко и продолжил:

— Это уже частично не из газет, ваше превосходительство, как вы понимаете. Найденный хладный труп японца и исчезновение Берга вызвали сильнейший государев гнев. Прапорщик был исключен из списков батальона, вслед за этим Япония представила России ноту протеста. Однако высочайшее указание о розыске Берга осталось без последствий, тот как сквозь землю провалился и, несмотря на все усилия полицейских и жандармских сил, найден так и не был. Не был найден и доктор, оказавший смертельно раненому прапорщику помощь и увезший его с места событий на паровозе в Варшаву...

Старик перелистал несколько пожелтевших листов, пояснил:

— Это донесения агентов наружного наблюдения и почтовых служащих. Были ориентированы на тот случай, ежели раненый Берг вступил бы в переписку с невестой, дочерью тайного советника Белецкого. Ничего особенного в этих донесениях нету, ежели не принимать во внимание одно ма-а-аленькое обстоятельство, — Велио снова захихикал. — Будучи православного вероисповедания, семейство Белецких регулярно посещало храмовые праздники и воскресные

службы в ближайшем от места жительства соборе. Но вот чудо-чудное: один из агентов, молодой совсем, обратил внимание на то, что неутешная невеста ставит свечи за упокой жениха своего, а ее батюшка — во здравие. Ну, тайный советник — человек занятой, на важных делах сосредоточен. Мог по рассеянности разок-другой попутать... Агенту было приказано наблюдение некоторое время продолжать, но потом оно как-то на нет сошло...

— А почему, Иван Осипович? — Зволянский налил по третьей.

— Потому как в России изволим жить, господин Зволянский! — вздохнул Велио. — Переговоры с Японией закончились, скандала более не намечалось, у батюшки-царя новые заботы появились. Вижу из рапортов, что обратили со временем полицейские службы внимание, что зачастил японский посол в Ченстохов, в монастырь. Произвели деликатную проверку и доложили, поди, государю, что ездит туда японец к la Famm одной. На этом все следствие и кончилось.

— Да-да, в России, оно конечно, — пробормотал Зволянский. — Где ж теперь концы-то искать? Белецкий — товарищ министра железных дорог нынче. Стало быть, человек Витте. Дочка его, поди, давно замуж выскочила, детишек растит. Родители Берга вполне помереть могли, посол японский на родину к себе уехал... Впрочем, и на этом спасибо, Иван Осипович!

Как ни терпелось директору полицейского Департамента вернуться к Архипову и похвастаться молниеносным, по сути, успехом, однако не получилось. Распрощавшись со старичком Велио и спустившись к ожидавшей его карете, Зволянский был тут же встречен курьером на взмыленной лошади, посланным за ним вслед. Откозыряв, есаул вручил директору пакет, отправленный вслед начальству Вельбицким.

В пакете Зволянский обнаружил срочную, с государевым гербом, телеграмму из Ливадии.

Сердце екнуло: неужели?..

Пробежал глазами короткий текст наклеенных вкривь и вкось кусочков ленты. Нет, слава богу, жив государь. Жив — но вызывает пред свои очи...

— Значит так, братец, — обратился директор к курьеру. — Скачи-ка к особняку господина Архипова — знаешь адрес? Вот и молодец! Скажи хозяину — только не пугай, не ори на весь дом — потихоньку скажи, что так, мол, и так. Господин директор получил срочную депешу и долг службы призывает его немедленно исполнить данное ему поручение. И вот что, братец: повернись-ка спиной, записку господину полковнику напишу!

* * *

Вернувшись к себе в Департамент, на Фонтанку, Зволянский, расстегнув крючки мундира, устроился в громадном служебном кресле. Это кресло досталось ему от предшественника, человека гренадерского роста, и поначалу едва не отправилось в кладовую: могли счесть, что новому начальству невместно выглядеть перед подчиненными подобно мальчишке, забравшемуся на отцовский стул. Однако со временем Сергей Эрастович оценил глубину и упругий уют кресла и выносить его запретил. В нем хорошо думалось, ну а если возникала надобность поработать пером, то на сей случай под левой тумбой стола была припрятана широкая доска — подставка, обитая тканью, — как раз по ширине чудовищного кресла.

Нынче Зволянскому требовалось принять окончательное решение: либо идти до конца с выбранной им партией сторонников контрразведки, либо, собственного бережения ради, тихо, деликатно и, главное, вовремя отойти в сторону.

Обычно директор приезжал на службу около 7 часов утра, однако нередко, как вот и нынче, оставался работать на всю ночь. День обещал быть хлопотным — впрочем, иных в последнее время и не бывало.

Помощники уже приготовили на обширном столе две внушительные кипы документов, которые следовало прочесть, осмыслить и проанализировать или, по крайней мере, вдумчиво проглядеть, чтобы отложились в памяти. Ну а тут вся ночь впереди — успеть разобрать можно было с гарантией.

Вздохнув, Зволянский невольно позавидовал феноменальной памяти Агасфера: ему бы хоть четверть этакого божьего дара — куда как было бы полезно при его-то службе!

Приняв из рук сторожа традиционный стакан чаю с изрядной добавкой рома, директор сделал пару глотков. Дело по расшифровке лежало верхним. В папке имелись свежайшие, еще пахнущие и пачкающие типографской краской «Ведомости» с очередной заметкой зловредного Полли-Полячека. В номер помощник поместил еще пачечку бумаг — выявленные-таки Зыбиным секретные «междустрочья», краткое пояснение к способу шифровки и «исходник» — та же самая статья Полли-Полячека в рукописном, первозданном виде, с пометками, сделанными карандашом и чернилами. «Исходник» удалось добыть из урны в номере газетчика, хоть и неполный.

Пояснения Зыбина, гения криптоанализа, Зволянский читать не стал, чтобы мозги набекрень не свернулись: расшифровал — и молодец! За то тебе и наградные положены.

Содержание заметки было хоть и кратким, но довольно емким:

Кораблестроение. *Фактический монополист в деле изготовления и установки на военные суда — немецкий концерн с русским названием «Русское АО Сименс-Шуккерт». Некто Р. руководил установкой электрооборудования и средств связи на кораблях по всей Балтике. Именно по его требованию каждая такая установка нуждалась в предъявлении подробных чертежей всех военных кораблей* (вот мерзавец!). В статье содержался краткий анализ и детальный отчет о всех заказах за последние четыре месяца.

«Общество Путиловских заводов» *по Уставу — полномочный представитель немецкого оружейного концерна «Крупп»* (ну, об этом, положим, мы знаем!). *А вот информация о новинках русской корабельной артиллерии, добытая неким Б., которая в ближайшее время должна была отправиться*

в Берлин с агентом «Гертрудой» в виде подробных чертежей — это было уже интересней! Упоминалась и сумма вознаграждения — «обычная», 6 тыс. рублей.

Резидент, скромно обозначенный в секретной части публикации буквой «Л», сомнений не вызывал — ну кому еще им быть, как не советником германского посольства Гельмутом фон Люциусом!

Зволянский, покосившись на подшивку «Ведомостей», придавившую отдельный столик в левой части кабинета, площадно выругался: сколько же подобных секретов благополучно, практически открыто и нахально ушло в Германию за последние годы!

Позвонив колокольчиком, директор спросил себе второй стакан чаю, раскурил сигару и продолжил работу с документами, не переставая размышлять о первой папке и ее героях.

Собственно, в таланте Зыбина он не сомневался. Агенты тоже оказались на высоте: сумели добыть не только почти полный «исходник» газетной статьи, но и перечень книг из номера Люциуса, которые могли служить ключами к кодам шифров. Зыбин подтвердил, что одна из книг действительно была использована для шифровки. И, что представлялось директору самым ценным, участники операции не «нашумели» при этом! Значит, велик шанс, что немцы не всполошатся, не сменят коды, и Петербург по-прежнему будет в курсе того, что и откуда «сливается». А это уже немало!

Перечень информации, укрытой в статье Полли-Полячека, позволит аккуратно навести нужные справки — откуда немецкая агентура черпает нужные ей сведения. Дело это, разумеется, не быстрое — но тут поможет сам характер информации. Относительно той же электротехники и средств связи для кораблей — наверняка (слава русской бюрократии!) существует список групп допуска к тем или иным секретным материалам. Вот и «пошерстить» осторожненько электротехников. А там, глядишь, и таинственный «мистер Р.» всплывет! То же самое касательно и «мистера Б.» — очень может быть, что буквы указывают на имена агентов!

Сложнее с «Гертрудой»: тут надо бы посоветоваться и с Заварзиным, и с Архиповым. Не столь давно в одном из рапортов упоминалось о предателе, начавшем торговать секретами отчизны ради некой взбалмошной красавицы — то ли жены, то ли любовницы.

Однако имя женщины было незнакомым. Кстати говоря, в разведке давно стало общепринятым ради маскировки именовать агентов вымышленными именами, инициалами и даже давать агентам-мужчинам имена женские. И наоборот, женщинам — мужские. Черт бы побрал эту разведку вместе с контрразведкой и их спецификой! Где их взять, специалистов по этой части?! Ну не на порученца же из присутствия возлагать поиски петербургской Гертруды, или этих «Бэ» и «эР»!

Филеры для наружного наблюдения неоценимы. Кому мордасы начистить — тоже долго искать не надобно. А вот языков, почитай, никто и не знает, кроме матерного. Господи, почему же ты, Расеюшка, невезучая-то такая? Критиков и ниспровергателей — пруд пруди, из бомбистов батальоны сформировать можно. Доносчиков и шептунов — хоть делись с кем, а вот разведчиков-профессионалов, тех, кто способен иностранным шпионам противостоять — кот наплакал! Ну не ему же, директору Департамента полиции, лично воевать с ними!

Вошедшему с озабоченной физиономией и новой порцией бумаг порученцу директор велел немедленно протелефонировать Архипову, напомнить, чтобы ждал к завтраку. Ну разве что припозднится немного — так ведь служба, служба прежде. А уж «пустячки» — потом!

Приблизительно год назад директор Департамента получил из «заслуживающих доверие источников» информацию о существовании в Главном штабе группы «инакомыслящих». Все, вроде, было ясно: опять «окопались» возле трона злыдни с планами ниспровержения, или бог еще знает чего — мало ли социалистов всех мастей развелось нынче. От сопливых недоучек-гимназистов до вполне солидных с виду людей. Хотя

этим-то, при хороших должностях, при чинах, наградах и эполетах — им-то, господи, чего еще от жизни не хватает?!

Донос на «инакомыслящих» потребовал всего-то двух дней проверки и выявил полную абсурдность обвинений, выдвинутых против уважаемых в обществе людей. С ними даже профилактическая беседа, по разумению директора, не требовалась — как это обычно практиковалось. Скорее уж, наоборот: кое-какие документики из числа «программных» вызвали у Зволянского целый ряд вопросов. В общем, в очередной «четверг», захватив супругу с «выводком» дочерей, он без приглашения нагрянул к Архипову с визитом.

Думал, чего уж там, тихую панику его неожиданный визит вызовет. Не вызвал — будто давно поджидали директора Департамента «заговорщики». Наверняка поджидали! И переглянулись они весьма многозначительно, а тонкий слух директора уловил еле слышное: «Я ж тебе говорил — придет!»

Зволянский даже охнул мысленно: заманили! Сами, поди, донос и написали на себя... Обошли, обошли, стратеги! Ну что ж, раз заманили — и поговорим!

Разговор, правда, получился нелегким. И покричать друг на друга пришлось, и поспорить, «пошвырять» друг в друга статистическими данными — из открытых и закрытых источников.

Ехал к Архипову Зволянский с твердым намерением объяснить «заговорщикам», что главе полицейской службы империи и без иностранных шпионов дел невпроворот. Зарубежные охранные отделения создавать приходится для борьбы с внутренней социалистической заразой. А вы, господа, как дети малые — в «сыщиков-разбойников» играть изволите! Под ногами путаетесь...

Но вышло совсем наоборот: Ванновский и Архипов с «бумажными» аргументами в руках довольно скоро сумели «завербовать» директора полицейского Департамента, покладистостью характера и умением дать себя переубедить в том, в чем уверен, никогда не отличавшегося. Чтобы «не сдаваться» сразу, Зволянский (больше из принципиальных

соображений, конечно!) выговорил условия сотрудничества. Вы мне не мешаете, я — вам!

Не успел нынче «разгрести» и половину накопившихся бумаг, как в кабинете возник порученец-адъютант. Хотел было на него Зволянский рыкнуть, да уж больно физиономия у порученца испуганной была.

— Чего у тебя? — буркнул директор Департамента. — Что опять стряслось?

— Начальник вокзала телефонирует. Спрашивает: к которому часу прикажете литерный экспресс подавать? Телеграмма-то под грифом «Срочная»...

— Из Ливадии все срочное нынче! — вздохнул Зволянский. Он, разумеется, знал, что государь несколько дней назад отправился в Ливадию прямо с охоты, которую он позволил себе из-за оптимистичного диагноза профессора Захарьина, одного из лучших терапевтов России. Император не очень верил врачебным диагнозам — тем более диагнозам докторов еврейского происхождения. А тот, вызванный из Москвы, выходит, подыграл: ничего, мол, серьезного, но желательно на некоторое время сменить здешний гнилой климат на что-нибудь потеплее и посуше.

Обрадованный временным улучшением самочувствия, Александр III объявил семье и всем соратникам по охоте свою волю: так и быть, из «гнилых мест» уедем, да только не в Крым. В Беловежье желаю!

Самодержец пожелал — все и поехали! Александр был весел, подшучивал над егерями и близкими. Обещал угостить вместо пахнущих болотом и рыбой уток зайчатиной, свежениной оленей и косуль...

Однако перемена климата привела к ухудшению самочувствия самодержца. Неукоснительно соблюдая все правила охоты, он, как и все, вставал ни свет ни заря, часами сидел в скрадках на куропаток и зайцев, мерз у разведенных в поле костров и даже самолично мыл в холодной воде своего коня-тяжеловоза. Результат не замедлил сказаться: в Беловежье был срочно вызван профессор Лейден из Германии.

Что он сказал по поводу диагноза своего московского коллеги — история умалчивает, только прямо в день визита немецкого диагноста, определившего нефрит, царский кортеж, как мог быстро, двинулся на юг. 21 сентября яхта «Орел» перевезла самодержца из Севастополя в Ливадию. Правда, было, наверное, уже поздно: в довершение к нефриту государь сильно простудился и день и ночь надсадно кашлял.

— Так как прикажете, ваше превосходительство? — кашлянул порученец. — К семи часам? К восьми?

Зволянский побарабанил пальцами по столу, глянул на часы — раньше чем завтра днем в Ливадию не попадешь — и велел порученцу приготовить персональный салон-вагон и мощный локомотив к двум часам пополудни.

— И не смотри на меня так, а лучше давай еще стакан чаю! Бумаг-то сколько натаскал!.. Ладно, что не успею до отъезда отработать — пусть Заварзин решения принимает. Когда в Петербург вернусь, сам, братец, не ведаю, — заключил директор и снова углубился в изучение бумаг.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Задумавшись, Архипов не сразу обратил внимание на тихий короткий скрип кожаного кресла по соседству: там устраивался поудобнее Куропаткин, его давний боевой товарищ. Если бы Архипова попросили составить список наиболее доверенных лиц, Алексей Николаевич Куропаткин, безусловно, занял бы там почетное первое место.

Оба родились в семье мелкопоместных дворян, у одного отец — капитан, у другого — майор в отставке. Оба воспитывались в 1-м кадетском корпусе, а в 1864 году, сговорившись, поступили в 1-е военное Павловское училище, которое и закончили в 1866 году. Назначения, правда, после окончания получили разные. Куропаткин был произведен в поручики в 1-й Туркестанский стрелковый батальон и практически сразу попал на театр военных действий. Воевал против бухарцев, участвовал в штурме Самаркандских высот. Военная

карьера Архипова, хотя он тоже успел основательно нюхнуть пороху, дала небольшой сбой. Будучи тяжело ранен в одном из боев, он почти 8 месяцев провалялся в госпиталях и уже в 1869 году с завистью читал письма товарища о том, что тот назначен ротным командиром, а в августе 1870 года за отличие по службе досрочно получил штабс-капитана.

В 1871 году Куропаткин поступил в Николаевскую академию Генштаба, которую закончил в 1874 году, и был отправлен в научную командировку в Германию, Францию и Алжир. Находясь в Алжире, участвовал во французской экспедиции в Сахару. Зная страсть старого друга к путешествиям, Алексей Николаевич добился включения в состав экспедиции и Архипова. Потом их пути снова разошлись: возвратившись в Россию в конце 1875 года, Куропаткин был экстренно переведен в Генеральный штаб, где годом спустя... снова встретился с Архиповым. Впрочем, ненадолго: вскоре Куропаткин получил назначение в штаб Туркестанского военного округа, а Архипов, как ни старался, так и не смог вырваться из порядком надоевшего ему Петербурга.

Архипов ревниво следил за карьерой друга, часто получал от него короткие письма из Кокандского похода. И уже из газет узнал, что при взятии Уч-Кургана Алексей Николаевич первым ворвался в крепость, командуя всего полуротой охотников и сотней казаков, за что был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени.

В начале 1877 года Куропаткин недолгое время был прикомандирован к Главному штабу, а в июле 1877 был назначен обер-офицером для поручений при его императорском величестве.

Потом было назначение заведующим Азиатской частью главного штаба, командующим Туркестанской стрелковой бригадой. В Ахал-Текинской экспедиции он уже начальник авангарда Кульджинского отряда, потом начальник Туркестанского отряда. Совершив тяжелый 18-дневный переход в 500 верст через пустыню, он присоединился к войскам генерала Скобелева, действовавшим против Геок-Тепе. При

штурме этой крепости 12 января 1881 года Куропаткин, командуя главной штурмовой колонной, ворвался по минному обвалу в крепость, положив основание полной победе русских войск. За это он был награжден орденом Святого Георгия 3-й степени, а чуть позже произведен в генерал-майоры.

В 1890 году Архипов поздравил друга с производством в генерал-лейтенанты и тут же проводил в Закаспийскую область, откуда Куропаткина с маловразумительной формулировкой неожиданно отозвали в Северную столицу, по которой поползли слухи о его скором назначении военным министром.

Архипов был единственным человеком, с которым Алексей Николаевич Куропаткин был совершенно откровенен. В том числе и относительно перспектив своего назначения. Он хорошо помнил пророческие слова «белого генерала»: «Помни, ты очень хорош на вторые роли. И упаси тебя боже взять когда-нибудь на себя роль главного начальника! Тебе не хватает ни решимости, ни силы воли!»

Эта оценка Скобелева*, данная Куропаткину как будто бы с глазу на глаз, вскоре перестала быть тайной и облетела весь Петербург. Пожалуй, Куропаткин был единственным человеком, не досадовавшим на столь нелицеприятную оценку старого товарища. Свои решения, включая военные, он всегда тщательно обдумывал, прикидывал все «за» и «против», позволяя себе лишь в кругу самых близких друзей беспомощно разводить руками: ну такой я человек! Таким сделала меня Природа, и здесь бессильны и насмешки, и понукания.

---

* Генерал-адъютант М. Д. Скобелев, герой среднеазиатских побед России, прозванный в народе «белым генералом», был необычайно популярен. Долгое время А. Н. Куропаткин воевал под его началом (был начальником штаба). Скобелев никогда не стеснялся в выражениях и мог сказать правду в лицо любому собеседнику, включая монарха. Таинственная и скоропостижная смерть «белого генерала» породила множество слухов, догадок и версий — от «заговора Бисмарка» до тайного приказа Александра III, который, по слухам, очень боялся популярности Скобелева в народе и верил в его «заговор» против своей особы. Тайна эта не разгадана до сих пор.

Между тем скорое и вполне очевидное назначение военным министром не могло не беспокоить Алексея Николаевича. Одно дело — высокий военный пост, пусть и командармовский. И совсем другое — военный министр, отвечающий за судьбу империи. Министру потомки не простят того, что могли бы простить любому генералу.

— Андрей, а ведь мне и отказаться никак невозможно, — вздохнул Куропаткин, машинально поигрывая попавшейся под руку безделушкой — изящной поделкой слоновой кости, внутри которой был «втиснут» еще один слон, поменьше.

Архипов бросил на друга взгляд, полный сочувствия. Он знал, что сейчас любые слова, сказанные им, пролетят мимо сознания товарища, не будут им восприняты.

— Давно хочу у тебя про этого твоего нового помощника поподробнее порасспросить, Андрей Андреич. Что за Агасфер такой? — решил сменить тему генерал-лейтенант. — Мы же вроде договаривались, Андрей, что лишние люди нам в твоем доме не нужны... Германцы с австрияками спят и видят, как бы своего человечка к тебе сюда подсадить. Вот и Зволянский что-то насчет него подозревает...

— Да нет, тут другое, Алексей Николаевич, — покачал головой Архипов и вкратце рассказал о появлении у него в доме Агасфера, о его инвалидности и о удивительных способностях и о рекомендации аббата Девэ — несколько странной, конечно, но заслуживающей полного доверия.

— Полякам я вообще не слишком доверяю, — буркнул Куропаткин. — Но аббат, конечно, на особом положении. Ладно, поглядим на твоего Агасфера... Говоришь, какие-то необыкновенные способности он выказал едва ли не в первый день своего появления в Петербурге?

— Совершенно верно, Алексей Николаевич! Я отправил его с Терентьевым прогуляться, чтобы к людям заново начал привыкать. И вот по возвращении из города Терентьев доложил мне об удивительной памяти Агасфера, способного с ходу запоминать огромные тексты...

— Любопытно, любопытно! А куда, ежели не военная тайна, Зволянский нынче исчез, Андрей Андреевич?

— Сам не ведаю, — вздохнул Архипов. — Обещался вернуться через полтора-два часа, а вместо себя казачка прислал с запискою. Неотложные дела-с! Просит только самым убедительнейшим образом за стол без него завтра не садиться. Уезжает днем куда-то, хочет что-то важное сказать. Вас, Алексей Николаич, упоминал. Почтите своим присутствием, надеюсь? Не откажетесь?

— А куда мы с этой лодки, дружище? — вздохнул Куропаткин. — Вы в семь завтракаете? Подойду-с.

* * *

Проснулся Агасфер около семи утра. Умывшись и одевшись, он несколько раз с удивлением поглядел на часы: обычно в это время дворецкий Кузьма оповещал о завтраке. Но нынче ставшего уже привычным шарканья ног и скрипа паркетин не было слышно — никак дают выспаться будущему герою сегодняшнего дня? — усмехнулся он про себя.

Шарканье раздалось лишь в половине восьмого. Однако и тут не обошлось без новшеств: Кузьма предупредил, что завтрак нынче будет подан позднее, поскольку ожидается прибытие господина директора Департамента полиции. Он-де просил непременно его дождаться.

— Я в мастерских тогда, если что, — предупредил дворецкого Агасфер и пошел разыскивать «золотых дел мастера на все руки», как иногда именовал Архипов старого слесаря Тимофея.

Выброшенный из путиловских цехов по причине преклонного возраста и частого увлечения горячительным, Тимофей был действительно незаменимым помощником Архипова. Под его корявыми, с изломанными ногтями пальцами оживали и крохотные детальки старых игрушек, и многопудовые станки, начинавшие время от времени капризничать.

Поначалу Тимофей приходил в мастерские Архипова лишь по субботам — чтоб не лишиться работы в цеху и будущего

пенсиона. Однако, получив «полную отставку» от заводских дел, попросился к Архипову на постоянный «постой».

— Дом у тебя агромадный, мастерские большие. Мне много-то и не надо — позволь, Андрей Андреич, где-нибудь поближе к кузне, к теплу обосноваться. И мне хорошо, и тебе по кабакам меня разыскивать по срочной нужде не придется. Объесть я тебя навряд ли смогу, а два полуштофа* в неделю — нешто обеднеешь?

На том и ударили по рукам: Архипов хорошо знал привычки старого слесаря и пьяного буйства не опасался. Не согласился он только со скудными «пищевыми запросами» работника, поставил его, выражаясь военным языком, на пищевое довольствие и положил старику денежную оплату, и выдал ему серенькую книжечку сберегательной кассы, которой тот чрезвычайно гордился.

Когда в архиповском доме появился Агасфер, Тимофей немедленно взял что-то вроде шефства над его протезами. Работу монахов он в целом одобрил, но посулил сделать такой протез, какой и на выставку не стыдно выставить будет.

Старика отчего-то коробило имя молодого «подшефного». Слыша его, он всякий раз хмурился, а если полагал, что никто не видит, так и торопливо крестился. И по прозвищу он его упорно не звал — обходился уклончивыми окликами «Эй, молодой», или «Молодой-красивый!», а то и просто: «Барин!»

Тимофея Агасфер нашел там, где и предполагал — в крошечной «ювелирке», где исполнялась самая мелкая и ответственная работа. Под потолком сияли две сильные лампы, на верстаке были закреплены крошечные тиски, а над ними — огромная настольная лупа на шарнире. Пыхтя и тихо матерясь, старик, зажмурив один глаз, делал что-то настолько мелкое, что с двух шагов и не различить было.

— Ти-ха! — рявкнул Тимофей, не оборачиваясь и еще не видя, кто вошел. — Не дыши, человече! Ежели оно, проклятое, опять из зажима вырвется, у меня терпения не хватит

* *Полуштоф* — старинная русская водочная мера, равная 0,6–0,7 л.

снова два часа гнездить его, так раз-так-перетак! Молчи себе в углу, пока не зашиб!

Агасфер, как ему было велено, тихонько опустился на лавку в углу и замер.

Посопев еще несколько минут, Тимофей бережно отнял руки от тисочков, внимательно вгляделся в свою поделку и удовлетворенно выматерился:

— От-так-то! Я ж сколько раз Андреичу твердил, что соединю крылышки, а ен одно только и бормочет, — Тимофей передразнил: — «Площадь соприкосновения недостаточна, дурило старое!»

Смеясь щербатым ртом, старик обернулся, увидел Агасфера, хлопнул его по колену:

— А, молодой-красивый? Как старый Тимоха сказал, так оно и будет! Понял?

Парнишка, обретающийся при мастерских Архипова «на подхвате», опасливо заглянул в «ювелирку» Трофима: сюда ходу ему обычно не было. Старик гнал из своей берлоги не только его, но и слесарей посолиднее, «с понятием». Исключение делалось только для хозяина дома, Агасфера (и то с явной неохотой), да для двух самых «рукастых» слесарей из путиловских цехов и верфей, приходивших по субботам.

Заметив парнишку, Тимофей мгновенно подобрался и вот уже сжимал в руке бог весть как оказавшуюся здесь половинку сапожной колодки, чтобы метко швырнуть ее в лоб «шпиену». Однако парнишка, заметив опасность, нырнул в приоткрытую дверь и уже оттуда, недосягаемый для сапожного снаряда, зачастил:

— Не боись, дядечка Тимоха, я не за твоими сокровищами пришел! Колокол наверху уже два раза брякал, а молодого барина нигде нету! Не у тебя он часом?

— Здесь, здесь я! — откликнулся Агасфер. — Сей момент иду в столовую — гость, поди, уже прибыл...

— Таких бы гостей... — многозначительно начал Тимофей, как всякий простолюдин, не любивший полицию и не доверявший «фараонам». А уж «главному фараону» — тем паче.

Окончания реплики Тимофея Агасфер уже не услышал — взбегал по довольно крутой лестнице из рабочего полуподвала на первый этаж. Не то чтобы он был рад визиту директора полицейского Департамента. Где-то в глубине души Агасфер разделял недоверие к полицейским чинам, чуял, что неспроста Зволянский на завтрак напросился.

Так оно, в общем-то, и было.

Стукнув в филенку двери, Агасфер распахнул ее и шагнул за порог, негромко и почтительно поздоровался. Архипов с неопределенным выражением на лице водил вилкой по тарелке, зато Зволянский встретил его как родного.

— Здравствуйте, здравствуйте, господин... Берг, если не ошибаюсь? — директор кивнул на стул напротив. — Присаживайтесь, сделайте милость, пока непрошеный гость весь завтрак не уничтожил!

Бросив быстрый взгляд на полковника, Агасфер прошел к своему стулу, сел. Заправил за воротник салфетку, привычно закрепил в ладони протеза вилку.

— Нервы-то у нашего героя, похоже, железные, — продолжал юродствовать глава полиции. — Иной бы побледнел, сбежать бы попытался...

— Ваше превосходительство! — вдруг по-фельдфебельски рявкнул Архипов. — При всем уважении к вашим чинам и званиям я бы попросил вас соблюдать в моем доме правила учтивости! Господин Агасфер — такой же гость за моим столом, как и вы! И если ему угодно называть себя так, а не иначе, это его полное право!

Зволянский внимательно поглядел на Архипова, затем на Агасфера, усмехнулся углом рта и снова принялся за еду.

— На моей памяти только два великих князя позволили себе повысить голос на директора Департамента полиции. Один, впрочем, потом долго извинялся... Но вы правы, вы бесконечно правы, Андрей Андреич! Каюсь: взяло на мгновение верх этакое полицейско-хватательное нутро! И вы простите, милостивый государь! В отличие от ваших, мои-то нервы, сами понимаете, ни к черту. Масса важнейших

государственных дел! Мало мне их — всплывают какие-то интриги, совершенно неуместные со стороны родни и знакомых. А тут изволь-ка, брат, шарады разгадывать, а по этой части господин полковник великий специалист! Древнегреческие и римские мудрости щелкает как орешки, а те, что под боком, раскалывать не желает, видите ли! Ждем-с инициативы со стороны загадочного Агасфера! Кузьма! — рявкнул неожиданно Зволянский. — Кузьма, кофе подай, все одно под дверью подслушиваешь!

Никто не удивился, когда после минутной паузы, постучав, в столовую явился Кузьма и с невозмутимым видом водрузил перед Зволянским серебряный кофейный прибор.

— А вы говорите мне! — усмехнулся тот, хотя никто до появления дворецкого и рта не раскрыл. — На чем я остановился, господа? Ах, да! На времени! На том самом времени, которого у всех нас вечно не хватает! Ну нету у нас времени ждать, господин Агасфер, покуда вы «созреете», чтобы признаться!

Директор допил кофе. Расплескивая, налил вторую чашку. И, не донеся до рта, вдруг снова поставил на блюдце и повернулся к Агасферу:

— Ну сами посудите, драгоценный вы наш: можно ли в таких условиях в «монте-кристо» играть? И враг, как говорится, не дремлет, и у тех, кто в тогу друзей нынче рядится, кинжал наготове... Малейшая наша ошибка — к пустяку ведь придерутся, к формальности, — и разгонят нашу несозданную еще контршпионскую организацию к чертовой матери! А нас — кого в Тобольск, кого в Кяхту... Так что, господин Агасфер, давайте-ка по-честному играть!

— Что вам угодно знать про меня, ваше превосходительство?

— Главное, с вашего позволения, я нынче ночью сам раскопал! — не без торжества объявил Зволянский. — Ведь вы, сударь, тот самый прапорщик саперного лейб-гвардии батальона фон Берг, которого государь повелел во всероссийский розыск 20 лет назад объявить за причинение смерти японскому дипломату.

— Это была честная дуэль, хоть и без секундантов! — сверкнул глазами Агасфер. — Мы оба оставили соответствующие записки!

— Никто в этом и не сомневается — есть в розыскном деле ваши и вашего противника «письмена»! Меня другое интересует: убей меня бог, если, рассердив двух императоров, вы не оказали огромной услуги главному японскому дипломату господину Эномото. Так, господин Агасфер?

— Верно! И не только ему: дело прошлое, как говорится, но если бы не мое «мальчишество», как его позже называли, были бы сорваны только что начавшиеся трудные дипломатические переговоры с Японией и, наверняка, выдворен был бы из страны сам посол — если не посажен в Петропавловку. Вообще, черт знает что могло произойти, если бы мне случайно не удалось раскрыть японский заговор, ваше превосходительство!

— Вот как! — хмыкнул Зволянский. — И есть доказательства существования этого заговора? Тот посол, Эномото, может это подтвердить? Он жив?

— Не знаю... Я потерял с ним связь с тех пор, как его сменили и он уехал на родину.

— Хорош друг! Вы его честь спасли, а он поскорее домой...

— Вы не смеете так говорить! — вскочил со стула Агасфер. — Не смеете! Он сделал все, что мог! Он вылечил мою смертельную рану, спрятал меня от царского гнева в монастырь к паулинам. Он меч свой господину приору монастыря пожертвовал — для самурая меч катана — это часть души! Он готов был взять меня с собой в Японию — чтобы вылечить до конца и заботиться обо мне! Я отказался!

— И почему же? — как бы между прочим поинтересовался Зволянский.

— Мне трудно объяснить это человеку, не знакомому с японской культурой, японским бусидо — кодексом чести. Да, мы с Эномото-сан стали в России друзьями. Я проникся многими японскими нормами поведения, правилами и понятиями — и именно поэтому не поехал с ним! Все, ваше

превосходительство! Вы вправе меня арестовать, но больше я ничего не скажу!

Долгое молчание за столом прервал короткий звонкий хруст. Все вздрогнули — Архипов сконфуженно глядел на массивную вилку, сломанную в его руках. Отбросив обломки, полковник без особого сожаления вздохнул:

— Пятая, кажется, с начала года... Пора, видимо, столовые приборы обновлять... Господин... Агасфер — я позволю себе так вас называть — мне хочется тоже внести лепту в нашу беседу, которая допросом, уверяю вас, ни в коей мере не является.

— Да-да, конечно, Андрей Андреич...

— Вот вы говорите — звали вас, могли бы уехать в Японию. И не уехали... Ну, кодекс японской чести — этого я совсем не знаю. Но скажите по совести, у вас ведь и невеста в свое время была?

— Да. Дочь тогдашнего тайного советника Белецкого, он по линии железных дорог что-то там инспектировал. Настенька... Не буду скрывать — из-за нее главным образом не уехал, когда звали. Знаете, ведь между жизнью и смертью многое кажется совсем другим. Искаженным, что ли... Как сквозь неровное стекло глядишь. Пока культю мою без бинтов не увидел — все надеялся, что поправлюсь и...

Архипов предостерегающе глянул на Зволянского, явно желавшего вставить какую-то реплику, кивнул Агасферу:

— А позже, когда поняли, что стали инвалидом, решили, что не имеете права обременять своей близостью молодую женщину. По сути дела, девицу. Так?

Скрипнув зубами, Агасфер промолчал.

— Первое время за семьей вашей Насти следили, — со смущенным видом признался Зволянский. — И знаете, на что обратил внимание один дотошный филер? Что господин Белецкий всегда ставил в храмах одну свечку «во здравие». А Анастасия Павловна три года вашу свечку «за упокой» зажигала.

— Три года... Значит, она ждала меня всего три года...

— Барон, для молодой женщины и три месяца — целая вечность! — с оттенком назидания пыхнул дымком сигары Зволянский. — Вы расстались с Настенькой, когда ей было... сколько? Ах да, 16... Она не могла себе представить, чтобы ее жених, если он жив, не дал бы о себе знать! Три года, говорите вы... Не имея никаких сведений о своем женихе, что же ей было делать, барон? Уйти в монастырь? Оставаться старой девой до гроба?

— Да все он понимает! — грубовато вмешался Архипов, подавая Бергу пузатый фужер с темно-коричневой жидкостью. — Насколько я понимаю, именно вы, Мишель, категорически запретили отцу вашей Настеньки говорить ей о том, что вы живы! Что остались калекой без одной руки...

Сунувшись в дверь, Кузьма доложил, что прибыли его высокопревосходительство генерал от инфатерии Куропаткин и его высокоблагородие господин Лопухин, товарищ московского прокурора. Прикажете принять или как?

Обменявшись быстрыми взглядами, хозяин дома и Зволянский одновременно пожали плечами. Рано или поздно, их «кружок» должен был узнать об Агасфере правду. Почему же не сейчас?

— Только давайте не будем разводить антимонии и дискуссии до вечера, — не слишком тактично предупредил Зволянский. — Я ведь, господа хорошие, всю ночь работал, и вот теперь в Ливадию срочно вызывают — экспресс на два часа заказан.

— В поезде и выспитесь, — подытожил Архипов.

— Выспишься с вами, — буркнул директор. — Мне в Москве пассажира подхватить еще нужно. Да не простого: до утра завербовывать его в нашу «артель» придется...

Архипов кивнул дворецкому и уселся в кресло напротив Агасфера, едва не касаясь его колен своими, попытался поймать взгляд. Но тот смотрел куда-то сквозь него, сквозь время.

— Хорошо, молодой человек! Есть такая детская игра: «А что, если?» Мы, разумеется, люди взрослые, но, тем не

менее... Давайте-ка сыграем! Вариант первый: могли вы тогда, осенью 1874 года, не кидаться очертя голову в Европу, не ловить за руку подлеца Асикаго, не бросать ему вызов? Могли! Однако поступили так, как поступили! Попытались спасти друга. Скажите-ка, вы жалеете обо всем?

— Разумеется, нет.

— Вариант второй: узнав о заговоре против вашего друга, вы могли донести об этом властям. Что произошло бы в таком случае? Ваш Эномото, как особа, оскорбившая царское величие, был бы в сорок восемь часов выдворен из России. Конец переговорам, конец дипломатическим контактам двух стран... Дальнейшее развитие событий я просто не в состоянии прогнозировать. Скажите, вы желали бы этого? Убеждены ли вы, что потом были бы счастливы со своей Настенькой? Если по совести, а?

— Пожалуй, что нет...

— А третий вариант вы рассматривали, господин Берг? Предположим, вы обнаруживаете в Париже истоки заговора и возвращаетесь, ничего не предпринимая, в Петербург. Предупреждаете своего друга Эномото — и что происходит дальше? А дальше, милостивый государь, одно из двух: либо посол продолжает переговоры как ни в чем ни бывало, на «авось», как у нас говорят — либо кается Александру в своем прошлом. И «бомба взрывается», господин Агасфер! Днем раньше, днем позже — но взрывается! А вашу жизнь можно назвать после этого спокойной и счастливой?

— Я не знаю, я ничего не знаю, господа! — простонал Агасфер. — Я жил в монастыре, ежедневно надеясь на какое-то чудо. Ждал, что вот однажды проснусь, встанет солнце, развиднеется — и все несчастья уйдут, и все разрешится само собой! Я не хотел единственного, господа: я не желал, чтобы Настенька увидела меня вот таким! С искусственной рукой! Я не хотел увидеть в ее глазах ужас или сочувствие, жалость...

— Простите за нескромный вопрос: вы ведь поддерживали отношения с отцом невесты?

В столовой, оживленно что-то обсуждая, появились Куропаткин и товарищ прокурора Лопухин. Поздоровавшись, они моментально поняли, что здесь происходит что-то серьезное, и оба, не сговариваясь, умолкли. Привстав и поклонившись вошедшим, Агасфер продолжил:

— Да, он три или четыре раза приезжал в Ченстохов. Последний раз — после гибели Александра II, когда, по традиции, была объявлена всеобщая амнистия. Он говорил, что Настенька на грани нервного срыва. Что она не хочет оставаться старой девой, хочет иметь детей и все еще любит меня... Я тогда чуть не смалодушничал, признаюсь вам. И родители мои были еще живы... Но выдержал! Это был его последний визит ко мне.

В библиотеке воцарилось глухое молчание. По крайней мере, у трех из четверых присутствующих вертелся на языке вполне закономерный вопрос: почему?!

Собственно, и ответ был налицо: объявись Берг после манифеста об амнистии, вряд ли это стало бы счастливым концом длинной страшной «сказки». Оставление воинской службы, нарушение присяги, хлопоты по возвращению прав состояния и дворянства... И везде, в любой чиновной инстанции, он слышал бы в глаза или вслед: а-а, это тот самый Берг... А каково бы было слышать такое Настеньке, детям?

Тот самый Берг...

Словно опомнившись, Агасфер медленно, как воду, не поморщившись, выпил коньяк из давно нагревшегося бокала. Вопросительно поглядел на Зволянского:

— Ваше превосходительство, вы не умеете ничего делать наполовину, я понял это уже давно. У вас ведь есть фотография Настеньки... Вещественная, так сказать, улика. Может, даже с ее детьми — покажите мне, пожалуйста!

Присутствовавшие переглянулись. Самое удивленное лицо было у директора Департамента полиции. Как у священника, которого на базаре толпа вдруг обвинила в краже... Куропаткин нахмурился и сурово кивнул. Сергей Эрастович оскорбленно пожал плечами, взял с книжной полки давно

уже приготовленную папку, щелкнул замочком, положил перед Агасфером черный сафьяновый прямоугольник.

Помедлив, тот раскрыл папку, взял в руку фотографию увеличенного формата.

Молодая женщина с тремя мальчишками возраста 12–15 лет была запечатлена на фоне заднего колеса коляски. Женщина чуть наклонилась, обхватив руками своих сыновей и строго глядя в объектив фотокамеры.

Это была и она, и не она. Память Берга до сих пор бережно хранила ее лицо, обоняние — запах тонких, словно всегда чуть растрепанных у основания волос.

Берг вглядывался в лица мальчишек, которые вполне могли быть его — *его!* — сыновьями. Вот этот, средненький, с темными волосами и задорно приподнятым подбородком, был, кажется, даже чем-то похож на него...

Он перевернул фото, вгляделся в дату съемки: позапрошлый год. Остальные фотографии смотреть не стал, бережно вложил в папку первую и щелкнул замочком.

— Спасибо, ваше высокопревосходительство. Уважили... А я все, что возможно, в жизни потерял. Но знаете, господа, мне ведь и мстить-то за свои потери некому. Тогда, двадцать лет назад, я стоял на крыше вагона, вдыхал ветер, пахнущий степью и дымом паровоза, — вы не поверите, но я помню этот запах по сей день. Слышу хищный свист японского меча, сделавшего меня калекой. И все! Сойдя с крыши, я стал просто Агасфером. Сапожником, некогда сделавшим свой выбор.

— Не совсем корректное, на мой взгляд, сравнение, — кашлянул въедливый Лопухин. — Не все так просто! Кого, согласно библейской легенде, вы изволили оттолкнуть, кого лишили человеческого милосердия?

— Вы руководствуетесь общепринятой догмой Завета, — вздохнул Агасфер. — А я около двадцати лет «перелопачивал» книги в монастырской библиотеке. И знаком, смею заверить, со всеми списками древнейших библейских сказаний и комментариев. Скажите-ка мне вот, Алексей Александрович,

отчего же Агасфер, негодяй в представлении большинства людей, в течение многих веков имеет имя, которое можно перевести как «любимец Бога»? Несколько странно для негативного символа человечества, вам не кажется?

— Что вы хотите этим сказать, барон?

— Только то, что не все считают вечное житие самым страшным наказанием, Алексей Александрович! Вечная жизнь, вечное ожидание второго пришествия Спасителя — неужели это, называемое вечным наказанием, столь скверно? А короткий и общеизвестный диалог между Христом и туповатым сапожником Агасфером, который лишает Сына Божьего милостивого отдыха, — его разве нельзя рассматривать как восхищение Иисуса законопослушанием Агасфера? Ведь он — часть общества того времени, буквально поклонявшегося Священному Синедриону*. Как мог простой сапожник усомниться в мудром решении первосвященников и книжников? И прошу вас... всех прошу: если можно, называйте меня по-прежнему. И никак не бароном!

Агасфер обвел глазами присутствующих: протеста никто не выразил, — и тихо спросил:

— А где они... где она сейчас? В Петербурге?

— В своем поместье, в Крыму, — ответил Зволянский. — У одного из ее сыновей слабые легкие, и Анастасия Павловна практически все время живет там.

Он поднялся, обошел вокруг стола, обеими руками похлопал Агасфера по нешироким плечам. Неуловимым движением опустил в карман Агасфера клочок бумаги.

— Что это? — тихо спросил он.

— Ничего особенного! — чуть грубовато откашлялся Зволянский. — Название станицы и поместья, где живет одна ваша давняя знакомая. Я имею в виду, что, может быть, когда-нибудь вам захочется...

---

* *Священный Синедрион* — иудейский сенат и высший суд по гражданским и церковным делам. Синедрион состоял из семидесяти одного члена, которых выбирали из числа первосвященников, книжников и старейшин.

— Никогда мне не захочется! — резко отвернулся Агасфер, достал из кармана бумагу и порвал ее на мелкие клочки. — Но за заботу спасибо, ваше превосходительство.

— Господа, по-моему, хватит на сегодня дискуссий, — мягко вмешался Куропаткин. — Нынче мы и господин Агасфер раскрыли свои карты. Настало время для принятия простого, но окончательного решения.

— А какое у меня может быть решение, кроме одного? — удивился Агасфер, совсем по-мальчишечьи встряхивая короткими волосами.

— Альтернатива существует всегда и почти всему! — Архипов наполнил бокалы всем присутствующим, роздал их, посетовав: — Рановато, конечно, для крепкого горячительного... Ну, да Бог милостив! Вы достаточно и повоевали, и настрадались, мой друг, и мое предложение о должности брокатора остается в силе. Если не желаете — ну разве что иногда будете консультировать нас...

— Это означает делать дело наполовину, — усмехнулся Берг. — Merx est quidguid vendi potest *, разве не так? А продать я могу, по-моему, больше, нежели консультации и советы. Так что, господа, если вас не смущает мое немецкое происхождение — ведь это немец главный враг России, — то я с вами!

— Ну вот видите, господа, я же вам говорил! — Архипов крепко пожал руку сначала Агасферу, потом остальным.

Куропаткин подошел к Бергу, с прищуром взглянул в лицо:

— Я же говорил: Геок-Тепе! Там я вас, молодой человек, и «Станиславом» награждал, прямо в конце боя! А вы изволили отпираться! Молодцом, молодцом, Берг! Вы мне только признайтесь хоть сейчас: я ведь до сей поры понять не могу, как ваша рота так быстро минный проход смогла устроить?

— Ничего особенного, ваше высокопревосходительство! Действительно, глубокие траншеи для мин копать под огнем противника несподручно было. Так мы их мелкими, но почаще понаделали, а под сами мины приспособили старые ядра, скованные цепями попарно! Одно скатится, рванет — и для второго уже «ложе» готово!

— Молодца, молодца! Дело прошлое, а все равно молодца! Ну, в общем, я рад, Берг, что вы сделали правильный выбор!

— Не Берг! Агасфер — пусть будет Агасфер, раз так ему хочется. Ну, господа офицеры, за успех нашего правого дела! — поднял свой бокал Архипов. — Полку нашего прибывает — глядишь, и перейдем когда-нибудь от болтовни к важным и нужным делам!

Выпили. Ставя бокал на низкий столик, Зволянский бросил быстрый взгляд на незаметно появившегося в столовой Терентьева, поджал мимоходом губы.

— Ах, да, Владимир Семенович! Не в службу, а в дружбу: я где-то в гостиной портфель свой впопыхах оставил. Поищите, принесите, голубчик!

И едва тот, щелкнув каблуками, поспешил идти выполнять распоряжение, Зволянский заметил:

— Господа, мы здесь все одна семья! Однако прошу учесть, что в любой семье действуют своего рода законы военного времени и нравственности. Не болтать, каждый знает лишь то, что обязан знать по долгу службы и характеру своих поручений. Я первым извинюсь перед Владимиром Семеновичем за свои мрачные подозрения, если они окажутся фикцией, но пока, увы: его проверка, к сожалению, не завершена! В биографии Терентьева есть один момент, нуждающийся в прояснении. Скажу сразу: проверка затягивается не из-за лености или неумения нашей внутренней, так скажем, службы безопасности, а по причине отсутствия на данный момент в Петербурге важных свидетелей. Поэтому в беседах с участием ротмистра кое в чем мы обязаны быть пока сдержанными.

— Ну-с, наш поздний завтрак закончен, господа! — объявил Архипов, вставая. — Извините за прямоту, но делу всегда нужно время. Вы можете продолжать общение, а меня

* Товаром является все, что может быть продано *(лат.)*.

ждет загадка механизма танцующего паяца. С вашего позволения я покидаю вас. Господин Агасфер, если желаете, то можете составить мне компанию. Или продолжить свои прогулки по Петербургу!

— Благодарю за приглашение, Андрей Андреич. Как я понимаю, оно дорогого стоит. Но мне действительно хотелось бы прогуляться. А чтобы не бродить просто так, я выберу пару-тройку перспективных объявлений о распродажах старины. Честь имею, господа!

И Агасфер быстро покинул столовую.

— Каков характерец! — мотнул головой Куропаткин. — Не раздумывая, порвать бумагу с адресом невесты. Не пожелать хоть краем глаза глянуть на свою Настеньку... Я бы не смог так, пожалуй!

Зволянский расхохотался:

— Не смогли бы, говорите? А наш Агасфер смог! Ай-яй-яй... Я старый сыщик, милостивые государи! Слишком старый, чтобы не заметить, что перед тем, как порвать бумажку с адресом, наш Агасфер скользнул по ней взглядом. При его-то памяти! Кто хочет пари, господа?

— Только не по этому поводу, — улыбнулся Архипов. — Но я хочу попросить вас, Сергей Эрастович, о некотором одолжении. Агасфер отчего-то избегает компании Терентьева и наверняка пойдет в город один...

Провожая директора до дверей, Архипов тихо закончил:

— Не будет ли злоупотреблением нашей дружбой, Сергей Эрастович, попросить вас... Как бы это сказать...

— Присмотреть за мальчонкой? Ха! А то без вас бы не догадался! Будет у него высококвалифицированное сопровождение!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Рискованно откладывая свой отъезд в Ливадию до двух часов пополудни, директор Департамента полиции имел в виду несколько важных целей. Во-первых, хотелось составить собственное впечатление о «разъясненном Берге» — Агасфере. Во-вторых — «Астория»: Зволянский не забыл о настоятельном совете начальника петербургской охранки Вельбицкого и тоже хотел бросить взгляд на условия работы агентуры в гостинице, а кое с кем из агентов и лично поговорить накоротке.

Ожидалось также поступление сведений относительно внедренного в дом Архипова «подсадного». Никаких чудес, разумеется, Зволянский не ждал: внедренного австрийской либо немецкой резидентурой агента с первого раза не прищелкнешь: люди с опытом, работают не «на авось», и уж если «всадили» в особняк агента, то его легенда окажется весьма качественной. Сразу не «расколоть»...

«Но и отрицательный результат тоже полезным бывает, — рассуждал Зволянский. — Бог даст, методом исключения и доберемся до этого „троянского коня“».

Однако главной причиной переноса времени выезда из Петербурга была задумка переманить в Северную столицу очень нужного и безусловно полезного делу человека. Не приказать, не издать распоряжение о переводе — на это полномочий у директора хватит! Но какой же инициативы и рвения ожидать от человека, которому приказывают бросить привычное и начать непростое дело с новыми людьми? Поехать-то он поедет, никуда не денется — но и спрос с такого работничка невелик. Будет отрабатывать «от сих и до сих» — и все.

Зволянский подписал было вчера вечером служебную депешу о вызове нужного человека к прибытию литерного экспресса из Петрограда в Москву. Сядет человек в салон-вагон, до Севастополя дорога длинная, времени на уговоры хватит. Но, поразмыслив, депешу переписал, велел «кандидату» выехать ему навстречу, в Бологое. Пока до Москвы доберутся — вопрос будет в любом случае решен. Зато человеку не придется потом ехать до Севастополя, а потом обратно, время терять. Наверняка оценит, видя проявленное к нему уважение со стороны директора Департамента полиции.

А до Бологого можно и вздремнуть — правильную Архипов мысль обронил! Ночка бессонная была, а как там в Ливадии все обернется — никто не ведает.

Мощный локомотив всего с двумя прицепленными вагонами — второй для балласта, чтобы не мотало начальство из стороны в сторону — рванул от вокзала ровно в 2 часа пополудни. Зволянский спросил чаю с лимоном, две рюмки коньяка — чтобы лучше спалось — и вскоре уже вовсю похрапывал, велев порученцу разбудить его за полчаса до прибытия экспресса в Бологое.

Само собой разумеется, что при распределении обязанностей в «кружке инакомыслящих» Зволянскому выпало едва ли не самое трудное: сформировать «руки» и «ноги» новой, только что рождающейся тайной службы — филеров и секретных сотрудников. И тех, и других в петербургской охранке было, как говорится, с избытком. Однако Зволянский решил иначе. Взять на службу в будущую контрразведку московских «волкодавов», не посвятив в это дело местное начальство, было никак невозможно. Поползли бы всякие нелепые слухи, в том числе и о недоверии к контингенту первого помощника, начальника петербургской охранки. Кто-нибудь из низших чинов непременно проговорится, похвастается оказанным доверием — глядишь, и пошла писать губерния!

Не-е-ет, он поступит гораздо осмотрительнее! Самолично съездит в первопрестольную — тем паче вызов в Ливадию подвернулся весьма кстати! Нашлась, таким образом, практически легальная, не вызывающая никаких вопросов возможность встретиться со знаменитым начальником московского «летучего отряда» филеров Медниковым. Наградные серебряные часы от Департамента полиции передать — чем не повод? И, конечно, поговорить по душам с Медниковым наедине.

Главный филер Российской империи происхождение имел от ярославских торговцев, всегда отличавшихся смекалкой. Семья его, к тому же, принадлежала к старообрядцам, не допускавшим винопития и табакокурения — так что образ

жизни Медникова был и трезвым, и степенным. Отслужив солдатчину, Евстратий решил обосноваться в Москве. А что? Многих унтер-офицеров привлекала Москва, там и оставались служить городовыми, полицейскими надзирателями. Со временем женились, заводили домишко и свое хозяйство. Со временем иные — посообразительнее которые — перебирались в филерское отделение.

А через несколько лет произошла судьбоносная встреча весьма талантливого старшего филера Медникова с начальником Московского охранного отделения Зубатовым*, которого в то время обуревало множество идей по реорганизации и европеизации полицейской службы России. В первую очередь, разумеется, политического розыска. На происхождение и плохое образование Сергей Васильевич внимания не обращал — лишь бы в «головенках у людей что-то шевелилось». Присмотревшись к старшему филеру, Зубатов весьма скоро назначил его командиром особого «летучего» отряда для произведения слежки и производства арестов — причем не только в Москве, но и практически по всей России.

Разбуженный порученцем, как и было велено, за полчаса до прибытия в Бологое, Зволянский умылся, мельком глянул в широкое промытое окно, за которым в темноте лишь изредка взблескивали тусклые огоньки полустанков.

Но вот локомотив, реванув сиплым басом, начал потихоньку притормаживать и вскоре замер у дебаркадера станции. Хлопнула тяжелая наружная дверь, и через несколько минут порученец, деликатно постучав в дверь походного кабинета, сказал:

— Медников, ваше превосходительство. Ждет-с...

---

* Реальная историческая личность. Его по праву можно назвать создателем системы политического сыска в России. В 1902 году высочайше назначен главой Особого отдела Департамента полиции. После того, как отношения Зубатова с новым министром внутренних дел Плеве были окончательно испорчены, он хотел с честью подать в отставку, но она не была принята. Зубатов попытался с помощью Витте сместить министра, однако после этого был изгнан, демонстративно взят под наружное наблюдение, а позже выслан под надзор.

— Отправляй литерный, потом и запустишь... Два стакана чаю подашь...

На перроне раздались пронзительные свистки дежурных. Снова рявкнул локомотив, вагон качнуло — экспресс тронулся.

— Разрешите взойтить, ваше превосходительство? — на пороге походного «кабинета» директора Департамента полиции стоял человек, ради которого и была сделана незапланированная остановка.

Не вставая с места, Зволянский кивнул на стул напротив. Помедлив «для порядку», Медников присел на краешек.

— Благодарствую, — голос у него был негромкий, говорок простоватый.

Прищурившись, Зволянский с любопытством оглядел с ног до головы человека, о котором много слышал. Голубые глаза под густыми пшеничными бровями, полноватое лицо, русые длинные волосы, гладко зачесанные назад. Аккуратные бородка и усы — чуть темнее, чем волосы. Встретишь такого на улице — купчик средней руки, или приказчик из большого имения...

— Разрешите? — в просвете тяжелых штор с бомбошками возник порученец с двумя тяжелыми подстаканниками. — К чаю ничего не прикажете?

— Нет пока. Знаешь, кто я есть? — повернулся директор к Медникову.

Тот пожал плечами:

— Его превосходительство, директор полицейского Департамента господин Зволянский Сергей Эрастович.

— Откуда узнал? Кто «продал»? Говори, все одно узнаю! — хмыкнул Зволянский.

— Никто не продавал, ваше превосходительство. Своим умом дошел...

— Это как же?

— Во-первых, к кому попало на ночь глядя не вызывают, коляску не подают, ваше превосходительство. А тут только и сказано было — «литерный» надо встретить в Бологом. Стало быть — большое начальство! И непременно из столицы — потому как местное я все насквозь знаю. А как на усы ваши глянул, ваше превосходительство, так все и понял — господин директор это, больше некому!

— А что ж у меня с усами? — Зволянский невольно взялся за растительность на щеках.

— Дык ваш понтрет у моего начальства на стене висит, — позволил себе улыбнуться Медников. — И усы у вашего превосходительства такие, что раз увидишь — на всю жизнь запомнишь. Извините, на щетку малость похожи, которыми хозяйки кастрюли чистют. Простите, конечно, великодушно, ваше превосходительство!

— Ну ты и нахал, братец! — искренне захохотал Зволянский, все же немного покоробленный сравнением своих усов со щеткой. — Сам, сам я и виноват, братец: некогда мне каждый день возиться перед зеркалом, красоту наводить... М-да, братец, смел ты, смел... Может, и дело назовешь, за которым я тебя в Бологое вызвал и на «литерном» вот катаю? Ну-ка, удиви!

Медников пару раз щипнул бороденку и снова пожал плечами:

— Мы не из цыган, чтобы гадать вот так-то... Вывод сделать можно: поскольку мое московское начальство о прибытии вашего превосходительства не знает — стало быть, дело наисекретнейшее. Полагаю, либо измена где-то в верхах обнаружилась, либо заберете меня с собой в город Петербурх...

— Догадлив ты, Евстратий Павлович, догадлив. Верно про тебя Зубатов говорил. Жалко мне, конечно, его такого человечка лишать, да что делать? Найдет тебе Зубатов хорошую замену, как полагаешь? Чтобы не рассыпалось дело?

— Замену завсегда можно найти. Кабы пара деньков у меня была — натаскать человечка своего...

— Нет у нас этих дней, — покачал головой Зволянский. — Разве что жене записку короткую написать — так и так, мол, отправлен в командировочную поездку. Жалованье своей жене доверяешь вместо себя получать?

— Коли не доверял — не женился бы, — усмехнулся Медников. — Пусть получает! А я, выходит дело, на полное казенное довольствие перехожу?

— Ты другое жалованье получать будешь, Евстратий Павлович. Если договоримся, конечно. И как себя проявишь в новом деле. 1200 рубликов в год, не считая наградных, премиальных и прочего. Устроит?

К удивлению Зволянского, Медников радости не высказал, не поблагодарил даже, лишь насупился:

— Деньга сурьезная, ваше-ство. Полагаю, что и спрос за этакие деньжищи немалым будет...

— Это ты правильно полагаешь, Евстратий Павлович. Ну, коли принципиальных возражений, как я понимаю, не имеешь, тогда слушай. Есть задумка такая: создать в Петербурге особый Департамент полиции для борьбы с иностранным шпионажем. Обнаглели, сволочи: шпион на разведчике сидит и резидентом погоняет, — сострил Зволянский.

— Немчура с англичанами? — догадался Медников.

— И не только они, братец! Тут и французики свою «партию играют», и австрияки. А уж японцев с китайцами в Северной столице развелось! Со своим братом, социалистом, мы бороться научились. Худо-бедно, но научились. А со шпионами, братец, никто до сей поры всерьез дел не имел. Не видит в них высшее начальство большой беды — и совершенно напрасно. Ну кинет социалист бомбу под губернатора какого — плохо, конечно, ничего не говорю. Так на его место очередь других уже стоит! А со шпионством дело другое, Евстратий Павлович! Не приведи господи, война какая начнется — они, шпионы эти, и секреты все наши знают, и напакостят где не надо, да так, что хочешь не хочешь, а войну ту проиграешь...

Зволянский говорил минут тридцать, невольно пытаясь упростить язык общения с этим невзрачным мужичонкой, и не замечал, что под усами Медникова то и дело мелькает насмешливая улыбка. Закончил директор вопросом:

— Ну, что ты обо всем этом думаешь, Евстратий Павлович?

— Языкам наши олухи не обучены, ваше-ство, — без колебаний ответил Медников. — Вот в чем я главную трудность вижу! «Наружняков-топтунов»* я вам полсотни, без запинки, назову, — хоть московских, хоть питерских! Так это даже не полдела! Ну выследит мой филерок сходку какую, а что толку, ежели он ни «бум-бум» по-ихнему? А о внедрении секретных сотрудников в шпионские «команды» я уж и не говорю! Это к нашим анархистам-социалистам можно натасканного сотрудника подослать — с «легендой», понятное дело, с рекомендациями. А к французам тем же, к примеру, кого подослать?

— Так что, братец, думаешь, зряшное дело затеяно? — сумрачно поинтересовался Зволянский. — Чай-то чего не пьешь?

— А вот так я как раз и не мыслю, ваше-ство! Трудное, но никак не зряшное! — откликнулся Медников. — Да и война, чай, не завтра — тьфу-тьфу, не сглазить чтобы! Думаю я, что если за это дело с умом взяться, горячки не пороть, так и мы вполне способны и немчуре, и бриташкам фитили повставлять в причинные места.

— А ну-ка, ну-ка! Поделись-ка, братец, своими соображениями! — оживился директор.

— Перво-наперво, ваше-ство, с филерами — «наружняками», я пронблем особых не вижу. Есть у нас способные робяты. Не все подойдут, конечно, — тут сито нужно.

— А с языками как же?

— По тюрьмам с острогами, по «пересылкам» и каторгам частым гребнем, полагаю, пройтись надо, ваше-ство. Голову на отсечение даю — не только вятские с вологодскими за решетками кандалами там брякают. Немцев в Расеюшке пруд пруди — тут и в тюрьмы заходить нужды нет. Надобно лишь, чтобы сидел человечишко на крючке наподобие рыболовного, чтоб не соскочил с него.

— Дело пока говоришь, братец! — Зволянский сделал пометку на клочке бумаги. Нет, не обманули его насчет этого хитрого ярославского мужичка. Умен! Поглядим, впрочем,

* Агенты службы наружного наблюдения.

что дальше скажет. — Ну а насчет прочих? Англичан тех же, итальяшек?

— Полагаю, что и протчего иностранного сброда в столице да в Москве хватает. Поймать кого, прижать нарушением законов расейских, в камеру на пару дней для острастки посадить — че хошь сделают! Крючок только, говорю, надобен — каждому свой.

— А что ты думаешь насчет внедрения наших агентов в подозрительные конторы?

— А ничего еще не думаю, ваше-ство. Такие планты за минуту не решаются, — развел руками Медников. — Впрочем, основа та же: крепкий крючок нужен, да леса прочная, чтобы не соскочил перевербованный агент в самый нужный момент! И пригляд, само собой. С последним-то проще, сами знаете, ваше-ство! Тут у нас опыт, слава Спасителю, накоплен — с нашими-то доморощенными революционерами да бомбистами!

— Так... А с япошками, как полагаешь, Медников? С ними дел не приходилось иметь?

— Иметь-то имел. Но тут вы, ваше-ство, в закавыку уперлись. Что касаемо азиатов, тут самое сложное. Языки у них, язви их в душу, больно «корявые». Китайцам, скажем, для видимости можно косы пообстричь — чтобы за японцев выдать. Так не выдашь ведь: языка-то не знают! А самих японцев перевербовать, я слышал, и вовсе невозможно, потому как с младенчества воспитывают их так, что у них, паразитов, и мысли не возникнет ихнего императора предать. Так что, ваше-ство, для сей задумки головы покрепче моей нужны.

— Ладно, разберемся когда-нибудь и с японцами. Подберем к ним ключики. Ну а по прочим вопросам мы с тобой в согласие вошли, Евстратий Павлович?

— Если мое начальство возражать не станет, кто ж от таких перспективов откажется?

— Твое начальство, Медников, — это последний вопрос! — махнул рукой Зволянский. — Получит оно распоряжение: откомандировать господина Медникова в мое распоряжение, поскулит, да замену тебе подыскивать станет! Значит, договорились? Только — на совесть работать! Подворовывать — и то меру знать!

— Обижаете, ваше-ство! — попробовал возмутиться Медников.

— Молчи, Евстратий Павлович. Богом прошу — не будь святее архимандрита! Денежки серьезные через твой «летучий» отряд проходят — причем ответа за них никто не спрашивает. И я не спрашиваю, на какие такие сбережения ты под Москвой хозяйство завел с бычками да птицей. Думаешь, никто не знает?

— Дык оно как получается-то...

— Молчи, говорю, не озлобляй! Доселе ты меру знал — хочу, чтобы и впредь также было. Понял?

— Как не понять!

— Теперь последнее. До Москвы доедем — я дальше без тебя покачу: государь в Ливадию вызывает. Сколько там пробуду — неизвестно. Постараюсь, конечно, не засиживаться — но не все, Медников, от человека зависит. Теперь насчет тебя: распоряжение о твоем переводе в Петербург — вот оно, в этом пакете. В первопрестольной меня высокое начальство, полагаю, встречать будет — ему и вручу. Ты в это дело не лезь! С супругой попрощайся, наказы, какие ни есть, оставь насчет хозяйства. Надолго уезжаешь, Евстратий Павлович. Подбери на первое время трех-четырех самых ухватистых себе на подсобу, вот на них бумаги с пропусками имен. Доверяю! Сам впишешь и начальству предъявишь. Если брыкаться кто станет — депешу на мое имя. Образумлю. И не позднее чем завтра в ночь выезжай с отобранными орлами в Петербург. Прямо с вокзала — в особняк господина Архипова. Вот адрес...

— А в охранку?..

— Охранка в курсе. Поступаешь до моего приезда в распоряжение господина Архипова и ротмистра Лаврова.

— Они — не из полиции, я так понимаю, ваше-ство? — поджал губы Медников.

Зволянский не выдержал, рассмеялся:

— Под непрофессионалов глупеньких попасть опасаешься, Евстратий Павлович? Не волнуйся, умнющие люди! Но без профессионала, вроде тебя, задуманную операцию, боюсь, им не провернуть. Я, в общем и целом, тебя благословляю, так сказать. Срок назовут они, а решение принимать будешь ты. И обеспечишь исполнение. Кстати, к полковнику Архипову гость приезжает. Приор монастыря Ясная Гура из Ченстохова, аббат Девэ.

— А энтому чего в столице нашей понадобилось?

— Вроде на конференцию по богословию. Знаю, что они давно переписывались с Архиповым по этому вопросу. Может, по поводу человечка одного, по прозвищу Агасфер, что узнаем. Пока все понятно?

— Пока все...

— Ну а раз понятно — можешь идти во второй салон. До Москвы еще часов пять ехать, так что и выспаться успеешь! — Зволянский достал из буфетного шкафа, из специального гнезда, чтобы не вываливалось при резком торможении или повороте, бутылку любимого арманьяка. Искоса глянул на Медникова: — Там и буфет, кажется, имеется — хвати «очищенной» или коньячку, да и отдыхай!

— Не употребляю, ваше-ство, нешто не знаете? — насупился Медников. — Мы ж из старообрядцев...

— А-а, извини, забыл! Ну, ступай!

Вытянувшись на диване и покачиваясь в такт движениям вагона, Зволянский, однако, уснул не сразу. Решив вопрос насчет Медникова, только сейчас директор подумал о политических последствиях своего вмешательства в давно сложившуюся структуру оперативно-розыскного сыска. Медников, бесспорно, для Петербурга ценное приобретение — ну а если в Москве с его отъездом дела совсем плохо пойдут?

После разгрома «Народной воли» ее остатки перебрались из Северной столицы в Москву. И с середины 80-х годов студенчество, объединившись по принципу землячества, активно, и не особо скрываясь, готовилось к террористическому

акту против государя. Именно этого побаивался император-миротворец, всячески оттягивая коронацию. Секретно-розыскное отделение, которому было поручено навести в Москве порядок, успешно справлялось с порученным делом. В том числе, немалую лепту в «добивание» народовольцев вносил и «летучий отряд» филеров под водительством Медникова.

Жандармский ротмистр Бердяев, начальник московской охранки, сумел пополнить кадровый состав дельными людьми. К числу своих достижений он относил и «заагентуренного» лет восемь назад народовольца Зубатова. Успех был настолько очевиден, что вскоре Зубатов подал рапорт с просьбой зачислить его в штат министерства внутренних дел, в распоряжение московского обер-полицмейстера. И, надо полагать, настолько хорошо себя зарекомендовал, что Бердяев со временем сделал его своей правой рукой, первым помощником.

Вспомнив об этом, Зволянский невольно рассмеялся, нашарил на диванной полке бювар коричневой кожи, раскрыл: все правильно, вот оно, личное прошение Бердяева, датированное январем 1889 года на имя директора Департамента полиции. Под прошением лежал другой документ — всеподданнейшее донесение. Уже за подписью Зубатова, совсем недавнее. В донесении доказательно, со ссылками на свидетелей, говорилось о серьезных злоупотреблениях Бердяева по части растрат казенных денег.

— На свою голову, дурак, умного человека взял, — вздохнул Зволянский и сунул бювар на место, подумав, что по приезде в Москву и этот вопрос надо незамедлительно решать. То ли под суд отдавать негодяя, то ли в отставку отправлять...

Несмотря ни на что, уснул директор довольно быстро. И проспал до самой Москвы, очнувшись лишь от осторожного прикосновения к плечу порученца.

— Приехали, что ли?

— Подъезжаем-с, ваше превосходительство. Через 20 минут на Николаевском будем. Остановку в Москве прикажете делать, или как?

— Ты, братец, телеграммы не видел, что ли? — зевнул Зволянский. — Сверхсрочная! Передай только, чтобы локомотив получше дали — и на Севастополь. Ну, и минут двадцать на доклад местного начальства, не более.

Когда «литерный» остановился у пустого дебаркадера — местное железнодорожное начальство озаботилось разгоном всех праздношатающихся пассажиров и железнодорожных служащих, — в вагон тут же проникло начальство московской охранки. Первым, естественно, Бердяев. За ним — его помощник и автор всеподданнейшего донесения Зубатов. Почтительно поздоровавшись, они замерли у порога салона.

— Ну, здравствуйте, здравствуйте, господа! — приветствовал их директор Департамента. — Вот так и приходится по нынешним временам встречаться — на скорую руку, едва не бегом-с! Что новенького, Николай Семенович? Чем порадуете?

— Радовать пока нечем, — отрапортовал ротмистр Бердяев, настороженно поглядывая на начальство, которое даже присесть не предложило — знак плохой, как известно. — Поскольку имею данные о том, что ваше превосходительство следует по срочному вызову государя, могу лишь акцентировать ваше внимание на обстоятельстве, имеющем прямое отношение к здоровью нашего обожаемого монарха.

— Ну, что там за обстоятельство? — лениво поинтересовался Зволянский. — Да ты не оглядывайся на помощника своего. Какие уж тут тайны между своими могут быть? Только — коротко!

Бердяев, поймав гневно прищуренный взгляд директора, тяжело сглотнул и начал докладывать:

— Имею верные подробности относительно природы болезни нашего государя, ваше превосходительство! Отравлен масонами-талмудистами! В частности — врачом-иудеем Захарьиным.

Зволянский поперхнулся уже остывшим чаем:

— Ты что, пьян? Захарьин успешно закончил медицинский факультет Московского университета, совершенствовал

врачебное мастерство в Берлине и Париже. Он профессор и директор клиники Московского университета. За заслуги в области медицины стал почетным членом Академии наук. Особенно славится искусством диагноза. Именно по этой причине его и привлекли к лечению государя, надеясь на его большие медицинские знания. А ты что несешь?!

— Вернейшие сведения, ваше превосходительство! Вы не можете не знать отношения нашего государя к инородцам вообще и евреям в частности!* Вот они и решили, того... Воспользоваться случаем! Извольте ознакомиться с документами, ваше высокопревосходительство! — Бердяев протянул директору пухлую папку.

Зволянский брезгливо взял бумаги в руки, положил рядом с собой на диван и начал их перелистывать, время от времени недоуменно хмыкая:

— Что за бред? «...Сделайте детей ваших врачами и аптекарями, дабы они отнимали жизнь у христиан... сделайте так, чтобы дети ваши были бы адвокатами и нотариусами и чтобы они всегда вмешивались в дела государства с целью подчинить христиан евреям, дабы вы могли бы стать господами над миром и мстить им...» Бред, истинный бред!

Он перевернул еще несколько страниц:

— Откуда все это? «Заболевание было легкое, простая простуда, которая обыкновенно проходит в неделю, разве что больному не была оказана медицинская помощь, в каковом

* Еврейский вопрос принял острый характер уже в самом начале царствования Александра III. Ограничительные меры против евреев, предлагавшиеся отдельными представителями власти, санкционировались государем часто даже без обсуждения высшими законодательными учреждениями. Наиболее крупными законодательными актами были: Земское положение 1890 года, устранившее евреев от участия в земских учреждениях, так как заведовать ими должны лишь благонадежные слои населения, а «условию этому не отвечают евреи, обыкновенно преследующие на почве общественной исключительно свои личные выгоды», а также Городовое положение 1892 года, на основании которого у евреев было отнято право избирать и быть выбираемыми в качестве гласных в городские думы и управы; их также лишили права занимать должности по городскому самоуправлению и заведовать отдельными отраслями городского хозяйства и управления.

случае болезнь может принять затяжной характер. Простуда у царя осложнилась и перешла в плеврит. В то время в Москве жил доктор, который лечил очень успешно. Это был Захарьин. Он был вызван в Крым и, прибыв туда, поставил свой диагноз. Если бы он был террористом, то мог бы убить царя, но тогда бы немедленно был разорван на клочки. Но Захарьин не был террористом. Он был врачом. В качестве такового он прописал лекарство, которое предусмотрительно привез с собой. Без колебаний августейший пациент принял это лекарство...»

Директор сбросил на пол вагона рассыпавшиеся бумаги и в упор уставился на Бердяева.

— Значит, здоровье царя-батюшки тебя беспокоит, Николай Семенович? А как насчет сохранности казны государевой?! Ерунда, поди? Отщипнуть маленько — кто заметит-то, а?

— Н-не понимаю! Грязные наветы, полагаю, ваше превосходительство...

— Наветы? Тоже, поди, от талмудистов?! Иди за стол, ротмистр, почитай! — Зволянский достал бювар, вынул оттуда донос, снял первую и последнюю страницы и сунул Бердяеву. — 45 тысяч только с начала нынешнего года! Читай!

— Позвольте прежде объясниться, ваше...

Руки у начальника московской охранки крупно дрожали. Не решаясь сесть за стол с убийственными для него документами, он порывался подвинуться ближе к приезжему начальству, но Зволянский брезгливо отпихивал его. Из второго салона несколько раз осторожно выглядывал Медников, словно ожидая окончания скандала. Потом, решив, что ждать бесполезно, бочком, не прощаясь, протиснулся мимо начальства к выходу.

— Это что — он нафискальничал? — заметил его Бердяев. — Какой негодяй! А про свои делишки он вам, ваше высокопревосходительство, не написал?!

— Все — вон из вагона! — неожиданно заорал Зволянский. — Вон! В ушах звенит!

Поймав взгляд Зубатова, продолжил:

— Примешь дела у ротмистра. А его чтобы и духу здесь не было! На обратном пути, когда поеду, доложишь! Никуда больше не писал? Только в мой адрес?

— Единственно! — молитвенно прижал руки к груди Зубатов.

— И не надо пока шум поднимать. Тоже ступай. Скажи там этим... Путейцам, или как их там — пусть отправляют «литерный». Медникову ни в чем препятствий не чинить. Почту возьми! Для меня есть что-нибудь новенькое?

— Никак нет! То есть... Заварзин из Ливадии телефонировал. Просил передать вашему высокопревосходительству, что депеша отправлена... не самим, а Марией Федоровной*.

— То есть как это? — Зволянский почувствовал, что голова у него пошла кругом. — То есть как не государем?! А Высочайший регламент...

— Не могу знать! Вот как перед богом! — попятился Зубатов. — Мне было сказано: передай, что депеша отправлена по настоянию ее величества. Чтобы вы, ваше превосходительство, стало быть, были в курсе...

— Ладно, ступай. Разберемся!

Когда «литерный», лязгнув сцепками вагонов, тронулся, директор Департамента полиции растянулся прямо в сапогах и мундире на диване и принялся напряженно размышлять.

Заварзин, Заварзин...** Что он хотел на самом деле передать своим сообщением? Высочайший регламент запрещал отправлять кому бы то ни было какие-либо депеши и отдавать распоряжения от имени государя и без его ведома. Хотя, с другой стороны, кто посмеет воспрепятствовать императрице?

---

* Императрица, супруга Александра III.

** Павел Павлович Заварзин, кадровый военный, полковник, службу начал в 1888 году в Стрелковом батальоне его величества. Находясь в личной охране Александра III, охранял гессенскую принцессу Аликс (будущую императрицу Александру Федоровну) в дни ее приезда в Ливадию. Впоследствии был переведен в службу политического сыска, дослужился до чина генерал-майора Отдельного корпуса жандармов.

На этот вопрос напрашивался единственный ответ: государь был плох. И в Ливадии это тщательно скрывали. Причем скрывали на самом высоком уровне — так, что об этом не знал даже он, Зволянский.

Или же...

Мысль, осенившая директора, была настолько неожиданной, что он слетел с дивана и ошеломленно уставился в тщательно зашторенное окно.

Неужели вся эта «талмудистика», собранная Бердяевым черт знает где, попала к императрице и Мария Федоровна запаниковала?

А «литерный» уже набрал ход и рвется на юг... Остановить, вернуться в Москву и тщательно допросить Бердяева?

Зволянский протянул было руку к кнопке вызова старшего конвоя — тот мог связаться с машинистом по телефону и передать команду об экстренной остановке. Но передумал.

Начал собирать с пола шевелящиеся на сквозняке листы «талмудистского» доноса, укладывать их по порядку, ища недостающие страницы.

Нет, возвращение в первопрестольную ничего не даст. Ну, допустим, Бердяев покается, что решил выслужиться для прикрытия своего греха с растратой и отправил второй экземпляр в Ливадию раньше. Для отвлечения внимания, так сказать...

И что дальше?

Если это и так, то Бердяев «играл» не против него, Зволянского: за ближнюю охрану государя отвечал Заварзин. Доктора, как и прочие персоны, допускавшиеся для непосредственного общения с государем, получали это право только после тщательной проверки начальником личной охраны, а то и письменной рекомендации пользующихся полным доверием лиц.

Нет, возвращаться в Москву глупо.

Тогда как надо понимать телефонограмму Заварзина о том, что инициатор вызова в Ливадию не сам государь, а его венценосная супруга?

Зволянский знал, что, несмотря на вполне сердечные отношения в царском семействе, несмотря на добродушие Александра, тот был весьма крутенек с нарушителями устоев, кем бы они не были. И если, как сообщил Заварзин, вызов инициирован императрицей, то царская «головомойка» Марии Федоровне обеспечена*.

И если депешу отправила она, то причина тоже может быть только одна...

Болезнь царя официально считали отголоском трагедии в Борках. В октябре 1888 года в 45 верстах от Харькова, на станции Борки, произошло ужасное: царский поезд потерпел крушение. Семь вагонов разбились в щепки, пострадало почти 50 человек. И только свернувшаяся в виде полусферы крыша вагона-столовой спасла находившуюся там царскую семью, хотя сразу возникла легенда о могучем царе, который удержал над женой и детьми падающую крышу вагона.

Но далеко не все считали, что болезнь Александра, которая свела его в могилу, началась там. Государь, несмотря на свою могучую внешность, был вообще слаб здоровьем, которое подорвал алкоголем и нежеланием лечиться.

Зволянский несколько раз бывал в Гатчине, и всякий раз инкогнито, поскольку как глава Департамента полиции права личного доклада государю не имел. Но служба у Зволянского была многоплановой и порой требовала его личного присутствия там, где он и его опыт могли потребоваться монарху. И не мог не согласиться с тем, что преследуемый в собственном царстве, загнанный в Гатчинский дворец, Александр III действительно чем-то напоминал Павла I, здесь же обреченно ожидавшего своей страшной участи. Сходство усиливалось и тем обстоятельством, что жены обоих императоров были полными тезками.

Дворец был одновременно и крепостью. Расположенный на лесистой возвышенности, окруженный озерами Белым,

* При всей своей строгости в отношении своих близких Александр III всегда оставался преданным семьянином и любящим отцом и мужем.

Черным и Серебристым, он был защищен рвами со сторожевыми башнями, откуда потайные лестницы вели в царский кабинет. Здесь имелся подземный ход к озерам, а также подземная тюрьма. В этом средневековом замке Александр III чувствовал себя по-настоящему дома. Императрица, тянувшаяся к светской жизни с ее балами, раутами, зрелищами, любившая общество, тяготилась пребыванием в Гатчине, хотя и смирялась с временной изоляцией, сознавая ее необходимость.

Трусом Александр III не был. Но постоянное ощущение опасности развило в нем болезненную мнительность. Напряженное ожидание внезапного нападения побуждало его с заряженным револьвером в руке совершать ночные обходы дворцовых покоев, прислушиваясь к малейшему шороху, и в конце концов сделало невольным виновником гибели офицера дворцовой стражи (барона Рейтерна, родственника министра финансов). При неожиданном появлении царя в дежурной комнате офицер, куривший папиросу, спрятал ее за спину. Заподозрив, что тот прячет оружие, Александр III выстрелил.

«Спиртное. Именно алкоголь был спасением для мнительного императора, был его отдушиной под низкими потолками замка», — размышлял Зволянский. Невольно улыбнувшись, он припомнил смешные и грустные сценки из царской жизни, свидетелем которых не раз становился во время пребывания в Гатчине.

...Глубокая ночь, 2–3 часа пополуночи. Государь работает над бумагами (это было его обычным расписанием). В смежной комнате склонилась над шитьем или вышивкой императрица. В замке — глубокая тишина, прерываемая иногда легким скрипом стула под грузным телом императора да шелестом перекладываемых им бумаг. Со временем скрип слышится чаще, бумаги шелестят все громче: государю хочется выпить!

Через распахнутую дверь он бросает осторожный взгляд в смежную комнату, встает, крадется к буфету и улыбается, ужасно довольный своей предусмотрительностью. Вчера дверца буфета предательски скрипнула, чем и привлекла внимание императрицы. Нынче утром Александр, зайдя в караульное помещение, незаметно положил в карман кафтана небольшую масленку с ружейным маслом. А днем, улучив момент, тщательно смазал петли предательской дверцы.

Император осторожно тянет ее на себя. Дверца бесшумно открывается — полная виктория, как говаривал его давний предок! Александр берет в одну руку бокал, в другую — тяжелую бутыль из сервиза, наполненную живительной влагой. Затаив дыхание, он наклоняет бутыль — и в глубокой тишине вдруг раздается громкое «буль-буль». Ювелиры-изготовители, чтоб им пусто было, сотворили столь «музыкальное» сопровождение для каждой наливаемой стопки!

Император замирает — но поздно, поздно! Мария Федоровна услыхала, и, не вставая с места, укоризненно замечает:

— Саша, поставь водку на место! Мне кажется, ты достаточно выпил за ужином!

Как поступит в аналогичном случае обладающий всей полнотой власти в империи мужчина? Прикрикнет? Напомнит, «кто в доме хозяин»? Торопливо выпьет то, что успело попасть в бокал? Нет, Александр играет «по правилам»: поймали — надо признать поражение... Виновато кашлянув, он закрывает буфет и возвращается к бумагам. И лишь минут через пятнадцать прибегает к «крайней мере».

Он шумно отодвигает стул, щелкает крышкой чернильницы и грузными шагами, не таясь, направляется к боковой двери в алькове.

— Саша, ты куда собрался? — немедленно доносится спокойный голос супруги.

— Право, Машенька, неужели я должен отпрашиваться у тебя даже туда, куда цари пешком ходят? — с оттенком раздражения вопрошает император и исчезает за дверью, громко ею хлопнув.

Но эта дверь — не в туалет, а всего лишь в маленький коридорчик перед ним, в конце которого есть еще одна дверь. А за нею — «черная лестница», ведущая в кухонный подвал.

По этой лестнице Александр уже бежит тяжелой рысью. Врывается в кухонное помещение, где ночная смена поваров и их помощников трудится над завтрашним обедом.

Появление царя здесь никого не удивляет — лишь низкие поклоны и возгласы: доброй ночи, ваше величество!

— А ну-ка, братцы, где тут «дежурная» посудина?

Посудина — примерно полулитровый ковш, похожий на старинную братину*, — уже готова и давно стоит в лохани со льдом. Старший повар подает ковш императору, младший на крышке от кастрюли приготовил нарезанную вареную говядину и кусок черного хлеба — какие, к черту, на поварне сервизы?!

— На долгое здоровье, ваше величество!

Александр осушает ковш, занюхивает коркой хлеба. Повара улыбаются: у них с царем есть общая тайна!

— Спасибо, братцы! Выручили! Дай вам Бог! — и Александр, торопливо глотая куски захваченной с собой (без вилки!) говядины, возвращается на лестницу, а потом и к своим бумагам.

Знала ли, догадывалась ли Мария Федоровна о ночных «маршрутах» венценосного супруга якобы «по нужде» — история умалчивает...

— Как же государь обходится с этим делом в Ливадии? — с мрачным юмором размышляет вслух Зволянский. — Как? Ведь поварня там находится в совершенно отделенном от дворцовых помещений корпусе...

---

* *Братина* — старинный сосуд для питья, деревянный или медный, имеющий вид горшка с крышкой.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПРОЛОГ

Берг сыграл точно: минуту назад он видел, как Гедеке, имитируя прилив ярости, стучал железкой по плите. А потом с ловкостью фокусника засунул ее в один из боковых пазов, по которому скользила гильотина. Кроме того, он точно догадывался, что перед палачом поставлена более серьезная задача, нежели просто искалечить пленника.

И все же мгновения, которые он пережил после удара палача по рычагу гильотины, были ужасными. Время словно остановилось. Где-то за спиной Гедеке отчаянно завизжал доктор, зачем-то зажавший уши ладонями. Мориц, до сей поры стоявший неподвижно, сделал шаг вперед, словно намереваясь руками остановить безжалостный маховик...

Но блестящее полотно резака вовремя наткнулось на вставленный в паз стопорный брусок и замерло в двух дюймах от побагровевшей правой руки Берга.

Гедеке, развернувшись, отвесил оплеуху визжавшему доктору, и тот наконец умолк. В наступившей тишине Гедеке налил стакан вина и вернулся на свой стул, прямо напротив Берга.

— А у тебя крепкие нервы, камрад! — как ни в чем не бывало обратился он к пленнику. — Я следил за твоим лицом — у тебя только зрачки на миг расширились. Браво!

Он залпом выпил вино, покрутил перед глазами пустой стакан. И спокойно спросил:

— Будешь работать на нас, Агасфер?

— А разве у меня есть выбор? — устало хмыкнул тот.

— Развяжи его, Мориц! — хлопнул в ладоши Гедеке. — Развяжи, верни одежду и налей-ка нам всем вина! Мы выпьем за нашего нового товарища...

— ...Который уже готов внести свой первый пай в наше «акционерное общество», — закончил Агасфер. — Сколько сейчас времени?

— Четверть двенадцатого. А что за пай? — заинтересовался Гедеке.

— Вы хотите, чтобы я работал на вас?

— Этот вопрос уже решен, камрад!

— Тогда меня немедленно нужно доставить в гостиницу «Бристоль». Там на мое имя зарезервирован номер двадцать семь, второй этаж.

Гедеке насторожился:

— В «Бристоль»? Это еще зачем?

— Вы же разведчик, Гедеке! Разве вы не приняли бы мер предосторожности, встречая коллегу, отправляющегося в тыл врага?

— Но при чем тут «Бристоль»?

— Берлинский экспресс прибыл в Варшаву в десять с минутами. По заранее оговоренному сценарию, я после прибытия из Берлина должен появиться в гостинице «Бристоль». А там в течение вечера, до отхода поезда в Петербург, дважды, в определенное время, появиться в нижнем курительном салоне, в вестибюле. Меня встречают, Гедеке. Кто — я не знаю. И если меня не увидят в гостинице, это будет знаком провала или перевербовки! В этом случае наша договоренность о совместной работе просто теряет смысл: в Петербурге мне никто не поверит. В России дураков нет, Гедеке.

Австриец выругался — скорее растерянно, чем со злобой. Немного подумав, он решился:

— Придется вам, Агасфер, побыть здесь, в обществе Морица, еще немного. Как вы понимаете, у меня нет полномочий

на столь неожиданную акцию. Сидите здесь и молите Бога, чтобы линия связи с Веной была исправна!

Одевшись, Агасфер повернулся в Морицу:

— А мой протез?

Тот молча вынул из саквояжа завернутый в тряпицу протез, повертел его перед глазами, высматривая щели и тайники. И наконец протянул Агасферу. Пристегнув протез, тот уселся на прежнее место и замер в ожидании.

Гедеке появился минут через пятнадцать.

— Санкция из Вены получена, господин Берг. Вас отвезут в «Бристоль» и поселят в нужном вам номере. Надеюсь, это не уловка с вашей стороны и не бессмысленное оттягивание времени. Вы же понимаете, что гостиница под нашим присмотром. У вас изымут деньги и паспорт, все выходы из гостиницы будут под наблюдением превосходных стрелков... Кстати, может ли мой человек поселиться в одном номере с вами? Для гарантии, так сказать?

— Соседние номера, насколько мне известно, должны быть зарезервированы людьми Архипова. И появление там чужака их встревожит. В одном номере со мной? Право, не знаю, это не обговаривалось. Кроме того, вашего человека могут опознать: у Архипова огромная фотографическая картотека, уверяю вас!

Гедеке снова выругался.

— Черт бы вас побрал, Берг! Выходит, все ваши контакты и передвижения в гостинице я не смогу контролировать? Слушайте, если вы задумали какую-то пакость, предупреждаю: в случае чего я лично буду отрубать вам руку по кусочку! И как можно медленнее — чтобы вы успели пожалеть о том, что попытались меня обмануть! И в номер я вас все-таки провожу! Мое появление у вас в номере вы объясните своим русским друзьям очень просто: попутчик напросился распить на двоих бутылочку перед расставанием. И я лично переверну там все вверх дном! Если в номере спрятано оружие или что-нибудь для побега, то все наши соглашения аннулируются. И тогда мы вернемся в этот подвал, вы

поняли, Берг? Все! Пошли, пока ваши русские друзья не забеспокоились!

...Оставшись в одиночестве, Агасфер машинально стал собирать разбросанные по всему номеру вещи и подушки, расставлять перевернутую мебель. Наведя относительный порядок, он подошел к окну, прижал к холодному стеклу пылающий лоб, прикрыл глаза.

Выхода не было. Как и предположил этот палач Гедеке, экспромт насчет гостиницы был просто оттягиванием времени. Ни в Варшаве, ни в самой гостинице не было и нет людей Архипова. И у него самого во всем городе ни единой знакомой души...

Гостиница плотно «обложена», вокзал наверняка тоже. Да и куда уедешь без денег и документов? Кроме того, Агасфер не сомневался в том, что у австрийской разведки есть соглядатаи и осведомители в самом «Бристоле».

Выхода не было, выхода не было...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Ну почему, почему они не могут оставить старика в покое?

Бисмарк, опершись обеими руками о широкий подоконник в кабинете на втором этаже своего имения Фридрихсруэ, безучастно смотрел, как по дороге к замку приближается автомобиль.

Новый посланец от Вильгельма? Ха!

Отто Эдуард Леопольд Карл-Вильгельм Фердинанд Бисмарк, первый канцлер Второго рейха, в связи с почетной отставкой пожалованный титулом герцога Лауэнбургского и чином генерал-полковника кавалерии все чаще ощущал приближение старческой немощи. И с этим он ничего поделать не мог, с грустью вспоминая, как перед ним, «железным канцлером», почтительно склонялись не только титулованные министры, но и короли. Нынче он с трудом разгибал ноги, когда вставал с кресла, и, делая первые шаги, панически боялся, что предательская слабость в коленях может внезапно заставить его рухнуть перед собеседником.

Отвернувшись от окна, он сказал камердинеру — почти такому же старому, как и он сам:

— К нам едут гости. Чай и сухарики. Не более, Отто! Через полчаса, в малой столовой...

Ровно через полчаса Бисмарк спустился в малую столовую и слегка склонил голову при виде вытянувшегося перед ним в струнку начальника дипломатической службы рейхсканцелярии и одновременно начальника разведки Генерального штаба кайзера графа Фридриха фон Пурталеса.

— Садитесь, садитесь, мой дорогой Фридрих, — ведь вы позволите называть вас так по-прежнему? К тому же, ваш визит вряд ли можно назвать официальным?

— Разумеется нет, ваше высочество! Я почтительнейше прибыл за советом — если вам, конечно, будет угодно мне его дать...

Бисмарк слегка усмехнулся в густые седые усы.

— Что ж, я вас слушаю, Фридрих. Что там нового случилось в России?

Бисмарк ни разу не прервал довольно пространную речь начальника дипломатической службы, лишь иногда кивал или, словно изумляясь, покачивал головой. Когда граф закончил, «железный канцлер» некоторое время молчал, играя с чайной ложечкой, потом поднял на собеседника взгляд.

— Меня часто обвиняли в том, что я заигрываю с Россией. Что слишком доверяю ей. И вы, дорогой Фридрих, тоже были в числе моих обвинителей... Не спорьте — вы сами знаете, что это именно так! Но теперь вы переменили свое мнение, и доказательство этому — ваш визит ко мне...

Старик поудобнее вытянул под столом ноги, дождался, когда тупая боль в коленных чашечках утихнет, и продолжил:

— Парадокс, не правда ли, дорогой Фридрих? И России, и объединенной нынче Германии тесно в Европе, нас раздражают амбиции русских, но, будь моя воля, я никогда бы не стал воевать с ними. И дал бы аналогичный наказ своим

потомкам, в том числе и политическим. Вы, наверное, не раз слышали от меня выражение: русские медленно запрягают, но очень быстро ездят. И еще: я верю вам и вашим меморандумам о технической отсталости этой страны, о глупости и продажности ее высших чиновников — и тем не менее, повторю: Россия опасна прежде всего мизерностью своих потребностей!

Фон Пурталес почтительно внимал, пряча выражение глаз за опущенными ресницами. Он знал, что старика интересует мнение по любому вопросу только одного человека: его самого. Дождавшись паузы, граф тихо вставил:

— Я только что из Берлина, ваше высочество. Хотя мой путь лежит на восток, в Санкт-Петербург. Мне приказано умножить усилия по разведывательным действиям в России... Хотя, признаться, сам Вильгельм Штибер* перед разгромом Австрии вряд ли знал об Австрии больше, чем я о России.

Бисмарк от души расхохотался. Вильгельм Штибер неизменно пользовался его полным доверием. Репутация этого «короля ищеек» и «шефа всех шпионов мира» была такова, что опыт, наработанный Штибером во Франции и Австрии, лег в основу деятельности всех шпионов Германии и Австро-Венгрии против России. Бисмарк считал, и не без оснований, Штибера своим талантливым учеником.

— Я бы не назвал поставленную перед вами задачу чересчур сложной, граф! Кому как не вам знать внутриполитическое положение нашего «северного колосса»! Социалисты, анархисты, социал-демократы, террористы всех мастей — да на фоне всего этого мелкие пакости ваших шпиков просто не заслуживают внимания!

— Простите, ваше высочество, но когда солдату приказывают рыть окопы и траншеи, это означает, что предстоит атака противника. Когда разведчику приказывают умножить

* Блестящие способности на поприще тайной войны гения военно-промышленного шпионажа В. Штибера и собранная им за несколько месяцев информация помогли Пруссии легко разгромить Австрию в 1866 году. Им также была организована весьма эффективная шпионская сеть во Франции.

усилия по сбору секретных сведений, это может означать только одно: война не за горами.

— Я всегда говорил, что война между Германией и Россией — величайшая глупость. Однако именно поэтому она обязательно случится*. Рано или поздно! Наша вполне очевидная цель — оттягивать ее начало как можно дольше.

— Но в этом нет логики, ваше высочество! Вы сами говорите, что в России медленно запрягают, но ездить умеют быстро! И чем больше времени эта страна получит на подготовку к войне, тем хуже для нас.

— Вы полагаете? — прищурился хозяин поместья. — А если отвлечь все ресурсы «северного колосса», скажем, на восток? Это было бы для нас весьма полезно, граф! Тогда наш бюргер проснется, протрет глаза и сделает радостное открытие: ах, вот для чего мы помогали этим «желтым макакам»!

Мысли фон Пурталеса летели вкачь. Такого откровенного разговора с «железным канцлером» у него не было никогда.

— Что вы знаете о русском царе? — неожиданно спросил Бисмарк.

Привыкший к неожиданным поворотам в беседах с «железным канцлером», фон Пурталес ничуть не удивился смене темы.

Великий князь Александр Александрович не являлся наследником престола изначально — его объявили таковым в 1865 году, после смерти старшего брата, Николая Александровича. Лишь с этого времени Александр, которому уже минуло 20 лет, стал получать соответствующее его грядущей исторической роли образование. Ни в детстве, ни в юности он не проявлял никаких талантов, и не был отмечен широтой интересов к чему бы то ни было. Не отличался нынешний император и большим умом — это признавали даже весьма близкие ему люди. «Нельзя отрицать, что в интеллектуальном отношении государь Александр Александрович представлял собой незначительную величину — плоть уж

* Цитата, авторство которой приписывается Бисмарку.

чересчур преобладала в нем над духом... Нередко случалось ему высказывать очень здравые мысли, а наряду с ними такие, которые поражали своей чисто детской наивностью и простодушием» — это высказывание начальника Главного управления по делам печати Евгения Михайловича Феоктистова стало при дворе едва ли не хрестоматийным.

Фон Пурталес невольно усмехнулся, вспомнив не столь давний скандально-комедийный случай.

...Перед одним из парадов войск в Красносельском лагере, куда Александр III пригласил своего высокого немецкого гостя кайзера Вильгельма, русский император по давней традиции назначил его шефом Выборгского пехотного полка. Вильгельм, в соответствии с протоколом, был одет в форму этого полка. Маршируя перед Александром и его высокопоставленным гостем, полки салютовали им. И тут немецкий гость неожиданно заметил, что у «его» полка, в отличие от прочих, серебряные трубы.

После прохода полка, заняв место возле Александра, Вильгельм вспомнил про эти трубы и спросил у командира: за какой подвиг его полк удостоен столь выдающейся награды?

Командир смутился и молчал. Александр, расхохотавшись, приказал ему: отвечайте, полковник! И тогда тот четко ответил: полк отмечен за взятие города Берлина, ваши императорские величества!

Вильгельм поначалу даже не понял — насмешкой это считать или случайностью? И, помедлив, без улыбки заявил Александру III: больше этого не повторится, ваше величество!

Даже один из главных обожателей Александра III Витте был вынужден признать, что «...император Александр III был совершенно обыденного ума; пожалуй, можно сказать, ниже среднего ума, ниже средних способностей и ниже среднего образования...».

Преданный семьянин. В царском доме сложились ровные отношения, со своими «сферами влияния». Монарх, еще будучи цесаревичем, никогда не позволял супруге Марии Федоровне вмешиваться в его «царскую работу», хотя к ее

мнению часто прислушивался. Однако при этом моментально ставил императрицу на место, если она пыталась выйти «за рамки». Строго, и в то же время болезненно ласково относился к детям: за всю жизнь не то что подзатыльника никому из наследников не отвесил — резким словом не обидел.

Так, что еще? Чувствуя на себе чуть насмешливый взгляд Бисмарка, его гость чувствовал себя неловко. Упомянуть про феноменальную физическую силу русского царя, которая спасла все семейство несколько лет назад, при крушении поезда под Харьковом? Да, пожалуй: «самсонов подвиг» царя явно подорвал его здоровье. Кажется, в одном из донесений разведки приводился и отзыв медиков касательно изношенных чрезмерным злоупотреблением алкоголя почек Александра III. Пурталес кашлянул:

— Русский царь до сих пор страдает от последствий железнодорожного крушения в Борках, ваше высочество...

— Значит, вы тоже помните этот случай! — задумчиво кивнул Бисмарк. — Очень мужественный и, я бы сказал, скорее не царский, а цирковой поступок. Значит, это кошмарное крушение имело долгоиграющие последствия, граф?

Фон Пурталес пожал плечами:

— Насколько я помню, последствиями были с тех пор многочисленные карикатуры во всех европейских газетах...

— Это все, что вам запомнилось, граф? А имена доктора Трубе и профессора Лейдена* вам о чем-нибудь говорят?

— Пока, хвала Господу, мне нет нужды иметь в своей записной книжке имена именитых медиков, — попробовал отшутиться фон Пурталес. — У меня отменное здоровье!

— Счастливчик! — вздохнул Бисмарк. — Ладно, оставим пока медицинскую тему. Значит, вам рекомендовано усилить разведывательную работу в России. И вы в глубине души, мой дорогой Фридрих, считаете ваших начальников кончеными идиотами — потому что *уже* знаете об оборонительных

* Подлинные имена немецких светил медицины, привлекаемые в разное время для лечения русского императора.

планах русских все! Браво! А что вы знаете о планах некоего полковника Архипова — я не ошибся? Правильно назвал имя?

— Так точно, ваше высочество! Архипов! Только он уже отставной полковник! Благодаря некоторым усилиям, предпринятым вашим покорным слугой, полковник попал в немилость и едва не отправился дослуживать где-то в дальнем, окраинном гарнизоне. А все его попытки обратить внимание министерства иностранных дел, министерства внутренних дел России и окружения самодержца на необходимость создания контрразведывательной службы в России решительно пресекаются!

— Прекратите ломать комедию, граф! Одно из двух: или вы считаете меня идиотом, выброшенным на свалку истории, или из дурацкой жалости не хотите расстраивать известием о том, что в Петербурге полным ходом идет подготовка к созданию контрразведывательного центра. И готовят его серьезные люди, граф! Не сопливые социалисты с глупыми идеями вместо мозгов, а директор Департамента полиции — нынешний и будущий, оба военных министра — нынешний и тоже будущий, Куропаткин... Последний пока в тени... Александр, гордящийся прозвищем Миротворца, отмахивается от самой мысли о том, что кто-то может угрожать державе, которая никому не угрожает.

Стиснув зубы от боли в ногах, Бисмарк встал, обошел вокруг стола и оперся руками о плечи графа.

— Я уверен, дорогой Фридрих, что вы можете назвать мне все русские военные корабли и даже калибр их орудий. Но мыслить «наперерез» вы, увы, не умеете! Для вас ничего не значат имена светил медицины, которые я вам назвал. И совершенно напрасно, мой дорогой друг! Напрасно, потому что профессора с ранней весны пытаются спасти русского царя! Вы задавали себе вопрос: а почему, собственно? Знаете ли вы, что после того крушения Александр стал жаловаться на боли в пояснице? Тогда же профессор Трубе поставил царю диагноз: сильнейшее сотрясение и непомерная нагрузка спровоцировали болезнь почек. Тех самых почек, граф, которые и без того были весьма больны вследствие неумеренного

употребления спиртного. Почему ваши шпионы, граф, ни разу не отметили землистый цвет лица императора, его резко ухудшившийся аппетит, перебои в работе сердца?

Фон Пурталес молчал — он понимал, что возражать и оправдываться бессмысленно. Старый лис обыграл его по всем статьям!

— Нынче зимой Александр сильно простудился, а во время последней охоты в Беловежской пуще почувствовал себя настолько скверно, что для спешно вызванного прямо на болота профессора Лейдена был нанят специальный железнодорожный экспресс-состав. Профессор поставил диагноз — нефрит, острое воспаление почек. Жить высокородному русскому пациенту осталось максимум полгода. Ну, этого Александру III и его семье никто не сказал, разумеется. Разве что намекнули. И царя срочно, невзирая на все его протесты, отправили в Крым, в Ливадию.

Бисмарк отпустил плечи графа и не торопясь вернулся на прежнее место.

— Вывод очевиден, мой дорогой Фридрих! — Бисмарк положил в щель рта сдобный сухарик и с хрустом разгрыз его. — Уже нынче осенью в России будет новый царь. Наследник Николай II. Что это сулит Германии? Можете просчитать плохие и хорошие перспективы? Ну, не все — хотя бы одну!

— Принцесса, — немедленно отозвался граф. — Принцесса Аликс*, будущая императрица! И заглядывающий ей в рот Николай... Перемены в правительстве...

— Достаточно, граф! Названного вами с избытком хватит для того, чтобы в дипломатических ведомствах Германии, Англии и других стран Европы срочно засели за просчет вариантов будущих проблем в отношениях с Россией! Но нас с вами интересует лишь одна проблема, не так ли, милый Фридрих?

---

* Алиса-Виктория-Елена-Луиса-Беатриса, принцесса Гессен-Дармштадтская, родилась 6 июня 1872 года в средневековом городе Дармштадте, что неподалеку от Рейна. Она была названа Алисой (Аликс) в честь своей матери, английской принцессы Алисы. Будущая супруга Николая II, Аликс с детства ненавидела все немецкое.

— Пожалуй...

— Тогда вспомните, что является непременной сопровождающей всякой смены власти? Это суета, не так ли? Наиболее четко при всякой смене власти работает структура с выверенным, конкретным планом действий. Положа руку на сердце, можно ли сегодня «архиповское гнездо» назвать такой структурой?

— Вряд ли... Пока нет, но... — Граф задумался.

— Надеюсь, вы озаботились тем, чтобы своевременно подсадить в это «гнездо» своего «птенчика»?

— Можете не сомневаться, ваше высочество!

— Мне не нужно имя этого «птенчика». Просто хотелось бы знать — это уже действующий агент? Либо глубоко законспирированная «бомба замедленного действия», которая взорвется в нужный момент?

— Пожалуй, я и сам этого пока не определил, — признался фон Пурталес. Он встал и поклонился старому Бисмарку. — Скорее первое, нежели второе. Будем смотреть по обстоятельствам. Действующий агент всегда может стать бомбой.

— Вы профессионал, вам виднее, — согласился, вставая, в свою очередь, хозяин поместья. — Но «архиповское гнездо» должно быть нейтрализовано еще до... До того момента, когда в доме сменится хозяин! Поверьте старику, без малого полсотни лет ворочавшего судьбами Европы. И заставлявшего — ха-ха-ха — беспокойно ворочаться в своих постельках тех, кто считал себя хозяевами этой самой Европы!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

На следующий день после завтрака Агасфер, ощущая свою ненужность в этом большом доме, где все были при деле, несколько смущенно предложил Архипову еще раз попробовать его в роли коммивояжера-старьевщика. Полковник не только не стал возражать, но и откровенно обрадовался такой инициативе. Да и Терентьев тут же вызвался в сопровождающие. Однако Агасфер, нимало не чинясь, заявил, что желает прогуляться по Петербургу без «поводырей». Терентьев сделал вид, что обижен, но потом принялся развлекаться — стращать Агасфера обилием опасных мест в Северной столице.

— Ну вот куда, к примеру, вы хотите направиться? — азартно допрашивал он старшего товарища.

Тот, не раскусив подвоха, перечислил несколько адресов, которые упоминались в перспективных, на его взгляд, объявлениях о распродажах старины. Но всякий раз Терентьев делал «страшные» глаза или откровенно поднимал коммивояжера на смех.

— Фонарный переулок, что на углу улицы Казанской?! Помилуйте, друг мой! Да ведь там известные своим развратом «Фонарные бани»! Куда до них даже «семейным номерам» Вяземской лавры! Там, господин Агасфер, с вас на ходу пальто срежут! А коли шум поднимете, так и последней руки лишиться вместе с пальто можно... А тут у вас что отмечено? «Благородная дама с Малой Мещанской, собственная квартира, в видах срочного отъезда предлагает любителям и ценителям старины изящные безделушки». Помилуйте, да там благородства по всей улице не наскребешь и на понюх табаку! Скорее всего, эта «благородная дама из приличной семьи» — местная «хипесница-кудесница», у которой пара громил в каждом шкафу. «Антиквар. Свой дом на Сенной площади»? — Терентьев закатил глаза. — Хотел бы я посмотреть, с каким предметом старины вас оттуда выбросят — разутого и раздетого!

— Хватит, хватит, Владимир Семенович! — не выдержал Архипов. — Этак наш новый помощник и партнер вообразит, что попал не в Санкт-Петербург, а на остров разврата и негодяйства! Господин Агасфер, заявляю вам официально: хоть Северная наша столица и «богата» всякого рода швалью, но вполне порядочных улиц с добропорядочными жителями здесь тоже хватает! Да что я вам говорю — вы ж и сами долгое время были столичным обитателем! Нюх и интуиция сохраниться должны непременно!

Терентьев фыркнул, однако при виде нахмуренных бровей полковника придал лицу невинное выражение.

— М-да, конечно! — Полковник прошелся по столовой, где по завершении завтрака и происходил разговор. — Признаться, мне бы хотелось, чтобы у вас был опытный спутник и товарищ... Но раз вы непременно хотите сделать одиночную «вылазку» — не смею препятствовать! Не мальчик-с! М-да... Так куда вы хотите направить нынче свои стопы? На Коломенскую, возле Московского вокзала? Хм... Живали, живали на Коломенской люди обеспеченные. Вполне может и повезти, да... Телефон в объявлении не указан, конечно? Ну, это дело обычное нынче: удовольствие весьма дорогое! Даже если есть — ни за что не укажут, спокойствия своего ради! В общем, благословляю, господин Агасфер! Благословляю и ожидаю с ценным приобретением. И непременно телефонируйте, ежели что. Я нынче дома, так что советом всегда помогу. Да-с!

Терентьев, видимо, обидевшись, что его обществом пренебрегли, ограничился холодным кивком и напоминанием взять с собой надежный револьвер. Архипов не сказал ни да, ни нет, но возле самых дверей сунул Агасферу под локоть холодный кусок металла, шепнув при этом:

— Бельгийский. Всего на четыре заряда, зато какие, мой друг! Битюга с копыт свалит. Но шибко им не размахивайте! И о своем мадьярском подданстве не забывайте. Я-то вас из любой переделки вытащу, но... Зволянский нынче уезжает в Ливадию, так что... Будьте благоразумны и постарайтесь обойтись без осложнений.

Все эти предупреждения и «пугалки» Агасферу, честно признаться, уже поднадоели. И он с чувством великого облегчения захлопнул за собой, наконец, входную дверь особняка и полной грудью вдохнул влажный воздух петербургских улиц.

Швейцар Тимофей был тут как тут, на посту. Сняв фуражку и распустив по груди свою неповторимую бороду, он учтиво пожелал жильцу «доброго утречка», озабоченно

обмахнул метелкой полы его пальто и вытянулся по стойке «смирно», не забыв подставить мягкую ладонь для гривенника. Также поинтересовался — не нужен ли господину Агасферу извозчик?

Пришлось советоваться: на Коломенскую? Ну, это как господин жилец волю выразит: пожелает пройтись, так тут за углом конка до самого Московского вокзала «бегаить». А коли пятиалтынного не жалко, так можно и «ваньку» высвистеть.

— Хочу на конке, — застенчиво улыбнулся Агасфер.

— Хозяин — барин! Коли на конке, тады в тую сторону надобно ехать, — Тимофей для солидности надел фуражку и проводил жильца до угла.

Время, выбранное Агасфером для выхода «в разведку», было неким средним между часами приказчиков торговых лавок и появлением на улицах служащих частных учреждений, а вместе с ними и молодых мужчин в фуражках административно-конторского персонала. Те почтительно, на манер офицеров прикасаясь двумя пальцами к основанию лакированных козырьков, уступали дорогу сановитым служащим частных учреждений, одетым с претензией на моду — в пальто-демисезон с темным бархатным воротником и непременно серо-волосатых шляпах-котелках.

Перед выходом из дома Агасфер задержался перед массивным зеркалом. В своей статской одежде и пальто, без каких-либо признаков ведомственной принадлежности он наверняка будет привлекать внимание непривычных к неопределенности петербуржцев. Некоторое время его мучили сомнения: не подвесить ли культю с протезом на приличную, серого цвета косынку, с коими нередко можно было встретить на улицах покалеченных или с незажившими ранами офицеров? Обычно на подобной косынке красовался герб госпиталя под патронажем одной из великих княгинь. На мужчин с таким знаком ранения, даже если они были в статском, прохожие смотрели с безусловным уважением, а дворники и многочисленные юнкера и кадеты непременно козыряли ветеранам-калекам.

После весьма позорного указа об отчислении из гвардейского батальона и лишения дворянства Агасфер упорно отказывался «рядиться» в военную форму, не объясняя при этом ничего ни Терентьеву, ни Архипову. И весьма болезненно относился даже к такой «мелочи», как госпитальная косынка.

В конце концов, он все же решил косынку с гербом великой княгини взять.

Проехав на конке до Московского вокзала, он, не дожидаясь скрежета тормозного колеса, спрыгнул, оглянулся по сторонам, с трудом припоминая окрестности района, так и не вспомнил — пришлось подойти к торчащему на углу городовому.

Услыхав вежливое обращение, городовой не торопясь обернулся, тронул краем перчатки ухоженные усы, поднял брови:

— Слушш... вас, любезнейший! Улица Коломенская? Гм-м... Да вот же-с, дважды повернуть направо-с — там она и будет! Есть и более короткий путь, через проходные дворы, однако нездешнему господину будет легко там запутаться. Вот таким образом-с!

Небрежно кинул два пальца к круглой барашковой шапке и, посчитав свой долг по отношению к непонятной «штафирке» с «раненой» рукой выполненным, городовой всем корпусом повернулся к собирающейся пересекать улицу дорого одетой барыне.

— Благодарю, любезнейший! — проговорил Агасфер и повернул направо. Сверяться с адресом объявителя нужды не было, он помнил его и так.

Второй дом от угла, крайний подъезд после низкой полукруглой арки. И неизменный дворник, опершийся на ручку метлы.

— Госпожа Гамрецкая? А что у вас, господин хороший, дело до госпожи Гамрецкой такое может быть? — нахально поинтересовался дворник, разглядывая герб на косынке.

Агасфер, сделав шаг вперед, ухватил наглеца мертвой хваткой протеза за нос.

Выронив метлу, дворник присел и заскулил от боли.

— Ты не понял, дурак? — ласково переспросил Агасфер. — Квартира госпожи Гамрецкой! А что да зачем — не твое свинячье дело! Куда идти-то, спрашиваю?

— Прощенья просим, ваш-бродь! — мгновенно сориентировался дворник. — Не признал вашу светлость! Прямо и налево, милости просим-с! Прикажете предупредить? Ну, как угодно, как угодно-с...

Агасфер вывернул локоть левой руки, и стальные пальцы разжались. Держась за нос цвета вареной свеклы, дворник с ужасом глядел на вполне нормальную с виду руку в серой замшевой перчатке.

— Спасибо, любезный! — Агасфер проследовал к нужному подъезду.

Поднявшись на третий этаж некогда вполне респектабельного (сохранились кольца под ковровую дорожку на лестнице и запыленные кашпо на стенах), а ныне ставшего доходным дома, Агасфер обнаружил нужную ему фамилию и крутнул ручку давно не чищенного звонка. Подумав, сдернул с шеи косынку и спрятал ее в карман.

За дверью послышалось визгливое собачье потявкивание, затем чье-то успокаивающее бурчание. Загремели цепочки и засовы, и дверь приоткрылась, явив Агасферу половину настороженного лица прислуги. Не дав служанке открыть рот, Агасфер улыбнулся, приподнял шляпу и заявил о своем интересе:

— Я по объявлению в газетке. Могу я увидеть госпожу Гамрецкую?

— А-а-а, конечно, конечно! — Женщина широко распахнула дверь и отступила в сторону. — Пожалте в дом, милостивый государь! Сей момент я хозяйку покличу...

И, нимало не беспокоясь о визитере, выскользнула из прихожей. Ее сменила вывернувшаяся откуда-то старая собачонка — насколько понял Агасфер, шпиц. Собачонка бесцеремонно обнюхала ноги гостя и столь же равнодушно ушла куда-то.

— Простите, вы по объявлению, сударь? — Агасфер услыхал глубокое приятное контральто и увидел перед собой

небольшого роста женщину в старинного покроя юбке и такого же типа блузке, некогда ярко-белой, однако потерявшей первоначальную свежесть от многочисленных стирок.

Агасфер сдернул с головы шляпу и поклонился.

— Прошу простить мою прислугу — она недавно из деревни. Прошу за мной, сударь!

Проведя гостя в скудно обставленную гостиную, хозяйка указала ему на кресло, а сама, извинившись, исчезла в одной из смежных комнат. Однако вскоре появилась вновь, неся перед собой завернутый в белую ткань некий предмет. Поставив его на стол, она осторожно опустилась на отчаянно скрипнувший стул и заискивающе улыбнулась:

— Наверное, я напрасно обеспокоила вас — заранее прошу простить сию бестактность. Но мои племянники — ах, эти сорванцы! Они уверяют меня, что это вещь дорогого стоит. Не знаю, право... Тряпичник, который заходит в наш двор через день, дает мне три рубля серебром — и то, как он уверяет, только из-за перламутровых пластин, которые ему необходимы для каких-то поделок.

Говоря все это, мадам Гамрецкая осторожно освободила предмет от тряпицы, и взору Агасфера явилась шкатулка, облицованная пластинками потускневшего перламутра. Крышка ее была наполовину закрыта — вероятно, из-за плохого обращения либо падения.

Агасфер с трудом сдержал вздох сожаления: на первый взгляд — самая обычная музыкальная шкатулка. Заводишь — крышка поднимается, звучит треньканье музыкальных аккордов, и начинает крутиться балерина. Однако из вежливости Агасфер взял вещицу в руки, повертел ее перед глазами и уже хотел было поставить на место, как вдруг заметил на стенке шкатулки герб семейства Кромвеля и даты его победы и смерти: 1649 и 1658 годы!

Агасфер нахмурился: если ему не изменяла память, в 1649 году Оливер Кромвель одержал победу над королевскими войсками и настоял на казни Карла I. Королю отрубили голову, однако палачи не имели ничего против того,

чтобы позволить пришить отсеченную голову к телу и дать родственникам достойно похоронить Карла I. Тем не менее, ненависть Оливера к королевской крови не угасла. И он щедро награждал всех, кто сохранял это событие в истории. Что-то было связано и со шкатулкой...

— Вы позволите? — не дожидаясь разрешения, Агасфер попробовал приподнять крышку шкатулки — приржавевшая или из-за погнутого штыря, она поддавалась с большим трудом.

Он встал из-за стола, поднес шкатулку к давно не мытому окну — и увидел то, что ожидал: на центральном штыре была закреплена не традиционная балерина, а мужская фигура в королевском облачении. В мантии, с погнутой короной на чуть свернутой голове. Присмотревшись, можно было разглядеть даже характерную бородку Карла I...

Вот оно что... Агасфер вернулся за стол, снова принялся разглядывать шкатулку, пытаясь различить имя мастера...

— Что-то не в порядке, сударь? — обеспокоенно зашевелилась мадам Гамрецкая. — Конечно, шкатулка очень стара, и обращались с ней не слишком... бережно. Но, с другой стороны, ей больше трехсот лет — что же вы хотите от людей, господин... господин...

— Простите — господин Ковач, с вашего позволения! — спохватился Агасфер, привстав и кланяясь хозяйке.

— Да, господин Ковач! Шкатулке триста лет, и я не думаю, что было бы правильно отдать ее татарину-тряпичнику за два-три рубля. Не правда ли?

Разговаривая с хозяйкой шкатулки, Агасфер краем глаза уловил шевеление тяжелых портьер у дверей, ведущих в соседнюю комнату. Как ему показалось, за ними прятался некто, не желавший принимать участие в общем разговоре, но которого этот начинающийся торг весьма интересовал. Прислуга? Ощущение было не из приятных, но не вскакивать же, не раздергивать же портьеры...

Агасферу предстояло решить непростую финансовую проблему. Ошибаться не хотелось: ведь, как никак, это его первая

покупка для полковника. Разглядывая шкатулку, он старался поворачивать ее так, чтобы ее внутренности, будучи совсем ржавыми и разбитыми, как-нибудь загремели, забрякали — однако ничего подобного слышно не было.

— Могу я поинтересоваться, сударыня, как в вашу семью попала столь древняя вещица? — поинтересовался он, оттягивая решение о предложении цены.

— От моего деда, а ему, в свою очередь, от его отца, большого любителя странствовать по свету, — не замедлила с ответом мадам Гамрецкая. — Надеюсь, вы не сомневаетесь в законности моего правообладания этой вещицей?

— Ни в коем случае, сударыня!

— Вы знаете, у меня сохранилось, кажется, одно из писем моего деда, которое пришло моему отцу вместе с этой шкатулкой. Правда, чернила сильно выцвели, да и писано оно на итальянском языке — мой дед был итальянцем, знаете ли... Если желаете, то можете взглянуть...

— Вообще-то я знаю итальянский язык, — улыбнулся посетитель. — А одна из моих обязанностей в качестве доверенного лица собирателя древностей, господина полковника Главного штаба Архипова — разбирать старые бумаги. Так что если в том письме не содержится никаких личных тайн, было бы любопытно...

В этот момент тяжелая портьера прекратила свое таинственное шевеление и широко распахнулась, и в комнату вошли двое немолодых мужчин с настороженными лицами, носящими явные следы злоупотребления горячительными напитками. Мужчины смотрели на Агасфера с плохо скрываемой неприязнью.

Он поднялся со стула, коротко им поклонился и положил на край стола свою визитную карточку — по настоянию полковника изготовленную на шикарной дорогой бумаге и даже с какой-то невнятной короной в углу.

— Здравствуйте, господа!

Господа не соизволили ответить, они придирчиво рассматривали дорогой костюм посетителя, его распахнутое и тоже

явно дорогое пальто (прислуга не догадалась предложить гостю раздеться!).

— Это мои племянники, — чуть покраснев, представила мужчин Гамрецкая.

Убедившись, что на сей раз тетка принимает не татарина-тряпичника, племянники явно поостыли, уселись на свободные стулья.

— Прошу простить за столь скоропалительное явление, — наконец, буркнул один из них, тот, что постарше. — Но тетя не обладает знаниями в области предметов художественной старины и их истинной ценности. И уже не в первый раз пытается задешево отдать кому попало сей раритет.

— Но, Борис...

— Помолчите, тетя! — оборвал женщину племянник. — Я не понимаю, зачем этому достопочтенному господину письма, которые не имеют никакого отношения к делу и которые, к тому же, вряд ли сможет прочесть кто-либо, кроме давно умершего автора? Н-не понимаю, решительно не понимаю! Господин э.., — племянник мельком глянул на визитную карточку посетителя. — Господин Ковач, надеюсь, разбирается в старинных вещах и сейчас докажет нам это, предложив справедливую цену!

Хитрость племянника была очевидной: какую цену ни назови — тебя высмеют, да еще и в невежестве обвинят. Поэтому Агасфер решил форсировать события. Он поставил шкатулку на стол, слегка отодвинув от себя, сложил на груди руки и перешел в наступление:

— Мадам Гамрецкая, господа, — простите, не имею чести быть представленным! Чтобы наш деловой разговор не был пустым времяпрепровождением, я желаю, прежде всего, иметь полную ясность относительно хозяина шкатулки — деловой разговор возможен только с ее правообладателем! Итак?

Племянники переглянулись, но промолчали. После короткой паузы мадам Гамрецкая, сухо откашлявшись, объявила, что шкатулка принадлежит ей.

— Прекрасно! Я готов объявить свое предложение, однако прежде желал бы взглянуть на упомянутое письмо. Уверяю вас, господа, что прошу об этом не из праздного любопытства! В моем деле письменные свидетельства имеют особый вес и значимость, особенно идет речь об имени мастера, точном времени изготовления, каких-то конструктивных особенностях и так далее. Как правило, наличие подобных писем повышают ценность предмета торга. Итак?

— Конечно, принесите письмо, тетушка! — согласился второй племянник.

Хозяйка вышла из комнаты и через несколько минут вернулась еще с одной шкатулкой в руках, как оказалось, набитой письмами. Искомое письмо лежало сверху — бумага действительно выглядела обветшалой, а красноватого оттенка чернила почти выцвели.

Однако Агасферу разбирать старые записи было не в новинку. Он довольно скоро нашел нужное место, где рассказывалось о месте и времени приобретения кромвелевской шкатулки, сложил старую бумагу и положил ее на предмет торга.

— Ну-с, господин коммивояжер, что скажете? — нетерпеливо спросил один из племянников. — Не правда ли, весьма ценная штуковина?

— Шкатулка, безусловно, старинная и... довольно любопытная. Но окончательная цена, как вы понимаете, зависит от ее сохранности и возможности реставрации. Здесь я этого определить не могу-с! У меня к вам, мадам, деловое предложение! — словно не слыша племянника, обратился к Гамрецкой Агасфер. — Я готов прямо сейчас дать вам за эту шкатулку 200 рублей — с условием доплаты такой же суммы, если мастера моего нанимателя, разобравшись в ее механизме, дадут ему гарантию восстановления! Прикажете писать расписку?

И племянники, и их тетушка разинули рты — было совершенно очевидно, что они едва ли рассчитывали и на четверть предложенного аванса.

— А эти двести рублей — прямо так, сразу? — нерешительно поинтересовалась женщина. И, увидев подтверждающий кивок Агасфера, воскликнула: — Сделайте милость, пишите, сударь! Я согласна!

Но тут, опомнившись, вмешались племянники. Они наперебой стали рассуждать о человеческой алчности и хитрости, о наивности их старой тетки. Оба не сомневались в том, что господин коммивояжер хочет нажиться на бесценном антиквариате.

Услышав это, Агасфер встал и щелкнул крышкой часов:

— Господа, к сожалению, у меня нет времени выслушивать ваши оскорбительные предположения! Отнесите сей раритет любому антиквару Петербурга — я готов держать пари, что ни один из них не даст вам за шкатулку больше пятидесяти рублей ассигнациями. А когда вы обойдете всех этих антикваров, возвращайтесь ко мне. Визитная карточка на столе. Там же указан номер телефона. Только не думайте слишком долго — мой вам совет!

Убедившись, что посетитель и вправду настроен решительно, племянники сменили тон. Агасфера едва не силой усадили за стол, прислуге было велено принести чаю — впрочем, может быть, господин коммивояжер желает чего-нибудь покрепче? Скажем, домашней наливочки прошлогоднего урожая? Ну, как угодно, как угодно...

Кромвелевскую шкатулку прислуга завернула в чистую тряпицу. Положив на стол несколько купюр и расписку, Агасфер, в свою очередь, попросил у госпожи Гамрецкой расписку в получении оплаты. Прислуга была отправлена к дворнику с наказом срочно найти извозчика, и Агасфер про себя усмехнулся: вряд ли дворник с носом, напомнившим сливу, будет сильно стараться. Ничего, дойду и до конки, решил он.

Дворника, как и следовало ожидать, на месте не оказалось, и Агасфер в сопровождении племянников двинулся пешком. Впрочем, племянники скоро с ним распрощались и вприпрыжку помчались, как определил Агасфер, явно не домой, а в ближайший кабак.

Агасфер на зрительную память не жаловался и вполне мог бы добраться до вокзальной площади тем же путем, каким и

пришел сюда. Но какой-то азарт, желание проверить старые навыки толкнули его в длинный проходной двор с низкими полукруглыми арками.

Двор этот, собственно, оказался лабиринтом — причем, несмотря на дневное время, абсолютно безлюдным. Когда Агасфер в конце концов выбрался из него в какой-то переулок, он уже и не помнил, сколько им было сделано поворотов. И самое главное — он не понимал, в какую теперь сторону надо идти.

Махнув рукой — куда-нибудь, да выйду, — он зашагал направо.

Удивительное дело — ни одного прохожего. Даже вездесущих дворников, без которых Петербург трудно представить, и тех не видно! «Очевидно, я попал в район каких-нибудь железнодорожных пакгаузов», — решил Агасфер.

Ругая себя за мальчишество, он ускорил шаги, стремясь поскорее «выйти к людям». И, наконец, вышел!

Заслышав невдалеке голоса, он свернул раз, другой — и наткнулся на компанию, которую вряд ли можно было назвать приятной.

Их было пятеро, и все они сидели на корточках у стены. Один исполнял «роль» стола — на коленях и в руках у него были огрызки калачей, бутылки, какие-то объедки. Остальные, насколько успел понять Агасфер, «вкушали» от этого «живого стола», громко чавкали, отрыгивали и глотали прямо из горлышек.

Случайному прохожему эта темная компания ничуть не удивилась и даже, можно сказать, обрадовалась. Наиболее мерзкая рожа легко отлепилась от стены и, пританцовывая, направилась ему навстречу, кланяясь и кривляясь.

Не будь у Агасфера в руках тяжелого узла с кромвелевской шкатулкой, он не счел бы позором развернуться и попробовать убежать: бегал он изрядно. Но с тяжелым свертком далеко не убежишь — ну не бросать же первую свою «добычу»! И он остановился, позабыв поначалу о четырехствольном бельгийском пистолете, который вручил ему Архипов перед выходом словно нарочно для такого случая.

— Здравствуйте, господин хороший! — приветливо поздоровалась «рожа», широким жестом обводя притихшую компанию. — А мы тут с товарищами заскучали уже совсем! Откушать не желаете с нами, ваше превосходительство? Не желаете? Никак брезгуете? Робяты, а он нами брезгует! — скривившись, пожаловался громила и, цепко ухватившись за узел со шкатулкой, дернул его к себе.

— Не отдает, собака такая! — опять пожаловался он товарищам. — Ну что с ним делать-то станем, а?

Тут уже вся компания пришла в угрожающее движение. Все встали, даже «живой стол» ссыпал припасы прямо на камни мостовой. Только тогда Агасфер вспомнил об оружии, поставил узел на мостовую и, отступив на шаг, попытался достать из внутреннего кармана сюртука револьвер. Как назло, карман оказался глубоким; к тому же, рассчитываясь за «Кромвеля», он положил поверх револьвера портмоне. В общем, быстро достать оружие не получилось.

Да и громилы оказались проворными. Они мгновенно окружили жертву, один приставил к горлу Агасфера жало длинного острого клинка, двое схватили за руки, буквально распяв его на сырой стене. Самый из них разговорчивый, дыша перегаром, принялся деловито шарить у него по карманам. Пятый присел возле шкатулки и, не желая возиться с узлом, полоснул тряпицу лезвием опасной бритвы.

Вспоминая потом эти непростые минуты, Агасфер с удивлением отметил, что бандиты не кричали, не угрожали — «работали» очень спокойно, перекидываясь какими-то будничными фразами.

— Гаврик, тут в узле старье какое-то. То ли шарманка, то ли коробка с музыкой...

— О-о-о, а портмоне-то у нас какое толстенькое, аппетитное... Ну-ка, ну-ка... Братцы, да тут полный «лопатник»* сламу!

— Гаврик, а левая «клешня» у господинчика какая-то неживая... Холодная! — недолго думая, громила прошелся по

* На блатном жаргоне — бумажник, портмоне.

рукаву лезвием бритвы. — Смотри, Гаврюха, искусственная рука! Слушай, может, тоже захватим? Прикинь, искусственную руку в толпе можно поверх «клифта»* приспособить, а свободной «лопатники» тырить.

— Хочешь — забирай! — равнодушно согласился главарь, продолжая охлопывать карманы жертвы. Нащупав, наконец, револьвер, он с торжествующим удивлением выудил его, подкинул на ладони, заглянул в стволы и удивленно присвистнул:

— Братва, а клиент-то наш совсем «уважительным» оказался! У него смотри какой самострел в кармане, а он не сопротивляется, не орет, бежать не норовит!

— Такого даже в колодезь наш жалко, — нарочито поддержал второй громила, бросая возню со шкатулкой — совсем старым и негодным показалось ему это «старье»!

«Приговор», таким образом, был вынесен. Главарь, поигрывая отобранным револьвером, отступил на шаг. Отступили и громилы, держащие Агасфера за руки.

— Ну, господин хороший, выбирай, раз такое дело: сам разденешься, или с мертвяка одежку сымать будем? Ты, Сулема, напрасно рукав у «клифта» ему бритвой пропорол, теперь барыгам относить надо, на шитье тратиться...

Главарь направил на Агасфера револьвер:

— Ты глухой, что ли? Раздевайся, сволочь! Быстро!

Агасфер уже принял решение. Сделав плаксивую гримасу, он замотал головой:

— Я сам, сам, господа! Все сниму — пощадите только!

Он сполз по стене на землю, начал снимать сапог. И, воспользовавшись начавшейся перебранкой головорезов, зацепил носком левой ноги пятку Гаврюхи с револьвером, а правой что было сил ударил по этой же ноге ниже колена.

Послышался хруст ломающейся кости. Гаврюха, теряя равновесие, рухнул, выронив револьвер. А Агасфер уже стоял на ногах и стремительно двигался к опешившим бандитам. Перехватив в запястье руку громилы с бритвой, он культяшкой ударил его под локоть. Рука хрустнула и вывернулась в плечевом суставе.

* На блатном жаргоне — одежда, преимущественно верхняя.

Итак, двоих Агасфер вывел из строя, однако оставшиеся трое оказались опытными уличными бойцами. У всех у них были ножи, а у одного еще и дубинка на ременной петле. Отсекая Агасфера от валявшегося револьвера, они стали окружать его.

И неизвестно, чем бы закончилась неравная схватка, если бы в конце переулка не послышались быстрые шаги и громкие голоса.

— Вода*, робяты! — крикнул кто-то из громил, все трое бросились прочь и нырнули в малозаметный проход между подпорками каменной стены.

Агасфер между тем продолжал искать в полутьме выпавший из рук главаря револьвер. Через мгновение, найдя его, поставил на боевой взвод и присел возле катающегося по камням Гаврюхи, у которого, судя по всему, было раздроблено колено.

Шум усилился, по потолку и стенам лабиринта забегали лучи фонарей. А скрывшаяся было в каменной щели троица вывалилась обратно, теснимая несколькими городовыми с револьверами в руках.

— Облава! — истошно заорал громила с дубинкой и попытался прорваться в еще один проход, неподалеку от присевшего Агасфера.

Тот, не задумываясь, выстрелил из левого нижнего ствола, целясь все-таки не в голову бандита. Яркая вспышка и громкий выстрел едва не оглушили всех участников этой сцены. Наступающие на мгновение остановились, а потом закричали со всех сторон:

— Полиция! Всем бросить оружие! Стреляем без предупреждения!

* Возглас «вода!» — из каторжанского арсенала. Обычно этим словом арестант, стоящий на карауле, предупреждал товарищей о тревоге, приближении тюремного начальства или охраны.

— Брось дубину! — закричал и Агасфер, направив на одного из громил револьвер.

Тот, обезумев от ярости и страха, почему-то посчитал главным виновником облавы именно Агасфера.

— Ах ты, гнида! — прорычал он и, раскрутив дубинку, выпустил из рук ремешок. Агасфер, поднимаясь на ноги, услышал сердитое жужжание, затем получил сильнейший удар в голову и, уже теряя сознание, нажал на второй курок...

* * *

Наполовину оглушенного ударом дубинки Агасфера и Гаврюху увезли в ближайшую полицейскую часть. Не пострадавших в схватке бандитов рассовали по камерам городского тюремного замка. За Агасфером в околоток приехал сам полковник Архипов.

Справедливости ради отметим, что полковник, при виде купленного у госпожи Гамрецкой раритета, едва не позабыл о своем коммивояжере. Позднее он рассказал Агасферу, что шкатулка была изготовлена в единственном экземпляре неизвестным мастером XVII века для Оливера Кромвеля. Ненавидевший Карла I генерал-лейтенант так называемой парламентской армии не отказывал себе в удовольствии ежевечерне заводить шкатулку и смеялся всякий раз, когда перед ним начинала нарочито неуклюже крутиться фигурка не традиционной балерины, а мужчины со знаками королевского отличия. А в конце этого танца невесть откуда появлявшийся «чертик» сносил королю голову.

Когда после смерти лорда-протектора в Англии начались смута и хаос*, «богомерзкая шкатулка» лишь каким-то чудом

* До самой смерти Кромвель пользовался необычайной популярностью в народе. Однако после того как лорд-протектором стал старший сын Кромвеля, в стране началась смута, и парламент поспешил призвать на трон для порядка сына казненного короля. Тело самого «смутьяна» было выкопано из могилы и вздернуто на виселице — как изменника. Голова экспонировалась отдельно и была захоронена только в 1960 году в одном из колледжей Кембриджа.

сохранилась и даже была выкуплена за гроши неким предприимчивым торговцем.

К великой радости Архипова, ее механизм не слишком пострадал за последние 300 лет, и его удалось реставрировать; правда, бесследно пропал «чертик»...

Признав ценность приобретенной шкатулки, Архипов выплатил мадам Гамрецкой обещанное вознаграждение.

Что же касается Агасфера, то приглашенный полковником авторитетный врач заявил: «Вашего коммивояжера спасло только чудо: не начни он в момент броска дубинки подниматься, она напрочь выбила бы ему нижнюю челюсть и наверняка повредила бы гортань».

С тех пор Агасфер стал прислушиваться к советам Архипова насчет пошива военной формы.

— В конце концов, господин Берг, вы же не считаете зазорным жить по фальшивым документам мадьярского подданного. Не понимаю, чем «отпускной билет» штабс-капитана или ротмистра, изготовленный по заказу Главного штаба, хуже? — доказывал полковник.

И Агасфер в конце концов сдался — на радость портному Соломону Циммерману.

А когда ему разрешили вставать, полковник объявил, что следующей командировкой Агасфера станет Вена. Не стал скрывать Архипов и «двойного назначения» предстоящей поездки. Агасферу предстояло не только поискать там что-нибудь интересное для пополнения коллекции полковника, но и углубить, по возможности, знакомство с двумя-тремя русскими офицерами, зачастившими в город «короля вальсов» Штрауса.

Услыхав об этом, Агасфер поднял брови: он не был знаком ни с кем из офицеров, за исключением окружения полковника. Но тот лишь загадочно прищурился, пошевелил бородой и процитировал:

— «Пред своенравною судьбой мы все, увы, марионетки!» Ну-ка, господин Агасфер, кто это сказал?

— Жан-Поль Беранже, известный французский сочинитель песен и сатирических произведений.

Слегка разочарованный эрудицией помощника, полковник положил перед ним несколько фотографических отпечатков настольного формата.

— Это подполковник Анатолий Николаевич Гримм, старший адъютант штаба Варшавского военного округа. Это — его официальная любовница Серафима Бергстрем. А это наш главный «друг» и «благодетель» — глава австрийской резидентуры в России Гельмут фон Люциус*. У этих мужчин намечена традиционная встреча в знаменитом императорском «Яхт-клубе»**, где вам с ними и предстоит познакомиться. Мадам — в курсе всех грязных делишек ее любовника — правда, я не уверен, что герр Люциус пригласит ее на рандеву.

— Я слышал, что легче жениться на принцессе королевской крови, нежели пройти строжайшую баллотировку членов клуба. Ходят также слухи о том, что некоторые его члены бросают в чашу исключительно черные шары. В каком же качестве я туда попаду, Андрей Андреевич? Прислуги? Или персидского шаха с наклеенной красной бородой?

Архипов полез в один из своих бесчисленных карманов и положил поверх фотокарточек богато оформленный членский билет.

— В этом-то вся интрига, господин Агасфер, — вы попадете туда под «настоящим» именем ротмистра драгунского полка Полонского, чей отпускной билет вы недавно получили вместе с военным мундиром. Потрудитесь изучить краткую историю «своего» полка, свою «легенду» и рекомендуемую манеру поведения. Ах, какие знакомства вы там завяжете, ротмистр!

— Но это же самознайство...

* Указанные имена — подлинные.

** Императорский Яхт-клуб был открыт в 1846 году и в начале XX века располагался на Малой Морской улице. Блеском, пышностью и влиянием клуб затмевал все остальные в России. Члены императорской фамилии и дипломаты принимались в члены клуба без баллотировки, но для остальных кандидатов существовала строжайшая фильтрация. Стать членом Яхт-клуба было равнозначно получению пропуска в высшее общество.

— Или военная хитрость. Кругом — марш, господин Агасфер! Через полчаса придет Циммерман — для окончательной подгонки вашего мундира!

— Но мой протез! Тимофей все еще не вернул его. Что он с ним делает, черт бы его побрал?

— Со временем узнаете. Приспособьте на сегодня любой. Вам помогут его забинтовать.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Медников объявился в Петербурге с тремя московскими филерами, из наиболее ухватистых, по его собственному определению. Письменные полномочия директора, предъявленные им начальнику столичной «охранки» Вельбицкому, хоть и оказались для Константина Эдуардовича весьма неприятным сюрпризом, но были встречены с пониманием.

По ряду признаков тот уже давно ожидал перемен и даже имел кое-какие соображения «по существу», однако, не будучи официально поставленным в известность о создании «особого отдела» и изменениях в структуре вверенного ему оперативно-розыскного подразделения, сам с инициативой к начальству на глаза не лез.

Когда Медников, даже не переодевшись с дороги, явился к Вельбицкому на аудиенцию — о чем известил его порученец из присутствия начальника «охранки», Вельбицкий только передернул плечами:

— Пропусти...

— Перекрестился не по-нашенски, — продолжал ябедничать порученец. — Из старообрядцев, надо думать...

— Да хоть из солнцепоклонников, — хмыкнул Вельбицкий. — Бумаги у него в порядке? Вот и пропускай. Со всей почтительностью...

— Прошу, любезнейший! — встретил он Медникова. И не удержался, чуток язвительности в голос подпустил: — Как же, наслышан, наслышан... Присаживайтесь, любезнейший! Бумаги ваши прочитал — чем могу служить-с?

Медников скромно присел на краешек кресла. Огладил ладонью поредевшие на маковке волосы, на петербургское начальство глянул хоть и исподлобья, почувствовав язвинку, но вполне доброжелательно.

— Мы государю-императору служим — что вы, ваше превосходительство, что я... И приехал я в город Питербурх, как ваше превосходительство понимает, не своей волею. Так что давайте вместе служить. По мере сил, как говорится... Зовут меня Медников, родители Евстратием нарекли. А как вы называть станете — на то ваша воля.

— Ладно. Считай, познакомились, — кивнул Вельбицкий. — У вас, любезный, особые поручения и полномочия — говорите, чем надо помочь!

Медников говорил недолго.

— Все понял! — прихлопнул ладошкой по столу Вельбицкий. — На дальнюю перспективу надо для вашей команды помещеньице в подвале организовать, с отдельным, желательно, входом. И с камерой изолированной для ваших... будущих пленников. Правильно? Ну, с помещением проблем нет, а вот насчет отдельного входа подумать надо. Но это решаемо, решаемо, господин Медников! А что касается помощи местными толковыми филерами... Ох-ох-хо...

— Понимаю и разделяю ваше беспокойство, ваше благородие, только ведь мне толковые робяты не насовсем требуются. И никто никуда их из города Питербурха увозить не собирается — тут они и останутся, разве что сноровки побольше поимеют...

— Но тогда я не понимаю вашей озабоченности, милейший. Полномочия у вас имеются, старшего команды филеров вы знаете, моя поддержка гарантируется. Идите и берите кого вам надо!

— Так-то оно все так, ваше благородие. И за понимание с поддержкой благодарствую... Только вот кто самых лучших-то чужому, пришлому человеку отдаст? Покорнейше прошу, ваше благородие, о вашем личном представлении моей скромной особы начальнику команды филеров господину Толоконникову.

— Кажется, понимаю. — Вельбицкий подивился уму приезжего, брякнул колокольчиком. — Сейчас пригласим твоего Толоконникова. Только мне допрежь скажи, любезный, много ли людей у меня просить станешь? Потому как полномочия полномочиями, а с меня моих дел тоже никто не снимал.

— Двое мне пока нужны, ваше благородие, — твердо заявил Медников. — Хороший специалист по замкам, и еще — местный старожил, знающий все улочки-переулки окрест гостиницы «Англетер», а от нее южнее. Позвольте на оперативной карте показать...

Вельбицкий поднял брови. Сунувшемуся на звонок порученцу приказал:

— Толоконникова ко мне, духом! — и, повернувшись к Медникову, прищурился: — Не хитришь со мной, любезный? Ну, местный знаток всех ходов-выходов — это понятно. Но чтобы в Москве «серьгушники», специалисты по замкам перевелись!

Прошло еще полчаса, пока главе местных филеров-«топтунов» Толоконникову удалось втолковать главное: никто его не «подсиживает» и «сживать с нагретого места» не собирается. А всего-то и нужно, что помочь, «показать класс».

— Значит, нужен специалист-«серьгушник», — кивнул он. — Чтобы замок мог быстренько открыть и закрыть. Верно?

— Верно. Только при этом человечек должен быть сложением аккуратный, небольшого росточка. Чтобы в бабий наряд мог одеться, и никто бы его не «расшифровал».

— Ага, ага! — понимающе кивал Толоконников. — В простую бабу али благородного происхождения?

— В цвет ты, дружище, бьешь! — восхитился Медников. — «Работать» в приличной гостинице придется, туда простым бабам, кроме горничных да поломоек, хода нету! Нужна с виду «дамочка по вызову», чтобы с благородным постояльцем пройти могла, понимаешь?

— Есть в моей команде такой, — ухватился за подбородок Толоконников. — С виду совсем мальчишка, бороды ни разу не брил. Пожалел я его, из камеры мирового вытащил,

уму-разуму маленько «вогнал в задние ворота». Такой и в форточку пролезет, и за бабу, если одеть соответственно, сойдет.

— Вот-вот! Такой и нужен! А другой филер — чтобы весь Петербурх мог с закрытыми глазами пройти. Чтобы каждую щель, каждую подворотню знал — это на случай отступления моего человечка. Ну а коли операция удачно пройдет — слава и почет пополам, как говорится!

Сговорились. Из присутствия Вельбицкого вышли вместе, вспоминая общих знакомых и совместные операции — «летучий» отряд не раз приезжал в Северную столицу по серьезным делам. Медников лично осмотрел «постреленка», оценил его мастерство на простых дверных замках в коридоре «охранки»: вряд ли в гостинице будут замки сложнее.

По «наводке» Толоконникова москвичи сняли небольшую, в две комнаты, квартиру. Медников оставил товарищей «обживаться», а сам отправился в особняк Архипова — знакомиться с новыми шефами, шлифовать детали предстоящей операции. Прежняя практика показывала, что работать «под штатскими» либо «под армейскими» — хуже горького: и нервы истреплешь, и крайним останешься, если умные шефы «маху дадут».

Однако, против ожидания, «шефы» показались Медникову совсем не «дурными». И военная косточка чувствовалась, и опыт в спецоперациях был немалым, кое-что про генерала от инфантерии Куропаткина и его похождения в Туретчине легенды ходили среди знающих людей.

Старший агент команды, внедренной в гостиницы, по кличке Белый, загодя составил поэтажный план «Англетера», и второй, попроще, где постоянно проживал зловредный газетчик Полли-Полячек — та именовалась «Эльдориум». Имелось расписание передвижения, выходов на улицу и возвращений обоих — на это команда потратила почти месяц. В примечаниях были отмечены посты охраны: номер фон Люциуса круглосуточно охраняло частное детективное агентство Бюро «Полкин&Матиас». По утверждению Толоконникова, компаньон Полкин — лицо подставное. Всеми делами в Бюро вертят

немцы, и не исключено, что все их агентство — отдельное подразделение резидентуры, своего рода боевой отряд!

За номером Полячека присматривал местный коридорный по прозвищу Фролик, связанный, как удалось выяснить, и с местными бандитами, и с детективным Бюро «Полкин&Матиас». Он был специально нанят самим газетчиком. По утверждению Толоконникова, коридорный выполнял еще и функции личного телохранителя, когда газетчик отправлялся по своим делам в темное время и в «нехорошие места». Свою работу Фролик делал спустя рукава: видимо, Полячек побаивался сделать лишний раз замечание своему охраннику. Вместе с Фроликом в номере проживали две темные личности — надо полагать, тоже из «громил» — но те ни номер, ни саму гостиницу практически не покидали.

— Операции имеют сходство, однако проводить их одну за другой я бы не рискнул! — подвел итог Медников. — Что для вас важнее, господа? Полячек или тот немчик?

— Так ставить вопрос нельзя! — запротестовал Архипов. — Нам нужны «исходники» — то, что находится в номере газетчика. И коды к шифрам из номера фон Люциуса.

Медников обвел глазами сидящих напротив него за столом мужчин — Архипова, Лаврова, Лопухина, Терентьева, Агасфера, Ванновского. Последний был самым старшим по званию среди присутствующих, поэтому свое решение Медников вынес, обращаясь, прежде всего, к нему:

— Имею полномочия всего на одну попытку, ваше высокопревосходительство! Послезавтра, в пятницу, с четырех до пяти пополудни. Даст бог, все пройдет удачно, без шума — повторяем операцию в следующий вторник. Не ндравится мое решение — телеграфируйте господину директору, в Ливадию. Пусть он меняет старшого, отстраняет меня — в общем, хозяин — барин!

Присутствующие переглянулись. Наконец, Ванновский вынес свой вердикт:

— Господа, я не вижу смысла спорить! Сергей Эрастович прислал нам этого человека как старшего по команде. Он

профессионал, в конце концов. Раз говорит, что надо делать так — будем делать так! Значит, послезавтра, господин Медников? Стало быть, так и запишем: послезавтра.

Медников довольно кивнул и повернулся к Агасферу:

— В номера должны заходить именно вы, и никто другой, господин хороший, я правильно понял? Замена не допускается? Тогда у меня к вам отдельный разговор, господин Агасфер. Где бы нам потолковать без помех?

— Можно у меня в комнате, — пожал плечами Агасфер.

— Можно, конечно, — пробормотал знаменитый филер. — А может, на улице?.. Это внутренний дворик за окном, я не ошибаюсь? Изолированный? Вот и пойдемте, воздухом подышим!

В садике, который Агасфер потихоньку приводил в порядок, было все еще неуютно — успел только расчистить дорожки от крупного мусора и веток, за все остальное пока недосуг было браться.

Медников прошелся по дорожке до калитки. Задал пару вопросов относительно сигнала в дом — механика или что-нибудь новомодное, электрическое? Остановившись посреди двора, филер заложил руки за спину, покачался на пятках и спокойно объявил:

— Идем на дело завтра, господин Агасфер. В обе гостиницы. Сначала в «Эльдориум» — там, насколько я понимаю, вам времени на работу больше может потребоваться. Потом, бог даст, и «Англетер» навестим.

— Но вы же сказали...

— Мало ли что сказал... Потому так и сказал, что, по сведениям господина Зволянского, в этом доме провокатор имеется. «Подсадной-с»! И ежели это действительно так, то послезавтра нас в гостинице будет ждать небольшой «сюрпризец»! Вы — единственный человек вне подозрений, поэтому с вами и откровенничаю. Значит, завтра с утречка жду вас по этому адресу, — Медников подержал перед глазами Агасфера клочок бумаги и спрятал в карман. — А раньше берите извозчика — на первого только не садитесь! — и отправляйтесь в «Эльдориум». Снимете там на сутки номер на третьем этаже. Предупредите, что несколько позже с дамой прибудете — чтобы насчет обхождения и всего прочего все было на высшем уровне. Там не удивятся — господа с веселыми барышнями частенько там время проводят. Поломайтесь насчет номеров — чтобы снятый вами был напротив газетчикова. Он — в 32-м обитает. Значит, для вас лучше всего 33 или 35, это напротив. Придумайте что-нибудь насчет нумерологии, или счастливого числа — ну, по обстоятельствам!

— С какой это барышней я туда отправлюсь? — растерянно заморгал Агасфер, для которого услышанное было полной неожиданностью.

— Ну, собственно, это не совсем барышня будет, — усмехнулся Медников.

— Проститутка?

— Не извольте беспокоиться за свою нравственность, господин Агасфер! Парнишка у меня есть, в девицу завтра переодет будет.

— А зачем она, то есть он... вообще?

— А вы что — сами намерены замки в номерах Полячека и Люциуса взламывать, господин хороший? — прищурился Медников. — Вот не знал, что вы специалист по этой части! Или полагаете, что оба «объекта» двери своих номеров, уходя, открытыми оставляют?

— Простите, я не понял сразу...

— Ну, раз все-таки поняли, то и хорошо! — грубовато отрезал Медников. — Значит, мой парнишка выберет момент, когда в коридоре пусто, замочек вскроет, вас запустит и будет сигнала ждать, чтобы выпустить. Ежели все удачно пройдет — сразу в «Англетер»: по расписанию господина Люциуса у него в это время свидание в ресторации ожидается. Схема та же: с утра снимаете номер. Предупреждаете, что будете с барышней, и чтобы никаких там «хи-хи-хи!»

— А как же охрана?

— Это не ваша забота, господин Агасфер. В нужный момент охраны в коридоре не будет. Однако гарантировать,

что все пройдет чисто-гладко, не могу. Действуйте по обстоятельствам: человек вы, насколько я понимаю, военный. Дам вам завтра две детские клизмочки со свежайшим молотым кайенским перцем — отличное средство, если в глаза неприятелю попадете!

— А он не ослепнет?

— Какое у вас мягкое и чувствительное сердце, господин Агасфер! — съязвил Медников. — Думаете, наверное, что если попадетесь, то противник вам розы подарит за приятное знакомство! Я все время буду в кабаке напротив — это от «Англетера» немножко наискосок. Извозчик-лихач с номером 1414 и с зелеными колесами перед кабаком будет стоять — наш человек. В случае чего — к нему в экипаж, и «аллюр три креста»*, как в кавалерии говорится. Никого не ждать, в благородство не играть. Парнишка ежели в подоле там запутается, или поймают — не ваше дело. Все понятно, господин Агасфер?

— Да вроде все.

— И последнее. После того как завтра снимете номера в гостиницах — извольте ко мне, по указанному адресу. Местный человечек покажет нам с вами все переулки и «хитрые» проходные дворы от «Англетера» — чтобы можно было от погони уйти.

— А вы говорили — извозчик...

— Всяко может случиться, — пожал плечами Медников. — Слетит подковка у лошадки нашего извозчика в неподходящий момент, например. Или самого «лихача» подстрелят — в таком разе придется своими ножками двигать, чтобы живым в дом господина полковника вернуться, да еще и «хвоста» желательно за собой не привести. Хотя насчет «хвоста», судя по раскладу, дело мертвое: знает немчура про ваше «гнездовье»! В общем, все пока понятно?

— Все ясно.

* Образное выражение, обозначающее сверхбыстрое исполнение дела. Восходит к старинному обычаю на пакетах с военными донесениями ставить кресты, обозначающие требуемую скорость доставки адресату.

— Вот и прекрасно! Сейчас мы вернемся в дом, я уйду, а вы о наших секретах — никому! Никому! Интересоваться, конечно, станут — кто из любопытства, один кто-то — не просто так — отшучивайтесь. Можете про меня сказать, про лихача, про кабак. Время операции и парнишка, переодетый в барышню — табу!

У самых дверей дома Медников остановился, круто повернулся к собеседнику:

— А почему за столом не было аббата Девэ? — неожиданно спросил он.

— Кхм... Вы и о его приезде знаете?

— Служба у меня такая, господин Агасфер: все знать. Он обо мне знает?

— Знает. Но выходить к общему столу и знакомиться с вами посчитал излишним. У нас дела мирские все-таки. А он, насколько я понимаю, прибыл в Россию по своим, католическим требам. По-моему, какая-то теологическая конференция будет в Петербурге.

— Стало быть, исключительно по божьим требам приехал аббат в Питербурх, — съязвил Медников. — Ну-ну...

Вернувшись в дом и сухо откланявшись, он с озабоченным видом напомнил обществу о пятнице и ушел, попросив хозяина дома проводить его до парадного. Подняв брови домиком, Архипов пошел провожать филера. Агасфер оказался в центре внимания.

— Ну и как вам новый «начальник» по оперативной части? — громко поинтересовался у общества Терентьев. И тут же резюмировал: — Балованный типус. Видно, давно никто на место не ставил мужлана!

— Напрасно вы так, Владимир Семенович! — укорил его Лопухин. — Профессионал, это чувствуется. А если человек профессионал в своем деле, ему много прощается.

— Да, кого попало в командиры «летучего» отряда не поставят, — поддакнул Ванновский и повернулся к Агасферу: — Это ведь было ваше первое э... специальное задание, господин Агасфер? Боевое крещение, так сказать?

— Господин барон успел повоевать, и опыта у него достаточно, Петр Семенович! — запротестовал вернувшийся с насупленными бровями — видимо, прощальная беседа с Медниковым была не из приятных — полковник Архипов.

— Да знаю я! — отмахнулся министр. — Я имел в виду совсем другое: военные заслуги фон Берга мне известны. Но мне известно также, что последние почти два десятка лет он если и сражался, то, простите, с сорняками в монастырских садах. Ну что, проводили «высокого» гостя, Андрей Андреич?

— Наш Медников Трофима теперь допрашивает! — усмехнулся Архипов.

— А долго вы с ним во дворе шушукались, — заметил Лавров. — Детали обговаривали?

— Не знаю, господа, кому как, а мне он не по душе пришелся, — заявил Терентьев. — Мы, военные люди, с опытом боевых действий, вынуждены действовать под диктовку мужлана, который и пороху в бою наверняка не нюхал!

— Ну, тут вы не правы, ротмистр! — запротестовал Ванновский. — Тут своя специфика! Кстати, Андрей Андреич, завтра у нас четверг! Наш традиционный сбор не отменяется?

— А почему должно что-то отменяться? — удивился Архипов. — Ваша же супруга с дочерьми меня живьем съедят, коли отменим! Я уже и заказы в ресторации подтвердил — и насчет столов, и насчет обслуги. Завтра с утра метрдотель придет меню согласовывать. Кстати, господин Агасфер, вы мне не поможете завтра? Все равно ведь с аббатом встречаться будете — поинтересуйтесь его предпочтениями, в том числе и винными. Все-таки не каждый день его высокопреосвященство частный дом посещает! Я, признаться, хоть и давно с ним дружбу вожу — но все, знаете ли, как-то эпистолярно, заочно... А вы 20 лет с Девэ, все-таки, под одной крышей!

— Боюсь, что не получится, Андрей Андреич. Разве что попозже — у меня с утра встреча, которую нельзя отменить... Да и сейчас Тимоху повидать надобно — если не пьян, каналья! Он же обещал мне мою руку запасную как-то модернизировать — вдруг завтра понадобится?

— Ах да, да... понимаю, — спохватился Архипов, многозначительно поглядев на остальных. — Ладно, разберемся!

* * *

Тем временем, заведя швейцара Трофима под лестницу, Медников намотал на руку его шикарную бороду, встряхнул нешутейно:

— Так ты все понял, человече? Что подписку в охранке давал, об ответственности предупрежден? Помнишь?!

— Ваш-бродь... Больно же! Христом-Богом! Все помню! И претензиев никогда не имел от господ полицейских.

— Знаю. Иначе не так бы с тобой разговаривал! Значит, завтра ведешь реестрик, с указанием времени — кто, куда и во сколько вышел, время возвращения.

— Все исполню, ваш-бродь.

— Про все ты еще не знаешь. Сразу после полуночи откроешь парадную и запустишь в дом двух моих людей. Одного у себя в каморке схоронишь — господа ведь не ходят к тебе?

— Не ходют, знамо дело! А чего они у меня забыли, господа-то?

— А второго потихоньку на чердак проведешь. Есть там оконце, из которого двор просматривается? Есть, видел снаружи! И про этих людей никому ни гу-гу. Понял?

Медников отпустил бороду швейцара, самолично разгладил ее, брезгливо стряхнул с пальцев несколько налипших волосков. Круто развернулся и, не прощаясь, вышел из дома, неслышно прикрыв за собой тяжелую дверь.

* * *

— Раз Тимоха говорит, что к сроку все сделает, значит сделает! — Старик-слесарь хоть и был подшофе, но во вполне разумных пределах. — На, молодой-красивый, примеряй обновку! Хотел еще кой-чего сделать, да не успеваю. Так что пока и этим обойдешься!

Агасфер отстегнул протез, который носил постоянно, покрутил перед глазами новую «модификацию», исполненную Тимофеем.

— Тяжелый какой!

— А ты, барин, как хотел? — насупился старик. — Чтобы безоружным насупротив бандюганов остаться? Пристегивай, примеряйся!

Закатав рукав повыше — «чашка» протеза оказалась глубже обычной, а крепления и вовсе уходили за локоть, — Агасфер примерил «обновку». Натянул перчатку, — необычное кольцо на «запястье» он заметил сразу, но, чтобы польстить старому мастеру, спросил: где же оружие?

— А ты кольцо поверни, барин. Видишь, как оно? Наполовину повернешь — штыри на 8 дюймов* выходят, можно как вилами бить! Полностью поворачиваешь — еще одно звено штырей выдвигается, с загибом. Рука удлиняется, стало быть — можно за стену али забор высокий зацепиться. Подтянулся — и ты тама! А кто за тобой гонится — не достанет! Кольцо обратно поворачиваешь — штыри убираются, и ты обычный человек с обычными руками.

Хотя Агасфер и сомневался в конструкторских способностях старика и функциональных возможностях новинки — но что было делать! Поблагодарил, конечно, выпил «из уважения» с Тимохой по «граммулечке» очищенной и пошел спать.

* * *

Около четырех часов пополудни следующего дня зеваки и прохожие на Малой Морской могли стать свидетелями, как бешено мчавшаяся по улице тройка остановилась возле фешенебельной гостиницы «Англетер». Из экипажа выпрыгнул мужчина средних лет с бритым лицом и полурастерзанной корзиной с цветами. Поскользнувшись — седок был изрядно подшофе, — он швырнул лихачу пятирублевую купюру и галантно подал спутнице руку. Опираясь на нее, из экипажа

* Дюйм — около 2,5 см.

(тоже поскользнувшись) выбралась хохочущая барышня, повисла на локте спутника и проследовала вместе с ним под арку входа, где предупредительные швейцары, пряча в бородах гадливые улыбки, с поклонами встречали «дорогих» гостей.

— Папочка, погляди, какая красивая брошка у этого... этого, как его? — девица, обдав одного из швейцара перегаром, вцепилась в медаль на лацкане его шинели. — Я такую же хочу-у!

— Эт-т не брошь, Зизи! — махнул рукой кавалер, оттаскивая барышню. — Эт-т военная медаль, если не ошибаюсь! Пошли же, милая!

— Совсем ведь девчонка! — неодобрительно пробормотал вслед гостям швейцар. — Гимназистка! Я б свою дочку за такое удавил, право слово!

— Этот «папочка» утром приходил, снял номер на третьем этаже, — припомнил второй. — Треху сунул и мне, и Прохору, портье...

Тем временем парочка, громко требуя шампанского и держась друг за друга, в сопровождении коридорного вошла в заранее снятый Агасфером номер.

— Слышь, борода! — окликнул замешкавшегося у подъезда лихача на тройке первый швейцар. — Ты откель таких гостей к нам возишь-то?

Извозчиком был один из местных филеров, а посему не мог признаться кому попало, что привез парочку из гостиницы поплоше, что прямо за углом. Он презрительно глянул на любопытствующего:

— Где водятся, оттель и вожу...

— Ну, коли ты такой «ласковый» — проезжай, борода, не задерживай тут!

— Очень надо! — Дождавшись, когда солидный прохожий с тяжелой тростью в руке поравнялся с экипажем, лихач еле заметно подмигнул ему: все, мол, в порядке!

Тройка унеслась, а прохожий, не доходя до угла, круто повернул налево и направился к трактиру напротив. Про то, что в порядке было далеко не все, Медников еще не

знал... В полупустом трактире он спросил рюмку очищенной и тарелочку рыжиков и сел у окна, из которого хорошо был виден вход в «Англетер». Водку он незаметно вылил под стол, а рыжики с удовольствием стал накалывать на вилку и неторопливо жевать.

Час назад Медников заглянул во двор гостиницы «Эльдориум» и, убедившись, что команда из трех филеров, переодетых ломовиками и без толку ворочавших пустые бочки, готова к «работе», подал знак. Во дворе началась драка, сопровождаемая громкой руганью. Привлеченные шумом постояльцы «Эльдориума» прильнули к окнам, наблюдая за неожиданным «развлечением».

Дрались прямо под окном номера, где проживал Фролик с приятелями. Филеры старались как могли. Понаблюдав за ними несколько минут, солидный прохожий сокрушенно покачал головой и, заложив трость за спину, неторопливо пошел дальше.

Парочка из 33-го номера напряженно прислушивалась к коридорным звукам. Сдвинув капор на затылок и позванивая отмычками, «девица» несколько раз осторожно высовывалась в коридор. Улучив момент, сделала легкий прыжок, присела у двери номера Полячека, несколько секунд повозилась с замком и снова юркнула к себе.

— Готово, дядя! С Богом! И не забудь клинышек под дверь изнутри подсунуть, чтобы не отворилась случайно!

Агасфер выглянул в пустой коридор, прислушался. С бьющимся сердцем толкнул дверь напротив. Так, теперь клинышек...

В номере был беспорядок, свойственный одиноко живущему мужчине. Там и сям валялись грязные сорочки, на столе горела оставленная непотушенной свеча. Из-под кровати выглядывала «батарея» пустых бутылок из-под пива.

Агасфер, стараясь не суетиться, прошел к столу и сразу увидел «исходник» — недавно написанную статью для газеты. Усевшись на стул, он принялся внимательно читать, тратя на каждую страницу не больше полутора минут и болезненно морщась от скверного почерка газетного корреспондента.

Затем он для порядка пересмотрел бумаги, разбросанные по столу, не нашел в них ничего интересного. Перебрал небольшую стопку книг, криво сложенную на подоконнике.

Времени у него было еще много. Заглянуть в чемодан, стоящий у самой двери? Еще раз прислушавшись к звукам в коридоре — там по-прежнему было тихо, — Агасфер потянул к себе чемодан, прижатый к стене легкой тумбочкой-подставкой для цветов. И не успел поймать свалившийся с тумбочки высокий стакан с пивом. Грохнувшись на пол, стакан, разумеется, разбился, а пиво темной пенистой лужей, как нарочно, потекло в гостиничный коридор.

Агасфер размышлял всего минуту. Выводы были не в его пользу: стакан стоял явно не на месте. Причем прислоненный к стене — так, что было просто удивительно, как незваный посетитель не опрокинул его сразу, едва попав в номер. Присмотревшись, Агасфер заметил и еще одну странность: два коротких проводка, выглядывающих из-под плинтуса. Пенная лужа не доползла до них буквально дюйма! Сигнализация! Простейшая, но сигнализация!

Сдернув с кресла подушку, Агасфер накрыл ею пивную лужицу, для чего ему потребовалось открыть дверь в коридор. Промокая лужу, Агасфер встретился с круглыми глазами помощника, выглядывающего из номера напротив.

— Что там у вас?

— Уходим! — Агасфер, не тратя времени на объяснения, отшвырнул мокрую подушку вглубь номера. — Запирай дверь!

Мгновение — и щелкнул замок. До контактов жидкость не добралась, но проклятая лужа предательски выползла в коридор и мокрый след был хорошо виден на светлом паркете.

Схватив недопитую (вернее, недовылитую) бутылку шампанского, «гимназистка» снова повисла на руке у Агасфера, и парочка с хохотом направилась к лестнице.

Фролик и двое его приятелей с ленивым любопытством наблюдали за «дракой» ломовиков под своим окном. Накануне, поясняя команде драчунов их задачу, Медников особо настаивал на достоверности происходящего.

— Робяты, за вами будут следить люди с большим опытом. Если они почуют фальшь — пиши пропало! Поэтому морд друг друга не жалеть! Валяйте по-настоящему! Учтите: за достоверность назначена дополнительная награда!

Но этой-то самой достоверности, видать, и не хватило: понаблюдав за «драчунами» несколько минут, один из громил похлопал Фролика по плечу:

— Чет я ниче не пойму: полчаса дерутся, а все еще на ногах! Фуфло гонят! И бочки эти пустые — откель они седни взялись во дворе? Вчера не было, гадом буду!

Фролик прищурился: ему тоже показалось, что «драчуны» под окном не столько бьют, сколько гладят друг друга по физиономиям. Однако причинно-следственные связи в его отупевшем от водки мозгу работали неважно. И он не сразу сообразил, что его просто отвлекают от событий, происходящих совсем в другом месте. А когда сообразил, то моментально повернулся к электрическому звонку, который должен был, как ему втолковывали, задребезжать в случае опасности.

Звонок молчал, Фролик даже дотронулся до его латунного бочка корявым пальцем. Так в чем же дело? Вот колокольчик, закрепленный на какой-то железке, а от него идут провода и исчезают под плинтусом... Провода «выныривают» в номере, где живет этот хмырь, который его нанял... Чтобы колокольчик зазвенел, нужно замкнуть эти провода.

Фролику даже показывали, как это можно сделать: соединяешь два проводка гвоздиком — звонок и задребезжит. Замкнешь проводки карандашом — молчок. Плеснешь на концы проводов воду — он снова задребезжит. А вода в стакане, который этот хмырь из газеты нарочно ставит на самый край тумбочки у входа в номер — так, что только заденешь эту бамбуковую деревяшку, он и брякается.

Фролик потряс головой и снова дотронулся до звонка — он молчал. Значит, в номере хмыря-газетчика все в порядке!

Однако какой-то инстинкт, какое-то звериное чутье выгнали Фролика в коридор, и он побрел к номеру 32. Пихнул дверь — она была заперта...

Ругнувшись вслух, Фролик уже повернулся, чтобы уйти обратно к себе — и тут заметил на коридорном полу, возле самой двери, темное пятно. Он присел на корточки, дотронулся до пятна пальцем — пятно было мокрым. Понюхал палец — пахло пивом.

Фролик достал из кармана запасной ключ, осторожно приоткрыл дверь и сразу заметил осколки стакана, мокрую диванную подушку, которая почему-то валялась посреди номера. И нитка, незаметно натянутая возле двери так, что не хочешь, да заденешь, если не знаешь, где она, провисла.

Вывод был очевиден: в номере кто-то побывал!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Заперев дверь, Фролик тяжелыми скачками понесся сначала по коридору, потом по лестнице вниз, ухватил портье за воротник и рявкнул:

— Кто здесь был?

— Э? То есть где был?

Фролик тряхнул портье так, что у того лязгнули зубы:

— Кто-нибудь сейчас выходил из гостиницы, с третьего этажа, придурок?!

— Э?

Швейцар сообразил раньше:

— Пять минут назад отсюда вышел хлюст с гимназисточкой. Хлюст с утра номер снимал, по-моему, в третьем этаже...

Зарычав, Фролик отшвырнул портье и ринулся на улицу. Оглянулся по сторонам.

— Так что они уехамши, — доложил швейцар. — Только они вышли, лихач на тройке подвернулся. Сели и уехали. А может, и ждал их, врать не буду. Во-о-он в тую сторону и поскакали.

— И, видать, недалеко, — вступил помощник швейцара. — А что, украли что-то?

— Почему решил, что недалеко? — повернулся к помощнику Фролик.

— А вот малец, который все время возле гостиницы отирается — так он прицепился сзади к троечке. И уже здесь опять, гляжу — стало быть, недалеко уехали.

Фролик бросился к мальчишке, но тот, ученый горьким опытом, отбежал подальше и остановился на безопасном расстоянии.

— Мальчик, подойди! — через силу оскалился в улыбке Фролик. — Гривенник хошь заработать?

Через несколько минут торга, в результате которого мальчишка поднял цену информации до полтинника, выяснилось, что тройка завернула за угол, а «мужик с фифой» вошел в гостиницу «Англетер».

Хоть гостиница была расположена по соседству, однако числилась перворазрядной, и туда Фролика просто не пустили бы. Но зато у него была инструкция — что делать в подобном случае. Он вернулся к стойке портье, буркнул что-то вроде извинения и потребовал телефон.

— Охранное бюро «Полкин энд Матиас», — немедленно отозвался абонент на другом конце провода. — Чем мы можем вам помочь?

— Ты себе помоги! — буркнул Фролик. — Это из «Эльдориума» телефонируют. Велено передать, что номер господина Полли-Полячека был недавно взломан.

— У вас есть подозреваемые?

— Лично я никого возле номера не видел, но швейцар говорит, что гостиницу только что покинул какой-то хлюст, любитель молоденьких девочек. И, соответственно, с девочкой. Направились в вашу гостиницу.

— Прошу прощения — что есть «хлюст»?

— Ну, мужик. И шлюшка вместе с ним.

— Информация принята. У нас все под контролем. Отбой!

Филиал «Полкина&Матиаса» располагался в цокольном этаже «Англетера». Положив трубку, господин Матиас поправил перед зеркалом галстук и направился с инспекционным обходом к номеру клиента на третьем этаже гостиницы. Он знал, что рядом с дверью номера господина советника германского посольства постоянно нес дежурство сотрудник их агентства.

К его удивлению, сотрудника на месте не оказалось. Матиас нахмурился: явный непорядок! Пока он размышлял, что можно экстренно предпринять, из номера напротив с хохотом и корзинкой шампанского вывалилась парочка — мужчина лет сорока и совсем юная русская шлюха. Шлюха рванулась было к Матиасу, но кавалер ловко перехватил ее:

— Зизи, нехорошо приставать к незнакомым мужчинам! Пошли, нас ждут!

Провожая парочку подозрительным взглядом, господин Матиас тут же приметил дежурного сотрудника, который неверными шагами и со страдальческим лицом шел из дальнего конца коридора.

— Вас ист дас, Шимке? — рявкнул Матиас. — Warum sind Sie nicht am Platz? *

— Живот! — простонал охранник. — Прошу прощения, но у меня расстроился желудок. Я только и делаю, что бегаю сегодня в клозет.

Не договорив, он круто развернулся и почти бегом устремился туда, откуда только что пришел.

Детективное бюро «Полкин&Матиас» было на самом деле одним из депо обширной разведывательной сети, а сам господин Матиас, как и предполагал Медников, — его резидентом. Поэтому он и соображал быстрее, чем Фролик. Он мгновенно сопоставил информацию о «хлюсте с молоденькой шлюшкой», которых только что видели в «Эльдориуме» и которые сейчас вышли из номера напротив номера господина Люциуса. Их следовало немедленно задержать — желательно без скандала. Но он был один, а оснований для задержания и того меньше...

Матиас решительно направился вслед за подозреваемыми и окликнул их с самой обаятельной из своих улыбок:

— Дорогой господин! И вы, мадмуазель! Могу я попросить вас потратить на меня одну — всего одну! — минуту времени?

* В чем дело, Шимке? Почему вас нет на месте? *(нем.)*

— Извините, но мы очень спешим! — бросил через плечо, не останавливаясь, мужчина.

«Гимназистка» только оглянулась, и Матиас обратил внимание, что капор у нее сбит немножко набок, а из-под белокурых локонов виднеются темные пряди коротких волос. Глаза у нее были испуганные.

— Только одну минуту, — продолжал настаивать Матиас, ускоряя шаги. Впереди за поворотом была лестница, ведущая вниз. — Уверяю, вы не пожалеете!

— Иди вперед, Зизи, и поищи извозчика! — велел мужчина, поворачиваясь к Матиасу. — Я только выясню, что нужно этому нахалу, и тут же догоню тебя! Иди, я тебе говорю! Прямо к дядюшке, поняла?

Загородив Матиасу дорогу, мужчина насмешливо поглядел ему прямо в глаза:

— Итак, я слушаю вас! Господин, очевидно, тоже относится к числу любителей маленьких русских шлюх? Это — моя, предупреждаю вас!

«Гимназистка» уже скакала по лестнице, как коза. Скосив глаза, Матиас подумал, что бег у нее не девчоночий, а скорее мальчишеский.

— Видите ли, дорогой господин, произошла маленькая путаница! — торопливо начал импровизировать Матиас. — Ох уж эти счетоводы! Они опять ошиблись! Администрация «Англетера» приготовила подарок для пятитысячного гостя, и по расчетам бухгалтеров мы ждали его только завтра! А тут выясняется, что пятитысячный гость это вы! Примите мои искренние поздравления, господин... э... Позвольте узнать ваше имя?

— Что вы мелете, сударь? — грубо перебил собеседника Агасфер. — Какая чушь!

— Никакая не чушь! — с жаром замотал головой Матиас. — Сейчас мы проследуем в кабинет директора этой гостиницы, где вас ждут не только цветы, но и ценный подарок!

— Ага, и чтобы потом в газетах написали, что пятитысячный гость отеля привел с собой малолетнюю девчонку? Вы

же мужчина, и понимаете, что я не могу допустить такого скандала. Тем более, что женат!

Матиас, однако, заступил ему дорогу и к тому же крепко держался левой рукой за перила. Поняв, что заморочить голову подозреваемому не удалось, он перестал улыбаться.

— Прошу вас, не надо скандала! — тихо произнес он. — Сейчас мы пройдем с вами в кабинет старшего портье, разберемся во всем и расстанемся, я надеюсь, друзьями!

Услыхав грохот хлопнувшей внизу двери — «гимназистке» удалось выскочить на улицу, — Агасфер не стал медлить. Он ухватил правой рукой запястье своей левой и повернул. Раздался щелчок, и Матиас с ужасом увидел, что из полусогнутой кисти незнакомца выскочили длинные блестящие когти. Матиас невольно сделал шаг назад, оступился на лестнице, и в этот момент Агасфер нанес ему сильнейший удар правой рукой в подбородок.

Ударившись головой о ступени, Матиас потерял сознание. Агасфер легко перепрыгнул через него, на ходу поворотом кольца убирая штыри из протеза левой руки.

Поворот на марше лестницы, еще один поворот. Агасфер легким шагом приблизился к швейцарам, держа две развернутые пятирублевые ассигнации.

— Спасибо, любезнейшие! — Агасфер сунул швейцарам деньги, поинтересовался: — А моя подружка уже сбежала? В трактир напротив, понятно... Ах, проказница!

Проскользнув мимо согнувшихся в поклоне швейцаров, Агасфер пересек неширокую в этом месте Малую Морскую, направляясь к трактиру напротив. Однако шмыгнул он не в трактир, а под поднятый верх экипажа с номером 1414 и зелеными колесами.

— Пошел, дядя! — рыкнул Агасфер и подмигнул перепуганному парнишке-филеру, сдирающему с себя остатки девчачьего платья.

Не успел извозчик тронуться, как его место тут же занял другой. Почему-то с тем же номером, но обычными колесами желтого цвета.

Медников давно уже «доклевал» рыжики с тарелки и внимательно наблюдал через окно за происходящим возле «Англетера», вызывая естественное раздражение полового. Раздосадованный тем, что приличный с виду господин сделал такой скромный заказ и вот уже два часа пялится в окно, он уже трижды подходил к клиенту, обмахивал стол тряпкой и интересовался — не надо ли еще чего?

Было ясно: что-то пошло не так. Одно хорошо: и Агасфер, и парнишка, переодетый в юную шлюшку, сумели вырваться из гостиницы и покинуть место событий. Можно было заканчивать наблюдение и ехать в назначенное заранее место встречи. Это место — кафе-кондитерская «У Рудольфа» — находилось всего в трех кварталах от «Англетера». Там Медников рассчитывал подвести итоги проведенных операций, при необходимости переодеть их участников в заранее приготовленную одежду, отправить парнишку в охранку, а сам с Агасфером, проверив, нет ли «хвоста», намеревался вернуться в особняк Архипова.

Однако покидать такой удобный наблюдательный пост Медников не спешил: его люди пока были в безопасности, и хотелось по возможности разобраться — где же все-таки произошел сбой?

Разумеется, он не мог видеть, что сбитый Агасфером на лестнице господин Матиас кое-как поднялся, доковылял до своей резиденции в цокольном этаже, приложил к затылку резиновый пузырь со льдом и после короткого размышления решил, что ситуация достойна доклада самому шефу. Матиас знал, что в это время фон Люциус вместе с Полли-Полячеком обедают в ресторане «Додон», который старожилы Петербурга предпочитали называть по-старому — «Демутов трактир».

Матиас снял слуховой рожок телефонного аппарата на своем столе, покрутил ручку и потребовал от телефонной барышни соединить его с рестораном «Додон», что расположен на Мойке. Поскольку фон Люцис был постоянным клиентом, то метрдотель немедленно принес ему на подносе редкостный еще в то время аппарат.

Советник германского посольства терпеть не мог, когда его беспокоили во время обеда, однако сразу понял, что стряслось нечто неординарное. Он выслушал краткий доклад начальника депо, задал два вопроса, бросил в трубку:

— Немедленно выезжаю. Соберите всех людей, кого только возможно. — Скомкав салфетку, он сделал знак метрдотелю, чтобы тот не спешил уносить телефонный аппарат, и повернулся к Полячеку:

— Сколько этих ваших русских бандитов в гостинице?

— Трое. Но что случилось, герр Люциус?

— Наши номера посетила русская специальная служба. Нанесенный ущерб пока неизвестен. Немедленно протелефонируйте в «Эльдориум» и распорядитесь, чтобы все они были на месте. Если возможно, пусть вызовут подкрепление — человек пять-шесть. Догоняйте меня на извозчике — я буду в «Англетере»!

— Но у русских нет контрразведки, это невозможно, герр Люциус! — ошеломленно возразил Полячек.

— В этом мире нет ничего невозможного. Тем более в России! — бросил через плечо фон Люциус. — Мое авто у подъезда?

— Разумеется, герр советник!

Дозвониться до Фролика газетчику удалось не сразу: того не могли найти. А когда он был все же разыскан и подошел к телефону, то выяснилось, что быстро вызвать подкрепление вряд ли удастся: люди далеко и заняты своими делами. Сплюнув с досады, Полячек кинулся в гардероб за плащом. Извозчик, правда, попался довольно быстро...

Тщательно осмотрев свой номер, Полячек нашел следы пребывания в нем незваного гостя (гостей?). Сигнальный стакан разбит, однако налитая в него жидкость контакты сигнализации замкнуть не успела. Готовый газетный материал на месте, как и прочие бумаги. Нитка, незаметно наклеенная на чемодане, цела — впрочем, ничего ценного там все равно не было. К своей досаде, газетчик не мог припомнить — в том ли порядке лежали сложенные на подоконнике книги.

Наемный громила Фролик отбивался как мог, бил себя в грудь и кричал, что не «нанимался целыми днями караулить гостиничный коридор». А двое его «корешей» редко покидали штаб-квартиру по совету того же Полячека.

Еще до приезда газетчика Фролик сумел выяснить, что незваными гостями были некий мужчина лет сорока и юная шлюшка. Мужчина снял номер напротив еще утром, вместе с «гимназисткой» прибыл в гостиницу около четырех часов. Пробыли они в номере не более 40 минут, после чего сели на «лихача» и исчезли. Как выяснилось позже, парочка сразу же отправилась в «Англетер», где у них также был заранее снят номер рядом с резиденцией шефа.

В «Англетере» парочка пробыла уже совсем недолго, после чего ее «застукал» господин Матиас. Он попытался задержать налетчиков, но не смог. По утверждению швейцаров «Англетера», шлюшка и мужик, выскочив из гостиницы, пересекли улицу и уехали на лихаче с номером 1414.

Пообещав «царское вознаграждение», Полячек умолил своих наемников сделать все возможное, чтобы разыскать налетчиков. Благо, имелась серьезная примета: вместо левой кисти у посетителя был протез.

Пора было явиться пред грозные очи шефа, и Полячек побрел в «Англетер».

Фон Люциус проводил разборку в штаб-квартире «Полкин&Матиас», в дверях которого стоял дюжий охранник — видимо, посольский. Он дважды переспросил имя визитера и исчез в помещении — спрашивать дозволения допустить. Разрешение было дано, и охранник приоткрыл тяжелую дверь.

Основной разговор был уже завершен. Главный виновник — тоже налицо, им явно был господин Матиас.

— Везде должен быть раз и навсегда утвержденный порядок, — рубил шеф. — Подменный охранник как раз и нужен для случаев, подобных случившемуся: приболел один — пост занимает второй! А у вас? Оба идиота позволили себе наглотаться какой-то дряни за обедом и дружно гадили, как два обожравшихся гуся. Матиас, они должны были поставить в

известность начальство и получить замену! А вас должно было насторожить — почему это случилось? Почему одновременно с «болезнью» двух охранников исчезает горничная из буфета? Или вы даже не способны сопоставить два таких связанных факта?

— Но они не сказали мне о своем... недомогании, шеф! Соответственно, я ничего не знал и об исчезнувшей горничной из буфета...

— С вами все ясно! — подытожил фон Люциус. — Молите бога, чтобы где-нибудь на нашем складе в Кронштадте была вакансия сторожа. Вальтер, сколько ваших людей ищет этого проклятого однорукого?

— В общей сложности, около трех десятков человек, — отозвался человек, которого Полячек поначалу и не заметил — настолько тот сливался с тяжелыми портьерами в темном углу.

— Что мы о нем знаем, Руди?

Этого человека Полячек знал — тот недавно приехал из Германии, где возглавлял одно из подразделений главного штаба по разведке.

— Миклош Ковач, по документам мадьяр. Приехал в Санкт-Петербург чуть больше недели назад и поселился в доме полковника Архипова. По-русски говорит без акцента. Как выяснил внутренний источник в доме Архипова, Ковач обладает феноменальной памятью. Например, ему достаточно пять-семь минут посмотреть на газетный лист, чтобы дословно запомнить абсолютно все содержание. Возможно, группа полковника Архипова намерена его использовать в дешифровке. До прибытия в Россию 20 лет пробыл в монастыре Ясна Гура в Ченстохове, Южная Польша. По легенде, кисть левой руки потерял в детстве. Однако наш источник сомневается в этом. Он предполагает, что человек, называющий себя Агасфером — русский офицер, вынужденный долго скрываться от властей.

— Значит, Агасфер, — фон Люциус задумчиво побарабанил пальцами по столу. — Агасфер вернулся в Россию... Зачем? С какой целью?

— Неизвестно. Официально он устроился помощником к Архипову — помогает отыскивать старинные механические игрушки. Один из вариантов — просто ностальгия по родине. Отсиделся в монастыре, опасность миновала — вот и вернулся. Аббат Девэ — старинный знакомый полковника, дал Агасферу рекомендательное письмо. Калека — что он еще может делать?

— Сомнительно, — покачал головой фон Люциус. — С такими способностями — и в коммивояжеры? А нынче ваш калека проводит сразу две блестящие по исполнению операции — у меня и у господина Полли-Полячека.

— Разрешите вопрос, герр советник. Вы определили, что он делал в вашем номере?

— Да уж не золотые побрякушки искал! — криво усмехнулся фон Люциус. — Учитывая выдающиеся способности господина Агасфера, он искал коды к шифрам, используемым нашей сетью...

— И он... мог их отыскать? — осторожно поинтересовался Руди.

— Книги, используемые для шифровки, лежат у меня на виду! Уверяю вас, это самые обычные книги! Замок сейфа, где хранятся важные документы, не имеет следов вскрытия. Но, черт побери, дверные замки в той и другой гостиницах тоже были вскрыты и заперты весьма аккуратно! — неожиданно закричал советник, ударив кулаком по столу. — Я не удивлюсь, если в его протезе спрятаны не только ножи, но и превосходные наборы отмычек!

— Сомневаюсь, — осторожно возразил Руди. — Зачем ему, в таком случае, помощник? Или помощница... Кстати говоря, по данным наших русских друзей из социал-демократов, собирающих досье на филеров, в местной охранке есть человек, подходящий под описание спутницы Агасфера. Семнадцать лет, девичий тип лица и великолепные способности по части работы с замками. Герр советник, я уже попросил своих людей срочно отыскать и привезти сюда его фотографический портрет, который можно предъявить для опознания швейцарам гостиниц и господину Матиасу, видевшему «шлюшку» вблизи.

— И что это нам даст? Даже если этого русского филера опознают? — раздраженно поинтересовался фон Люциус.

— Сотрудник русской полиции, взламывающий помещения немецких граждан, тем более дипломатов — серьезный повод для ноты протеста русскому МИДу. А тут еще Агасфер с мадьярским паспортом и темной биографией. Русские не захотят осложнять отношения с Германией и начнут ворошить прошлое Агасфера. Возможно, они накопают что-нибудь интересное. А если не накопают — им можно помочь, — улыбнулся Руди. — И еще: отправленному в отставку полковнику Архипову официально запрещено заниматься созданием правительственной структуры контрразведывательного профиля. Если ниточка потянется в его дом, то одной отставкой тут не обойтись!

— Ну-ну, да вы просто мечтатель, Руди! — махнул рукой фон Люциус. — Вы не схватили за руку ни филера, ни этого Агасфера. Подставлять лжесвидетелей рискованно: русские адвокаты поймают их на мелочах, и скандал обернется для нас бумерангом! Нет, это не годится! Не забывайте, что русские дешифровальщики могут раскрыть нашу маленькую тайну с кодировкой газетных публикаций. И тогда персонами нон грата окажемся мы с вами!

От резкого телефонного звонка, раздавшегося в комнате, почти все вздрогнули. Помедлив, фон Люциус сорвал с крючка слуховой рожок и наклонился к микрофону.

— Здесь фон Люциус! — гаркнул он. — Кто на проводе? Кто? Слушаю! Где? Это точно? Спасибо за информацию. Даю отбой!

Отключившись, он немного помолчал, потом поднял на присутствующих светлые выпуклые глаза:

— Напомните мне — на чем мы остановились?

— На том, что можем оказаться персонами нон грата, — мрачно буркнул Матиас. — Но зачем тогда их вообще искать, герр Люциус? Погрозить пальчиком и не велеть больше лазить по чужим комнатам?

Советник исподлобья глянул на проштрафившегося резидента и вдруг рассмеялся:

— Господин Матиас, а у вас великолепное чувство юмора, оказывается! Похоже, что кронштадтский склад вполне обойдется без вас! Если вы, конечно, сумеете исправить допущенные вами ошибки! К этому есть все предпосылки! Господа! Мне необходимо поговорить с господином Матиасом тет-а-тет!

Дождавшись, когда все присутствующие, кроме Матиаса, покинули комнату, фон Люциус самолично подергал дверь и повернул ключ в замке.

— Вот вы недавно спрашивали, зачем мы их ищем? Сейчас я вам скажу: для того, чтобы «убрать»! Во всяком случае — Агасфера. Вот кто опасен по-настоящему! И вы это сделаете, господин Матиас! Дело в том, что мы обнаружили, где в настоящее время пребывает этот проклятый Богом персонаж!

— И где же?

— В кондитерской «У Руди». Там все три «голубка»: Агасфер, шлюшка, оказавшаяся мальчишкой, и еще какой-то тип лет сорока-пятидесяти. Судя по всему, их шеф, или непосредственный руководитель операции. Впрочем, его можно попытаться захватить и порасспрашивать. Но главное, повторяю — это Агасфер! Нам не нужен противник с такими способностями! Итак, Матиас, беретесь?

Матиас почувствовал, что его прошиб холодный пот.

— Смотрите в глаза, Матиас! Беретесь? В таком случае обещаю вам не только полную индульгенцию за допущенные ошибки, но и награду рейха!

— Но, герр фон Люциус, у меня нет соответствующего опыта...

— Фи, Матиас! Мне казалось, что вы все же немножко умнее! Я же не требую от вас личного участия в этой... процедуре! В конце концов, для чего мы больше года «прикармливаем» этого... как его... Фролика и всю его банду? Назначьте награду — только не слишком большую, деньги рейха нужно

экономить. И я уверен, что вы быстро сговоритесь. Пусть с русскими разбираются сами русские — именно так всегда советовал канцлер Бисмарк! Решайтесь быстрее, Матиас, наши «голубки» не будут сидеть «У Руди» до глубокой ночи!

— Слушаюсь, герр советник!

— Удачи вам! Я знал, что вы поступите благоразумно! Можете взять мое авто — для контроля ситуации, так сказать. А эти скоты пусть едут на извозчиках! Кстати, я слышал, у русских бандитов есть так называемые «черные извозчики» — как раз для таких дел! Захватите живым третьего — везите на базу номер два. Мальчишку можете удавить или отпустить — действуйте по обстоятельствам!

* * *

Агасфер бежал почти бесшумно, только при резких поворотах каучуковые калоши «взвизгивали» на брусчатке. Однако преследователи не отставали, невзирая на все его хитрости. А ведь он чуть ли не полдня изучал этот проклятый район, ныряя из одного проходного двора в другой, делая малозаметные пометки на углах тупиков, высчитывая и занося в память количество шагов от стенки до стенки, измеряя их высоту и возможность в прыжке дотянуться до верхнего края.

И только нынче он понял, в чем причина его, возможно, неминуемого краха — человеческий фактор! В процессе изучения вариантов отступления все эти переулки, улочки, проходные дворы были практически пустыми — он специально выбирал дневное время, чтобы избежать расспросов дотошных дворников, подозрительных взоров и приставаний бродяг и проституток.

А сейчас был поздний вечер, и Петербург — от «парадных» улиц и площадей до самых глухих закоулков — жил своей обычной жизнью. Последние приличные прохожие, торопясь попасть домой, отчаянно стучали зонтиками по узорчатым решеткам предусмотрительно запертых с нахлынувшей темнотой ворот. Дворники, заметив мчащуюся от фонаря к фонарю быструю тень, пытались кинуть под ноги

«злодею» метлу. Самые отчаянные пробовали броситься наперерез, остановить, и когда это не удавалось, поднимали пронзительный свист.

Под арками проходных дворов, в самых глухих тупиках, тут и там мерцали костерки бродяг. Несколько раз он попадал в объятья каких-то людей, пытавшихся кто подставить ногу, кто схватить за рукав или полу пальто. Кто-то с воплем шарахался в сторону.

Топот сзади между тем становился громче. Агасферу даже показалось, что помимо свиста и улюлюканья он слышит и рокот автомобиля. Скверно, совсем скверно... Надо было быстро решать: надеяться на оставшиеся два тупика с ящиками для прыжка через стену, или...

Решив в пользу последнего, Агасфер проскочил через два проходных двора, свернул в какую-то щель и побежал из последних сил. Внезапно на фоне хмурого неба он различил веревку, натянутую поперек улицы между балконами.

Ага, вот она, веревочка родная! Оглянувшись на ходу — не видать ли преследователей, — Агасфер с силой повернул опоясывающее запястье протеза ребристое кольцо. В то же мгновение в протезе что-то щелкнуло, и рядом с мертвыми мизинцем и указательным пальцем выскочили два штыря с крючками на концах, удлинившие руку почти на фут*.

Агасфер подпрыгнул, с отчаянием сознавая, что на второй прыжок, если он не достанет крюками до веревки, у него просто не хватит сил.

И — о чудо: расчет оказался верным, ему удалось зацепиться! Извиваясь, Агасфер поймал веревку здоровой рукой, подтянулся, нащупал ногами выступ кладки, встал на него, держась крючьями протеза за какое-то малоразличимое в темноте архитектурное украшение стены.

Как раз в этот момент из-за угла появились его преследователи, человек шесть-семь, вооруженные кто железными

* Русский фут в начале XX века был равен английскому — т. е. около 30 см.

прутьями, кто обрывками цепей, кто палками. А потом из-за угла действительно вырулил автомобиль, а вслед за ним выбежали еще десятка два темных фигур.

Вся эта толпа бегом проследовала мимо приникшего к стене беглеца, а затем остановилась где-то неподалеку.

У кого-то из преследователей нашелся фонарь — к счастью, слишком слабый для того, чтобы его луч мог обнаружить беглеца. Остановилось и выехавшее из переулка задним ходом авто. Агасфер нахмурился: значит, погоня убеждена, что он не скрылся в закоулках, не нырнул в какую-нибудь незапертую дверь, и сейчас его будут искать, внимательно осматривая все кругом. Спрыгнуть и попробовать побежать в обратном направлении? Но сил оставалось совсем мало.

На противоположной стене переулка Агасфер видел балкон, но сумеет ли он перебраться туда по веревке и успеть там укрыться? Скорее всего, нет...

Возле авто слышалась громкая ругань. Сейчас преследователи двинутся обратно и, в конце концов, конечно, обнаружат его. Медлить было нельзя. Зацепившись крюками за низкое ограждение, он осторожно перекинул тело на узкую площадку балкона и всмотрелся в мутноватое оконное стекло. В комнате горела свеча, освещая угол стола с чашкой и раскрытую книгу на коленях молодой женщины. Поверх книги сверкнули желто-зеленые глаза — кошка! Несомненно, она учуяла либо услышала присутствие незваного гостя...

«Хорошо, что не собачонка», — с облегчением подумал Агасфер. Собачонка давно бы лай подняла... Стараясь пригнуться пониже, он зацепил не замеченную им в темноте жестянку с цветами, и та, свалившись, звучно брякнула.

Кошка тотчас выгнула спину и зашипела в сторону окна. Ее хозяйка подняла голову и сказала, глядя в темноту за окном:

— Ну что ты всполошилась, Муся? Ведь это наверняка твои кавалеры, они вот уже какую ночь нам покоя не дают!

Сейчас она отложит книгу, встанет, подойдет к окну — и все! Визг, крики «на помощь!».

Агасфер выпрямился во весь рост, прижал к стеклу физиономию и отворил форточку:

— Мадам! Я не вор и не бандит, клянусь! Я не причиню вам вреда! Это меня хотят поймать и убить!

Женщиной метнулась к двери и закричала:

— Семен! Дворник!

— Значит, вы хотите, чтобы меня убили? — продолжал громко шептать в форточку Агасфер. — Может, вам вообще нравится смотреть, как убивают людей? Чего же вы ждете? Зовите вашего Семена — может быть, он еще и поможет злодеям!

Интуитивно выбранный им способ — он не попытался проникнуть в комнату, не умолял, не расточал фальшивых улыбок — оказался самым верным. Его спокойный шепот оказал на перепуганную хозяйку квартиры прямо-таки гипнотизирующее действие: открыв рот, чтобы снова закричать, она не издала более ни звука, и только смотрела на незнакомца расширенными от ужаса глазами.

— Ну, что же вы? Зовите всех! Это наверняка будет интересно — поглядеть, как добивают инвалида! — пустив в ход последний свой «козырь», Агасфер сделал вид, что пошатнулся.

Услыхав слово «инвалид», женщина шагнула обратно в комнату.

— Вас хотят убить? — недоверчиво спросила она. — Инвалида? Кто?

— А вы разве не слышите ругань и крики на улице? — уклонился от прямого ответа Агасфер.

Женщина еще раздумывала — верить или нет явившемуся на балкон незнакомцу, когда сторону Агасфера неожиданно приняла... кошка. Мурлыкая, она вскочила на подоконник и потянулась передними лапами к форточке. А когда Агасфер почесал Маруську за ухом, та замурлыкала еще громче.

— Моя Маруся никогда не шла к чужим людям! — удивилась женщина, сделав несколько осторожных шагов к окну. — Вы действительно не причините нам вреда?

— Клянусь!

— И вас действительно хотят убить? Тогда заходите! — осмелев, женщина отворила балконную дверь, на всякий случай все-таки отступив вглубь комнаты.

Обессилевший Агасфер ввалился в комнату и рухнул на пол. Женщина выглянула на улицу, увидела толпу на углу с палками и цепями и решилась:

— Ну, коли так — скорее отодвиньтесь от балкона, я не могу закрыть дверь! Только не вставайте, а то я действительно позову Семена...

Заметив, что она с ужасом глядит на торчащие из его левой «руки» жуткие когти-крюки, Агасфер изо всех сил стал крутить поворотное кольцо на запястье протеза. Но в механизме что-то заело. Тогда он задрал рукав, отстегнул протез и бросил его на пол, показывая культяшку отрубленной руки.

— Это всего лишь механическая рука, — устало объяснил он.

Глядя на его побагровевшую культю, женщина тихо сказала:

— Извините мою неделикатность. Я и вправду очень испугалась, когда увидела эти страшные... когти. Уберите их, если можете, конечно...

Агасфер спрятал протез под пальто и закрыл глаза. Боже, как он устал... Пусть она зовет дворника, бандитов с улицы — ему уже все равно! Только бы еще минутку-другую полежать спокойно... На какое-то мгновение ему даже показалось, что он чует запах свежевскопанной земли и каменных монастырских стен. Ах, зачем он уехал из Ченстохова, зачем расстался с тихой и размеренной жизнью отшельника?

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

«Видимо, моя доля и мой крест — это все-таки Санкт-Петербург». Он открыл глаза.

— Но как же такое может быть? — возмущалась молодая женщина. — Вы и вправду безрукий инвалид, а они хотят вас убить, заставляют спасаться бегством! Вы же могли сорваться

с балкона и расшибиться насмерть! Я немедленно отправлю Семена в полицейский участок!

— Не надо, прошу вас! Поверьте, для всех будет только хуже! — Агасфер говорил с большими паузами, «отбиваясь» от кошки Маруськи, которая как с цепи сорвалась: терлась мордочкой о лицо Агасфера, крутила хвостом возле самого его носа.

— Да что это с ней? — засмеялась хозяйка. — Маруська живет со мной вот уже третий год, и я никогда не видела, чтобы она оказывала кому-нибудь столько знаков внимания! Бог мой! Немедленно вставайте, сударь! Вы и так испачкали свое пальто, а тут еще эта несносная кошка! Вставайте, прошу вас!

Поднимаясь, Агасфер схватился за край стола и чуть не сел мимо стула.

— Вам нужно немедленно выпить чего-нибудь горячего! — спохватилась хозяйка.

— Лучше кофе, если можно. Он взбадривает, знаете ли...

Женщина, кинувшаяся было к буфету, остановилась:

— Извините, но мой кузен... Он на днях навещал меня и, кажется, выпил весь кофе. Может, все-таки чаю?

— Если это вас не затруднит, — согласился Агасфер, прислушиваясь к тому, что делается на улице.

Женщина долго переставляла в буфете какие-то склянки, шуршала пакетиками, потом вышла из комнаты.

Судя по почти пустому буфету и минимуму мебели, молодая женщина была явно бедна. Дожидаясь чая и растирая натертую ремнями и застежками культю, Агасфер напряженно размышлял о том, как отблагодарить свою спасительницу. Денег от незнакомого человека она, разумеется, не примет, да еще и возмутится. Засунуть пару купюр в книжку, которую она читает? Пожалуй, отнесет, когда отыщет, в церковь. Однако отблагодарить надо непременно. Но как? И кого? Он даже не знает ее имени.

Тем временем спасительница появилась в комнате с чайником, накрытым расшитым петухом-грелкой, и Агасфер заметил на плечах молодой женщины большой красивый платок.

— Прохладно у нас в кухне, — заметив его взгляд, хозяйка мило покраснела и снова стала чем-то шуршать и брякать в буфете.

— Вы знаете, я только чаю выпью, — Агасфер догадался, что хозяйка тщетно ищет какой-нибудь завалявшийся на полке пакетик печенья или сухариков.

Снова поминая недобрым словом «прожорливого кузена» и жалуясь на девичью память — «я, знаете ли, очень редко из дома выхожу!», — хозяйка, наконец, уселась за стол напротив Агасфера и вдруг засмеялась:

— У нас очень странное знакомство, вы не находите? В романах, рекомендуемых выпускницам Смольного, новых знакомых всегда кто-то представляет. А нас и представить друг другу некому, кроме Маруськи! Забавно, правда? Маруська, представь меня, пожалуйста, нашему гостю!

Агасфер, не забыв подхватить кошку, вскочил и по-военному щелкнул каблуками:

— Простите великодушно: Михаил Карлович фон Берг. Впрочем, друзья называют меня Агасфером.

Услыхав столь странное имя вкупе с баронским титулом от человека, забравшегося к ней поздним вечером на балкон, женщина сурово сдвинула брови. Однако Маруська и не думала покидать колени гостя, громко мурлыкала и от удовольствия выпускала и втягивала длинные когти.

— Стеклова Анастасия Васильевна. Папа баронских титулов выслужить не успел, к сожалению!

— Анастасия? — Агасфер невольно вздрогнул, услыхав дорогое имя. — Анастасия Васильевна... Очень приятно. Прошу прощения еще раз за способ знакомства, к которому был вынужден обстоятельствами. Однако разве в Смольный институт благородных девиц...

— Нет, туда принимают не только лиц дворянского происхождения, Михаил Карлович. Моя мама с юности была слаба здоровьем и умерла, когда мне исполнилось пять лет. Папа был военным моряком, офицером, и я воспитывалась в семье маминых родственников. А через четыре года после

смерти мамы погиб в морском сражении отец. Мне, как его единственной дочери, было высочайше предоставлено вакантное место для поступления в Смольный, в заведение madame Новосильцевой*.

Позднее, уже расставшись, и мадмуазель Стеклова, и Агасфер, припоминая детали их бесхитростного разговора обо всем и ни о чем, с удивлением отмечали неожиданную и пока еще смутную тягу, которую почувствовали друг к другу. Настенька Стеклова с юмором рассказывала о своем житье-бытье в Смольном, о начальнице, Марии Петровне Новосильцевой, строгой «до умопомрачения» к воспитанницам — и в то же время ласковой, как истинная мать, к тем девочкам, что попадали в лазарет.

Агасфер, не упоминая про монастырь, добродушно сетовал на то, что, прожив почти два десятка лет в заграничном провинциальном городишке, совсем отвык от Петербурга и вот теперь ему приходится заново привыкать к столичной жизни. Про свое бегство от бандитов рассказывал, стараясь держаться как можно ближе к правде: по приезде в Санкт-Петербург он нашел импонирующее ему занятие — стал помощником чудака-полковника, собирателя древних механических игрушек. И вот давеча, разыскав для него редкостную диковину, неожиданно подвергся нападению перессорившихся наследников.

— Вы, кажется, живете одна, Анастасия Васильевна?

— Да.

— А не будет ли с моей стороны дерзостью поинтересоваться... В общем, я слышал, что выпускниц Смольного охотно приглашают в богатые дома, в другие учебные заведения — в качестве классных дам, гувернанток, воспитательниц. И что попечительский совет Смольного ищет места для своих выпускниц. А вы тут одна, с единственной живой душой — кошкой Маруськой...

* М. П. Новосильцева была директрисой Смольного института благородных девиц и одновременно заведовала Мещанским училищем для девиц недворянских сословий.

— Мне не дали рекомендации при выпуске, — просто объяснила девушка. — Видите ли, мой брат объявлен врагом престола и веры. Впрочем, это грустная история. Давайте не будем об этом, хорошо?

— Как скажете, Анастасия Васильевна! Позвольте мне только напомнить вам — как человеку, давно живущему на этом свете, что вслед за темной ночью всегда приходит светлый день. А за черной полоской обязательно следует белая! Когда я лишился руки и... всего прочего, мне очень хотелось броситься вниз с высокой стены. Жизнь казалась мне конченой и никому не нужной. Теперь я думаю иначе, поверьте!

— Вы хороший утешитель, Михаил Карлович! — слабо улыбнулась Стеклова. — Спасибо вам!

Надо было срочно переводить разговор на иную тему. И Агасфер придумал:

— Слушайте, Анастасия Васильевна, я, кажется, знаю, как наградить вашу Маруську! Найдется у вас этакая небольшая ленточка?

Имя «Настя» Агасфер произнес с трудом и не без волнения: в памяти ожила та, далекая, из его молодости Настенька — с ее пепельно-светлыми волосами...

— Награждать Марусю? За что это? — подивилась поначалу хозяйка. — Впрочем, понимаю! Если бы не она, вряд ли я прониклась бы к вам доверием!

Порывшись в корзинке с шитьем, Стеклова нашла там искомую ленточку, а Агасфер незаметно для хозяйки продел ленту в отверстие, сделанное кем-то в тяжелом золотом дукате. Повязав ленточку на шею кошки, он взял с хозяйки слово, что на «награду» она посмотрит только после его ухода.

— Да, но как и куда вы пойдете? — заволновалась Стеклова. — На дворе ночь, и эти бандюги, может быть, рыщут вокруг.

— Разбудите вашего дворника Семена! — решился Агасфер. — Пусть сбегает, поищет извозчика. А это ему за труды, чтобы не слишком ворчал!

Он положил на стол серебряный рубль.

— Швыряетесь деньгами, господин барон! — осуждающе покачала головой Стеклова. — Если вы хотите таким образом произвести на меня впечатление, то это бесполезно! А про дворника Семена могу лишь сказать, что он ленив, глуп и жаден. Как ни пошлешь в лавочку, так непременно хоть гривенник сдачи утаить пытается! По мне, так ему и полтинника хватит!

— Мельче нет! — Агасфер развел руками и лукаво прищурился: — Велите ему разменять и сдачу принести...

— Вы что же, сударь, и меня хотите полтинником отблагодарить?! — возмутилась Стеклова.

— Боже меня упаси! — Агасфер прижал руку к груди. — Просто я подумал... Я подумал, что скоро снова могу оказаться в ваших «палестинах». И, если бы вы позволили, заскочил бы на минутку — ну хоть бы и к Маруське! Забрал бы сдачу, узнал — как вы тут живете-можете...

Настя Стеклова опустила длинные ресницы: ей очень нравился этот взрослый, с девичьей точки зрения — «старый» мужчина. Вежливый, деликатный и с таким странным именем. У нее даже мелькнула мысль попросить его черкнуть записку — как он добрался до своего дома, все ли благополучно?

— Ладно, поглядим! Я пошла будить Семена. — И Стеклова вышла из комнаты.

Воспользовавшись ее отсутствием, Агасфер схватил карандаш и написал пару строк на клочке бумаги, шутливо извинился за маруськину «медаль».

Вскоре на лестнице послышались шаги — легкие настенькины и шаркающие — дворника. Семен ворчал, гремел засовами. Наконец, дверь внизу громко хлопнула, и вскоре в комнату вернулась чуть запыхавшаяся хозяйка.

— Насилу растолкала! — весело сообщила она. — Начал было кочевряжиться, но как про полтинник услыхал, мигом в валенки свои вскочил! Сейчас обещал достать извозчика!

В комнате воцарилась напряженная тишина, какая обычно бывает перед расставанием добрых знакомых. И слова вроде уже все сказаны, и хочется еще что-то добавить на прощанье.

Наконец, на улице послышался стук копыт. Агасфер встал, попробовал еще раз засунуть крючья протеза в гнезда, махнул рукой и снова спрятал протез под пальто.

— Прощайте, Анастасия Васильевна! — Он прикоснулся губами к ее холодным пальцам. — Спасибо вам и Марусе вашей за чудесное спасение! Если бы не вы... У вас и вправду нет на свете никаких родственников?

— Брат отца еще в годы своей юности был весьма слаб здоровьем и уехал лечиться куда-то за границу. И это все, что я о нем знаю... А как я испугалась, когда увидела вас через окно! — вдруг рассмеялась Стеклова. — И эти ужасные крючки... Хотя нет, извините меня — не ужасные! Если бы не они, вы не смогли бы забраться на мой балкончик! Прощайте, Михаил Карлович! Кстати, а почему вы назвали себя Агасфером?

— Это я вам расскажу как-нибудь в другой раз! Прощайте.

— Обещаете?

— Да! Честное слово!

Сбежав с лестницы, Агасфер прильнул к входной двери, опасаясь обнаружить за ней присутствие врагов. Но слышны были только громкие зевки «ваньки»-извозчика и тихое похрапывание лошади. Перехватив на всякий случай снятый протез с выдвинутыми крючьями как дубинку, Агасфер рывком распахнул дверь, прыгнул в коляску и приказал «ваньке»:

— Трогай, дядя! Полтинник дам, коли за четверть часа доедем!

В экипаже Агасфер еще раз попытался сложить выдвинутые крючья, не смог и в конце концов махнул на это рукой.

В особняк Архипова он решил проникнуть не с парадного входа, а через потайную калитку, через сад. Погоня за ним была серьезной, — значит, не исключалось, что его могут поджидать и возле дома.

Так оно и оказалось: на углу гарцевали две пары конных городовых, еще пару он приметил в арке дома напротив. Друзья ждали его! Тем не менее, Агасфер велел «ваньке»

объехать квартал и покинул экипаж только после того, как внимательно посмотрел по сторонам.

«Черная» калитка в небольшом портике была с секретом. В глубине небольшой ниши виднелась дверь — фальшивая, сложенная из массивных бревен, вышибить которые можно было только с помощью мощного тарана. Настоящая калитка находилась в боковом притворе, и ручек со щеколдами не имела, открывалась при помощи узкой стальной полоски, которую следовало вставлять в неприметную щель на уровне колена. В швейцарской тотчас раздавался громкий сигнал, предупреждающий о том, что кто-то пытается войти в дом с «черного хода». Поэтому, шагая по слегка раскисшей от дождя дорожке к задней двери здания, Агасфер знал, что его уже должны встречать.

Его и вправду встречали. Едва Агасфер приблизился к дому, как от темной стены отделилась фигура в тулупе и с огромной фузеей в руках.

— А мы тут вас уже заждались, господи, — Кузьма, камердинер полковника, неуклюже поклонился, сбив с головы Агасфера стволом фузеи шапку. — Ох, простите, ваш-бродь... Проходите в дом, вас уже заждались!

Агасфер взбежал на крыльцо, потянул на себя дверь и невольно рассмеялся: церемония встречи была еще та!

Впереди, заложив руки за спину, стоял хозяин дома в своем неизменном синем халате с кистями. Справа и слева от него стояли два генерала, чуть в стороне раскуривал сигару человек в мундире Московского окружного суда — Лопухин. По прихожей с озабоченными лицами сновали с десяток офицеров — адъютантов и порученцев.

— Здравствуйте, господа! — Агасфер передал протез с выдвинутыми когтями Кузьме. — Тимофею отдай, пожалуйста — пусть поправит свою механику! Заедает!

Встрчающие зашевелились, заулыбались. Архипов обнял его, генералы принялись хлопать по плечам.

— Клочков, Силантьев, выйдите к нашей «конной гвардии»! — Архипов, отдав долг вежливости, взял «командование» ситуацией на себя. — Думаю, на сегодня всех можно отпустить, пусть отдыхают! Только прежде поспрашивать надо — не отираются ли вокруг дома какие-нибудь подозрительные личности. Медников, ты свою братию тоже можешь отпускать, рапорта завтра с утра пусть пишут.

— Кузьма! А ты чего тут со своей фузеей? Господа, он же на радостях сейчас пристрелит кого-нибудь из нашего музейного экспоната! — подал голос Лопухин. — И хозяйский револьвер, ради бога, куда-нибудь положи!

— Ишь ты, нашел музейный экспонат! — шутливо обиделся хозяин. — Этому ружьецу еще и ста лет не стукнуло! Лося в Беловежской пуще с полутораста шагов уложил.

— Ну уж и с полутораста! — хмыкнул полицейский генерал, повернулся к Агасферу, взял его за плечи. — Ну, что живой-здоровый вернулся, мил-человек, — вижу! А здесь что-нибудь сохранил? Не вытряс по дороге?

Архипов указательным пальцем постучал по своей голове. Все в прихожей замерли, ожидая ответа Агасфера.

Он кивнул:

— Кажется, кое-что осталось!

— Отлично! Стенографисты, в библиотеку! — скомандовал Лопухин. — Андрей Андреич, ваши высокопревосходительства, — прошу вперед! Остальным пока отдыхать! Кузьма, как закончишь разряжать «экспонат», выдай господам офицерам чего-нибудь «расслабляющего». Медников, ты своих филеров тоже не обижай! По три рюмки разрешаю! Лично! Добавишь от себя — в претензиях не буду! Ну, пошли, пошли, господа! Медников, ты с нами!

Расселись в библиотеке. К сигарницам, папиросным коробкам и бутылкам никто не притрагивался. Все глядели на Агасфера как на возвращенца с того света.

Агасфер, не сдержавшись, прерывисто вздохнул: он снова был среди друзей, за крепкими стенами дома, который начинал считать своим. А ведь времени с момента его возвращения в Петербург прошло совсем немного: стояла середина хмурого северного лета.

Откинув голову на спинку кресла, он прикрыл глаза и, помолчав минуту, принялся пересказывать прочитанную несколько часов назад статью.

— Прекрасно, милостивый государь! Прекрасно! Теперь остается только дождаться выхода газеты и сверить «исходник» с публикацией.

— Расшифровка может занять много времени, — напомнил Агасфер. — Нужны коды! И поэтому мы с господином Медниковым провели вторую часть операции! Это была моя инициатива, и именно я настаивал на ней, господа!

— На мой взгляд, это было излишне, — покачал головой Лопухин. — Ваша инициатива, как вы ее назвали, Агасфер, была слишком рискованной! И потом — отчего раньше времени? Договаривались вроде на завтра операцию проводить!

— Хоть и не по чину мне вроде, но позвольте слово вставить, — кашлянул Медников.

— Какие тут чины! — махнул рукой Архипов. — Говорите, прошу вас!

— Как вы все знаете, у меня была аудиенция с господином директором Департамента полиции Зволянским во время его поездки в Ливадию. Я сел на его экспресс в Бологом, и пока мы ехали до Москвы, успели составить диспозицию. Исходили мы из того, что в доме господина полковника есть, как любят выражаться социал-демократы, провокатор. А проще говоря — человек из германской либо австрийской разведки.

Присутствующие переглянулись, но промолчали.

— Именно поэтому, господа, я при всех объявил, что операцию мы проведем лишь в одной гостинице, в пятницу. И только господин Агасфер знал, что пойдем мы в четверг, в обе!

— Но зачем было в обе-то гостиницы идти? — продолжал недоумевать Лопухин. — Это же лишний риск!

— Гораздо рискованнее было совершить «набег» на «Эльдориум», а через несколько дней на «Англетер», — покачал головой Медников. — Господин директор исходил из того, что если бы мы в первой гостинице «нашумели», то в тот

же день во второй нас никто ждать не стал бы! А вот через неделю — ждали бы!

— Откуда такая уверенность? — спросил Архипов.

— Должен я, ваш-бродь, господин полковник, покаяться перед вами в еще одном грехе, — кашлянул Медников. — Я ведь вчера, распрощамшись с обществом, засаду в вашем доме оставил. Ну, не в полном смысле засаду, а так — двух филеров своих после полуночи в дом привел. Извините, ваше высокоблагородие, что вас в известность не поставил.

— Час от часу не легче, — вздохнул Архипов. — И зачем, позвольте узнать?

— Очень уж мне хотелось поглядеть, ваш-бродь, не попытается ли кто-нибудь из ваших гостей-товарищей весточку на «волю» передать о намеченной на пятницу операции!

— О результатах боюсь даже спрашивать! — через силу рассмеялся Ванновский. — Я, например, около полудня заезжал к Андрею Андреичу. Переговорили, а потом уже к шести часам вечера еще раз нагрянул...

Медников достал из кармана записную книжку, заглянул в нее, кивнул:

— Совершенно справедливо, ваше высокопревосходительство: без четверти шесть вы изволили прибыть.

— Я и сам, милейший, дважды дом покидал, — с вызовом бросил Архипов.

— И это мои людишки отметили, — кивнул Медников. — Только это все не в счет! Другие персоны меня интересовали.

— Да не тяни ты кота за хвост, Евстратий Павлович! — взмолился Лопухин. — Сразу говори: нашел предателя? Или так и будем жить дальше, с подозрением друг на друга поглядывая?

— Пока не знаю, — серьезно ответил Медников. — Вот списочек я приготовил, глядите сами...

На стол лег большой лист бумаги. Все сгрудились вокруг него.

— Господа, да что ж тут разобрать-то можно? — возмутился Куропаткин. — В данном списке перечислены все

мы! Ах, да, еще и аббата записали, который у вас нынче гостит, Андрей Андреевич! Ну, он-то как на свою конференцию уехал, так только под вечер и вернулся.

— Я, к примеру, в восемь часов утра за папиросами в лавку ходил! — вставил Терентьев. — А что, кстати, это за личность — Прокопчук какой-то? Отмечено: покинул дом около 9 часов, вернулся без четверти десять. Кто это, господа?

— Тимофей Прокопчук — мой помощник, слесарь, — пояснил Архипов. — Все привыкли — Тимоха да Тимоха, а у него и фамилия имеется. За водкой, паразит, опять бегал в «монопольку», не иначе...

— Я уже за свою наглость прощения попросил, — вставил Медников. — Не серчайте, господа: служба у меня такая поганая! И перед лицом духовного звания извинюсь покаянно, ежели это лицо мне объяснит, куда оно нынче в шесть утра ходило. За какой надобностью?

— Позвольте! — вскинулся Архипов. — Вы хотите сказать, что аббат Девэ рано утром выходил из дома?!

— Этого я не знаю, ваш-бродь — аббат он или протодиакон православный. Записано: лицо духовного звания. Вышел из дома в шесть пятнадцать утра, вернулся в шесть тридцать пять. С пометкой: длинный коричневый плащ, капюшон на голове, лица не видать...

— Я на минуту, господа! — Архипов вышел из библиотеки. — Сейчас спрошу у аббата...

Вернулся он через десять минут, мрачный. Перед тем как сесть в кресло, налил себе коньяку и, не взбалтывая по своему обыкновению, залпом выпил. Пристально поглядев на Медникова, поинтересовался:

— Евстратий Павлович, а ты в своих наблюдателях уверен?

— Наблюдение за объектом — хлеб филера. Просмотреть, упустить — допускаю... Что, отказывается преподобный? Утверждает, что никуда не ходил?

— Говорит, что и в мыслях так рано не встал бы! Господин Медников, я с аббатом четверть века знаком! В таких переделках бывали, что вам и не снилось! Говорит: не выходил! Черт возьми, он Агасфера двадцать лет от полиции прятал, лечил — чтобы предать?!

— Господин полковник, он со служкой приехал, — подал голос Агасфер, — которого я помню еще по монастырю. Но... У него не спрашивали?

— И служка аббата поклялся, что вообще весь день из дома не выходил. Кстати, коричневый длинный плащ с капюшоном только у него. У аббата серый.

— Чем дальше, тем интересней! — хлопнул себя по коленям Медников. — Позвольте полюбопытствовать, ваш-бродь, а чем сейчас ваши гости занимаются?

— Аббат пишет что-то, к конференции готовится. Служка его спал, по-моему — я долго достучаться не мог. А что?

— На одежку бы его взглянуть, господин полковник!

— Верхняя одежда всех моих гостей в гардеробе, у Трофима, швейцара.

— Взглянуть дозволите? — не дожидаясь разрешения, Медников быстро встал и вышел.

После его ухода воцарилось напряженное молчание.

— Этак, друзья мои, и до шизофрении дойти можно, — попробовал разрядить смешком обстановку Куропаткин.

Шутку не поддержали.

Наконец, послышались тяжелые шаги и невнятный говорок. Медников вернулся в библиотеку, подталкивая перед собой швейцара Трофима. В руках у филера была коричневая хламида, какие обычно носят церковники.

— Вот, господа хорошие, как оно иногда получается! — заговорил Медников. — Человек на месте сидит, а его одежонка сама по улицам ходит!

Поискав удобное место, он распялил плащ на высокой дверце полураскрытого шкафа, расправил складки. Предложил:

— Давайте, господа, сначала Трофима поспрошаем, отпустим его на пост, а потом и сами порассуждаем. Трофим, ты когда этот плащ чистил? Честно признавайся, нам это очень важно.

— Господи, ваше высокоблагородие, да в чем моя вина-то? — Архипов еле удержал швейцара, намеревавшегося рухнуть на колени. — Али пропало что из господских вещей?

— Помолчи, борода! — прикрикнул на него Медников. — Вопрос слышал? Когда чистил?

— Как Бог свят — как обычно, — зачастил Трофим. — Как от гостей его высокоблагородия шинели или плащи получаю — сразу смотрю. Ежели не в порядке — чистим сразу же. И я, и Катерина. Супруга наша, то есть. И этот плащ, как его высокопреподобие к господину полковнику прибыло, сразу обсмотрел. С дороги же, издалека! Почистил, конечно. И на «плечики» повесил, как водится.

— Когда? Вчера, после приезда? А сегодня с утра чистил?

— Виноват, господа хорошие! Сегодня не брал в руки — потому как нужды не было! Не ходили они никуды нынче. То есть, прислужник аббатов. Чего зря чистить-то?

— Все, Трофим, ступай к себе, — отпустил его Медников. — Давай-давай, ножонками-то побыстрее двигай!

Когда Трофим, кланяясь и пятясь, исчез, Медников снова оказался в центре внимания. Подвинув к распяленному плащу сильную лампу, он встряхнул полы одежды — оттуда вылетело легкое облачко пыли.

— Видели, господа? — торжествующе заявил он. — Мыслимое ли дело, чтобы швейцар, дорожащий своим местом, так небрежно свою работу исполнял?! Чистил он плащ этот — чистил сразу после приезда ваших гостей, ваш-бродь! Почистил — и повесил. А сегодня и не подходил к нему — потому как точно знал, что служка аббата никуда не отлучался. И еще кто-то про это знал — вот и воспользовался случаем! Дошел до дверей в обычной своей одежде, в тамбуре накинул плащ — и поди, опознай его! Тем более, ваш-бродь, что швейцара своего вы балуете. Балуете! У всех ваших постоянных посетителей и гостей — свои ключи от дома. Звонить швейцару даже не надо!

— Это не баловство. Это обычай такой, — ответил Архипов. — Это знак доверия человеку. Верю — и даю ключ!

Приходи в любое время, как к себе... Впрочем, не поймете, наверное...

— Наверное, — кивнул Медников. — Мне вот никто пока ключей от чужих домов не давал. Но не в этом сейчас дело, господа. Обошел нас паразит! В буквальном смысле: мы его караулим-караулим — а он плащ накинул, и в невидимку превратился...

Он еще раз тщательно осмотрел плащ. Потом вдруг стал принюхиваться к ткани. Оглянулся.

— Черт, вы же здесь все курите! Табак все перебивает, а то мне показалось... Ваш-бродь, на балкончик бы мне, а? Или на чердак...

Присутствующие переглянулись: неужели генерал от инфатерии Куропаткин прав и по крайней мере один из них «добрался» до шизофрении?

— Ну не на улицу же мне выходить, чтобы легкие прочистить, господа! — взмолился Медников. — Я-то старообрядец, сам в жизни табаком вашим душу не паскудил! Но слишком много времени провожу там, где курят! И привыкаю помаленьку. А тут пахнуло вдруг... Господа, помогите!

— Пойдемте в мою комнату! — вскочил с места Агасфер. — Знаете, я там, кажется, вообще ни разу не курил. И балкон у меня чудный. Там сырой землей пахнет, и чуть прелым листом — если это вам, конечно, не помешает! Пойдемте!

...Они стояли на балконе, стараясь дышать как можно глубже. Коричневый плащ был перекинут через балюстраду.

— Сейчас, как вернемся, начнут допрашивать про всю эту беготню, погоню. А, кстати, как нас эти громилы нашли в кондитерской? Неужели кто-то от самого «Англетера» следил?

— Для меня это тоже загадка, ваш-бродь! — покачал головой Медников. — Вы ж с парнишкой на извозчике уехали, а я с полчаса наблюдал из трактира за обстановкой. Все было тихо, никто не бегал, не выспрашивал. Авто с фон Люциусом подъехало, он бегом в гостиницу. Еще несколько извозчиков

подъехали — видимо, вызвал он другие свои службы. Вот тут я и отправился за вами потихоньку — думал: все, чисто сработано! А оказалось — нет! Но вы, ваш-бродь, не беспокойтесь, этот вопрос решаемый! Я две бандитские рожи «срисовал», знаю их. Один так вообще в первой нашей гостинице охранником у Полячека. Найду, дайте срок!

Помолчали, подышали еще. Потом Медников развернул плащ и снова принялся принюхиваться к нему, буквально погружая лицо в складки ткани.

— Есть! — наконец сказал он. — Есть! Вспомнил! Не дымом табачным, а самим табаком пахнет. Знаете, ваш-бродь, есть такие сорта — дорогие, ароматизированные. Их в бочонках маленьких возят. А бочонки эти и прочие принадлежности табачные обычно по всей табачной лавке расставлены. Завтра пройдусь по окрестным табачным магазинам. Ходил наш невидимка недалеко, ему нужно было быстро вернуться! Если я, конечно, не ошибаюсь... Но запах-то совсем свежий!

— А если ошибаетесь?

— Ну тогда придется на Толкучий рынок возвращаться, карманников и «перетырщиков»* ловить! Пошли в библиотеку, ваш-бродь! Заждались там нас, поди. Только уговор: про мои соображения пока молчок!

— Так ты, Евстратий Палыч, уже обмолвился при всех вроде...

— Ну, обмолвился и обмолвился. Мало ли что могло показаться!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

К полудню суматоха в доме Архипова усилилась. Едва удалось выдворить портного Циммермана с его помощниками, доставившего на примерку два мундира, как полковнику доложили о прибытии некоего ротмистра Лаврова, начальника Тифлисского охранного отделения. В это время Архипов и Агасфер начали работать с документами, имеющими отношение к Яхт-клубу. Услыхав слово «Тифлисского», Агасфер удивился и вопросительно поглядел на хозяина, однако тот был явно доволен и, похлопав своего помощника по плечу, пояснил:

— Очень и очень большая умница! Владимира Николаевича хорошо знают в военно-учетном комитете Военного министерства. Не исключаю, что если наша общая задумка о создании разведывательного управления российского масштаба будет, в конце концов, реализована, именно ротмистр возглавит эту структуру! Да-с!

— Ротмистр? Не вы, полковник, не какой-нибудь генерал, а человек относительно невысокого звания? — удивился Агасфер.

— Вот видите! И вы, умный, прогрессивный человек, оказывается, разделяете предрассудок, что начальник солидной организации должен быть непременно генералом! Ладно, я как-нибудь дам вам специальную литературу по этому вопросу. Правда, в России ее не рискнули издавать, книга на немецком... Но вы же знаете немецкий, о чем я! Впрочем, милостивый государь, это все потом, потом! Нынче не до этого: вам предстоит сегодня серьезный экзамен! Настолько серьезный, что представлять вас в Императорском Яхт-клубе будет сам Степан Александрович Гедеонов!* Видный историк, кстати — один из немногих противников норманнской теории происхождения русского государства! Слыхали?

— Краем уха.

— Впрочем, это тоже не к спеху! Важно то, что господин Гедеонов удачно совмещает академическую службу с придворной. И является лицом, весьма близким к его величеству. Он не член нашего общества, но по ряду позиций разделяет наши убеждения и поэтому согласился на эту небольшую, так

* *Перетырщик* — одно из наименований скупщиков краденого. Как правило, те перешивали либо изменяли украденные вещи с целью дальнейшей перепродажи.

* Подлинное имя члена Яхт-клуба.

скажем, мистификацию. В клубе он представит вас двум-трем завсегдатаям. А-а, вот и Владимир Николаевич! — услыхав стук в дверь, Архипов живо соскочил с места и собственноручно распахнул перед посетителем дверь.

— Знакомьтесь, господа офицеры: ротмистр Лавров и ротмистр... гм... Полонский! Как вам наш «троянский конек», Владимир Николаевич? Вы же знакомы с обоими братьями Полонскими?

— Желаю здравствовать, господин полковник! — щелкнул каблуками посетитель. — Здравия желаю, ротмистр! Честь имею представиться: Лавров! — Посетитель круто повернулся к Архипову. — Что ж, вполне удовлетворительно, господин полковник: младший братец Полонский столь редко бывает в Яхт-клубе, что вряд ли его кто-нибудь хорошо помнит. Правда, в вестибюле вывешены портреты всех членов...

— Но вы же сами говорили, что Полонский-младший появляется там редко!

— Определенное сходство с фотографическим портретом у нашего ротмистра имеется, господин полковник. Однако, боюсь, волосы придется сделать потемнее. Там, в клубе, есть еще и старший швейцар, и администратор Яхт-клуба, и его казначей... Ежели упомянутые субъекты не признают нашего «Полонского» с первого взгляда, это может вызвать некоторую настороженность! И, как следствие, повышенное внимание к его персоне...

Лавров достал из бювара фотокарточку истинного Полонского и внимательно посмотрел сначала на нее, потом на «оригинал».

— К тому же рука, — вслух подумал он. — Она уж точно будет привлекать внимание и вызовет массу вопросов. Вы уже придумали этому какое-то правдоподобное объяснение, Андрей Андреевич? Кстати, насчет руки: конечно, очень жаль, но Полонский-младший всегда слыл большим мастером игры на бильярде. Был бы прекрасный повод для знакомства с Гриммом! Играет он, кстати, сносно, но часто «зарывается», торопится и проигрывает!

— Насчет потери руки мы особо не заморачивались, Владимир Николаевич! У господина Агасфера роль нелюдимого и несколько таинственного человека. Да и члены клуба вполне деликатные люди, чтобы задавать такие вопросы. С рукой связана и еще одна проблема, Владимир Николаевич! Не далее как вчера наш Агасфер «засветился» с этой особой приметой, которую не перекрасишь, как волосы. И «засветился» не перед кем-нибудь, а перед самим фон Люциусом!

При всей своей сдержанности Лавров не смог сдержать возгласа изумления. И Архипов поспешил рассказать о двойной операции в гостиницах и их финале.

— Следуя логике вещей, нашему Агасферу следовало бы теперь исчезнуть из Петербурга недельки на две-три. Выждать, пока шум уляжется. Однако есть два «но», которые нельзя не принимать в расчет. Первое — это Гримм. Его встречи с Люциусом нерегулярны и зависят, как вы знаете, от «охотничьих» успехов предателя. Когда он сможет раздобыть в наших штабах и сейфах еще что-то новенькое — неизвестно. Да и гонорар он не раз получал прямо в Берлине или Вене. А здесь — редчайший случай!

— А второе «но»?

— Выезд Агасфера в Берлин и Вену нами планировался без учета проведения операций в Петербурге. Так что ехать ему придется все равно. Зволянский, откровенно говоря, посвоевольничал, приняв решение об изъятии «исходников» и кодов. И человека специального прислал — да вы, наверное, слыхали — Медникова Евстратия Павловича.

— Ну как же, как же! Так в чем закавыка?

— В том, Владимир Николаевич, что было бы гораздо лучше, если бы в Берлине наш лже-Полонский встретился с Люциусом и Гриммом как старый знакомый. Сами понимаете: между старыми знакомыми доверия больше. Фон Люциус наверняка заинтересуется старшим адъютантом самого начальника Канцелярии Главной императорской квартиры Гейдена. И, насколько я его знаю, не упустит возможности познакомиться с целью последующей вербовки.

— Прекрасно! И в чем же проблема, господин полковник?

— В руке господина Агасфера. Вернее, в ее отсутствии. Люциусу наверняка доложили об этой примете. Не расшифрует ли он лже-Полонского?

— Хм... Дайте подумать... Знаете, господин полковник, я бы рискнул. Фон Люциус крайне осторожен и подозрителен. Ручаюсь, он ни за что не поверит, что тот, кто вчера совершил налет на его гостиницу, на следующий день заявится пред его светлые очи!

— Владимир Николаевич! Господин ротмистр! Какой камень с души вы у меня только что сняли! — прочувствованно пожал Лаврову руку Архипов. — Я ведь и сам, грешник, точно так же рассуждал!

— Ну, теперь нам остается только уговорить господина Агасфера, — усмехнулся Лавров. — Это ведь он будет рисковать своей шкурой.

— Я полностью разделяю ваше мнение, господа. И, кстати, насчет бильярда! — подал голос Агасфер, которому надоела роль манекена. — Я недурственно играю на бильярде. И один из моих протезов, простите уж за натурализм, специально приспособлен для игры: обычно ведь в бильярде опорная левая рука!

— Вот это удача так удача! — воскликнул Архипов, но тут же, правда, смутился. — Прошу простить, господин Агасфер! Вы, конечно, понимаете, что я имел в виду...

— Безусловно понимаю, господин полковник, — улыбнулся тот.

— Вспомнил! — обрадовался и Лавров. — Тонкий шрам на левой щеке, следствие «баловства» юности на рапирах, в Германии! На фотокарточке этого шрама нет, ибо ротмистр Полонский по каким-то причинам не желает его афишировать! При фотографировании он всегда требует, чтобы мастер заретушировал шрам! Но его придется делать, господа!

Архипов и Агасфер переглянулись.

— Настоящий шрам получен, насколько я понимаю, много лет назад, — заметил Агасфер. — А «сделать» новый, даже

если бы вы, господин Лавров, предупредили меня за неделю-другую, выглядел бы слишком свежим!

— Не стоит волноваться, — возразил Лавров. — Один мой знакомый, театральный гримировщик, слывет истинным мастером своего дела! Позвольте, Андрей Андреевич, я протелефонирую, и его немедленно доставят сюда! Вам, кстати, и волосы подкрашивать все равно надо...

— Да, но в помещении клуба может быть жарко, и «шрам потечет». Или наш герой может, позабывшись, вытереть лицо платком...

— Шрамы моего специалиста не то что платком — мылом не отмоешь, — рассмеялся Лавров. — Какой-то специальный клей, стягивающий кожу, если не ошибаюсь. В общем, сейчас будем посмотреть, как говорят в Одессе!

* * *

Пока ехали в экипаже за Гедеоновым, Лавров давал лже-Полонскому последние наставления.

— Сентябрь в Яхт-клубе считается мертвым сезоном, так что народу там много быть не должно. К тому же нам повезло и со временем: основной наплыв публики там начинается перед полуночью. Запомните, ротмистр: никаких чаевых швейцару! Там это не принято. Когда вы попадете в «лапы» к администратору, выбирайте для времяпрепровождения «газетную» комнату! Впрочем, нет, начинайте с буфетной. Винопитие в этом клубе — священнодействие! Причем пьют, как я уже упоминал, исключительно марсалу*. В буфетной можете подать казначею два-три пальца — это тоже одна из особенностей клуба и признак его демократичности. Прежде всего, поинтересуйтесь у казначея состоянием ваших взносов

* *Марсала* — крепкое десертное вино родом из Сицилии, имеющее некоторое сходство с мадерой, но более сладкое. Появление марсалы связывают с именем английского купца Вудхауза. Адмирал Нельсон считал это вино напитком, достойным самого привередливого лорда. После победы при Трафальгаре британцы стали называть марсалу вином победы. Различают вино золотистого, белого и рубинового оттенков.

по марсале. Непременно пожалуйтесь на дороговизну урожая прошлого года — это тоже так принято. После уплаты взносов задайте вопрос про нынешнее вино — каково оно нынче? Наиболее ценным сортом является грилло. Если казначей и буфетчик порекомендуют вам, в знак особого расположения, какое-то особое вино — оставьте чаевые, но не более полтинника...

— Целая лекция про винопитие, — хмыкнул Агасфер.

— У вас, я слышал, великолепная память, так что не жалуйтесь, ротмистр! Теперь основное. Ни к кому не навязывайтесь со знакомством! Тем более к тем, ради кого наш маскарад и затеян! Сидите с мрачным и несколько таинственным видом — будьте уверены, фон Люциус и без того обратит внимание на старшего адъютанта Главной Императорской квартиры! Вы для него — ценная «добыча», и он сам будет искать повода сблизиться с вами.

— А если такого повода не представится?

— Вы плохо знаете эту хитрую лису Люциуса. Но если даже вы и не познакомитесь — ничего страшного! Через неделю-другую мы организуем выезд лже-Полонского, то бишь вас, в служебную поездку в Берлин и в Вену, и уж там-то фон Люциус вас найдет непременно. Теперь — о бильярде. По нашим данным, подполковник Гримм должен сегодня получить от Люциуса гонорар за переданные ранее шпионские материалы. И если это произойдет, то он будет в отличном настроении и непременно попытает счастья на бильярде. Играет он весьма недурственно, любит выигрывать. А при проигрыше становится раздражительным и делает ошибки, от которых злится еще больше. Если сойдетесь с ним за бильярдом — рекомендую проиграть. Тем более что он тоже собирается в Вену, и реванш можно назначить там. Но умоляю: не рискуйте и не пробуйте играть в поддавки: подполковник немедленно почувствует фальшь!

Лавров прервал разговор, озабоченно щелкнул крышкой часов, поднес циферблат к скудному свету фонаря, болтающегося под потолком экипажа.

— Без четверти десять! — констатировал он. — Господин Гедеонов — человек чрезвычайно пунктуальный, и через пять минут, не сомневаюсь, будет ждать нас со своим экипажем в условленном месте. Честно признаться, ему не слишком нравится просьба полковника Архипова, он считает нынешнюю операцию игрой в «сыщики-разбойники». Поэтому постарайтесь не рассердить нашего благодетеля — он способен отказаться от участия в «представлении» в последнюю минуту! И еще: он просто помешан на истории, и боже вас упаси признаться в несогласии с его точкой зрения на происхождение Руси!

Лавров опустил окошко экипажа, всмотрелся в темноту.

— Ага, его карета уже на месте. Ну, с Богом, как говорится. Сейчас вы пересядете к Гедеонову. А наш экипаж будет поджидать вас с полуночи до четверти первого ночи. Удачи, господин Агасфер!

* * *

Еще через четверть часа карета Гедеонова мягко «причалила» к широким ступеням Императорского Яхт-клуба. Лестница была застелена широкой темно-зеленой дорожкой, вдоль которой по обе стороны были расставлены фонари. Вниз к экипажу уже спешили два то ли служителя, то ли швейцара в морской форме.

— Добро пожаловать, ваше высокопревосходительство! — сняв и держа фуражки по-армейски, приветствовали служители дорогого гостя. — Давненько, давненько мы не имели удовольствия...

Гедеонов вышел из кареты. Всю дорогу — впрочем, не слишком длинную — он упорно молчал, едва ответив на поклон лже-Полонского, так что тот начал уже нервничать.

— Смотри-ка, узнали! — хмыкнул высокопоставленный историк. — А вот моего спутника, Виктора Александровича, узнаете ли? Ротмистр-то подольше моего сюда носа не казал!

Если лже-Полонского и не признали поначалу, то подсказка вкупе с мундиром сработала великолепно.

— Ваше высокоблагородие, господин ротмистр! Действительно, так и забыть недолго! — враз отвесили поклоны служители. — Почитай, года полтора его высокоблагородие господин Полонский нас не баловали посещениями! Добро пожаловать!

Поддерживая гостей под локотки и раскрыв над ними зонтики от мелкой мороси, служители повели их к сияющему огнями входу.

— Прикажете распорядиться насчет ужина?

— Я, собственно, ненадолго. Увидеть кое-кого хотел, — буркнул Гедеонов.

— Как прикажете-с! А господин ротмистр?

— Я, пожалуй, пока в «газетной» посижу, новости узнаю печатные. А потом в Малой столовой попрошу накрыть отдельный столик, — тоже без видимого энтузиазма ответил Агасфер. — А мест не найдется в Малой к тому времени — тогда в Большой.

— Для вас да не найдется! — оценили шутку служители. — Хи-хи-хи-с!

Пройдя меж двух шеренг персонала, Гедеонов и Агасфер с вежливыми поклонами расстались. Историк отправился в библиотеку, а лже-ротмистр — к барной стойке, как учили.

Даже если бы Агасферу не показали заранее фотографической карточки казначея клуба, узнать его труда бы не составило: вид у него был прямо-таки банкирский. При виде гостя казначей расплылся в улыбке и широко развел руки, как бы собираясь заключить в объятия.

— Что, Капитоныч, все «над златом чахнешь»?

— Ваше благородие, Виктор Александрович! Сколько лет, сколько зим!

— Ну, здравствуй, здравствуй, Капитоныч! — Агасфер небрежно подал казначею два пальца затянутой в тонкую перчатку руки. — Чем сегодня порадуешь? Хотя погоди: сначала дело, а потом уж пустяки! Доставай-ка мой «вахтенный журнал», оглашай «приговорчик» — что у меня там со взносами-то? Подзабыл, признаться...

— Сей момент, господин ротмистр. — На мгновение отвернувшись, казначей тут же положил на высокий прилавок

бювар в переплете из телячьей кожи, раскрыл его в нужном месте. — Задаток за нынешний и будущий год вами, как всегда, внесены, ваше благородие. Ну а на саму «амброзию», думаю, ваших с братом капиталов хватит до Страшного суда-с! С учетом залога — по два рубля серебром за бутылочку-с! Сколько прикажете нынче записать за вами?

— Ты так и не сказал — какое нынче «винцо победителей»?

— Нынче удалось урвать у поставщиков партию марсалы из винограда сорта грилло! Божественно! Нектар-с! — Казначей умильно закатил глаза и покрутил головой. — Какое изволите испробовать? Оро? Амбра? Рубино?*

— Пожалуй, рубино. — Агасфер, словно бы в глубоком раздумье, слегка почесал кончиком протеза свой «шрам» на щеке.

Сделав повелительный жест кельнеру, казначей только тут, кажется, обратил внимание на «мертвую» левую кисть гостя и в ужасе всплеснул руками:

— Виктор Александрович, золотой вы наш! Как же так? Где? Почему? Я, признаться, и не слыхал про вашу потерю... Давно ли?

— Знал бы где упаду — соломки бы подстелил, Капитоныч! — туманно ответил Агасфер, посмотрев на него при этом столь тяжелым взглядом, что все дальнейшие вопросы отпали. Тут как раз кельнер с поклоном подал серебряный поднос с высоким бокалом искрящегося рубином вина.

Сделав небольшой глоток, Агасфер, как заправский дегустатор, вытянул губы, облокотился на стойку и оглядел помещение с видом человека, давно здесь не бывавшего. Ага, вот и портреты членов клуба в два ряда на стене. Первые десять рам традиционно пустовали — они предназначались для особ императорской фамилии. Фотографии яхт членов

* Оро и амбра — вино из белых сортов винограда, рубино — из смеси белого и красного сортов. Перечисленные сорта марсалы носят общее наименование грилло и способны к естественному самоокислению, что и выделяет марсалу среди прочих вин.

клуба также начинались с номера 10 — первый десяток был, согласно уставу клуба, оставлен для царских яхт.

Лже-Полонский нашел и себя, рядом с фотопортретом «брата», Константина Александровича. И рисунок их совместной яхты за номером 26.

Сделав еще несколько глотков, Агасфер, наконец, одобрительно кивнул:

— Спасибо, Капитоныч, уважил. Действительно божественно! Остаток пришли-ка в «газетную». — И, уже поворачиваясь, заметил: — Сегодня что-то не очень много народа...

— Сентябрь-с! — развел руками с виноватым видом казначей, делая незаметный знак администратору: проводи гостя.

Как и рассчитывал Архипов, «газетная» комната была практически пуста — лишь под лампой торшера дремал над газетой какой-то старичок с андреевской лентой поперек груди.

«Газетная» была символически отгорожена от остального помещения редкими колоннами из мореного дуба. Утверждали, что все это — останки некогда потопленных боевых кораблей разных веков. Агасфер выбрал себе место у одной из колонн, откуда ему была видна почти вся Малая и значительная часть Большой столовой. Достал сигарницу и, как бы спохватившись, поглядел на большие напольные часы, хрипевшие неподалеку*. До начала разрешительного часа оставалось не более пяти минут. Кельнер, понимающе улыбнувшись, поставил поднос с бутылкой и бокалом на столик возле гостя, на цыпочках подошел к часам, отворил дверцу и чуть-чуть сдвинул минутную стрелку вперед.

— Кажется, слегка отстают! — с серьезным видом прошептал он, вернувшись к лже-Полонскому, и тут же получил «за понятливость» новенький рубль. — Благодарю, ваше благородие...

Оставшись в «газетной» практически в одиночестве, Агасфер наконец как следует осмотрелся. Свет во всем помещении Яхт-клуба был несколько приглушен, гигантская люстра не горела, и он добрым словом помянул полковника Архипова, буквально навязавшего ему перед выходом сильный монокль из какого-то особого стекла. Вытянув его за шнурок из-под оторочки мундира, Агасфер пристроил его в глазную впадину и обвел своей оптикой залы.

В Большой столовой он увидел необыкновенно красивую женщину, судя по всему, это была та самая Серафима Бергстем. Советник посольства фон Люциус сидел слева от нее, вполоборота к Агасферу. А напротив Серафимы, лицом к нему — ее любовник, Анатолий Николаевич Гримм, по которому, как уверял Архипов, давно уже плакала виселица — столько русских секретов он передал германской и австрийской разведкам.

Но вообще народу в клубе было действительно немного — едва ли более трех десятков человек. Все были заняты либо беседами друг с другом, либо, не торопясь, поглощали ужин и пили неизменную марсалу.

Тем не менее, понаблюдав несколько минут за публикой, Агасфер понял, что его приход не остался незамеченным. Нет, на него, конечно, не пялились — однако кельнерам и официантам, бесшумно снующим по залам, то и дело задавали какие-то вопросы, после которых те неизменно оборачивались в его сторону.

«Маскарад» весьма беспокоил и Архипова, и Лаврова. Даже получив клятвенные заверения заведующего зарубежным департаментом Рачковского*, что оба брата Полонских в настоящее время находятся на борту своей яхты «Зорюшка», крейсирующей вдоль западного побережья Италии, оба признавали рискованность своей затеи. Яхта есть яхта: сегодня она в Неаполе, а завтра в Турине. А там — сел на поезд и через двое суток в России.

---

* Табакокурение было одной из уникальных особенностей Императорского Яхт-клуба. Согласно уставу, курить разрешалось везде, за исключением столовых комнат и в строго утвержденные общим собранием часы. Нарушителей ждал серьезный штраф.

* Статский советник Петр Иванович Рачковский — реальная личность. Был назначен на свой пост в 1885 году, и практически все время пребывал в Париже. Основным направлением деятельности П. И. Рачковского была борьба с пребывающими в эмиграции деятелями «Народной воли».

Кроме того, братьям Полонским после их возвращения в Россию непременно расскажут о визите младшего «двойника» в Яхт-клуб. Этот нонсенс мог дойти до резидента германской разведки, а ему расшифровать затеянную операцию не составит труда. Однако приходилось рисковать и рассчитывать на скоротечность ее проведения.

По целому ряду признаков ужин за столом, где сидели Люциус, Гримм и его дама, был близок к завершению. Стало быть, как утверждал тифлисский Лавров, вскоре компания покинет клуб — и непременно через бильярдную. Там Гримм обычно несколько минут наблюдал за игрой, либо, при наличии достойного противника, играл с ним партию-другую.

Люциус, конечно, мог нынче и остаться в клубе — слишком «лакомым кусочком», как утверждал Архипов, был для него старший адъютант Главной императорской квартиры с ее фантастическими военными секретами — роль которого, напомним, играл сегодня Агасфер. Однако его предупреждали: главный резидент чрезвычайно осторожен и подозрителен, и без положенного при знакомстве представления кем-нибудь из общих знакомых к лже-Полонскому первым ни за что не подойдет! А поскольку общих знакомых нынче в клубе не было, то и представления не будет.

Значит, оставалось рискнуть. Подозвав кельнера, Агасфер заказал ужин — через часок, примерно, не раньше — и предупредил, что пока хочет немного размяться на бильярде.

В бильярдной тоже было немноголюдно: из четырех столов игра шла только за одним. За игрой наблюдали несколько зрителей — видимо, не столько из интереса к игре, сколько от скуки. Принялся наблюдать за игрой и Агасфер — скромно заняв позицию с бокалом вина, тут же ему принесенного.

Через пять-шесть минут партия была закончена, и победитель, довольно крепенький старичок в форме вице-адмирала, опершись на кий, принимал поздравления.

— Ну-с, ежели желающих больше нет, — пожал плечами старичок, оглядев в напрасной надежде бильярдную и направляясь к выходу.

— Если не возражаете, ваше высокопревосходительство, дать «морской урок» сухопутному драгуну, то с удовольствием составил бы вам компанию! — негромко вызвался Агасфер. И, сделав пару шагов вперед, представился: — Ротмистр Полонский, с вашего позволения!

— Старший или младший? — близоруко прищурился вице-адмирал. — Признаться, я все время путаю вас...

— Младший, ваше высокопревосходительство, — снова щелкнул каблуками Агасфер. — Константин на нашей «Зорюшке» обретается где-то в Средиземном море, как обычно.

— Ну что ж, — покивал старичок, впиваясь взглядом в левую руку Агасфера, на сей раз подвешенную на госпитальной косынке с гербом великой княгини. — Однако позвольте полюбопытствовать, ротмистр, ваша рука... Не помешает ли она нашей игре?

— Ничуть! — Агасфер снял косынку и сделал левой рукой несколько движений, похожих на выпады фехтовальщика. — К счастью, я потерял только кисть левой руки, которая в бильярде является лишь опорной!

— Право, не знаю, — заколебался вице-адмирал. — Не имел, знаете ли, прецедентов... Не угодно ли вам будет взять фору — ну хотя бы пару шаров?

— Ну разве что один шар — давно не практиковался, ваше высокопревосходительство!

— А если проиграете? — допытывался старичок. — Удобно ли вам будет, ротмистр, лезть под стол и кукарекать?

— Не беспокойтесь, ваше-ство! — улыбнулся Агасфер.

«Старый хорек, — подумал он. — Смотри, как бы я тебя самого под стол не загнал!»

— Ну, Бог свидетель! — пропыхтел «хорек», демонстративно кладя на полку противника вынутый из треугольника шар. — Два предлагал!

— Разбивайте, ваше-ство! — предложил Агасфер.

Старичок, не чинясь, довольно небрежно разбил пирамиду.

Агасфер надел на большой и указательный пальцы протеза «бильярдную перчатку», подвернул левый рукав и положил

четыре шара подряд. Он положил бы и пятый, но уж больно обиженная физиономия была у «хорька». Пусть хоть разок ударит, решил Агасфер.

Вице-адмирал долго примеривался, закатил в лузу явную «подставу», а на втором ударе... скиксовал! Он сокрушенно рассматривал наклейку у кия, потребовал замену, и только потом воззрился на стол.

— А... А какой шар вы сейчас бьете, ротмистр? — поинтересовался он.

— Пытаюсь от двух бортов «шестого» в левый нижний угол загнать, — невинно улыбнулся Агасфер. Он в три удара закончил партию и вопросительно поглядел на вице-адмирала. Тот побагровел, поставил кий и начал мять бока, собираясь исполнить «игроцкий проигрыш».

— Ну что вы, ваше-ство! — запротестовал Агасфер. — Я не могу допустить, чтобы вы в вашем возрасте кукарекали из-под стола, как какой-то мичман! Может, попробуете отыграться? С форой или без?

— Нет уж! — возразил «хорек», понимая, что «попал» на настоящего мастера. — Это с вас, ротмистр, я смотрю, фору брать надо!

Вторую партию Агасфер снова выиграл, дав при этом возможность старичку и поиграть, и даже вообразить, что тот близок к победе.

— Разочтемся марсалой, — великодушно предложил Агасфер. — Полагаю, трех бутылок за каждое «кукареку» будет вполне достаточно!

— Нет уж! — снова заупрямился вице-адмирал. — За этакую «школу» маловато! Кельнер! Скажи-ка, братец, Капитонычу, чтоб за мой счет десять бутылок лучшей марсалы господину ротмистру записал!

Тем временем в бильярдной незаметно собрался народ. Ставя кий в стойку, Агасфер краем глаза заметил белый шлейф платья. Рядом с Серафимой Бергстрем стояли фон Люциус и подполковник Гримм. Окружающие — кто шепотом, кто громко — обсуждали подробности завершившейся

игры. Кряжистый господин в адмиральском мундире, хохоча, похлопал вице-адмирала по плечу:

— А кукарекать так и не стал? Ах ты хитрец! Ну ладно, под стол лезть несолидно — но так-то можешь? «По-игроцки», а? А то нехорошо как-то, ей-богу!

— А я что? Извольте! — поднатужившись, старичок два раза фальцетом кукарекнул, чем вызвал дружелюбный смех окружающих.

Смеялись все, кроме Агасфера и... Гримма. Отсмеявшись и вытерев платком покрасневшее лицо, старичок вице-адмирал спохватился:

— Милостивый государь! Господин ротмистр! А ужин? Вы же, по-моему, ужинать собрались? Ужин прошу считать тоже за мной! Кельнер!

— Мы с вами в полном расчете, ваше высокопревосходительство, — покачал головой Агасфер. — Простите, но ужин за ваш счет я уже не приму!

— А со мной, господин ротмистр, партеечку не желаете «скатать»? — вдруг громко спросил Гримм. — Только не на ваше дурацкое «кукареку», а на «интерес»?

— Анатолий, прекрати! — зашептала ему спутница. — Мы ведь уже уходим! И к тому же ты много выпил! Сыграешь в следующий раз!

— В следующий раз? — переспросил подполковник. — Господин ротмистр, как мне сказали, появляется в клубе раз в год! А я всего лишь гость — где гарантия, что господин фон Люциус пригласит меня сюда в следующий раз? Так как, господин ротмистр?

— Вообще-то я действительно планировал поужинать, — входя в роль, угрюмо буркнул Агасфер. — А что касается вас, господин подполковник, то ваша прелестная спутница явно права: давайте отложим нашу партию.

— Вы изволите утверждать, что я слишком много выпил, ротмистр?!

— Успокойтесь, мой друг! — забеспокоился, видя назревающий скандал, фон Люциус.

— Ротмистр! Я старший адъютант штаба Варшавского военного округа Гримм! Мы будем играть, или мне придется просить у вас свою визитную карточку, чтобы завтра вас смогли разыскать для объяснений мои друзья? Вы, конечно, можете аппелировать к своему физическому недостатку, но тем не менее вы — трус!

— Господа, господа! Успокойтесь! — зашумели вокруг члены клуба. — Подполковник, как вам не совестно попрекать господина ротмистра физическим недостатком? Стыдитесь!

Но Гримм уже завелся. Он выхватил из кармана конверт, разорвал его, вынул 500 рублей и шлепнул купюрой по бортику.

— Играем, ротмистр? Неужто боитесь? У вас же железная рука!

— Довольно, подполковник! — Агасфер сделал вид, что потерял терпение. — Хотите играть по-серьезному? Извольте!

Он достал из кармана портмоне и, вынув оттуда три пятисотки, аккуратно положил их на свою сторону бортика.

Гримм криво улыбнулся и снова достал из кармана конверт. Однако Серафима оказалась проворнее и вырвала конверт из его рук.

— Анатолий, ты пьян! Не позволю! Мы с таким трудом и риском заработали эти деньги, и я не позволю вам бросать их на ветер!

Она не кричала, скорее, зло шипела. Однако, видимо, тоже потеряла контроль над ситуацией, говоря вслух о «труде и риске заработка» денег, многократно превышающих официальное денежное содержание подполковника.

Окружающие стали переглядываться и пожимать плечами. Вице-адмирал, все еще багрово-красный, протер очки и воззрился на полторы тысячи рублей, выложенные Агасфером.

— Однако! — воскликнул он. — Хороша ставочка: полугодовое жалование вице-адмирала за дюжину шаров! Впрочем, если членам клуба по карману покупка новой яхты каждый год — чему тут удивляться!

— Стыдитесь, господа! — раздался откуда-то из задних рядов чей-то густой бас. — В Императорском Яхт-клубе — вести разговоры как в дешевой харчевне! Все мы знаем, что малоимущих здесь нет-с!

— Так мы будем играть партию или нет? — спокойно поинтересовался Агасфер, поправляя обшитое кожей акулы основание протеза. Его друзья в монастыре паулинов, мастеря специальный протез для игры на бильярде, с трудом раздобыли кусок такой кожи — из-за ее шершавости основание опорной руки не могло соскользнуть ни на сукне, ни на отполированной древесине бортиков.

Между тем Серафима Бергстрем, выхватив из рук своего спутника конверт, с оскорбленным видом направилась к выходу. Подполковник догнал ее. Обняв Серафиму за талию, он увлек ее в ближайший эркер* и горячо зашептал ей что-то в ухо. Фон Люциус держался поблизости от них, словно сторожил ссорящуюся парочку.

Наконец, женщина гордо тряхнула головой, сунула надорванный конверт в руки любовника и быстро пошла к выходу из клуба. Возбужденный Гримм, крикнув вслед ей что-то резкое, направился в сторону бильярдной, однако фон Люциус, придержав его за локоть, тоже внес свою лепту в перепалку:

— Вы сошли с ума, господин Гримм! Нынче вы получили гонорар и вольны распоряжаться им по своему усмотрению! Но деньги в конверте... Это производит на общество определенное впечатление. Могут спросить, почему адъютант штаба военного округа, пусть даже и старший, носит в конвертах сумму, превышающую его годовой оклад?! Вы по-прежнему намерены играть?

Гримм кивнул.

— Тогда выслушайте мой совет, милостивый государь! Вернувшись в бильярдную, упомяните невзначай, что удачно играете на скачках, или в «Польскую лотерею». И что только сегодня получили с кого-то долг! И последнее, сударь: если вы проиграете, не надейтесь, что я собираюсь компенсировать

* *Эркер* — выступающая из плоскости фасада часть помещения, обычно застекленная.

ваш проигрыш даже ради прекрасных глаз мадам Бергстрем! Чтобы заработать следующий гонорар, вы должны меня коечем порадовать!

Выслушав его, подполковник снова кивнул, переложил деньги в свой бумажник, а скомканный конверт полетел в урну. Дотронувшись до плеча немца, Гримм заметил:

— Пьян я или трезв, но нынче не проиграю! Кстати, господин фон Люциус, известно ли вам, что мой нынешний противник является, как и я, старшим адъютантом! Только не в Варшавском округе, а в Главной Императорской квартире, как мне нынче шепнули! Драгунский ротмистр Полонский, брат того Полонского, который состоит в составе Адмиралтейского совета его величества!

— Вот как? — пристально посмотрел на лже-Полонского фон Люциус. — Очень, очень интересно...

Гримм, вернувшись к столу, поклонился Агасферу:

— Ротмистр! Господа! Прошу прощения за не слишком красивую сцену, свидетелями которой вы все только что были! — Он задержался у стойки, выбирая кий. — Я, знаете ли, сорвал неплохой куш на последних скачках и имел неосторожность пообещать своей «фемине» ожерелье, по которому она давно тоскует. И она, вообразите себе, испугалась, что останется без подарка! Так что еще раз прошу прощения. Играем, ротмистр?

Агасфер кивнул.

— Ах да, совсем забыл! — Гримм добавил к лежащей на бортике купюре еще две, вынув их на сей раз из бумажника. — Кто разбивает, ротмистр? Вы? Прошу! И имейте в виду, я сегодня в ударе!

Игра началась. Ставка в три тысячи рублей была редкостью даже в Яхт-клубе, и вокруг стола собрались, забыв о стынущем ужине, почти все присутствующие.

Первую партию Агасфер запланировал проиграть и, оценивая манеру игры противника, едва тронул шаром-битком выстроенную пирамиду. Гримм, не видя подходящей цели, тоже решил действовать осторожно и не вывел под удар противника ни одного верного шара. Однако это его не спасло, и следующим ударом Агасфер раскатал по столу всю пирамиду. Гримм немедленно воспользовался этим и хлестко загнал в лузы два шара, чуть «скиксовав» на третьем.

Агасфер дважды обошел вокруг стола, прежде чем выбрал «жертву», и ударил. Раз, другой, третий. В принципе, при удачном раскладе он мог бы, наверное, и завершить партию, но это не входило в его планы. Под восхищенный шепот окружающих Агасфер выбрал красивейший дубль, ударил — и промазал.

Побледневший было Гримм воспрянул духом и загнал в лузы еще два шара. Он же, немного погодя, воспользовался рискованным дублем противника и завершил партию.

Собрав со стола выигрыш и держа в левой руке бумажник, торжествующий Гримм обратился к Агасферу:

— Не желаете попытаться отыграться, ротмистр? На тех же условиях?

Тот заглянул в свой портмоне, сделал легкую гримаску:

— С наличными туговато нынче. Примете чек берлинского банка в качестве обеспечения?

Гримм оттопырил нижнюю губу:

— Признаться, я предпочитаю иметь дело с наличными, ротмистр!

— Вы позволите? — Фон Люциус протиснулся в первые ряды зрителей, поклонился Агасферу, с почтением полистал вексельную книжку берлинского банка. — Позвольте представиться, господин ротмистр: советник Германского посольства Гельмут фон Люциус! Уверяю вас, господа, Дойче-банк — солидная финансовая структура, одна из наиболее надежных в Европе! И хотя я принципиальный противник азартных игр, но не могу испортить удовольствие моему старому другу, герру Гримму, и вам, господин Полонский!

Он вернул вексельную книжку Агасферу:

— Господин Полонский, я готов принять чек, который вы пожелаете выписать! К сожалению, у меня с собой тоже не слишком много наличных русских денег, но на пять тысяч вы можете рассчитывать. Либо, учитывая вашу безукоризненную

репутацию в обществе и Яхт-клубе, поставить указанную ставку под простую расписку!

— Вы весьма великодушны, герр Люциус, но я не привык одалживаться! — процедил Агасфер, заполнил «вечным пером» вексель и протянул немцу. — Благодарю, что выручили в трудную минуту!

— О-о, не стоит благодарности! — Люциус принял чек и протянул Агасферу пачку купюр, сложенную вдвое и перетянутую резинкой. — Здесь ровно пять тысяч, господин ротмистр!

Агасфер взвесил купюры на ладони, вопросительно поглядел на Гримма:

— Сыграем на все?

Тот покачал головой:

— Не стоит пожалуй! Даю вам возможность отыграться, ротмистр, — моя ставка прежняя — три тысячи!

Разбивать пирамиду на сей раз выпало Гримму. Он, следуя примеру противника, не стал рисковать и лишь задел «битком» выставленные ромбом шары. Однако Агасфер на сей раз выбрал другую манеру игры: откатившимся в сторону «битком» он нанес хлесткий удар почти в середину пирамиды.

Случайно ли, или благодаря прекрасному знанию геометрии, но его удар оказался эффективным: в лузы слетели сразу два шара.

— Повезло! — улыбаясь, пожал плечами Гримм.

Однако улыбка сползла с его лица, когда шары после сильнейшего удара раскатились и замерли в выгоднейших для противника позициях. Минуты через три Агасфер поставил кий в стойку и провозгласил:

— Игра закончена!

Хотя противники в результате двух игр остались, как говорится, «каждый при своем», Гримм с явным сожалением наблюдал, как ротмистр собирается уложить в портмоне отыгранные им полторы тысячи рублей. Заметив это, Агасфер тут же предложил:

— Желаете «контровую» игру? Как говорится, Бог любит троицу!

— Вы слишком серьезный противник! — покачал головой Гримм. — Этак я действительно оставлю свою «фемину» без обещанного подарка! Разве что в следующий раз... Как скоро вы намереваетесь снова посетить Яхт-клуб, ротмистр?

— Не могу сказать точно. В Петербурге я ненадолго, и к тому же через недельку собираюсь на рандеву с братом, в Италию...

— Вот как? — немедленно встрял фон Люциус. — В таком случае, вы наверняка поедете через Берлин и Вену. И если вы не слишком торопитесь, мы могли бы встретиться в Берлине. Я с удовольствием взял бы на себя роль вашего гида в этом чудесном городе. Вот моя визитная карточка — прошу вас, без стеснения протелефонируйте о своем приезде! Уверяю, вы не пожалеете!

— Благодарю, герр советник! Спешить мне, действительно, особой надобности нет, просто нужно разрешить некое финансовое недоразумение с Константином, моим старшим братом, продолжающееся вот уже несколько месяцев, — Агасфер пожал плечами. — Днем раньше я окажусь в Неаполе, днем позже...

— А если вы окажетесь в Вене дней через десять, то я обещаю вам матч-реванш, — подхватил Гримм, вручая Агасферу свою визитную карточку. — Я еду туда в служебную командировку и обычно останавливаюсь в одной и той же гостинице. Там тоже есть телефон, и у вас будет возможность сообщить мне о своем приезде.

— Предлагаю распить бутылочку здешней чудесной марсалы за наше знакомство! — с энтузиазмом предложил фон Люциус и лукаво подмигнул Агасферу: — Правда, поначалу оно не показалось мне таким многообещающим. Но — как знать, как знать, господин ротмистр!

— Но мой заказанный ужин... — нерешительно вспомнил Агасфер.

— Всего лишь по бокалу вина — и ужинайте на здоровье! — уже по-свойски подхватил его под локоть немец. — Надо же оценить вино, которым расплатился с вами господин вице-адмирал!

Весело рассмеявшись, все трое направились к барной стойке.

— Не будет ли нескромным с моей стороны поинтересоваться — где вы имеете жительство в Петербурге? — спросил фон Люциус.

— В основном, в Гатчине*, господин советник. Ну а если возвращаться туда бывает поздновато, то в одной из гостиниц поприличнее...

Знакомство можно было считать состоявшимся.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

В Севастополе литерный экспресс с прибывшим директором Департамента полиции Зволянским встречал начальник личной охраны императора Заварзин. Сдержанно раскланявшись, перекинулись «дежурными» вопросами-ответами. «Ну, что государь?» — «Слава богу, здоров». — «Как там Петербург?» — «Дождит-с, как обычно».

Усадив столичного гостя в «мотор»**, Заварзин счел нужным извиниться:

— Яхта занята его императорским величеством, Сергей Эрастович. Так что до Ливадии будем добираться на паровом катере. Это, конечно, не «Полярная звезда» — кстати, как вы качку переносите?

— После революционных «штормов» в столице всякая качка покажется пустяковой, — отшутился Зволянский.

— А что, у вас там в социально-демократическом смысле сильно «штормит»? — сдвинул брови Заварзин.

— Не сильнее обычного. Вы бы мне лучше, Павел Павлович, про «шутку» с телеграфной депешей рассказали, — перешел к делу Зволянский.

* Гатчина была основным местом пребывания Александра III. Там же, естественно, располагалась и его штаб-квартира. Приезжая в Петербург, император обычно останавливался в Аничковом дворце, живал в Петергофе и Царском Селе. Зимний дворец Александр III не любил.

** Так в те годы называли появившиеся в России автомобили.

— А что тут рассказывать? Мария Федоровна* с вами объясняться будет, — вздохнул Заварзин. — Так что рыбалка его величества — очень даже кстати, успеете с ее величеством переговорить.

— И все же... Надеюсь, ничего серьезного?

— Мне кажется, что ничего. Впрочем, поглядите сами.

Пока катер, сбавив скорость, подбирался к причалу, Зволянский, давний поклонник морских путешествий, любовался императорской яхтой, которая стояла на рейде в пяти-семи кабельтовых** от берега.

«Полярная звезда» обошлась казне в три с половиной миллиона рублей. После проведения ходовых испытаний ее включили в состав Балтийского флота и по традиции причислили к судам Гвардейского экипажа. В мае 1891 года новая яхта с императором Александром III на борту вышла в первое плавание по маршруту Христианзанд — Фальмут — Виго — Христианзанд — Гельсингфорс. В Бискайском заливе подтвердились ее мореходные качества — при девятибалльном ветре размахи яхты спокойной бортовой качки не превышали 20 градусов!

«Полярная звезда» была настоящей царской резиденцией. Достаточно упомянуть, что на ее борту была церковь и даже коровник (!) с каютой коровницы. Водоизмещение яхты составляло 3949 тонн. Посредством двух вертикальных паровых машин она могла развивать максимальную скорость в 17 узлов.

Внутреннее ее убранство превзошло самые смелые пожелания. Панели и мебель выполнила петербургская фабрика Свирского, используя красное, тиковое, лимонное дерево, клен, грушу, дуб, орех, карельскую березу, венгерский ясень. В итоге, каюты по отделке не уступали дворцовым помещениям.

Экипаж насчитывал 349 человек, не считая 50 человек прислуги. Яхту даже вооружили четырьмя 47-мм пушками Гочкиса.

* Имеется в виду супруга Александра III, императрица.

** *Кабельтов* — внесистемная единица измерения расстояния, использующаяся в мореплавании. Обычный кабельтов = 100 морских саженей = 600 футов = 182,88 метра.

— Сергей Эрастович! — окликнул Зволянского Заварзин. — Успеете, налюбуетесь еще! Глядишь, и приглашение порыбачить получите от его величества! Он еще не знает: от господина Фаберже нынче две специальные блесны доставили, изготовленные по личным эскизам его величества. А пока извините — вас с нетерпением ожидают.

Зволянского проводили в покои императрицы. Он был здесь впервые и с естественным любопытством осматривался вокруг. «Набитый» глаз директора полицейского Департамента сразу остановился на десятке фотографий, приколотых к стене обычными канцелярскими кнопками. В царских покоях — и казарменный стиль...

Присмотревшись к дарственным и памятным надписям на паспарту*, Зволянский подивился: на всех фотографиях были родственники Марии Федоровны!

Мало как-то это вязалось: штопаные носки императора, фотографии родни королевских кровей без рамок, даже самых дешевых — и яхта стоимостью свыше трех миллионов рублей. И, господи прости, блесны от Фаберже — этот модный ювелир за свои изделия меньше 50 тысяч просто не брал!

— Ее величество императрица! — тихо объявил камердинер, возникший в проеме одной из дверей.

Зволянский склонился в придворном поклоне.

— Я рада видеть вас, господин директор Департамента полиции! — Столь же бесшумно, как и слуга, императрица приблизилась, протянула руку для поцелуя.

— Всегда к услугам вашего величества!

— Прежде всего я хотела признаться вам в нарушении Высочайшего регламента — ведь телеграфную депешу от имени государя распорядилась отправить я сама! — твердым голосом продолжила императрица. — Но когда вы узнаете причину моего самовольства, то, надеюсь, поймете мои чувства!

— Не извольте беспокоиться, ваше величество, — пробормотал Зволянский.

---

* *Паспарту* — кусок бумаги или картона с отверстием для фотографии.

— Более того, я хочу просить вас... Я умоляю вас обмануть этого... этого святого человека, не терпящего лжи даже в малости! Даже от самых близких ему людей. Я имею в виду моего супруга: не говорите ему ничего об этой депеше! Скажите, Сергей Эрастович, можете ли вы найти достаточно серьезные основания для вашей аудиенции у его величества, способные оправдать ваш «самовольный» приезд в Ливадию? Скажите, можете ли?

— О-о, тут надо подумать, ваше величество! У меня нет опыта обмана государей — к счастью или к сожалению. А государь весьма прозорлив и чувствителен на ложь — разве вы не знаете об этом, ваше величество?

— Вы просто убиваете меня, милостивый государь...

— Это вы, простите за дерзость, хотите меня уничтожить, ваше величество! Если вас просто пожурят, то меня выгонят в отставку!

К удивлению Зволянского (впрочем, он плохо знал женщин королевских кровей), императрица не стала взывать к его жалости, умолять. Она дернула плечом и направилась к своему бюро. Усевшись, достала из верхнего ящика толстый пакет и положила его перед собой. И заговорила, не поворачиваясь к Зволянскому:

— Неделю назад я получила вот это. Я испугалась — знаете ли, императрицы тоже женщины! Я не знала, что мне делать. Первым побуждением было — передать государю, моему супругу. В конце концов, здесь речь именно о нем! Но он бы ничего не стал предпринимать — и вы знаете почему! Впрочем, вы еще не ознакомились с этими бумагами. Возьмите и ознакомьтесь. Можете присесть на ту козетку...

Зволянский отошел к указанной козетке, вытащил из пакета толстую пачку бумаг. Едва он начал их просматривать, как увидел, что это копия «талмудических» обвинений Бердяева. Значит, негодяй направил их сразу в два адреса!

Тем временем императрица подошла к окну, за которым шумело море и слегка дымила трубами яхта «Полярная звезда».

Зволянский сложил бумаги в пакет, подошел к императрице.

— Мне уже знаком этот пасквиль, ваше величество. Оригинал мне передал в Москве, пока я ехал сюда, бывший начальник Московского охранного отделения Бердяев. Как всякий охранитель русского трона, я немедленно обязан был принять меры. И вот я здесь, ваше величество! Я доложу об этом деле начальнику личной охраны господину Заварзину и попрошу его испросить для меня аудиенцию у его величества, вашего супруга! Очень надеюсь, что мне не откажут — я не часто обращаюсь к государю с подобными просьбами!

Императрица резко повернулась к директору:

— Вы скажете, что ваш приезд продиктован вашей собственной инициативой? И сохраните нашу тайну?

— Вне всякого сомнения, ваше величество!

— Если государь примет вас — а я полагаю, что он непременно примет человека, проделавшего столь длинный путь, — это произойдет вскоре после его возвращения с рыбалки. Тогда я от своего имени приглашаю вас разделить с нами ужин!

— Вы очень добры, ваше величество! — кланяясь, Зволянский начал неспешное отступление к дверям, зная, что его непременно остановят.

Так оно и произошло.

— Сергей Эрастович! Вы профессионал и опытный человек. Скажите, может быть в этих бумагах хоть толика правды?

— По совести, не думаю! Бердяев растратил казенные деньги и своим сообщением о «мировом еврейском заговоре» просто отвлекает всеобщее внимание! Честь имею, ваше величество!

Покинув Малый дворец, в котором обитала августейшая семья, Зволянский без труда нашел Заварзина, поджидавшего гостя из Петербурга в круглой беседке неподалеку. На коленях у Заварзина покоился мощный морской бинокль, через который он периодически поглядывал на царскую яхту.

— Судя по выражению вашего лица, ее величество сумела склонить вас на свою сторону, ваше превосходительство! — с серьезным видом приветствовал Заварзин директора. Лишь легкие морщинки у глаз выдавали его улыбку.

Зволянский присел рядом на скамейку, достал кожаный портсигар, закурил свою традиционную сигару.

— Не устоял, Павел Павлович, — поддерживая тон полушутливой беседы, согласился он. — Остается найти общий язык с другим «заговорщиком». То бишь с вами! С вами-то, небось, потруднее будет! И бердяевское послание, я полагаю, читали, и донесение старшего телеграфиста...

— А чего со мной общий язык находить? — пожал плечами Заварзин. — Ваша правда, пакет от Бердяева был лично ее величеству адресован. И старший телеграфист ко мне с ее депешей советоваться прибегал... Я, собственно, и санкцию дал на нарушение регламента.

— Значит, о телеграмме государю не докладываем? — Зволянский протянул руку начальнику личной охраны в знак подтверждения уговора.

— Не докладываем, — Заварзин ответил на рукопожатие, и, извинившись, снова взялся за бинокль, хмыкнул: — Говорят, был, ваше превосходительство, анекдотичный случай с прибытием европейских посланников в Петербург во время рыбалки государя. Не знаю, правда ли — я в то время еще в одесском пехотном училище строевой шаг отрабатывал. Рассказывают: докладывают государю о прибытии посланников раз, в другой раз напоминают — ждут, дескать! А он отвечает: пока русский царь рыбачит, Европа может и подождать!

— Свидетелем того случая лично не был, но от серьезных людей тоже слышал: было дело! — усмехнулся директор. — А вы к чему это вспомнили, Павел Павлович?

Вместо ответа Заварзин передал собеседнику бинокль.

— Извольте посмотреть, Сергей Эрастович: к яхте подходит паровой катер. Тот самый, на котором мы с вами прибыли сюда. А на катере посланец к государю с известием, что прибыли, наконец-то, давно заказанные господину Фаберже по личным эскизам его величества специальные блесны. Хочу поглядеть — долго ли государь заставит ждать

старшего приказчика ювелира? Или ответит как тогда, в Петербурге: блесны, мол, могут подождать?

— А вы ехидный человек, Павел Павлович! Учитывая страсть его величества к рыбной ловле, приказчику долго ждать не придется — если он не сам на катере блесны повез...

— Не положено. Катер записан за Гвардейским экипажем его величества, относится к военно-морским силам и посторонних на борт не берет-с... Не хотите прогуляться по саду, ваше превосходительство? Вы же здесь, кажется, впервые?

— Да как вам сказать, — замялся Зволянский, чьи прежние визиты в Ливадию были сугубо секретными.

Заварзин бросил на визитера быстрый взгляд и еле заметно улыбнулся.

— Основные работы в здешнем парке были проведены при прежних государях, в основном в 60-е годы. Старший садовый мастер, если мне не изменяет память, Геккель с сыном, специально ездили по Европе и привезли несколько вагонов саженцев — главным образом, субтропических растений. Были посажены секвойи, появились целые рощи магнолий из Голландии. Из Франции привезли несколько сотен сортов роз, хризантемы, азалии... Но я смотрю, вы не относитесь к числу любителей садоводства, Сергей Эрастович? Слушаете как-то без восторга, а?

— А вы-то когда успели таким знатоком стать, Павел Павлович? — У Зволянского заметно испортилось настроение — то ли от предстоящей встречи с монархом и неминуемых объяснений, то ли от назидательного тона начальника личной охраны и неуместности разговоров про розы и магнолии.

— Думаете, начальник личной охраны государя дурака валяет? — вздохнул Заварзин. — А вот и ошибаетесь! Монарха, как, впрочем, и обыкновенного человека, может убить не только бомба или револьверная пуля, но даже красивый цветок. Так что приходится и немножко ботаником быть, по роду службы. Знаете олеандр? Это очень красиво цветущее растение достаточно широко используется в ландшафтном дизайне, однако является крайне ядовитым. Пришлют государыне, скажем, в подарок редкий саженец — считай, что посадил в землю бомбу замедленного действия. Или аконит — ну, эта отрава не слишком красива, однако может попасть в царский сад вместе с пересаживаемым растением.

Заварзин остановился, поднес к глазам бинокль и, рассмеявшись, протянул его собеседнику:

— Смотрите-ка, на «Полярной звезде» разводят пары! Видно, государь давно поджидал те блесны от Фаберже. Так что не позднее чем через полчаса мне надо быть на причале, встречать его величество! А о серьезном-то мы с вами, ваше превосходительство, так и не поговорили.

— Как не поговорили? — усмехнулся Зволянский. — И о ботанике, и о местных садах успели!

— Я имею в виду бердяевский документ, Сергей Эрастович. Императрица наверняка спрашивала у вас, но мне-то тоже надо знать: насколько это все серьезно. Я имею в виду «талмудистский» заговор. Признаться, лично для меня профессор Захарьин — личность далеко не симпатичная. Ни внешне, ни из-за его дурного характера... Конечно, рекомендован государю он людьми, сознающими свою ответственность перед Россией. Да и я, как начальник личной охраны государя, наводил соответствующие справки. Но вы-то, полагаю, тоже «копали», Сергей Эрастович! И, возможно, «глубже» прочих, исходя из сути вашей должности. А у Бердяева в документе и ссылки на древние документы, и «обоснованность» геноцида по отношению к неевреям... И потом...

Заварзин резко замолчал.

— Ну-ну, заканчивайте, — подбодрил его директор.

— Конечно, я закончу, но только в расчете на вашу скромность и порядочность, ваше превосходительство! Я знаю, вы не из сплетников. Да и нет у вас никаких резонов «топить» человека за неосторожное слово. Но все же — уговор?

— Уговор. Что бы вы ни сказали — я ничего не слышал!

— Так вот... Меня крайне смущают два обстоятельства, Сергей Эрастович. Все знают, что государь очень не любит евреев. И не скрывает этого! Его антисемитизм вызывает

отнюдь не радостные чувства у многих тысяч евреев, населяющих Россию, тревожит всю Европу. Вспомните все законы, оскорбительно ограничивающие права евреев, принятые государем. Запрет приобретения недвижимости в черте оседлости, ограничение прав приема еврейских детей в высшие и средние учебные заведения... Все эти многочисленные выселения, переселения, кровавые погромы, наконец!

— А второе обстоятельство? — спокойно поинтересовался Зволянский.

— Несносный характер самого Захарьина! Помните, в Беловежском дворце, когда его вызвали к императору, он в приступе собственной болезни перебил своей палкой весь хрусталь и фарфор в приемной*, где ожидал государя! Разве в принципе — я подчеркиваю, — в принципе! — такой человек не мог бы стать предметом ненависти этих самых талмудистов и сатрапов?

— В принципе, конечно, возможно все! — Зволянский раскурил сигару и пристально поглядел на собеседника. — Да, я знаю, что мать Захарьина — урожденная Гейман, еврейка. Отец — некий отставной ротмистр из захудалой династии Захарьиных. Да, у него скверный характер, он крайне невоздержан на язык — что является следствием хронического ишиаса. Но он один из лучших терапевтов-диагностов не только в России, но и во всей Европе! Именно поэтому он и стал придворным доктором нашего государя, Павел Павлович.

— Да, но как тогда быть с явно ошибочным диагнозом, поставленным им государю в Беловежье совсем недавно?

* Страдая от ишиаса, профессор Захарьин был действительно склонен к тому, что многие, с учетом авторитета доктора, относили к его чудачествам. Захарьин, к примеру, долгое время отказывался ездить на повозках с пневматическими шинами. Во время приемов он требовал полнейшей тишины, для чего из помещений выносили часы, клетки с птицами, уводили подальше детей. Вынужденный ходить с тяжелой палкой, на которую опирался, Захарьин нередко в пылу спора замахивался ею на оппонентов. То, что в Беловежском дворце, куда прославленный доктор был вызван к занемогшему Александру III, он перебил палкой фарфор и хрусталь из-за тонкого звона — исторический факт.

«Легкая простуда»! Обрадованный столь безобидным диагнозом, государь продолжил свои охотничьи забавы. А закончилось все тяжелым плевритом!

— Я вижу, что бердяевская «бредятина» произвела на вас сильное впечатление, Павел Павлович! Я не доктор, однако совершенно убежден: если бы тогда государь прекратил вставать чуть свет, лазить по болотам, сидеть в своих скрадках и уехал в Ливадию, на солнышко, — диагноз Захарьина оказался бы верен! Однако, уверяю вас, это все-таки хитрый бред и подтасовка фактов! Знаете, например, что проездом сюда через Москву я получил от него аналогичный документ — и одновременно мотивированный донос на самого Бердяева, на его казнокрадство? Обычный ход, знаете ли! Напакостит человечек, которому многое доверено — и ищет, чем прикрыть свой «срам». А тут уж куда лучше — «талмудистский» заговор против любимого монарха... Но я вижу, вы поглядываете то на часы, то на «Полярную звезду», на полных парах спешащую к причалу. Не смею более отрывать вас от службы, уважаемый Павел Павлович! Желаете — поговорим позднее. А я пока почтительнейше прошу сообщить государю о моем «неожиданном» визите и желании получить у него аудиенцию!

Из окон выделенных Зволянскому апартаментов в Большом Ливадийском дворце он наблюдал прибытие императора: государь тяжелой размашистой походкой поспешал поскорее увидеть привезенные ему рыбацкие снасти.

Укрывшемуся за шторами Зволянскому через мощный немецкий бинокль были хорошо видны сильно поношенные шаровары со вставленными клиньями, стоптанные, с заплатками сапоги — даже не офицерские, солдатские! Русская рубашка с вышитым воротником и темными пятнами пота на спине и под мышками.

Все понятно, царь в рыбацкой «повседневке». Однако Зволянский не раз слышал о том, что и во время приемов государь одевался немногим лучше. Не чересчур ли подчеркнутое русофильство?

Заслышав в коридоре чьи-то шаги, смех и голоса, Зволянский поспешно сунул бинокль под диванную подушечку и повернулся к окну спиной. Однако тревога была напрасной, к нему никто не постучал.

Опасаясь, что аудиенция может быть дана внезапно, директор решил не покидать отведенных ему апартаментов до решения своего вопроса. Время, тем не менее, шло, а никаких известий ни от начальника личной охраны, ни от церемониймейстера не поступало. К тому же Зволянский, лишь наскоро выпив утром в вагоне чаю с лимоном, изрядно проголодался. А о нем словно забыли.

До шести часов пополудни он еще надеялся, что император, соскучившийся по новостям из столицы, пригласит его пообедать. Увы, вот часы пробили половину седьмого, семь, половину восьмого — а коридор в его половине все так же пуст и безжизнен.

За время вращения в высоких сферах отношение Зволянского к императору ощутимо поменялось. Это отношение, разумеется, нигде и никогда не афишировалось, даже в узком домашнем кругу Зволянский не позволял себе хоть в малости осудить иные спорные указы и решения императора. Хотя осуждать было за что...

Но было и другое. При нем из армейского быта стали исчезать мишура и ненужный блеск. Вместо бесчисленного множества помпезных военных парадов проводились большие боевые маневры, за которыми Александр III наблюдал лично. Бережливый даже в домашних расходах, царь на армии не экономил. Он без колебаний финансировал содержание и перевооружение армии. «У России есть единственный союзник — это его армия», — говаривал император.

Но почему же он упорно отвергал все предложения о создании военной контрразведки? Ответ был возможен только один: армия России, согласно его доктрине, нужна не для агрессии.

Выходит, интересоваться содержанием чужих сейфов, по мнению государя, было проявлением агрессии и наносило ущерб чести России?

Размышления директора прервало появление личного камердинера императрицы с запиской без подписи: *«Вас примут в девять часов. Будьте готовы!»*

К чему? Чтобы не заснул? Или не отправился на вечерний моцион к морю?

Следующим посетителем был Заварзин. Прежде всего поинтересовавшись, нельзя ли ему получить обратно бинокль, начальник личной охраны подтвердил упомянутую в записке аудиенцию. И попросил:

— Умоляю, ваше высокопревосходительство: не злоупотребляйте временем государя! Он и так работает до трех часов ночи, а рано утром намерен опробовать новые блесны. Это означает, что он велит разбудить его не позже 6 часов утра.

Зволянский пожал плечами: здесь все зависело отнюдь не от него. Но спорить не стал — тем более что Заварзин, глянув на часы, сделал широкий жест рукой в сторону Малого дворца.

— Прошу!

— Сейчас? Но еще без четверти девять! Удобно ли?

Заварзин только усмехнулся.

Вслед за ним Зволянский проследовал в Малый дворец. Перед рабочим кабинетом императора начальник личной охраны остановился. Постучал в дверь и исчез за ней.

Появился он буквально через минуту и распахнул дверь:

— Прошу! Его величество ожидает вас!

Перекрестившись, Зволянский сделал три шага вперед, щелкнул по-военному каблуками и наклонил голову:

— Желаю здравствовать, ваше величество!

Как раз в этот момент его величество тяжело сморкнулся в и без того окровавленный платок, звучно шмыгнул носом и только потом заговорил:

— Здравствовать желаешь? Ну-ну! Видишь, какое тут здравие: за пером наклонился — и кровь опять носом пошла... Но раз желаешь — тогда и ты здравствуй, Зволянский! Чего примчался? Что стряслось в Петербурге такое, чего нельзя было через фельдъегеря передать?

Говорил император хрипло, делая между фразами длинные паузы, все время рассматривая окровавленный платок, словно размышляя и прикидывая — сморкнуться еще раз или все-таки неудобно?

Письменный стол императора стоял боком к входной двери. Александр сидел, далеко отставив в сторону левую ногу. Только сейчас Зволянский обратил внимание на то, что ноги у Александра сильно распухли — так, что голенища сапог глубоко врезались в икры. Обратил он внимание и на изменившееся лицо государя — землисто-желтого цвета, отекшее. Одни глаза были прежними — строгими и добрыми одновременно.

— А меня, вишь, кефирами отпаивают! — продолжил монолог Александр, кивнув на круглый столик, на котором стояли два глиняных кувшина. — С разных ферм, говорят! Маша отпаивает, а министры «откармливают». — Государь показал рукой на письменный стол, заваленный кипами бумаг и пакетов.

Переведя неприязненный взгляд с бумаг на кувшины, Александр вдруг оживился:

— Зволянский, а ты кефира с царских ферм не желаешь ли?

— Благодарю, ваше величество! — попробовал отказаться Зволянский, не сразу сообразив, в чем тут дело.

— Маша! — рявкнул вдруг Александр командирским голосом. — Не по-русски получается: одни едят, а другие глядят! Господину директору полиции кефира, скажи, пусть принесут!

Только сейчас Зволянский приметил вторую дверь, полуприкрытую тяжелыми шторами. Оттуда, из смежной комнаты, послышалось:

— Сейчас я распоряжусь, Саша!

— Да скажи поварским, чтобы с дальней фермы непременно принесли! Там погуще, по-моему! — И император весело подмигнул Зволянскому. — Ну а ты, пока несут, рассказывай — чего вдруг службу бросил и сюда примчался?

Зволянский начал излагать продуманную версию своего неожиданного визита — про плановую инспекционную поездку в Москву, во время которой было обнаружено злоупотребление начальника Московского охранного отделения Бердяева, которое тот попытался прикрыть раскрытым им заговором «талмудистов».

В этом месте его рассказ был прерван появлением поваров с царской кухни, торжественно внесших в кабинет два подноса с кувшинами. Не вставая с места, Александр протянул руку и взял с одного из подносов кувшин. Поставил его рядом с бумагами на стол и тут же прикрыл горло кувшина какой-то бумагой.

— Спасибо, братцы! Уважили и меня, и гостя! Ступайте пока... Значит, говоришь, Бердяев проворовался? Экая скотина, прости господи! И много ли вскрылось?

Не переставая говорить, Александр схватил со стола кувшин и осушил около половины крупными глотками. Прикрыв остатки той же казенной бумагой, выудил из стола краюху ржаного хлеба, с наслаждением понюхал и откусил немалый кус. Прожевывая, он выразительно показал глазами поочередно на оставшиеся кувшины и на диван, стоящий поодаль от рабочего стола. Садись, мол, и пей свой кефир!

— На сегодняшний день вскрыто 45 тысяч казенных средств, в которых господин Бердяев не может отчитаться. — Выговорив это, Зволянский присел на диван и, напрасно поискав глазами стаканы или кружки, деликатно отпил немного прямо из горлышка.

— Да ты стаканы-то не ищи, у нас тут запросто, по-домашнему! — Александр, наконец, отдышался после «кефира с дальней фермы». Оглянувшись на дверь и подумав, видимо, о могущей заподозрить неладное супруге, он покачал головой и, возвысив голос, распорядился: — Непривычен наш гость, Маша, из кувшинов-то хлебать. Вели стакан подать, или кружку...

— Не стоит беспокойства, ваше величество!

Император махнул рукой: пустое, мол, какое тут беспокойство!

— Значит, проворовался отчаянный ротмистр, — констатировал он. — Ну и что за необходимость лично-то докладывать,

я что-то не пойму? Отлучить от должности, следствие учинить! Заставить вернуть покражу, под суд паразита — что, твоей власти на это не хватит, Зволянский? Что-то ты не договариваешь, вижу! А?

— Все дело в том, государь, чем прикрыться господин Бердяев удумал! — решился Зволянский, подавая пакет. — Не менее чем «талмудистским» заговором и злоумышлением на вашу персону!

— Эко, сколько написал-то! — Александр взвесил на ладони тяжелый пакет, перевел глаза на кипу бумаг, прогибающих стол. — Мало мне этой писанины... На словах скажи, коротко только.

В кабинет вошла императрица, лично принесла гостю хрустальную кружку. Проходя мимо Александра, ласково, по-домашнему, провела рукой по волосам супруга. И ушла, бросив благодарный взгляд на директора Департамента полиции.

Дождавшись ее ухода, Зволянский продолжил:

— Ежели совсем коротко, то господин Бердяев, опираясь на древние документы, обвиняет господина Захарьина в принадлежности к тайному обществу обиженных вашим величеством евреев и полагает его избранным мстителем...

— Ловок, шельма! — хохотнул Александр, оглядываясь на дверь в смежное помещение и снова припадая к заветному кувшину. Донюхал, дожевал ржаную краюху, жестом приказал Зволянскому забрать пустой кувшин, посоветовал: — Ты долей-ка из своего, все одно пить не станешь — а визгу меньше будет!

Помолчав, император вынес свой вердикт:

— Не любил еврейское племя, не люблю, и никто не заставит меня полюбить оное! Россия — для русских, это для меня — главное. Что Захарьин по матери еврей — знаю. Докладывали уже... Так ведь еврей еврею рознь! Один — ростовщик, другой — доктор, больных исцеляющий... Вот ему я верю! А потом — кроме него, вокруг моей персоны столько докторов вьется! Ерунда все это, Зволянский. Дети — вот главное, — неожиданно завершил Александр.

Помолчав, он поднял на посетителя ясные и очень грустные глаза. Задал неожиданный вопрос:

— Свои-то детки есть, Зволянский?

— Трое дочерей, ваше величество.

— Взрослые, поди?

— Никак нет, ваше величество: старшей, Ниночке, только 12 годков...

— Маленькие детки — небольшие бедки, — задумчиво пробормотал Александр. — А вот я, брат, наследника своего, Николая, нынче же обженить должен! Пока сам живой еще...

— Ну что вы, ваше величество! Вы скоро поправитесь, и...

— Молчи, Зволянский, не ври! Недолго уж мне осталось, чувствую. Потому и поторопил сватовство наследника. Мечтал, честно тебе признаюсь, на англицкой принцессе его поженить, на Ольге. Но куда там! Влюбился без памяти в Аликс свою, Гессенскую и слышать больше ни о ком не хочет! Помчался весной к ней на «Полярной звезде» свататься. А она же лютеранка, Аликс-то! Отказала в первый раз Николаю моему, не сочла возможным веру переменить. Ну, думаю, услыхал Бог мои молитвы. Ан нет! Согласилась все-таки. Вот, примчалась...

Александр достал из ящика стола две коробочки, обшитые бархатом, вынул из них долгожданные блесны от Фаберже, подержал в руках и небрежно, без коробок, бросил снова в ящик.

— Приехала, — продолжил он. — Примчалась! А с чего ей отказываться-то от такой партии? Короны — не пуговицы, на земле не валяются...*

— Может, не стоит расстраиваться так, ваше величество? — набравшись смелости, счел возможным утешить императора Зволянский. — Если политической партии сопутствует любовь, разве это плохо?

— Помолчи, Зволянский! Любовь! Любовь любовью, а не знаешь ты того, что я знаю!

---

* Дословная реакция Александра III на приезд невесты наследника Николая.

Александр с тоской поглядел на то место на столе, где стоял заветный кувшин с «дальней фермы», вздохнул:

— Не знаешь ты, Зволянский, хоть и директор Департамента полиции, того, что семья избранницы моего Николая, как и весь гессенский род, несет на себе тяжкое проклятие тяжелой наследственной болезни... Как ее — гемофилия... вот! И что все больные гемофилией страдают повышенной кровоточивостью. Несворачиваемость крови, по-русски если сказать. А главная гадость-то в том, что болезнь сия наследственная. И передается по женской линии, однако отражается только на мужском потомстве*. Знаешь, что это означает, Зволянский? Что у моих внуков мужского рода даже царапина или вырванный зуб могут вызвать неостановимое кровотечение, грозящее смертью!

Потрясенный Зволянский молчал, не зная, что и сказать.

Александр же, словно жалея о сказанном, откашлялся, развернулся к столу и придвинул поближе первую кипу бумаг.

— Поезжай с Богом, Зволянский! За службу спасибо — поезжай, храни тебя Бог! Думаю, не свидимся более — прощай!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Медников собрал четырех лучших своих филеров — трех москвичей, привезенных с собой из Москвы, и одного местного, весьма смекалистого. Расстелил на столе крупномасштабную карту Санкт-Петербурга, нашел и обвел красным кружком особняк полковника Архипова.

— Вот вам задание особой важности, господа хорошие. Надо найти в этом околотке магазин, где торгуют табаком. Причем не только простым, но и ароматизированным. Я не знаток, но, полагаю, трубочным, дорогим. Есть подсказочка: ходу до этого магазина от обозначенного на карте дома — не более десяти минут быстрым шагом!

* Исторический факт, нашедший полное подтверждение, когда у Николая II родился наследник престола цесаревич Алексей.

— И только-то? — насмешливо фыркнул один из москвичей. — На таком задании, Евстратий Павлович, наградных не заработаешь!

— А вот это как сказать, Петюня, — покачал головой Медников. — Смотря как искать станешь и что найдешь, окромя этого магазина.

— Давай, выкладывай все как есть, Палыч! — по-серьезному вмешался питерский филер.

— Дело вот какое: в шесть пятнадцать утра из этого дома вышел человек в коричневом плаще с капюшоном, какие католические особы священного звания обычно носят. Вернулся в дом этот человек через двадцать минут, в шесть тридцать пять утра. Двадцать минут он отсутствовал — это по десять туда и обратно, потому как бегать в такую рань несподручно: те же дворники обязательно заметят, а то и засвистят. А внимание привлекать этому человеку к себе, полагаю, нежелательно было. Так что собирайтесь, братцы, и вперед! На дежурных пролетках до означенного дома доедем, а там разбежимся.

Перед тем как филерам разойтись, Медников еще раз напутствовал их:

— Всех дворников окрест опрашивать! Дело было позавчера утром, фигура в коричневом плаще — приметная. Кроме того, в шесть часов у дворников рабочий день начинается. Думаю, что найдем, и маршрут отследим. Договаривайтесь, кто в какую сторону пойдет. В лавках и магазинах — боже упаси спрашивать про фигуру в плаще! Сбор — время вам с лихвою даю — через час, в трактире Никодимыча. Я на карте вам его показывал. Ну, с Богом, робяты!

Через час все пятеро, включая начальника, были в трактире. Достав свою знаменитую записную книжку, Медников по очереди записал донесения каждого из филеров. Потом, прицыкнув, чтобы молчали, долго составлял в той же книжке то ли схему, то ли список.

Филеры нервно позевывали, ловя ноздрями сивушные ароматы, витавшие в трактире, с завистью поглядывали на свободных людей, легко звякающих штофами и полуштофами.

Однако при начальнике-старовере, который не пил и не курил, про «заслуженный расслабон» никто и не помышлял.

Медников наконец закончил писать, сумрачно оглядел свое «воинство» и заговорил:

— Молодцом, робяты, поработали! Выношу пока устную благодарность — потому как основная работа еще впереди. Итак, что же у нас получается: «плащ» вышел из дому в шесть пятнадцать, повернул налево и быстрым шагом направился в сторону Фонтанки. На этом маршруте его приметили два дворника. Время — совпадает. Дальше «плащ» повернул в сторону проспекта, а там, язви его в душу, сразу четыре лавки подряд, где табак можно купить! Плюс аптека Френкеля, где на европейский манер продают не только лекарства, но и духи, кельнскую воду и прочую дребедень — включая и трубочный табак в голландских кисетах. И вот тут у нас, братцы, казус выходит: лавки открываются в восемь утра, а одна и вовсе в девять. Аптека, по закону, должна работать круглосуточно, но там-то «зелье» в кисетах продают! Бочкового нету! А табаком этим полы плаща более всего пахнут! А что касаемо времени, так от всех пяти точек до дома полковника можно за десять минут дойти, тут все сходится.

Филеры, насупившись, молчали.

— Ну, у кого какие соображения будут, робяты? — с надеждой спросил Медников.

— А плащ тот насчет карманов проверил, Евстратий Палыч? — спросил Петюня. — Ежели наш «католик» в аптеке табачок прикупил и куда-то в карман «заныкал»?

— Проверял, братцы: нету там карманов. Были бы — в первую голову их обнюхал, не первый день на свете живу! — махнул рукой Медников.

— Одно соображение тогда остается, Палыч: кто-то из лавочников ждал в это время нашего «католика».

— А больше, пожалуй, ничего и не остается, — мрачно резюмировал Медников. — Как мне мыслится, от агента его хозяева вестей ждали. Вот человек в коричневом плаще спозаранку и вышел из дома, чтобы записочку или письмецо оставить. Упредить, стало быть, кого следует о грядущем мероприятии.

— Каком? — сорвалось у питерского филера.

— А вот этого, братцы, вам пока знать не надобно, — строго пресек его Медников. — Одно могу сказать: важное было мероприятие. И ежели бы я время его проведения на сутки вперед не перенес — всяко могло кончиться. Даже и смертоубийством!

— Дела... — вздохнул кто-то. — И что теперь делать?

— Как что? Работать! — невесело усмехнулся Медников. — С налету не получилось — стараться придется, время тратить! Пойду сейчас в околоток, поспрошаю насчет дворников, которые в домах близко от лавок живут. Полномочиев у меня, слава богу, хватит — придется, братцы, нам этих дворников заменять. И наблюдать за лавками этими круглосуточно, язви их!

— Тю-ю! — присвистнул Петюня. — Выходит, ждать, пока «плащ» новое письмо понесет? А когда понесет-то? Так и год можно метлой отмахать, и больше его не увидеть!

— Не скули! Тот «плащ» не сегодня-завтра из города Петербурга съедет, в гостях он тут, у полковника. Мыслится мне, что случайно та одежка была использована — просто под руку попала. А одна из этих лавок используется как «почтовый ящик». Туда наш человечек из дома Архипова время от времени записки относит. Вот и думайте: раз «почта» поступает, значит, кто-то и забирать ее должен! Как по-вашему, робяты?

— Как же иначе, Палыч! Ясно дело!

— Стало быть, наше наблюдение за «почтовым ящиком» поможет нам не только человека из дома полковника выследить, но и «почтальона»! Да, вот еще что сделать надобно! Вот вам, робяты, по рублику на расходы — обойдите те четыре лавки и купите ароматизированного табаку всех сортов, какие только есть. Прежде всего — бочкового. Только вместе, в одном кармане, не носите, чтобы запах не путался! А я весь ваш «улов» перенюхаю — вдруг сразу узнаю! Ну что, пошли?

На прощанье Медников подмигнул:

— А письмишко я постараюсь организовать. И как можно быстрее. Но прежде в околоток идти надо, наблюдение организовывать!

* * *

— Известия от господина Зволянского? — переспросил Архипов, глядя на визитера непонятным взглядом. — Хотя — да, ты же его доверенное, так сказать, лицо! Есть известие, прислал он служебную депешу в местную «охранку» сегодня ночью. На мой адрес не стал посылать, чтобы внимания лишнего не привлекать — а господина Вельбицкого, видимо, предупредил. Прислал тот утром записочку, что директор уже выехал из Ливадии, сегодня предполагает быть в Первопрестольной, а завтра, бог даст, и здесь будет.

— Завтра, завтра, — пробормотал Медников. — Ну, с учетом отсутствия господина директора в городе Петербурге в течение нескольких суток своих дел у него накопилось великое множество. Так что завтра он у вас может и не появиться. А времечко-то не ждет-с, ваше высокоблагородие! «Подсадного» вашего вычислить давно следовало, а послезавтра, глядишь, и поздно будет! Поэтому, ваш-бродь, вопросец у меня к вам есть, а там, глядишь, и просьба великая образуется.

— Евстратий, ты меня совсем запутал. Говори толком: что от меня требуется? — При упоминании о том, что в доме засел неприятельский агент, у Архипова испортилось настроение.

— Не планируете ли вы, ваш-бродь, на ближайшее время какую-либо важную акцию с участием господина Агасфера?

— Ну, знаешь, Медников, ты уже, гляжу, совсем в Генштаб нацелился! — сердито оборвал главного филера полковник. — Все тебе на блюдечке выложи! Не много на себя берешь, пользуясь доверием господина Зволянского?

— Ваше высокоблагородие, господин полковник! Не извольте серчать, — заторопился Медников. — Мне ведь ваши тайны ни к чему, наше дело мужицкое, на подхвате стоим!

А про акцию я спросил единственно потому, что очень уж хочется «подсадного» на свет божий выманить!

— И не тебе одному! — остывая, буркнул Архипов. — Ты дело давай излагай!

— Так я уже и вопросец задал: не затевается ли чего «громкого»? Что именно, мне знать и не обязательно!

— Затевается. Господин Агасфер в Европу поехать должен этак примерно через неделю. Вот ждем возвращения господина Зволянского, чтобы детали обговорить...

— Ага! Ага! И поедет он, я полагаю, не под своим именем?

— Разумеется, нет! — Архипов и не собирался «вываливать» филеру секрет о том, что едет Агасфер под именем старшего адъютанта Главной Императорской квартиры Полонского.

— Ага! Ага! — Глаза у Медникова заблестели. — И все ваши люди, полагаю, про ту поездку знают! Так ведь? Вот что я вас попрошу, ваше высокоблагородие, в таком разе: придумайте что-нибудь экстраординарное для этой поездки. Что нибудь такое, что может крайне заинтересовать господина фон Люциуса! Неважно что — ну, допустим, что повезет Агасфер с собой некий архиважный документ. Или должна у него состояться неожиданная встреча с кем-то! И сообщите об этом всем не позднее завтрашнего дня. А лучше, так и сегодня — так, чтобы все вхожие в ваш дом про новый «секрет» узнали! А как сообщите всем эту новость — так первому мне шепните, чтобы мои люди наготове были!

— На «живца» хотите ловить? — догадался полковник. — А если у вашего «подсадного» другой канал связи? И как именно я тебе должен «шепнуть»?

— С последним проще простого: телефонируйте господину Вельбицкому и попросите передать мне условную фразу — ерунду какую-нибудь. Скажем: прошу срочно передать Медникову, что аббат уехал расстроенный. Он ведь уехал?

Архипов фыркнул:

— Он действительно уехал нынче утром. И уехал расстроенный: что-то там на конференции не так, как он планировал, пошло.

— Ну а насчет иного канала связи — ну что ж... Не получится по моей задумке — будем искать этот иной канал...

— Все-таки в голове не укладывается, — пробормотал Архипов, донельзя расстроенный своим участием в навязанной этим мужланом «шпионской игре». — Ты только подумай, Евстратий: среди кого «подставного» ищем? Директор Департамента полиции, товарищ прокурора, военный министр, генерал, участник войн...

— Думаю, мы все удивимся, когда «подсадного» определим! — мрачно предрек Медников и взялся за шапку. — Так я могу надеяться, ваш-бродь?

* * *

— Есть! Вышел, голубчик! — придушенно прохрипел филер, одетый по-мужицки. — Ты не уснул там часом, Проша? Хорошо ты устроился! В следующий раз я под щиты заберусь, а ты катать меня станешь!

Филер подхватил рукоятки двухколесной тачки, на который были «домиком» водружены плакаты с призывной надписью: «Цирк из Европы! Потрясающее представление в двух отделениях! Буфет входит в стоимость билета» и с натугой покатил свое сооружение по брусчатке.

— Уснешь тут! Ты, идол, всю душу вытрясешь — не мог тележку на «дутиках» попросить, что ли?! — донеслось из-под щитов. — Кто вышел-то? Офицерик?

— Он самый!

— Ну, кати следом!

«Мужик» покатил дребезжащую тележку, время от времени выкрикивая призывные фразы насчет «умопомрачительного представления» с бесплатным буфетом. Докатив ее до трактира, он остановился. Оглянувшись влево, вправо, открыл защелку на одном из щитов и шепнул:

— Выходи скорее, что ли... Никого в улице нету, и офицерик в другую сторону глядит!

Второй филер с тихой руганью, держась за отбитые в поездке бока, выскользнул из-под щитов и небрежной походкой

направился следом за «объектом». В отличие от первого, он был одет под разбитного приказчика. И держался соответственно — как человек, вырвавшийся на волю от зловредного купчины: хоть часок, да мой!

Офицер, за которым они следили, шел спокойной походкой человека, уверенного в себе. Не оглядывался, не останавливался у зеркальных витрин магазинов, не нырял за углы или в подворотни.

«Приказчик» ускорил шаги, стараясь держаться к «объекту» поближе: табачные лавки, попавшие под подозрения старшего филера Медникова, были совсем недалеко.

Миновав первую, офицер завернул под вывеску другой, мимоходом сунув в щель почтового ящика узкий конверт.

Филер прикусил губу: ящик был «внутренний», такой не сорвешь! Он оглянулся: напротив лавки степенно беседовал с дворником третий филер из команды Медникова. Заметив призывно-растерянный взгляд товарища, он в несколько шагов пересек улицу, восторженно, будто сто лет не видел, обнял:

— Прошка, пропащая твоя душа! Ты куда исчез-то после гульбы? Не «замели» тогда часом «фараоны»?

— Дык куды ж я денусь? — оглянувшись, Прошка шепотом добавил: — Он письмо в ящик бросил, конверт какой-то...

— Видел! — сквозь зубы буркнул третий. — Ты иди в лавку-то, погляди, что и как, а я следом.

В лавке приказчик суетился возле военного клиента — заворачивал в вощеную бумагу несколько коробок сигар.

— Как всегда — высший сорт, ваш-бродь!

Посвистывая, Прошка окинул взглядом помещение, обратив особое внимание на дверь, рядом с которой светилась в полутьме щель для почтовой корреспонденции. Вокруг щели изнутри были набиты несколько дощечек — и впрямь ящик, только без крышки. Виднелся и конверт, брошенный офицером. Схватить — и бегом, подумал было Прошка. Вошедший в лавку третий филер догадался по тоскливым прошкиным глазам о его желании и отрицательно покачал головой.

Тем временем офицер, расплатившись за сигары, взял свой перевязанный ленточкой пакет и, буркнув: «Спасибо, любезный!», направился к выходу.

Приказчик тут же стер с лица угодливую улыбку и холодно осведомился:

— А вы, робяты, чего тут забыли? У нас табак дорогой, господский! Махру в соседней лавке продают!

— Да мы это... Спросить только, — начал Прошка. — Нет ли работенки какой? Ящики, скажем, перетащить, погреб почистить...

— А отхожее место в порядок привесть можешь? — оживился приказчик. — Одно у нас оно с соседом, в этом месяце моя очередь чистить. А неохота, вонько уж больно!

— Ишь ты, «вонько» ему! — вступил в полемику третий филер. — А у других людев, значить, носов нету? «Золотую роту» пусть хозяин вызывает, оне и чистют сортиры!.. А кто у тебя хозяин-то?

— Известно кто: Медведев Антон Родионович. На вывеске не читал, что ли?

— Вот пусть твой Медведев и чистит свои сортиры!

Филеры с оскорбленным видом вышли из лавки.

— Прошка, ты давай за офицериком следом дуй: как бы он еще чего по дороге не выкинул. А я — звонить по начальству, в аптеку.

Предъявив аптекарскому помощнику полицейский жетон, филер телефонировал в дежурное отделение «охранки», иносказательно сообщил о результатах наблюдения.

Когда Медникову доложили о звонке, тот как раз заканчивал самодеятельную «экспертизу»: разложив на столе помеченные кульки с образцами табака, прихваченного днем ранее его филерами из всех подозрительных лавок, морщась и отплевываясь, он по очереди обнюхивал каждый. Запах двух сортов напомнил ему тот, что сохранился на плаще неизвестного утреннего ходока. Сверив пометки на кульке с полученной по телефону информацией — лавка совпала! — Медников от удовольствия заерзал на стуле:

— Ну, вот и попался, голубок!

Сожалея о том, что без Зволянского полномочий на работу с «голубком» он не имеет, Медников решил, пока есть время, разобраться с громилами. Пригладив волосы, он поднялся из полуподвала «охранки», где его команде был выделен «угол», в присутствие Вельбицкого. Порученец, получивший указания насчет особого статуса филера из Москвы, с кислой миной доложил о посетителе начальнику. И, столь же кисло улыбаясь, встал в распахнутой двери, всем своим видом выражая неодобрение:

— Просют вас, как вас там звать-величать...

Вельбицкий был умнее и свое неудовольствие постарался скрыть под саркастической маской:

— Ну-с, что еще возникло, господин Медников? Есть проблемы?

— Да не то чтобы проблемы, ваше превосходительство... Напомнить хотел о громилах из «Эльдориума», которых я просил взять из гостиницы и доставить в Казанскую часть.

— Сие сделано, любезнейший! — процедил Вельбицкий. — Хотя должен вам заметить, что с точки зрения закона сделать это было не просто. Эта шваль ничего не нарушала и...

— Вот спасибочки! — не дав Вельбицкому закончить, затараторил Медников. — Так я сейчас туда подъехать хотел. А поскольку с начальником «Казанки» чести знакомства не имею, покорнейше просил бы ваше превосходительство телефонировать туда насчет меня. И о помощи, мне потребной...

Вельбицкий демонстративно придвинул под нос бумаги и совсем уже раздраженно поинтересовался:

— Помощники по мордобою штатные нужны? Все-то вы знаете, господин Медников! Езжайте, я распоряжусь!

В Казанской полицейской части, в отличие от охранки, Медникова встретили с подобострастием. Дежурный надзиратель даже отобедать предложил, сдернув с доставленного из ближайшего трактира подноса захватанную газету. Не вдохновившись украшающим поднос полуштофом, Медников кривиться не стал, как и бить себя в грудь насчет своего старообрядства и неприятия всяческих «возлияний».

— Попозже, господин начальник! — улыбнулся он. — Мне бы Фролика и иже с ним доставленных повидать... И чтобы ваши мордовороты наготове были...

— Э... не знаю, простите, как и обращаться к вам! — засуетился начальник. — Прям счас и прикажете э... «поработать»?

— Да, безотлагательно!

— Как прикажете! Эй, Гриню с Гаврей покличьте, кто там есть! Прошу, господин э... хороший! Следуйте за мной!

Покинув дежурную часть, начальник с гостем отперли дверь длинного коридора, по обеим сторонам которого были симметрично расположены зарешеченные двери камер временного содержания. У двери с номером шесть начальник задержался, поджидая топавших за ними двух здоровенных мужиков в черной форме полицейских внутренней службы, несших с собой тазик и кожаные фартуки.

— Здеся они, голубки! — отчего-то шепотом сообщил он. — Всех вместе «учить» станете, али по одному?

— Всех! — распорядился Медников. — Сейчас, как зайдем, прикажите связать всех троих, да кляпы в пасти засунуть, чтобы не очень шумно было! Открывайте!

Начальник сделал знак коридорному надзирателю, и тот, погремев ключами, распахнул дверь.

Фролик с товарищами шлепали по нарам самодельными картами. При виде вошедшей «комиссии» они, не слишком спеша, собрали карты, встали.

— Связать всех! Ну, вы! Мордами к стене! — распорядился начальник.

— Напрасно вы этак-то с порядочными людьми! — попробовал протестовать Фролик, однако быстро умолк, приметив известных здесь Гриню с Гаврей и принесенные ими предметы. — А энти убивцы здеся зачем? Чисто за нами, начальник!

— Вот те крест — чисто! — поддержал его второй громила. — Сидели себе тихо в гостинице, службу исполняли...

Однако надзиратели, не слушая возражений, ловко связали всем троим руки мокрыми веревками, повернули спиной к стене и засунули во рты арестованных кляпы из грязных тряпок.

— Внимание, сволочи! — похлопал в ладоши Медников, выходя на середину камеры. — Сейчас вас будут учить за недавнее преследование нашего человека. За инвалидом ведь, свиньи, бегали! С палками, с цепями... А ежели б догнали? А ежели бы он споткнулся, к примеру?! Забили бы ведь насмерть, сволочи! Как вас там — Гриня, Гавря! Поучите-ка молодцов! Но морды пока не трогать!

Гриня и Гавря подвязали фартуки, надели на руки тяжелые кожаные рукавицы с нашитыми медными полосками и принялись «учить».

Били деловито, беззлобно — сначала руками, потом, когда жертвы свалились на грязный заплеванный пол — пустили в ход ноги в тяжелых сапогах. Медников, не обращая внимания на экзекуцию, присел на нары, листал свою записную книжку, разве что морщился при особо звучных ударах. Надзиратели, привыкшие к таким «сценам», обменивались короткими репликами.

— Так что двое из сознания выскочили, — доложили, наконец, Медникову. — Один рвотиной захлебывается. Прикажете продолжать?

— Хватит, хватит! Вам дай волю! — покосился на корчащихся на полу громил главный филер. — Воды по ведру на каждого! Развязать, кляпы вынуть, усадить. В чуйства привести, чтобы людской речи внимать могли!

Когда его команда была исполнена, он спрятал записную книжку, стал над стонущими громилами и по-серьезному спросил:

— Ну как, сволочи, усвоили урок?

— Усвоили, ваш-бродь! Усвоили! — заголосили громилы.

— Так это еще не все! — неласково усмехнулся Медников. — Это, робяты, присказка! Это чтобы вы, увидев на улице моего человечка без руки, в другую сторону бегом бежали! Понятно?

— Все поняли, ваш-бродь! И в гостиницу не вернемся, будь она неладна!

— Можете и возвертаться, моего тут дела нет! — отрезал Медников. — Пока, говорю, учеба была! А сейчас за вас

Гриня с Гаврей всерьез возьмутся, зубы вышибать станут. Но не просто так, а за неправильные ответы! Все понятно?

— Как на духу, ваш-бродь! Что знаем — обскажем!

Помедлив, Медников показал лежащим фотографическую карточку кабинетного формата.

— Знаете этого офицера?

Со страхом поглядывая на изготовившихся к продолжению экзекуции мордоворотов, громилы все же отрицательно помотали головами:

— Не бей, ваш-бродь! Не знаем такого!

— Не знаете? А ежели сейчас заведу энтого офицерика сюда и он все расскажет?

— Да хоть кого заводи, ваш-бродь! Знать не знаем!

— Ладно, оставим пока, — решил отступить Медников. — А к Полли-Полячеку как на службу попали? К немчуре энтому? Вот ты говори! — Медников повернулся к Фролику.

— Как Бог свят! — зачастил тот. — Я ведь сперва и не понял, что он немец-то! Чисто по-русски балакает! Сидим как-то в трактире с корешами, подходит господинчик такой шустрый. Два штофа выставил, говядинки на закуску приказал принести. На «фараона» не похож. Побалакали, он мне бумажку с адресом сует: есть, мол, работенка непыльная. Надумаешь — приходи, мол! Условие только одно, говорит: если на меня станешь работать — со своими делами темными кончать придется! Пачпорт чистый обещал предоставить — чтобы «фараоны» не придирались. Ну я и пошел назавтра в гостиницу. Вот тут он мне и сказал, что сам — немец, в газетах пишет. А нужен ему человек для охраны, потому как по службе своей газетной приходится ему во всякие места ходить, в том числе и опасные.

— И ты согласился?

— А как тут не согласишься? Ты мне, что ли, ваш-бродь, пачпорт чистый дашь? И работенка, видать, приличная, и номер в гостинице с «шамовкой» забесплатные. Пошел, конечно! Потом уже, как присмотрелся он ко мне, поручил двух помощников найти. Чтобы безвылазно, значить, в гостинице со мной сидели. И номер его, помимо всего протчего, охраняли. Провода показал, кои к звонку в моем номере шли от евонного. А чем не служба, ваш-бродь? Это не в подворотне с кистенем стоять!

— Ладно, молчи!

Подумав, Медников дал знак дежурному надзирателю, и «комиссия», к великому облегчению громил, покинула камеру.

— И что с этой «грязью» делать прикажете? — осведомился надзиратель.

— Денька два подержите их еще — вдруг понадобятся? А потом оформляй как беспаспортных и не имеющих право на жительство в столице, и ближним этапом да по Владимирскому тракту, на поселение куды-нибудь, подалее от столицы.

— Слушаюсь, ваш-бродь. Только ведь сбегут с этапа либо с поселения — я ж энту публику досконально знаю! Глядишь, месяца через три заново в Петербурге объявятся!

— Ну, тогда новый разговор с ними будет! — усмехнулся Медников. Вторично отказавшись от предложения перекусить, он забрался в экипаж дежурного извозчика и велел везти его к дому полковника Архипова.

Ехал к нему старший филер с тяжелым сердцем: полковнику предстояло узнать о личности «подсадного», пригретого им на своей груди довольно давно. И от кого узнать! Полковник, еще недавно служивший в Главном штабе, якшается, по сути дела, с мужланом. И от него же узнает крайне неприятные новости о своем брате — офицере, «белой косточке»! Нет, поверить, конечно, поверит — с фактами не поспоришь. А вот согласится ли «полкаш» на оперативное предложение относительно «подсадного» — это вопрос еще тот! Возмутится, оскорбится, с гордостью укажет «подсадному» на дверь, и ищи-свищи потом его! Разбирайся — как сумел в дом попасть, что успел врагам передать, какие каналы связи использовал...

Но делать было нечего. Отпустив извозчика, Медников покрутил ручку звонка в швейцарскую. Встретивший его Трофим нахмурился, подобно хозяину, потом, вспомнив про свою экзекуцию с бородой, поспешно отступил на пару шагов. Освободив путь, без особого почтения доложил:

— Господин полковник в мастерских, занят оченно. Доложить?

— А кто еще в доме? — на всякий случай поинтересовался Медников.

— Господин ротмистр Лавров, Владимир Николаевич, рано утром изволили прибыть. С мадьярским дворянином Ковачем в саду пребывают нынче. Его высокопревосходительство генерал от инфатерии Куропаткин обещали к обеду непременно быть...

— Лавров-то мне, пожалуй, и нужен! — обрадовался Медников. — И господин Агасфер лишним при нашем разговоре не будет. Ты меня не провожай, Трофим, сам найду в сад дорогу. Да, кстати, а ротмистр Терентьев что — дома?

— Утресь видал его — ходил тут, посвистывал. Но вот часа два не видать, не слыхать! Дык как же определишь тут — кто в доме, ежели у своих у всех ключи имеются! Прикажете узнать?

— Нет-нет, не надо! — как можно небрежнее махнул рукой Медников. — Я так просто спросил...

Пройдя через дом, он вышел в садик и сразу же увидел тех, кого искал — Лаврова и Агасфера. Ротмистр сидел на скамеечке, а Агасфер рядом пересаживал небольшое деревце. Сняв шапку, Медников направился к ним, удивляясь про себя ловкости, с каковой калека орудовал небольшой лопатой.

— Здравия желаем, господа офицеры! — поклонился, не доходя нескольких шагов, старший филер.

— А-а, Медников! Наше всевидящее око прибыло! — необидно пошутил Лавров. — Ну, садись, садись, рассказывай о своих достижениях.

— Ничего, мы и постоим, — поскромничал филер, но на край скамейки все же присел, степенно откашлялся. — Достижения имеются. И, на мой взгляд, довольно серьезные. Господину полковнику прямо не лежала душа докладывать — слава богу, Трофим про вас сказал!

— Ну, не томи душу, Евстратий Павлович, — посерьезнел Лавров. — По глазам вижу — что-то серьезное принес.

— Не без этого! — с гордостью согласился Медников. — Похоже, «подсадного» нашего удалось определить.

— Вот это да! Так это не новость — сенсация прямо! Господин Агасфер, бросайте-ка вы ваши садовые упражнения, давайте поближе. Ну, Евстратий, — кто?

— Помощник господина полковника, ротмистр Терентьев, ваше высокоблагородие...

— Так я и думал! Ну, подробности давай, Евстратий! Подробности!

Медников, усевшись поудобнее, принялся рассказывать — как уговорил полковника сообщить всем «липовую» новость относительно уезжающего в Европу Агасфера. Как силами своего филерского отряда взял дом под плотное наблюдение — отметив, что наблюдение было сохранено и в непосредственной близости от подозрительных табачных лавочек. Рассказал про Терентьева, вышедшего утром из дома и направившегося обычным своим маршрутом к табачным лавкам и бросившего конверт без адреса и имени в почтовый ящик одной из лавок. Там же Терентьевым было куплено несколько коробок сигар, после чего он вернулся в дом господина полковника.

— А откуда ты знаешь, что на конверте не было ни адреса, ни имени? — поинтересовался Лавров.

— Как откуда? Мои робяты следом в лавку вошли. Пока один лавочнику зубы заговаривал, второй, грешным делом, хотел тот конверт спереть, либо подменить — но Бог удержал, как говорится. Фамилия лавочника известна, наблюдение за ним оставлено.

— Все у тебя?

— Не все! — признался Медников.

И рассказал, как показал фотографическую карточку Терентьева посаженным в «кутузку» громилам, кои охраняли номер Полячека. Но те, несмотря на «изрядное физическое воздействие», личность на карточке не признали.

— Ну, он-то с ними никак не должен быть связан, — задумчиво пробормотал Лавров. — Связь со своими шефами

он поддерживает крайне осторожно. Скорее всего, «ведет» его у противника всего один агент — максимум двое... И уж, конечно, не бандиты! Впрочем, в нашем деле отрицательный результат тоже засчитывается. Молодцом, Евстратий! Вычислил-таки нашего «троянского коня»!

— Рад стараться, ваш-бродь!

— Ну, а то, что ты у лавки наблюдение оставил... Это, конечно, тоже хорошо, но, увы, мало что дает.

— Как это мало? — с легкой обидой шмыгнул носом Медников. — Там и извозчик наш круглосуточно дежурит, и пешие филеры в смену стараются.

— А что толку? — резонно возразил Лавров. — Зашел человек в лавку и вышел через минуту. Что он вынес в кармане? Конверт — не чемодан! Спрятал в карман, как пачку табаку — и поди, догадайся! Нет, брат, тут другой подход нужен.

— Есть и другой! — упорствовал Медников. — Взять за «жабры» хозяина лавки с приказчиком, «тряхнуть» как следует — и «поплывут» родимые! Вот вам и связь, ваше высокоблагородие!

— На крайний случай, конечно, годится. Но не сейчас — позже. Даже обязательно, но позже. И Терентьева «тряхнем» — в свое время!

Медников промолчал. Он не понимал — и молодец вроде, и работа проделана «без выхода», как говорится. Очень хотелось встать и уйти — пусть сами разбираются, ежели такие умные! Но он был профессиональным сыщиком, а до того «нюхнул» и солдатчины. Не понаслышке знал, что у старшего по званию, у офицера, и кругозор, и общее понимание ситуации, как правило, шире...

Потому и не ушел, а только спросил:

— Почему не сейчас-то?

Лаврову Медников очень нравился — сообразительностью, основательностью, какой-то мужицкой ухватистостью. Поэтому он не стал с ним «через губу» говорить, дистанцироваться высокомерным «не твое дело, мужик!» Когда рядовой исполнитель свою задачу понимает до конца — отдачи от него не в пример больше.

Лавров придвинулся к Медникову поближе, приобнял за плечи, легонько тряхнул:

— Нет, ты и вправду молодец, Евстратий Палыч! Потому и объясняю: нельзя в нашем деле напролом, как в окопах. Выследили твои «робяты» негодяя — честь им и хвала. «Почтовый ящик» определили и не спугнули при этом никого — опять хорошо. Но разведка, Евстратий, не играет по правилам: рубить — и все концы! Нужно попытаться, используя добытую тобой информацию, самому с противником «поиграть». Попользоваться тем, что противник еще не знает, что его поймали.

— Это как же?

— А вот как: возьмем мы, к примеру, хозяина табачной лавки — а если его «втемную» используют? Если он знать не знает, что служит передаточным звеном между агентом и резидентом? Пришел, допустим, к нему порядочный с виду господин и попросил: так и так, мол, любезный, есть у меня, кроме жены, подруга сердечная. И надо нам с этой подругой иногда записочками обмениваться — помоги, друг! А я тебе денежкой помогу... Почему не подсобить? Тем более и делать-то ничего не надо! Увидел в почтовом ящике своем письмецо без имени — и передал, кому следует. Или в аптеку сбегал, протелефонировал: письмо вам, господа хорошие!

— Ну, коли так...

— И с «подсадным» нашим, с Терентьевым: письма нету, кто его забрал — неизвестно. Заявит нахально, что даме сердца пишет — а чем обратное докажем? Слежку почует — сбежит. Тогда вообще не узнаем — кому, чего передать успел? А еще мне хочется знать, Евстратий, почему он вообще на такое пакостное дело пошел? Не из любопытства, боже упаси. Чтобы других терентьевых вовремя остановить, не дать им возможность на врага работать!

— Так что же мне теперь, ваше высокоблагородие, сымать наблюдение с лавки?

— Не снимать, а наоборот — усиливать. Только теперь уже, извини, не твоими «робятами». Твоя задача сейчас вот какая: непременно найти в доме напротив, желательно на первом этаже, комнату или квартиру, которую внаймы сдают. И чтобы из окон этой комнаты хорошо лавка была видна. «Почтальона» нам найти нужно, который письма от Терентьева забирает. И узнать — куда они попадают.

— А с Терентьевым как быть?

— А с ним и вовсе другие люди работать станут! Не твоего круга, извини! Нужно непременно узнать — чьей волею он в этот дом попал. На чем его поймали, за что купили?

— Ладно. Я ведь не на «свой круг» обижаюсь, господин ротмистр! — Медников встал, выбил об колено шапку, поклонился Лаврову и Агасферу, так и промолчавшему во время всего разговора. — А вот подсказочку одну дам, не обессудьте! Авось эта подсказочка людям «вашего круга» пригодится!

— Обиделся, значит, все-таки. Ну, говори!

— Про Литовский тюремный замок* слыхали, ваш-бродь?

— Кто ж про него не слышал! — усмехнулся Лавров.

— Про сам замок, может, и все слышали. Да не все знают, что есть там отделение номер семь. Оно секретным считается, не по всем документам проходит. И сидят в том отделении люди, переведенные из военно-арестантских рот. В основном — офицеры, совершившие самые грязные, самые позорные преступления. Вот туда бы вашего Терентьева определить, когда все доказано будет. Ну, а пока — прощевайте, господа офицеры! О моих «находках» господину полковнику сами доложите: не очень-то он рад, думаю, будет такие новости от «мужлана» узнать. Если надумаете чего — я в охранке буду.

— Хороший сыщик! — глядя ему вслед, проговорил Лавров. — Организуемся, бог даст — непременно к себе заберу! Как полагаете, господин Агасфер?

---

* *Литовский тюремный замок* — знаменитая тюрьма в Санкт-Петербурге, известная строгостью режима содержания и тем, что за все время существования из нее не смог убежать ни один заключенный. Тюрьма была построена на пересечении Крюкова канала и Офицерской улицы, в округе Коломна.

Но тот словно не слышал его, опершись на лопату, сосредоточенно о чем-то размышляя.

— Литовский тюремный замок, Литовский замок, — бормотал он себе под нос. — Где-то совсем недавно я слышал упоминание про литовцев. Только не про тюрьму, конечно... А вот где и от кого — выскочило из головы.

— Не прибедняйтесь! — рассмеялся Лавров. — С вашей-то феноменальной памятью — и вдруг что-то выскочило из головы!

— Память у меня сильна зрительная, а не слуховая, — вздохнул Агасфер. — А про литовцев я слышал, а не читал! Ладно, вспомнится, наверное... Ну, что — пойдем Андрею Андреичу докладывать про открытие Медникова? Старик-то не в духе нынче — совсем духом падет! Будет себя казнить, про змею, согретую на собственной груди, поминать...

— Признаться, я бы про Терентьева ему вообще пока не говорил, — начал размышлять вслух Лавров. — Как бы не выдал себя раньше времени господин полковник. Начнет подозрительно коситься на бывшего адъютанта, от дел отстранять демонстративно. А такие агенты всегда настороже. Почует неладное, и поминай как звали. И молчать нельзя-с! Без помощи господина полковника мы его не разоблачим. Надо выпытать у Андрея Андреича все подробности — как именно, при каких обстоятельствах, по чьей рекомендации попал к нему Терентьев в адъютанты, а потом и в статские помощники! Здесь всякая мелочь важна!

— Так господин Зволянский обещал что-то узнать, какие-то справки навести, — напомнил Агасфер.

— Ну, во-первых, господин директор еще в отъезде. Во-вторых, неизвестно, с чем он из Ливадии вернется. В-третьих, дел у него и так по горло. К тому же, кажется, он что-то поминал про отсутствие в Петербурге важного свидетеля — когда тот вернется? И вернется ли вообще? Есть и еще одно обстоятельство, господин Берг: военная братия и полицейские власти не в большой дружбе живут. Да вы, собственно, и сами должны про это знать: все, что касается офицерской чести, человек

в военном мундире полицейскому ни за что не расскажет. Стало быть, Архипова к нашему расследованию подключать надо непременно! Повидать, скажем, командира драгунского полка, откуда наш Терентьев почему-то в штабисты подался. С командованием соединения, где Терентьев службу проходил, потолковать. Ну, и в Главном штабе, разумеется, побывать, с адъютантской братией накоротке пообщаться: отчего это вдруг наш «герой» в отставку подался вслед за Архиповым?

— Плохо себе представляю господина полковника, сплетничающего со щеголями-адъютантами Главного штаба, — хмыкнул Агасфер.

— Ну-у, на эту роль я человечка подберу из своих людей! — успокоил его Лавров. — Вас сейчас другое беспокоить должно, дружище! Ваш «бенефис» в Императорском Яхт-клубе вызвал большой интерес у герра Люциуса! В Гатчину, кстати говоря, уже дважды ездили его люди. Интересовались местопребыванием господина Полонского — слава богу, генерал Ванновский успел поговорить с Гейденом! Так что сейчас для всех вы навещаете свою престарелую тетушку где-то в Тамбовском имении. Где и пробудете вплоть до отъезда в Берлин и Вену. Так что горячо рекомендую поменьше бывать какое-то время в публичных местах!

— Слушайте, Владимир Николаевич, а не раскусил ли нас — и меня, в частности — господин Люциус? Тем более — с таким информатором, как Терентьев! У Полонского отсутствует кисть левой руки, и у Агасфера нет левой руки... Черт побери, это слишком яркая и бросающаяся в глаза примета!

— Не волнуйтесь на этот счет, господин Берг! Я хорошо отрепетировал с полковником его пламенное сообщение о том, что господина Полонского могут не выпустить за пределы России из-за секретной работы, которая поручена Гейдену. Помните, он говорил о Полонском как о совершенно постороннем человеке, ни разу не намекнув на эту вашу роль! Во-вторых, Терентьев не знает о вашем походе в Яхт-клуб под именем Полонского! Полковник отправил его в тот день в Кронштадт!

Помолчав, Лавров легко коснулся плеча собеседника:

— Я не говорю, что это совершенно исключено. Но отказываться от такой возможности ни в коем случае нельзя! Впрочем, окончательное решение за вами, господин Берг! Если вы считаете, что это слишком рискованно...

— Не надо считать меня чересчур осторожным человеком, Владимир Николаевич! Я, по-моему, уже доказал вам всем, что не слишком дорожу жизнью!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

— Господин ротмистр! — грозно начал Архипов, отскочив от верстака, на котором, словно хирург в окружении ассистентов, «потрошил» очередную старинную шарманку.

«Ассистенты» — слесари под руководством Тимохи — притихли в предвкушении скандала, который устраивал своим домашним старый «полкаш», когда они мешали его занятиям в механических мастерских.

Архипов сдернул очки-лупы, используемые обычно часовщиками и ювелирами, бросил их на верстак и дрожащими от негодования пальцами стал надевать обычные, домашние, в круглой стальной оправе.

— Господин ротмистр! — Увидев лицо Лаврова, он сбавил тон и начал снимать только что надетые очки. — Владимир Николаевич! Голубчик, ну сколько можно просить?! Ну что у нас могло случиться такого, что стоит старой шарманки работы Мерсье?! Вы хоть знаете, что на сегодняшний день сохранилось только четыре — четыре экземпляра! — этих уникальных музыкальных инструментов, да и то в нерабочем состоянии, исключающем возможность восстановления? Ну что могло случиться ужасного?

— Наша птичка снесла яичко! — в рифму произнес Лавров и многозначительно поглядел на невольно засмеявшихся слесарей.

— Яичко? Какое яичко? — ошеломленно переспросил Архипов. — С ума вы все посходили, милостивые государи?!

— Бумажное, бумажное, Андрей Андреевич! Отнюдь не золотое! — Лавров мягко взял полковника под локоть и потянул к выходу. Понизив голос, он выдохнул в мохнатое ухо Архипова: — Наша ловушка сработала! «Подсадной троянский конь» выявлен!

К чести полковника, соображал он быстро и, мгновенно позабыв о шарманке Мерсье, устремился к выходу из мастерских, успев только грозно бросить через плечо:

— Шарманку без меня не трогать! Трофим, разрешаю снять только диск! И то, пожалуй, без меня не стоит! Я скоро буду!

Поднявшись по лестнице из полуподвала, полковник по привычке повернул в сторону библиотеки, однако Лавров отрицательно покачал головой и шепнул: «Кабинет!»

Пересказ событий сегодняшнего утра вместе с ответами на уточняющие вопросы занял не более четверти часа. Примерно столько же времени Лавров посредством дипломатии и даже физической силы удерживал полковника, порывавшегося немедленно отправиться на розыски Терентьева и р-р-разорвать, пристрелить как собаку, выгнать взашей и т. д.

— Где сейчас этот негодяй? — наконец, выдохся Архипов, берясь за колоколец на столе, чтобы яростным звоном вызвать Кузьму.

Лавров мягко прижал его руку вместе с колокольцем к столу.

— Совершенно неважно, где он сейчас. Где угодно — лишь бы не подслушивал под вашим столом. Кузьму я позову сам — чтобы он с Трофимом быстро привел в порядок ваш парадный мундир.

— Мундир? Для чего мундир?

— Вам нужно сегодня же сделать как минимум два визита, ваше высокоблагородие. А еще раньше постараться вспомнить, кто именно рекомендовал вам Терентьева в адъютанты! Это крайне важно! Где у вас календарь личного состава русской армии его императорского величества? Ага, вижу! Сейчас найдем нужных нам людей, а вы пока вспоминайте, вспоминайте, Андрей Андреевич!

Минут через десять, сделав две закладки в календаре, Лавров снова принялся за «допрос»:

— Изволили вспомнить? Нет? Жаль, очень жаль! Теперь насчет визитов: с генерал-майором Ризенкамфом Антоном Егоровичем изволите быть знакомым? Шапочно? Жаль, значит, без Ванновского не обойтись. А с генерал-майором Михаилом Федоровичем Ореусом? Воевали вместе? Прекрасно! Теперь извольте телефонировать в Главный штаб Петру Семеновичу Ванновскому! Ну, вам в аудиенции военный министр не откажет, понятное дело! Главное дело — убедить его срочно вызвать к себе Ризенкамфа. Мне отчего-то кажется, что корни негодяйства Терентьева растут именно из его драгунского прошлого!

— Какие корни? — простонал Архипов, снимая слуховой рожок телефонного аппарата и послушно принимаясь накручивать ручку. — Барышня, соедините меня с Главным штабом, срочно!

— А чем прикажете объяснить Петру Семеновичу срочную необходимость вызова Ризенкамфа? — прошипел Архипов ротмистру.

— Скажите: дело, не терпящее отлагательств! Подробности — при личной встрече!

* * *

Через полтора часа военный министр Ванновский, сам толком так и не понявший сути неожиданно возникшего дела, сумел-таки уговорить прибывшего командира лейб-гвардии драгунского его императорского высочества великого князя Владимира Александровича полка Ризенкамфа приватно побеседовать с полковником-отставником Архиповым. И быть с ним сколько возможно откровенным — для чего министр лично проводил генерал-майора и полковника в кабинет для оперативных совещаний.

— Да что он наделал-то, ваш бывший адъютант, господин полковник? — допытывался командир гвардейских драгун. — И при чем тут его служба в моем полку?

Архипов изворачивался как мог. Ризенкамф краснел, бледнел, несколько раз порывался прекратить неприятный для него разговор, и только глубокое уважение к министру, лично попросившему его о максимальной откровенности, вынудило генерал-майора «сдаться» и нехотя рассказать о событиях трехлетней давности.

Выяснилось, что несколько офицеров-драгун попали тогда в крайне неприятную историю.

— Мало им было по публичным домам молодость и честь растрачивать, так ведь нашли же, мерзавцы этакие, какой-то тайный притон, посещаемый совсем юными особами из благородных и почтенных семейств. Гимназистками, полковник, чего уж там! А хуже всего, что растление малолетних в том притоне вершилось под воздействием зелья из Нового Света. Кокаина, что ли...

— Слышал, знаю, — кивнул Архипов.

— Где они то снадобье добывали, дознаться не удалось: хозяйка притона сразу после поднятого шума сбежала из Петербурга. А шум поднялся после того, как две девчонки, перенюхавшись зелья, померли. Одна сразу, другая в частной клинике для умалишенных. Девчонки назвали отцам имена своих великовозрастных «друзей» — те ко мне, конечно. Ну, суд полкового общества офицеров был, естественно. Постановили: удалить мерзавцев из полка. Доложили мне о решении. Хоть и не хотелось мне сор из избы выносить — но дело-то неординарное! Передал его в главный окружной военный суд, который и приговорил голубчиков к арестантским ротам — с лишением дворянства, поражением в правах и всем, что там еще положено.

— И, значит, Терентьев...

— Так в том-то и закавыка, полковник, что Терентьеву удалось выйти сухим из воды! Заводилой в том деле с кокаином он получался, по всему выходило! И притон этот он, опять-таки, нашел! Но в тот день, когда гимназистки Богу душу отдали — не было его в притоне! И друзья его не назвали — хотя разговоры и ходили в офицерской среде.

Слышал, его даже понуждали покаяться в мерзком грехе своем. Однако дело уже в окружном суде было — естественно, каяться он не стал, а написал на мое имя рапорт о переводе. Ну, а я держать не стал. Вот так-то, полковник! Очень, очень неприятно — впрочем, надеюсь, что на каждом углу болтать об этом не станете! Ежели у вас все, то честь имею!

Выйдя из Главного штаба, полковник вкратце рассказал Лаврову о том, что удалось узнать. Помолчав, затравленно спросил:

— Теперь что — к генерал-майору Ореусу? Его конно-артиллерийская батарея стоит, кажется, в Старом Петергофе?

— Нового мы там вряд ли чего узнаем, Андрей Андреевич! — мягко покачал головой Лавров. — Как в народе говорят: коли уж повадилась лиса в курятник лазить — только пуля ее отучит! Исходя из логики бытия, у нашего Терентьева неприятности не кончились, и он сбежал к вам в адъютанты. Извините уж за прямоту, но вы, Андрей Андреич, так и не вспомнили — кто его вам рекомендовал?

— Ей-богу, не помню! Мой прежний адъютант после дурацкой дуэли в лазарет угодил — ну я и подыскивал нового... Да и какая теперь разница, ротмистр!

— М-да... Простите за нескромный вопрос: а вы за Терентьевым не замечали ничего этакого? Возбужденного или, наоборот, подавленного состояния? Остатков белого порошочка на усах, скажем?

Архипов только махнул рукой. И, в свою очередь, поинтересовался:

— Ну и что с ним теперь делать? И под суд-то не отдашь — не за что вроде... Гнать в три шеи?

— Выгнать всегда успеем. Потерпеть надо, Андрей Андреевич. Потерпеть и не подавать виду. Надо прежде выведать — с кем он на связи из германской разведки состоит.

— Так он вам и признался! — фыркнул Архипов.

— А нам его признание и ни к чему! Есть у меня в МИДе человечек свой. Попрошу его дать нам чиновника мелкого, который регистрацией всех иностранцев в столице ведает. Посадим его в снятую напротив табачной лавочки квартиру —

и пусть несколько дней чаек на подоконнике погоняет. Может, кого знакомого увидит — кто за почтой приезжает или приходит! А не получится — за хозяина лавки и его приказчика возьмемся. Поехали-ка домой, ваше высокоблагородие! Рискну еще раз напомнить насчет Терентьева: не показывайте, Христа ради, виду! Хорошо бы, конечно, отправить его на несколько дней куда-нибудь с деловой поездкой, с глаз долой... Давайте подумаем — куда можно? А когда уедет Агасфер в Европу, тогда за Терентьева вплотную возьмемся!

* * *

Жизнь Берга-Агасфера в особняке полковника Архипова понемногу приобретала размеренность, а оттого и смысл. И в любое время, глянув на часы, он мог точно определить, чем он будет заниматься через час, а чем через три или пять.

Но вот однажды утром Агасфер с удивлением обнаружил, что место Терентьева в столовой занял Лавров. Не видать было нынче и традиционной бумажной «пищи», то бишь газет — стол был сервирован под обычный завтрак.

— А где же нынче Владимир Семенович? — поинтересовался, поздоровавшись, Агасфер.

Архипов что-то буркнул, старательно прожевывая кусок бекона, Лавров же, мило улыбнувшись, пояснил, что Терентьев еще с рассвета отбыл в срочную деловую поездку, и до своего отъезда господин Берг вряд ли с ним увидится.

Агасфер, видя явное нежелание дать исчерпывающие объяснения, хотел было съязвить насчет «тайн Мадридского двора», но сдержался и лишь пожал плечами. Несмотря на первоначальные заверения полковника Архипова в том, что Терентьев станет его постоянным спутником и другом, этого не случилось. Агасфер, впрочем, об этом ничуть не жалел: бывший адъютант и нынешний помощник хозяина дома симпатий у него не вызывал.

После завтрака, складывая салфетку, Агасфер привычно поставил Архипова в известность о своих планах на день. С утра, если господин полковник не возражает, он предполагал вплотную заняться садиком-двором. Ну а после обеда, видимо, прогуляется по городу.

Возражений не последовало, однако Лавров, догнав Агасфера в коридоре, как бы между прочим заметил:

— Господин Берг, в Берлине и Вене наши «друзья» наверняка приставят к вам «топтунов». Мы с вами уже беседовали на эту тему: нервно реагировать на это не стоит. Под именем Полонского скрывать вам абсолютно нечего! Тем не менее, не забывайте: вы разведчик. И при необходимости должны уметь уходить от наблюдения. На нашем языке — «сбрасывать хвост». Я поговорил на эту тему с господином Медниковым, и сегодня, во время вашей прогулки по городу, за вами походят его филеры. Для начала поучитесь определять факт наблюдения, выделять соглядатаев среди прохожих. Хотите — попытайтесь сбросить «с хвоста» тех, кто будет следить за вами. Скажу заранее: не расстраивайтесь, если у вас это не получится: «топтуны» у Медникова опытные и цепкие! Если желаете, после возвращения все вместе проведем «работу над ошибками». Ну а пока — честь имею!

Как Агасфер и планировал, начал он с садика. Все скамейки — и целые, и поломанные — он стащил в один угол, под широкий навес. Одолжив у Тимофея подсобный инструмент, разобрал их, тщательно выискивая не только сломанные или треснувшие брусья, но и потемневшие пятна, обещавшие через какое-то время превратиться в гнилое место. Целые строгал и укладывал слоями на сушку, в тенистое место, под легкий сквознячок.

Отлитые из чугуна фигурные боковины, несмотря на крепость материала, тоже частично пострадали от времени. Где завитушка отломилась, где фигурная ножка отлетела от грубого волочения, ударившись о каменный поребрик садовых дорожек. Архипов только пожал плечами, когда Агасфер спросил у него разрешения заказать новые отливки вместо тех, которые починить было уже нельзя.

— Надо найти самую ровную, поправить ее рашпилем, отшлифовать и отвезти на Западную верфь. Но скажите, ради

бога, зачем вы тратите на эту ерунду свое время? У меня по субботам половина мастеровых ребят бездельничает. И каждый из них управляется со слесарными инструментами, извините, вдвое быстрее вас... Впрочем, дело ваше!

Покончив со скамейками, Агасфер взялся за деревья и кусты. Старые и с множеством сухих и обломанных ветвей он безжалостно спиливал и вырубал, используя для последнего специальный протез с держателями для пилы и топорика, сделанный еще монахами-паулинами. Архипов и его слесари-помощники побросали работу и сгрудились у окон мастерской, с восхищением наблюдая за ловкими действиями калеки.

После уборки сухостоя пришла пора посадки, но здесь без предварительной подготовки было не обойтись. Нужны были землекопы и сам посадочный материал. И Агасфер с сожалением ограничился лишь разметкой.

На этом нынешние садовые работы были завершены. Полежав в огромной фаянсовой ванне и смыв грязь, Агасфер решил не дожидаться обеда, наскоро перекусил сооруженными с помощью Кузьмы бутербродами, оделся в статское и выскользнул из дома.

Погожий сентябрьский денек дышал сыростью и привычной петербургской прохладой, и Агасфер бездумно зашагал по улицам, радуясь отсутствию традиционной мороси. Через некоторое время он вспомнил об «игре», предложенной Лавровым и решил: играть так играть!

Прохожих на улицах было немного, и каждый казался занятым только собой и своими делами. Как же вычислить идущего следом «топтуна»? Агасфер, подумав, несколько раз перешел с одной стороны улицы на другую, озабоченно поглядывая на таблички с номерами домов.

Эта уловка ни к чему не привела: никто из пешеходов не бросался стремглав вслед за ним. Может, Лавров просто пошутил?

Тогда он интуитивно попробовал другой ход: круто развернулся, словно забыл что-то, и торопливо пошел в обратном направлении, стараясь запомнить лица и одежду встречных

пешеходов. Пройдя половину квартала, Агасфер остановился у витрины книжной лавки и, постояв немного, вошел внутрь.

В лавке царил полумрак, и Агасфер, взяв с полки первую попавшуюся книгу, стал ее неторопливо листать, повернувшись к стеклянной двери.

Ага, есть! Невысокий полный мужчина в расстегнутом сюртуке, стоптанных ботинках и шляпе под «тироль» тоже остановился перед витриной. Постояв, сдвинулся вбок и исчез из вида.

— Вы ищете что-то определенное, господин? — поинтересовался лавочник.

— Нет, спасибо... — Поставив книгу на место, Агасфер вышел из лавки и сразу же заметил полного мужчину в тирольской шляпе: прислонившись к фонарному столбу, он якобы с интересом изучал сложенную пополам газету.

Не слишком хитра наука, усмехнулся Агасфер, проходя мимо «топтуна».

Пройдя еще с полквартала, он нырнул в высокую дверь доходного дома. В таких домах обычно бывает второй выход — во двор или переулок. Есть! Агасфер бегом проскочил подъезд и вышел действительно в переулок. Добежал до угла, завернул за него и сразу остановился, делая вид, что поправляет шнурки.

Через несколько минут раздался громкий топот, и из переулка вылетел давешний толстяк с газетой в руке. Заметив улыбающегося Агасфера, он досадливо прикусил нижнюю губу и с независимым видом проследовал мимо.

Агасфер, не обращая более на толстяка внимания, двинулся дальше. Он еще с утра задумал нанести визит Анастасии Стекловой. Идти, судя по вывескам и номерам домов, было далековато. Толстяк, вытирая пот со лба и не слишком маскируясь, по-прежнему шел за ним.

Наконец-то! За очередным углом дремал в своем экипаже извозчик. Дремала и кляча, низко свесив длинную морду.

— Эй, борода, — окликнул «ваньку» Агасфер, забираясь в экипаж, — прокатишь с ветерком — полтинник, считай, заработал!

Извозчик мигом очнулся от дремы, зачмокал губами, хлопая вожжами своего одра по его костлявым бокам.

— Да просыпайся ты, дохлятина! — нетерпеливо прикрикнул Агасфер. Выхватив из рук «ваньки» кнут, он несильно хлестнул по лошадиному крупу.

Непривычная к такому обращению, «дохлятина» фыркнула и побежала, как показалось Агасферу, какой-то «собачьей иноходью».

— Эт-то ты напрасно, барин! — укорил «ванька». — У моей животины от такого обращения с перепугу медвежья болесть исделаться вполне может! Куды едем-то?

Седок назвал адрес и прибавил:

— Только по дороге, сделай милость, в цветочную, да в мясную лавку заскочить требуется! Есть тут такие в вашем околотке?

— Как не быть! Торговлишка, она везде наличествует, — отозвался «ванька». — Торговля — это тебе, барин, не извоз! Только с торговлишки и жить можно!

Он всю дорогу жаловался на дороговизну овса, на гнилое сено, которое хозяин заставляет покупать только у своего поставщика, на поборы того же хозяина и городовых, от коих не продохнуть.

У знакомого дома с балкончиком «ванька» остановил бредущую словно во сне лошаденку, снял шапку:

— Приехали, барин! Нешто и вправду полтинник дашь? — робко поинтересовался он. — Не пошутковал над стариком?

— Как сказал, так и будет, борода! — Агасфер забрал из экипажа букетик хризантем, перевязанный кулек из мясной лавки и бросил «ваньке» новенькую блестящую монету.

Торопливо пряча заработок в недра драной шапки, «ванька» поклонился:

— Спасибо, барин! Оченно мы с Маруськой — ну, кобылой моей — благодарствуем! Может, подождать тебя требуется?

— Нет, поезжай! — Агасфер повернулся и заметил мрачного вида дворника — как его? Семен, что ли? — тот, опершись на метлу, с негодованием наблюдал, как лошаденка, свернув набок облезлый хвост, основательно и с шумом облегчилась прямо перед подъездом. Такого безобразия дворник, конечно, стерпеть не мог и, взяв метлу наизготовку, шагнул к попятившемуся «ваньке».

— Ты чего свою скотину пор-р-распустил, старый огрызок? Я для того, что ли, скребу улицу цельный день, чтобы всякая дохлятина тут мусорила?! И как в ее утробе этакая куча поместилась-то, а? Вот заставлю сейчас тебя самого убирать.

— Животная, она такая! — «Ванька» заторопился уехать от греха подальше, пока самого поперек спины метлой не «огладили». — Ей что дорога проезжая, что церковный двор.

Посмеиваясь, Агасфер встал между дворником и «ванькой».

— Семен! Ты что это, старых знакомых не узнаешь? — окликнул он.

Дворник недоверчиво оглядел Агасфера с ног до головы.

— Много вас тут, знакомых, ходит, — проворчал он, остывая. Присмотрелся, улыбнулся. — А-а, это для вас, что ли, господин хороший, за извозчиком днями бегал? А вы, поди, опять к Настасье Васильевне? Госпоже Стекловой?

— К ней, к ней. Дома ли барыня?

— А нету ее! — чуть ли не радостно сообщил дворник.

— Уехала, что ли? Надолго ли?

— Куды ей уезжать! — махнул рукой дворник. — На бульваре она днями сидит, если дождя нету. Книжки все читает...

— Далеко ли тот бульвар, Семен? — Агасфер побрякал в кармане мелочью, оживляя дворницкую память.

— Зачем далеко? — обиделся тот. — Прямо до канала как дойдете, так сразу и направо. А там уже и видать его, бульвар-то! Скамейки стоят беленькие...

— Ага. Ну, спасибо, Семен! — Агасфер сунул ему гривенник. — Значит, так и читает там книги все время?

— А чего ей еще делать? В поденщицы гордая, видать, наниматься. Переписки чичас мало дают, цельные конторы писарские в городе пооткрывали... На содержание тут звал

ее один — не пошла! А дома сидеть все время неинтересно. К тому же сюда лавочники то и дело приходят, за долги ее под окнами лают... Вот и спасается на бульваре том...

Агасфер быстрым шагом направился в указанную сторону.

Анастасию Васильевну Стеклову Агасфер нашел без труда: все другие скамейки на бульваре, засыпанном желто-красным ковром увядшей листвы, были в тот предвечерний час пусты. Стеклова сидела на самом краешке второй с краю скамейки, склонившись над книгой.

— Вот вы где от меня спрятались, Анастасия Васильевна!

Стеклова от неожиданности вздрогнула, подняла на Агасфера испуганные глаза, прижала к груди книгу, словно прикрываясь ею.

— Неужто не узнали?

— Михаил Карлович? Ой, конечно, узнала! — серые глаза Стекловой заискрились радостью. — А я уж думала...

— Что вы подумали? Это вам! — галантно поклонившись, Агасфер протянул девушке хризантемы.

— Спасибо! — Стеклова спрятала в букет покрасневшее от удовольствия лицо. — Но как вы меня разыскали?

— Дворник ваш подсказал! Вы позволите присесть рядом, Анастасия Васильевна?

— Ну конечно! — Девушка сдвинулась еще ближе к краю скамейки. — Садитесь! Знаете, когда вы ушли тогда вечером, я немножко беспокоилась. Но у вас были такие страшные когти, что я подумала...

— Что именно, Анастасия Васильевна?

— Что с таким оружием вы отобьетесь от любого врага, — рассмеялась Стеклова.

Он тоже рассмеялся:

— Сегодня мне не от кого бегать и не с кем сражаться, поэтому я оставил свое «оружие» дома!

Внезапно Стеклова нахмурилась:

— Вообще-то я на вас сердита, Михаил Карлович! Зачем вы Маруське на шею золотую монету повесили? Меня оскорбить хотели? Бедностью попрекнуть?

— Помилуйте! При чем тут вы?

— При том! Вы, конечно, заметили, что я... небогата! И решили таким образом рассчитаться за свое спасение! Но вы не думайте, ваш дукат цел и невредим! Вот он: получайте-ка обратно!

— Как же я могу отобрать награду у вашей Маруськи? — попробовал свести разговор к шутке Агасфер.

— Возьмите! Если не возьмете, я и вправду буду думать, что вы меня хотели оскорбить! А дукат в канал выброшу! Ну же!

Стеклова вскочила со скамейки. Агасфер, поняв, что она не шутит, медленно поднялся следом, покорно взял протянутую монету.

— Простите ради бога, Анастасия Васильевна! У меня и в мыслях не было вас обидеть! Я вот и печенки телячьей сегодня Маруське вашей захватил, угостить хотел — тоже смертельно оскорбитесь?

— Печенки?

Агасфер кивнул ей с таким несчастным видом, что девушка не выдержала и снова рассмеялась.

— Ну, угощение я ей передам, так и быть! Но вы должны мне обещать, что никогда... Никогда, слышите? — не будете пытаться отблагодарить меня такими способами. Денежными!

— Клянусь!

— Ну, тогда давайте снова сядем!

Собираясь навестить Настеньку — так про себя Агасфер иногда называл свою новую знакомую, — он всерьез сомневался, что способен поддержать светскую беседу с девицей. Слишком много времени прошло с тех пор, когда он легко и непринужденно мог говорить с молодыми дамами. Однако, против его ожидания, никаких томительных пауз в этой беседе на бульваре не возникало. Анастасия Васильевна вела себя просто и естественно и, поскольку много читала, в том числе и бульварную прессу, могла говорить практически на любые темы. А годы, проведенные в Смольном, дали ей возможность хорошо разбираться в классической литературе.

Время летело незаметно, и когда петербургское небо пролилось сначала мелким, а чуть позже основательным дождем, Стеклова и Агасфер чувствовали себя так, будто были знакомы много лет.

Набравшись смелости, Агасфер предложил девушке переждать непогоду в кондитерской неподалеку. Конечно, видя осунувшееся от постоянного недоедания лицо и совсем тонкие пальчики, он предпочел бы пригласить Настю в ресторан. Хорошо прожаренный кусок мяса больше пошел бы девице на пользу, однако подобное предложение было бы неуместным.

В кондитерскую же Настенька после некоторого колебания зайти согласилась, и они, прыгая через мгновенно появившиеся лужи, вскоре оказались в небольшом уютном помещении, совершенно пустом, к явному удовольствию Стекловой.

Рад был единственным посетителям и толстый хозяин в белоснежной куртке и высоком колпаке. Сначала он предложил им украшенное вензелями меню, однако, видя явные затруднения Настеньки в выборе пирожных и совершенную беспомощность в кондитерском деле ее кавалера, по-домашнему улыбнулся, и, пробормотав «Айн момент!», принес и водрузил на стол огромную вазу с целой горой различных пирожных и сдобы.

— Выбирайте сами, молодые люди!

Вслед за вазой на столике появился вместительный кофейник, сахарница и сливочник.

— Ух ты! — совсем по-девчоночьи всплеснула руками Стеклова. — Глазами бы все так и съела! Но мы ведь не сможем, правда?

Кое-каких успехов в «дегустации» посетители все же достигли, а немец в заключение вынес откуда-то и торжественно вручил Настеньке «бонус на вынос» — кокетливо перевязанный ленточкой куль с пирожными и булочной мелочью.

— Как первым и, увы, единственным за целый день посетителям! — объявил с грустно-торжественным видом хозяин.

Настя попробовала было отказаться и даже спрятала руки за спину, но кондитер сделал такое обиженное лицо, что

ей не осталось ничего другого, как согласиться принять гостинцы.

Дождик моросил по-прежнему, и возле своего дома Настенька пригласила Агасфера подняться к себе.

— В конце концов, печенку Маруське вы должны передать сами! — заявила она. — К тому же, мне интересно — узнает она вас или нет?

Кошка, конечно же, узнала Агасфера. И оценила его гостинец. Мурлыча так, что ходуном ходили ее довольно поджарые бока, она мгновенно расправилась с печенкой, а затем без ложной скромности устроилась на коленях посетителя.

Решив не злоупотреблять положением гостя, Агасфер вскоре стал собираться домой. Целуя холодные пальчики хозяйки, он посмотрел ей в глаза и поспешно ответил на невысказанный вопрос:

— Конечно, Анастасия Васильевна, я непременно загляну к вам — если вы не возражаете, разумеется — как-нибудь еще...

— Например, в воскресенье? — запросто предположила Стеклова.

— Увы, Анастасия Васильевна, в пятницу я, скорее всего, уеду по делам. В Берлин. Но, как только вернусь, непременно навещу вас!

— Мы с Маруськой будем вас ждать! — заявила Стеклова и тут же мило покраснела.

Уже спускаясь по лестнице, Агасфер помрачнел, вспомнив слова дворника Семена о лавочниках, оскорбительно относящихся к Настеньке. Скорее всего, она жила на маленькое пособие, выплачиваемое выпускницам Смольного института благородных девиц, да на заработки от переписки статей, перепадающие ей от случая к случаю. Бледное, исхудавшее лицо и тонкие пальчики говорили о том, что Анастасия Васильевна живет впроголодь. Вот уже и на содержание ее кто-то, по рассказам дворника, пробовал взять.

Как ей помочь, Агасфер пока не знал. Предложить ей денег взаймы нечего было и думать; в таком случае дверь ее квартирки захлопнется перед его носом навсегда! Повезти

ее, допустим, на конные скачки и организовать выигрыш по ее билету?

За всеми этими мыслями Агасфер не сразу заметил, что рядом с ним, кося лиловым глазом, уже с минуту перебирает тонкими ногами вороной рысак, а с кучерского облучка доносится:

— А вот на рысачке с ветерком прокатиться, барин... Пожа, пожа!

Посторонившись, Агасфер махнул рукой: на рысаке, так на рысаке — где наша не пропадала! Коляска остановилась, и, забираясь в нее, он вдруг обратил внимание на знакомый профиль извозчика. Это был Медников! Одетый по полной форме петербургского лихача, с часами на спине для удобства господ седоков — но он!

— Медников! Евстратий Павлович! Ты откуда взялся? Что за маскарад?

— Откуда взялся, интересуетесь? Оттуда и взялся, что от моих робят-филеров еще никто не уходил. — С этими словами Медников привстал, оглушительно свистнул, щелкнул кнутом над крупом рысака, и тот сразу пошел так скоро, что Агасфер завалился назад.

— Но я уже оставил того пузана в тирольской шляпе, когда неожиданно для него сел на извозчика! — продолжал недоумевать Агасфер. — Нешто он пешком за «ванькой» полгорода отмахал?

— Когда слежка по-сурьезному поставлена, за объектом непременно не один, а несколько человек топают! — назидательно пояснил Медников. — Вот вы, господин Агасфер, только самого приметного и засекли, в тирольской шляпе. А за ним, по другой стороне улицы, шел еще один человечек мой. А по параллельной улице извозчик наш все время катился — именно на тот случай, ежели объект умным себя вообразит и попытается конным способом от наблюдения уйти.

— Здорово, Евстратий! — искренне похвалил Агасфер. — Многому мне, видать, учиться придется — рядом с такими людьми!

Довольный похвалой, Медников не утерпел, похвастался до конца:

— А когда мне в командный пункт телефонировали о направлении вашего движения, я по карте ваш маршрут, господин Агасфер, высчитал, велел рысачка заложить, да прямо на ваш бульвар и поехал! Близко не подходил, чтобы не мешать, а после вашего свидания — милости просим, ножки поберечь!

Это Агасферу уже не понравилось. Сдвинув брови, он поинтересовался:

— А про бульвар и адрес моей... моей знакомой откуда узнал, Евстратий? Личная жизнь — это уже не игра, милостивый государь! Это уже... нехорошо-с!

Но Медников только пожал плечами, всем своим видом говоря: я человек маленький, что мне сказано, то я и делаю! И, чтобы перевести разговор на более безопасную тему, поспешил сообщить:

— Про новость-то вам с утра не успели сообщить, господин Агасфер! Вернее, не захотели настроение перед свиданием с дамой портить. Сбежал ведь Терентьев! Был начисто раскрыт и сбежал!

— Да ну?!

Чуть придержав ход рысака, Медников вкратце рассказал о результатах слежки, о письме, брошенном Терентьевым в почтовый ящик некой табачной лавочки, и о том, что запах табака был окончательно им, Медниковым, узнан. Больше всего был расстроен предательством «подсадного» полковник, и Лавров предложил отправить Терентьева по какому-нибудь делу подальше из города. Во-первых, чтобы полковник нечаянно себя не выдал. А заодно — чтобы Терентьев не догадался, что в Европу Агасфер уезжает под именем ротмистра Полонского. Придумали срочное поручение в Стрельну и с утра пораньше командировали «подсадного» туда.

— И с концом! — сплюнул на мостовую Медников. — Тоже виду не подал, уехал и исчез. До обеда ждали обусловленного телефонного звонка, потом начали в Стрельну сами

телефонировать, откуда и узнали, что Терентьев там и не появлялся.

После небольшой паузы он сообщил, что вся команда в сборе, сидят в библиотеке, припоминают все детали, связанные с поведением Терентьева, оценивают потери, нанесенные его предательством. Комнату его обыскали, ничего предосудительного не нашли.

— А вы, господин Агасфер? Вы с Терентьевым, говорят, в город пару раз моцион совершали, осваивались. Ничего этакого в его разговорах, в поведении не заметили?

Агасфер пожал плечами: он совершал моцион вместе с Терентьевым всего один раз. Заходили в банк, к портному, в ресторацию Палкина. Предосудительного? Да нет, вроде... Звал его новый приятель «разгуляться», расслабиться где-нибудь в «веселом местечке» — да он не согласился.

— Да! Он, помнится, еще возле почтовой конторы велел извозчику остановиться. Поминал при этом свои долги... Кстати, Евстратий, вот что я вспомнил! Поминал он злопамятных литовских заимодавцев! Я, признаться, про таких и не слыхал. Знаю понаслышке, по прежней своей жизни, что скопцы в Петербурге ростовщичеством промышляют, да еще евреи. А про литовцев — никогда!

— Литовские заимодавцы? — Медников остановил рысака так резко, что тот от боли в губах заржал. — Литовские, говорите, ваш-бродь? Интересно, интересно... Так он что, денежное письмо этим заимодавцам отправил с почты?

— Вот чего не знаю, того не знаю, — развел руками Агасфер. — Я с ним на почту не ходил...

Покрутив головой, Медников снова тронул рысака, и экипаж помчался далее. У подъезда Архипова Медников круто притормозил, свистнул, бросил вожжи на руки вынырнувшему откуда-то неприметному человечку. Пошептался с ним, уточнил у Агасфера — из какой именно почтовой конторы и когда — хоть примерно! — Терентьев отправлял то письмо. Человечку велел гнать куда-то единым духом и о результатах доложить немедленно.

— Хоть меня и не приглашали в вашу компанию, а все одно пойду с вами, господин Агасфер! — пробормотал он. — Литовские заимодавцы — это может быть очень и очень интересно!

* * *

Вся компания будущих контрразведчиков действительно «заседала» в библиотеке. Присутствовал даже прибывший из Ливадии Зволянский — не успев переменить с дороги парадный придворный мундир на статское платье, он, чтобы не смущать присутствующих, одолжил у полковника его знаменитый синий халат с кистями.

Агасферу предложили с дороги рюмку коньяку, не забыл Архипов и про Медникова: для него Кузьме было велено принести чаю с сушками.

— Новости вам по дороге сообщили, Берг? — поинтересовался директор Департамента полиции. — Да, такие-то дела у нас! Вот теперь сидим, головы ломаем — стоит ли вас отправлять в Европу? Если Терентьев успел пронюхать и сообщить своим хозяевам, что господин Агасфер и ротмистр Полонский одно и то же лицо, то дело для вас может кончиться немецкой или австрийской тюрьмой! Говорю об этом прямо, не скрывая — чтобы вы тоже знали, на что идете.

— Однако, насколько я понимаю, предатель не мог знать об этом! — запротестовал Агасфер.

— Да уж больно сообразительный субъект он у нас! — сквозь зубы процедил Лопухин. — Душа компании, везде шнырял по дому. Не исключаю, что подслушивал. Мог и догадаться! Нет, я категорически против! Пока Терентьева не найдем и не узнаем точно, что именно он успел сообщить, — я против.

— Где ж его искать прикажете? — насмешливо осведомился Зволянский, поглубже запахиваясь в хозяйский халат. — Петербург большой, да и местечек укромных хватает — полиция знает далеко не все!

Медников пил чай из блюдечка, сушки ломал в больших ладонях, в рот засовывал их маленькими кусочками, чтобы

не хрустеть. При последних словах директора он отставил блюдечко, пошевелился в глубоком кресле, выразительно кашлянул, привлекая к себе внимание.

— Ежели позволите, господа, у меня есть одно соображение, — начал он, пытаясь подняться из кресла. Все дружно замахали руками: сиди, мол, не до чинопочитаний. — Помните, господин ротмистр, я недавно говорил вам про Литовский тюремный замок? И про то, что хорошо бы нашего субчика после разоблачения туда, в секретное отделение номер семь определить?

— Помню. Ну и что? — отозвался Лавров.

— Был бы человек, камеру для него подыщем! — поддержал Зволянский. — Найти прежде надо!

— Точно так, ваше превосходительство, — кивнул Медников. — А вот сегодня, подвозя господина Агасфера сюда, услыхал я от него интересную новость! Во время первой прогулки по Петербургу господин Терентьев, поминая про злопамятных литовских заимодавцев, отправил им денежное письмо.

Присутствующие переглянулись, но промолчали, еще не понимая, куда клонит главный филер. А тот, повернувшись к Архипову, продолжил:

— А вы, господин полковник, не далее как вчера вызнали, что сообщники Терентьева по известному грязному делу с заморским порошочком и смертью малолетних гимназисток были в свое время отданы под воинский суд и сидят где-то, голубки! Так вот, есть у меня такое предположение, что сидят они в Литовском замке! — торжествующе закончил Медников.

— Ну, есть, допустим, в Литовском замке секретное отделение для бывших офицеров, лишенных чинов и прав состояния, — задумчиво пробормотал Зволянский. — Кстати, полиции Литовский замок неподведомственен! Тюрьмами в России ведает Главное тюремное управление. И чтобы до того секретного отделения добраться, полагаю, еще выше подыматься надо... Как бы одного из великих князей не пришлось побеспокоить, чтобы до списков того секретного отделения добраться! А их побеспокоишь!

— А что нам дадут списки? — спросил молчавший до сей поры военный министр. — Насколько я понимаю, генерал-майор Ризенкамф имен тех негодяев так и не назвал!

— А нам списки и ни к чему, — снова подал голос Медников. — Вполне достаточно будет тех, на чье имя приходят денежные письма от господина Терентьева. Такие письма должны регистрироваться. От неизвестных отправителей денежные письма в тюрьмы не принимают.

— А если Терентьев вовсе не «сидельцев» из Литовского замка имел в виду? — упорствовал Зволянский. — Разве не мог он подразумевать национальную принадлежность? И вообще, зачем нам эти негодяи?

— А вот мы сейчас, кажется, это узнаем! — не скрывая торжества, Медников указал на дверь в библиотеку, куда боком, неся перед собой поднос с телефонным аппаратом и длинным шнуром, входил Кузьма.

— Кто телефонирует? — осведомился Архипов.

— Не представились. А просют к аппарату отчего-то не вас, а господина Медникова.

— Прошу прощения, господа! — Филер подскочил к Кузьме, поднес к уху слуховую трубку. — Медников на проводе. Сысоев, ты? Докладывай, только коротко и самую суть!

Через полминуты, повесив рожок на крючок, Медников повернулся к собравшимся:

— Мой человек только что «перетряхнул» почтовую контору, упомянутую господином Агасфером. Выяснилось, что десять дней назад господин Терентьев отправил десять рублей ассигнациями на имя некоего Александрова в Литовский тюремный замок. Это письмо с начала года — шестое по счету.

— Но зачем нам этот Александров? — все еще не понимал военный министр.

— Терентьев не из тех, кто швыряется деньгами просто из дружеских соображений, — заметил Архипов, обнимая Медникова за широкие плечи. — Раз откупается, значит, есть за что. Ну, ты молодец, Евстратий! Возможно, ежели взять этого Александрова в оборот, он сможет назвать укромное

место, где может скрываться Терентьев! Добраться бы только до него.

Лопухин откашлялся:

— А я разве никогда не говорил вам, господа, что моя сестра замужем за главным смотрителем Литовского тюремного замка? Гм... Правда, зятек у меня не слишком общительный, зато сестрица сызмальства отличалась по части домашнего «шпионства» и вынюхивания всяких детских секретов.

— Так, может, возьмем ее в нашу теплую компанию? — под общий хохот внес предложение военный министр.

* * *

Наскоро был составлен план «военной кампании» на следующий день — кому куда идти с визитами, что добывать и что узнавать.

— А вы, Берг, почему отмалчиваетесь? — обратился к Агасферу Лавров. — Чем собираетесь заняться завтра?

— Поверенного хотел поискать толкового. Или нотариуса, уж и не знаю точно, — криво улыбнулся Агасфер.

— Хотите перед поездкой на всякий случай привести в порядок земные дела? — поинтересовался ротмистр.

— Да не столько свои, сколько... знакомой одной, Владимир Николаевич, — нехотя признался Агасфер. — Можно сказать, родной души...

— Погодите, погодите, Берг! — положил ему руку на колено Лавров. — Насколько я знаю, вы одинок как перст!

— Оказывается, одиночество людям несвойственно! — попробовал отшутиться Агасфер.

Однако Лавров не отставал, и пришлось рассказывать о неожиданном знакомстве с Анастасией Васильевной Стекловой, спасшей его во время преследования бандитов. Рассказал Агасфер и о том, что нынче навещал девушку и, кажется, почувствовал то, на чем уже давно поставил крест.

— Так что, Владимир Николаевич, если со мной что-то случится, Настенька... То есть, Анастасия Васильевна, будет очень прилично обеспечена. Но вот что с ней сейчас делать?

В порыве неожиданной откровенности он рассказал о неудачной судьбе Стекловой. О том, что полученное прекрасное воспитание и образование в Смольном «не мешают» ей по-настоящему голодать и быть объектом нападок грубых лавочников и кредиторов. А все попытки помочь пресекаются ее гордостью и проявлением самоуважения.

Позже, вспоминая завершение того длинного вечера, Агасфер корил себя за выпитые две-три лишние рюмки коньяку.

А пока, рассказывая Лаврову о том, какая замечательная девушка Настенька Стеклова, он и не заметил, как разговоры в библиотеке прекратились и присутствующие выстроились позади его кресла, как греческий хор.

— Погодите, господа, но Смольный институт благородных девиц не вышвыривает воспитанниц после окончания на произвол судьбы! — возмутился Лопухин. — Ей обязаны были предоставить возможность проявить себя — либо в образовательном учреждении, либо в порядочной семье! Тут что-то не то, господа!

— Все дело в том, что брат мадмуазель Стекловой, по ее выражению, значится в списке врагов престола. Иными словами, наверняка стал бомбистом или революционером. И попал в каторгу. И попечительский совет Смольного не нашел ничего лучшего, как лишить его сестру, которая здесь совершенно не при чем, рекомендаций!

Агасфер хватил еще рюмку, а все присутствующие с осуждающим видом воззрились на Зволянского.

— Послушайте, а почему все вы так на меня смотрите? — возмутился он. — Уж не подозреваете ли вы, господа, что я причастен к этой гнусной перестраховке?! Уж если тут кто и виноват, так это господа из попечительского совета Смольного!

— Сергей Эрастович, а вы, кажется, недавно жаловались, что не можете найти для своих дочерей достойную воспитательницу! — поддел его Ванновский.

— А что? Я с удовольствием дам мадмуазель Стекловой это место! — пожал тот плечами. — Заметьте, что тем самым

я, кажется, окажу услугу и нашему боевому товарищу, господину Агасферу!

— Она не примет этого места! — покачал головой Агасфер. — Настолько я знаю Анастасию Васильевну, она сочтет это протекционизмом с моей стороны. И не захочет меня больше видеть!

— Тогда что вы можете предложить? — потребовал Архипов.

— Если вы позволите, господа, я охотно внесу свою лепту в это дело, — подал голос военный министр Ванновский. — Я достаточно близко знаком с начальницей Смольного, госпожой Новосильцевой. Недавно, к тому же, я по поручению ее величества императрицы вручал ей второй орден Святой Екатерины. Завтра же я нанесу ей визит и выражу свое мнение относительно того, что дочь геройски погибшего военного моряка Стеклова из-за чьих-то происков осталась без рекомендации и патронажа. И, простите, элементарно голодает! Я убежден, что все это безобразие творится за спиной Марии Петровны Новосильцевой и без ее ведома!

— С удовольствием составлю вам компанию, Петр Семенович! — вступил в разговор Архипов. — Мы с ней тоже хорошо знакомы по Второй Восточной войне, где она принимала деятельное участие в отряде сестер милосердия! Мишель, мы добьемся того, что вашу Анастасию официально пригласят в Смольный, принесут положенные извинения и займутся ее трудоустройством! Так, надеюсь, ее гордость не пострадает?

— Спасибо, господа! Вернее, спасибо, друзья, если мне будет позволено так выразиться! — растроганный Агасфер встал и низко поклонился обществу.

— Но я настаиваю на том, чтобы ваша Настенька воспитывала мою дочь! — заявил Зволянский. — В конце концов, я первый подал эту заявку!

Агасфер обошел присутствующих, крепко пожимая всем руки. Рукопожатие досталось даже Медникову, который никакого участия в судьбе девушки не принимал и спокойно грыз свои сушки.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПРОЛОГ

Впрочем, один знакомый у Агасфера в Варшаве все-таки был. С теплой грустью он вспомнил владельца похоронного и ритуального заведения, старого доктора Якова Шлейзера. Того самого, что ампутировал ему левую руку, остановил кровотечение, а позже, рискуя попасть в лапы полиции, спрятал умирающего прапорщика в монастыре у паулинов. Жив ли он сегодня, спустя двадцать лет? А если и жив, чем ему может помочь старый боязливый еврей?

Попробовать подать ему весточку? Но как?

Агасфер скинул сюртук, закатал повыше рукав сорочки, стянул с протеза тонкую перчатку под цвет кожи. В свое время он недоверчиво усмехался, выслушивая доводы полковника в пользу устройства в протезе нескольких замаскированных полезных тайников.

Здоровой рукой он оттянул вбок полусогнутый мизинец протеза и повернул его. Тихо щелкнув, открылась небольшая крышка, под которой, на манер оружейной обоймы, были запрятаны полдюжины золотых империалов. Гедеке и его люди буквально обнюхивали протез перед возвращением, однако старый слесарь Тимофей посрамил австрийскую педантичность. Ковач вынул две монеты, закрыл крышку и вернул мизинец-рычаг на место. Надел перчатку.

Записку он написал по-латыни. И, подумав, подписал инициалами своего почти забытого имени: «М. ф. Б.».

Обычный посыльный тут не годился: с таким же успехом можно было адресовать записку прямо Гедеке! Однако, кроме обычной обслуги, в каждой гостинице есть и обслуга «черная» — прачки и кочегары, которые никогда не оскорбляют постояльцев своим видом.

Агасфер дважды дернул за сонетку, вызывая горничную.

— Пригласите сюда прачку, мадмуазель! — распорядился он. — Мою лучшую сорочку нужно освежить и накрахмалить.

— Но прачкам запрещено подниматься к гостям, — скривила губы горничная. — Если пан желает, я сама отнесу вашу сорочку в прачечную.

— Это японская ткань особой выделки. Очень дорогая. Я должен лично объяснить, как следует с ней обращаться, чтобы не испортить...

— Ничем не могу помочь пану, — пожала плечами девица, привыкшая к разным причудам гостей. — Прачку не пустят на верхние этажи!

— Тогда я спущусь к ней сам! — объявил Агасфер. — Это, надеюсь, вашими правилами не воспрещено?!

На первом этаже он, благодаря объяснениям горничной, нашел в дебрях пальм неприметную дверь за плотными шторами и очутился на «черной», плохо освещенной лестнице, круто спускающейся вниз.

Прачечная оказалась в самом конце коридора — единственное здешнее помещение, снабженное дверьми. И понятно почему — рванув на себя набухшую дверь, Агасфер попал в плотное облако пара, исходившего из десятка огромных котлов, вмурованных в длинную низкую плиту.

Прачек здесь было несколько — пришлось спрашивать, кто именно из них является специалистом по деликатному шелковому белью.

Объясняя усталой женщине неопределенного возраста им же выдуманные особенности обращения с японским шелком,

он приметил шустрого мальчишку, бегающего вдоль котлов с ведром и подливающего в них воду.

— А это чей помощник? — изобразив самую добрую улыбку, на которую был способен, кивнул Агасфер на мальчишку.

— То мой, пан! — робко ответила женщина. — Я беру его на работу с разрешения господина управляющего...

Агасфер решился: сейчас или никогда! Он сунул женщине золотую монету и объяснил задачу.

— Но при гостинице есть посыльные! — возразила женщина, не сводя зачарованного взгляда с империала. — Эти паны не будут довольны, если узнают, что мы перебиваем им заработок.

— А мы им ничего не скажем! — подмигнул Агасфер. — Кроме того, посыльные слишком любопытны и любят заглядывать в доверяемые им письма. А моя записка особая!

Мальчишку подозвали. Охотно бросив ведро, он подбежал к матери. Как оказалось, ритуальное заведение Якова Шлейзера он знал.

— А-а, это где мертвяков потрошат! — закивал он.

— Если принесешь ответ от него в течение двух часов, получишь такую же монету, — пообещал Агасфер. — Я буду в курительном салоне, в вестибюле. И запомни: это большой секрет!

— Да я и раньше прибегу, пан! Лишь бы доктор был на месте! — Мальчишка, надевая на ходу курточку, выскользнул из прачечной.

— Вас, пани, я тоже попросил бы держать язык за зубами, — с той же улыбкой предупредил Агасфер. — И если кто-нибудь спросит, зачем я спускался сюда...

— Я не дура, пан! Я скажу, что пан очень беспокоился за свою сорочку...

Через полтора часа, докуривая в салоне уже вторую сигару, он заметил мальчишку из прачечной, ловко проскочившего в вестибюль мимо зазевавшегося швейцара. Порыскав глазами, мальчишка приметил Агасфера и рванулся к его столику, увертываясь от рук преследующего его швейцара. Пробегая, он успел цапнуть монету и негромко сообщить:

— Ответа не ждите. Сам сейчас придет!..

Попетляв между столиками и пыльными пальмами в кадках, шустрый мальчишка выскочил на улицу и затерялся в толпе.

— Прощения просим, пан! — отдуваясь и прижимая обе руки к груди, объявил, пятясь к своему посту, швейцар. — Клятые пострелята часто заскакивают поклянчить мелочь у солидных господ!

А через несколько минут швейцар, кланяясь, уже открывал парадную дверь «Бристоля» перед тучным стариком в черной паре и котелке. Старика сопровождала молодая женщина. Старик бросил несколько фраз вышедшему навстречу гостю старшему портье, вручил ему саквояж, а сам направился в курительный салон. Осмотревшись, старик проковылял прямо к столику Агасфера.

— Пан позволит? — кивнул он на свободный стул и, не дожидаясь разрешения, плюхнулся на него. Подскочившему официанту велел: — Большую чашку кофе со сливками, малый!

— Ну, милый мой барон, здравствуйте! О каких неприятностях вы хочете рассказать старому Шлейзеру? — несмотря на ворчливый тон, старик смотрел на Агасфера с нескрываемой приязнью. — Я смотрю, вы целы и невредимы — может быть, на сей раз мне придется пользовать вашего противника? Или сразу бальзамировать?

— Здравствуй, Яков! Извини, мне, видимо, на роду написано не давать тебе покоя и втягивать в свои истории!

— Ладно-ладно, не надо извиняться. Тем более у тебя, как я понял, очень мало времени. Говори, как я могу помочь тебе?

— Не знаю — как, Яков. И не уверен, сможешь ли? Да и захочешь ли помогать на сей раз? — откровенно признался Агасфер.

Не вдаваясь в подробности, он рассказал старому другу о ситуации, в которой оказался.

— Значит, теперь за бароном фон Бергом охотится тайная полиция Австро-Венгрии. — Старик выпятил толстую нижнюю губу и прикрыл глаза тяжелыми веками. — И ты уверяешь, что они убьют тебя, едва ты попытаешься покинуть эту гостиницу?

— Да, Яков. Ставки слишком высоки — для них, во всяком случае...

— Понятно... А ты, Мишель? Тебе нужно на какое-то время спрятаться?

— Ни в коем случае! Мне нужно как можно быстрее попасть в Петербург — иначе игра не стоит свеч, — Агасфер легонько постучал пальцем по высокому лбу. — Здесь слишком горячие сведения, старик! Мне удалось заглянуть в один секретный документ, и австрияки об этом знают. Если я спрячусь в какую-нибудь здешнюю нору, то предатели, перечисленные в том документе, станут прятаться в Петербурге. Станут уничтожать улики, прятать концы...

— Так-так-так... С вами не соскучишься, Мишель! — Шлейзер нервно забарабанил пальцами по столу. — Что ж, остается один-единственный выход. Понравится он вам или нет, но другого я не вижу!

— И что же это за выход? — Агасфер подался вперед.

— Ты нажил очень опасных врагов, Мишель! Яков Шлейзер уже слишком стар, чтобы состязаться с ними. Для того чтобы «переиграть» их, нужны не менее опасные.

— Кого ты имеешь в виду?

— Варшавские воры, барон!

— Воры?! Вот уж никогда бы не подумал, что старый Яков Шлейзер якшается с ворами.

— Благослови Иисус вашу невинность, Мишель! Во-первых, воры смертны, как и все живущие на Земле. И рано или поздно попадают в мое ритуальное бюро. А во-вторых, варшавские воры* — это особая категория людей, стоящих по ту сторону закона. Только они, как я думаю, могут быстро

* Дореволюционная уголовная полиция определяла т. н. варшавских воров в особую категорию — начиная с внешнего вида и кончая методами совершения преступлений. Как правило, «варшавская воровская элита» отличалась утонченностью в одежде и внешнем виде, одевалась весьма франтовато и «работала» под приличную публику. Идя на «дело», варшавские действовали крайне жестко, не гнушались ради достижения поставленной цели ничем. Была у этой категории воров и еще одна особенность: будучи пойманными, они никогда не «запирались» и всегда спешили «сдать» подельников. Именно по этой причине их не любили прочие коллеги по преступному ремеслу и презирали полицейские-профессионалы.

вытащить тебя из этой гостиницы и переправить в Россию. Правда, есть одно «но», мой мальчик...

— Деньги? — догадался Агасфер.

— Да. Барон, вы располагаете ими?

— Мой паспорт, чековая книжка и почти вся наличность отобраны австрияками. Кроме нескольких золотых империалов, которые мне удалось спрятать, есть только пара облигаций Северо-Западного общества железных дорог номинальной стоимостью в семь тысяч рублей серебром. Хватит ли?

— Не знаю, — откровенно признался Шлейзер. — Но, в любом случае, это лучше, чем ничего... Ладно, не будем терять времени, я отправляюсь на поиски нужных людей. Не рискуйте здесь, мой мальчик! Отправляйтесь в свой номер и ждите вестей! Кстати, под каким именем вы тут остановились?

— Виктор Александрович Полонский, из Санкт-Петербурга. Но я называю себя короче — Агасфером...

— Барон фон Берг, потомок крестоносцев и гвардейский офицер элитного батальона, стал Вечным Жидом? — невесело усмехнулся, вставая, Шлейзер. — Впрочем, лучше быть Вечным Жидом, чем моим «клиентом» на прозекторском столе. Прощайте, мой мальчик! Надеюсь, сегодня у вас все кончится хорошо, и когда-нибудь вы еще заглянете в «покойницкую» к старому Шлейзеру — конечно, желательно до того, как меня самого будут потрошить на этом столе!

* * *

— Гедеке? Вот уж кого не ожидал здесь увидеть, так это вас! — полковник Рунге с видом крайнего удивления откинулся на спинку высокого кресла и насмешливо сверкнул на посетителя линзой монокля.

— Не понимаю, господин полковник! — забормотал тот, замерев на пороге кабинета шефа и не осмеливаясь пройти дальше. — Мне сообщили, что вы срочно вызываете меня. И тут же вы изволите выражать удивление по поводу моей пунктуальности...

— Не понимаете, значит, — несколько зловеще произнес Рунге. — Впрочем, вы всегда были ослом и продолжаете им оставаться...

Помолчав, он внезапно соскочил с места, ударил обоими кулаками по столешнице и заорал так, что подчиненный невольно попятился к двери:

— Идиот! Только полный идиот мог провалить такую простую операцию, которая была вам поручена! Причем не просто провалить, а наделать шуму на всю Варшаву! Я просто удивляюсь, почему русский губернатор Мартынов* еще не заявил официального протеста Австро-Венгрии по поводу бесчинств, провоцируемых ее спецслужбами и подданными в принадлежащих России губерниях Привисленского края! Впрочем, генерал-майор Лихачев мне уже телефонировал! Гедеке, вы, может быть, не поняли, что именно вам было приказано сделать? А? Что вам было поручено в связи с Агасфером?

— Завербовать. Или ликвидировать, если он попытается покинуть гостиницу, господин полковник...

— И что же вы предприняли, Гедеке?

— Мои люди изъяли у Агасфера деньги, багаж и документы. Оставленная мной в гостинице «Бристоль» агентура контролировала все контакты Агасфера и брала их на заметку. В непосредственной близости от гостиницы, на удобных позициях, были размещены два превосходных стрелка, имеющие фотографические портреты объекта. На связи с ними были несколько моих агентов наружного наблюдения, контролировавших выходы из «Бристоля» — причем не только имеющиеся, но и даже теоретически возможные. Окна нижних этажей, пожарные лестницы, угольные ямы и так далее. Старший портье гостиницы взял под наблюдение все телефонные контакты Агасфера. На вокзале также дежурил мой агент...

* Д. М. Мартынов, действительный тайный советник в чине камергера, был губернатором в Варшаве в описываемое время.

— Вас послушать, Гедеке, так вас к медали за усердие и предусмотрительность представлять надо! И вас, и всех ваших остолопов! — Рунге снова хватил кулаками по столу. — Но я задам вам только один вопрос: где сейчас Агасфер?

— Не могу знать, господин полковник, — промямлил после длинной паузы Гедеке. — Он исчез...

Понукаемый полковником, Гедеке начал сбивчивый рассказ. Около пяти часов пополудни на площади возле «Бристоля» и в прилегающих к ним улицах агенты Гедеке отметили необычное оживление. Везде начали шнырять некие молодые люди — позже почти все из них чинами городской полиции Варшавы были опознаны как члены банды варшавских воров некоего Кроля. Вскоре после этого к дверям банка «Zgoda»*, расположенном на углу, наискосок от «Бристоля», подкатили три пролетки, из которых выскочили вооруженные револьверами люди в масках. Началось не столь уж редкое для Варшавы тех лет ограбление банка. Ограбление сопровождалось бешеной перестрелкой между налетчиками и охраной банка.

Люди Гедеке не вмешивались в происходящее до тех пор, пока кто-то агентов не обратил внимание, что пули летят и в них. Едва ли не в первую минуту были убиты два стрелка, караулящие выхода из гостиницы Агасфера. Обнаружив это, агенты австрийской спецслужбы открыли ответный огонь по налетчикам. В конце концов, перестрелка стихла, налетчики попрыгали в экипажи и исчезли, и люди Гедеке вошли в гостиницу. Но было поздно: Агасфер исчез.

— Надеюсь, вы догадались навести справки на вокзале, Гедеке? — с видом бесконечной усталости спросил Рунге.

— Разумеется, господин полковник! Но там, как выяснилось, произошла небольшая накладка...

«Накладка», по выражению Гедеке, сильно походила на заранее разыгранный спектакль. Внимание дежурившего на вокзале агента отвлекла некая дама, прогуливающаяся по дебаркадеру и внезапно «лишившаяся чувств» от резкого свистка маневрового локомотива. Агент, движимый джентльменскими намерениями, вместе с каким-то железнодорожным чином перенес даму в дежурное помещение и помог привести ее в чувства. Однако, не успев вернуться на свой пост, был той же дамой обвинен в краже дорогой броши, арестован железнодорожными жандармами и «до выяснения обстоятельств» помещен в «холодную». Где и просидел почти четыре часа, несмотря на сразу же предъявленную жандармам номерную бляху специального агента австрийской секретной полиции.

— А тем временем?

— Тем временем, кроме двух поездов по расписанию, от дебаркадера Варшавского вокзала отошел еще и дополнительный экспресс-состав до Петербурга, заказанный и оплаченный инкогнито через банк «Национаь». Принимаются меры по установлению личности заказчика, однако результаты мы получим, скорее всего, лишь утром, после вмешательства канцелярии генерал-губернаторства.

— Достаточно, Гедеке! — безнадежно махнул рукой Рунге. — Вербовка ценного агента провалена, и весь ваш спектакль, разыгранный в вагоне экспресса Берлин — Варшава с портфелем, полным фальшивых документов, используемых «на живца», превратился в жалкую комедию! Идите, Гедеке! Уж лучше бы вы стали в юности кондитером!

Гедеке повернулся, щелкнул каблуками и направился к выходу. Однако в дверях он замешкался и затоптался с видом нагадившего на ковер пуделя.

— Ну, что еще вы мне позабыли рассказать, Гедеке?

— Тот портфель, господин полковник...

— Что — «тот портфель»? Да говорите же!

— Там были подлинные документы, — с несчастным видом признался Гедеке.

— Погодите... Насколько мне помнится, я приказал вам заменить подлинный меморандум фальшивым!

— За полтора часа до отхода поезда весь австро-венгерский Главный штаб не успел бы подготовить качественную фальшивку — там же двадцать шесть листов убористого текста,

* «Zgoda» можно перевести с польского языка как «Согласие».

господин полковник! К тому же, клянусь, портфель был закрыт! — отчаянно замотал головой подчиненный. — Я лично проверил замок! Конечно, курьеру при выходе из купе следовало забрать портфель с собой, но я выполнял ваши же инструкции, господин полковник! «Ловля на живца»!

От неожиданности полковник Рунге на мгновение потерял контроль над лицевыми мышцами, и выпавший из его левой глазницы монокль глухо брякнул по чернильному прибору. Полковник едва не вскочил с кресла, не затопал ногами, обрушивая на Гедеке потоки оскорблений и ругательств...

Однако при осторожном напоминании о том, что инициатором учиненной провокации с портфелем был все-таки он, полковник Рунге, старый разведчик и глава Центрального разведывательного бюро Генерального штаба Австрии сдержался. Он тщательно протер монокль, вставил его в глазницу и сверкнул полированным стеклом на специального агента.

— Упаси вас боже, Гедеке, где-нибудь и когда-нибудь обмолвиться об этом моем приказе! А сейчас... Сейчас ПОШЕЛ ВОН! — Полковник все-таки вскочил на ноги, судорожно хватаясь за кобуру пистолета.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

— Но у вас забронирован номер, мой господин! — удивился старший портье отеля «Кайзер». Его усы разъехались в профессиональной улыбке. — Забронированный и даже оплаченный!

— Вот как? — удивился Агасфер.

— У вас наверняка хорошие друзья в Берлине, герр Полонский! — портье улыбнулся еще шире. — Прекрасный номер с видом на площадь. И даже с телефоном! Ганс, проводи нашего гостя в его апартаменты!

Отель поражал комфортом, здесь была даже новомодная подъемная машина — лифт.

Посыльный подхватил небольшой чемодан и саквояж Агасфера и пошел вперед, показывая дорогу. Лифтер в красной

ливрее с поклоном распахнул дверь лифта, склонился в поклоне:

— Добро пожаловать в отель «Кайзер», мой господин!

Посыльный усадил Агасфера на обитую бархатом скамеечку и скомандовал лифтеру: третий этаж! У дверей номера уже ждала горничная. Она присела в книксене и тоже промурлыкала «добро пожаловать». Она мигом опустошила чемодан гостя, повесила в шкаф его мундир, несколько сорочек, взбила подушки и разгладила простыни на огромной кровати, для чего ей пришлось наклониться так низко, что были продемонстрированы верхняя часть чулок с кокетливыми подвязками и даже краешек ажурных панталон. Посыльного и девицу пришлось, разумеется, щедро вознаградить.

Посыльный подсказал, что его можно вызвать как по телефону, так и нажатием кнопки электрического звонка у двери.

— А это что за кнопка, рядом? — поинтересовался гость.

— О-о, это для вызова дежурной горничной! — снова присев в книксене, девица очень мило покраснела. — У нас круглосуточное обслуживание, мой господин!

М-да, тут на одних чаевых разоришься, подумал Агасфер, когда дверь его номера, наконец, закрылась и он остался один.

Номер действительно был роскошным — две смежные комнаты, одна из которой оказалась спальней. Ноги чуть не по щиколотку тонули в медно-красном восточном ковре, стену напротив спальни украшала огромная кабанья голова. Эта голова как-то не вязалась с остальной обстановкой, но сейчас размышлять над этой безвкусицей Агасферу не хотелось.

Заперев дверь номера, он наконец-то снял протез, натерший руку за время долгой дороги, прошел в ванную и несколько минут подержал покрасневшую культю под струей сначала теплой, потом холодной воды.

Еще в Петербурге, напутствуя его перед отъездом, Лавров предупредил Агасфера, что, судя по всему, фон Люциус должен проявить максимум заботы и гостеприимства.

— Вряд ли он решится встречать вас на вокзале, но будьте уверены: в нескольких лучших отелях на ваше имя заказаны номера. Номера, я уверен, будут с «сюрпризами» в виде отверстий для подслушивания и подглядывания. Не звоните Люциусу сразу после приезда — следует для приличия подождать хотя бы пару часов. Это время, кстати говоря, можно потратить на поиск «сюрпризов». Не сомневаюсь также, что господин советник посольства устроит для вас незаметный «эскорт» и будет знать о выборе отеля еще до того, как вы распакуете свой чемодан...

Так оно, в конечном итоге, и получилось.

Чтобы убить время до звонка немецкому разведчику, Агасфер решил поискать в своем номере «сюрпризы».

Искать было непросто: стены были прямо-таки мешаниной из обивки, деревянных декоративных панелей, лепнины. Кроме того, тут и там он натыкался на ниши, заставленные вазами, художественным литьем, статуэтками. Исключив из зоны поисков стены, смежные с коридорными и наружными, Агасфер принялся методично прощупывать панели, обивку, не забывая заглядывать за зеркала.

Кабанья голова. Таксидермист, видимо, был мастером своего дела: ему удалось передать злобу и отчаяние животного в маленьких глазках-пуговках, яростный оскал открытой пасти с угрожающе торчащими немалыми клыками. Подставив пуфик, Агасфер залез здоровой рукой в глубину кабаньей пасти — и обнаружил то, что искал: крышку, прикрывающую отверстие в глотке. Крышка держалась на маленьких петлях и открывалась, по-видимому, только снаружи.

Агасфер хотел было уже извлечь замаскированную в протезе тонкую стальную шпильку и попробовать отковырнуть крышку — однако передумал. Зачем? Достаточно, что он знает о возможности подглядывания (и, возможно, фотографирования).

Больше никаких «сюрпризов» в номере обнаружить не удалось.

Едва Агасфер успел поставить пуфик на место и смахнуть с него следы ног, как раздался телефонный звонок. Звонить сюда мог только один человек. Агасфер снял трубку — телефонный аппарат был новейшего образца, и слуховая его часть соединялась с микрофоном замысловато выточенной перемычкой из какого-то дерева ценной породы.

— Алло. Здесь Полонский!

— Рад вас слышать, господин Полонский! — раздался в телефоне голос фон Люциуса. — Надеюсь, у вас нет претензий к заказанному мной номеру? Приветствую вас в Берлине!

— Господин фон Люциус? Здравствуйте! Я, знаете ли, догадался, что проявленная любезность с заказом гостиницы и даже его оплатой вперед — ваших рук дело! Но, ради бога, расскажите, как вы догадались, что я поселюсь в «Кайзере»? Я решительно не помню, чтобы упоминал этот отель, когда говорил о своей поездке.

— Я мог бы поморочить вам голову своими способностями к интуиции, господин Полонский, однако признаюсь прямо: я забронировал для вас номера в шести лучших отелях Берлина!

— Очень любезно с вашей стороны, но не слишком экономно. Вам не кажется, герр советник? Разумеется, я рассчитаюсь с вами при первой же встрече.

— Как вам будет угодно! Кстати, о встрече: я не стал ждать звонка от вас по одной простой причине: начальство неожиданно назначило на сегодня длинное нудное совещание, которое кончится неизвестно когда! Поэтому, если вы не возражаете провести время в моей компании, предлагаю программу. У главного входа в отель вас ждет мотор, в котором вы сможете совершить автомобильную прогулку по Берлину. Мой помощник, герр Шольц, в полном вашем распоряжении! Я думаю, что часам к четырем пополудни наше совещание закончится, и мы согласуем с вами окончательные планы на вечер. Мы можем сходить в знаменитую Берлинскую оперу, провести вечер в казино или частном, очень приличном клубе — ничуть не хуже того, где мы с вами

познакомились в Петербурге. Так что думайте и решайте, господин Полонский!

— О-о, вы приготовили для меня целую программу великолепных развлечений, герр Люциус! Мне трудно будет ответить вам той же любезностью в русской столице — у меня нет таких возможностей, как у вас!

— Чепуха! Не думайте об этом, прошу вас! Итак, я ухожу на совещание, а вы решайте: либо поваляться с дороги на пуховиках «Кайзера», либо составить компанию моему Шольцу. До скорой встречи, герр Полонский!

Положив трубку на «рогатые» рычаги, Агасфер со вздохом пристегнул протез и, захватив с собой саквояж с документами, вышел из номера. Коридоры «Кайзера» были пусты. Он спустился по лестнице и направился к стойке портье. Тот мгновенно изобразил необычайную радость при встрече с постояльцем.

— У меня два вопроса. Первый: могу ли я оставить в банковской ячейке вашего отеля свой сак с дорогими для меня вещицами?

— Безусловно, мой господин! Отель «Кайзер» предлагает своим постояльцам два типа ячеек — обычные и с замками повышенной секретности...

— Две, повышенной секретности, — прервал его Агасфер.

— Прошу следовать за мной! — Портье распахнул незаметную дверь в конце стойки, открыл еще одну, ведущую в глухое помещение без окон. Одну из стен занимали в два ряда дверцы ячеек для хранения ценностей, посреди комнаты стоял небольшой стол.

— Вам необходимо заполнить вот такую форму и получить ключи, а также произвести оплату за банковские услуги, мой господин. К сожалению, таковы правила...

Агасфер заполнил несколько бумаг и получил на руки два ключа с замысловатыми бородками, подумав про себя, что спецам Медникова не составило бы труда за несколько минут справиться с такими замками. Впрочем, в Берлине наверняка есть свои «медниковы».

— Позовите меня, когда закончите! — попросил портье и вышел из хранилища.

Агасфер разделил содержимое саквояжа на две неравные части. Запер ячейки и позвал портье. Тот своей парой ключей закрыл арендованные ячейки и проводил гостя к выходу.

У входа в отель его действительно ждал небольшой черный автомобиль с поднятым верхом. При виде лже-Полонского водитель в сдвинутых на лоб очках-«консервах» выскочил из машины, распахнул перед пассажиром дверь и щелкнул каблуками:

— Позвольте рекомендоваться: Шольц. Ганс Шольц, к вашим услугам! — Захлопнув дверь, он обежал вокруг машины, мимоходом запустив мотор с помощью изогнутой ручки, сел на водительское место. — Куда прикажете ехать, господин Полонский?

— Куда хотите, — махнул тот рукой. — Что у вас тут обычно показывают приезжим и туристам?

— О-о, в Берлине есть что показать! — с воодушевлением воскликнул Штольц. — И если у вас нет других предпочтений, давайте начнем с Бранденбургских ворот. Мы как раз направляемся в ту сторону, мой господин! Надо заметить, что эти ворота — единственные сохранившиеся ворота Берлина. Их первоначальное название — Ворота Мира. В свое время, завоевав Берлин, Наполеон приказал демонтировать знаменитую колесницу и перевезти ее в Париж...

Агасфер искоса поглядывал на Шольца, явно офицера, который рассказывал о достопримечательностях как профессиональный гид. Ловко лавируя между многочисленными авто и извозчиками, тот не умолкал ни на минуту:

— Ундер-ден-Линден — один из главных бульваров нашего славного города. «Под липами» — не правда ли, весьма поэтично, мой господин? Особенно учитывая то, что первые липы здесь были посажены по повелению Фридриха Вильгельма еще в 1647 году!

Знакомя гостя с достопримечательностями, шофер-гид не забывал и о других своих обязанностях. Примерно через каждый

час он с извинениями останавливался возле какой-нибудь аптеки либо солидного учреждения и бегал звонить — не закончилось ли совещание господина фон Люциуса?

После четвертого звонка он вернулся к автомобилю явно повеселевшим и объявил, что шеф наконец освободился и предлагает пообедать в «демократическом стиле» — не в шикарном ресторане, к примеру, а в одной из самых старинных пивных. Агасфер пожал плечами: пивная так пивная!

Покрутившись минут десять по улицам, Шольц лихо затормозил возле назначенного места и проводил пассажира через низкий вход-арку в одну из самых старых пивных Берлина. Агасфер очутился в некоем саду, почти сплошь заставленном столиками со скатертями в красно-белую клетку.

— Таких уютных biergarten, то есть пивных садов, в Берлине множество. Но этот самый большой, — пояснил неутомимый гид. — Не считая ресторана, аллеи этого пивного сада могут вместить свыше шестисот посетителей... А вот и герр фон Люциус! Ваш гость доставлен, господин советник! — отрапортовал Шольц.

Фон Люциус был в смокинге и галстуке-бабочке. Он привстал из-за стола, казалось, вросшего в ствол огромного дуба, пожал Агасферу руку.

— Спасибо, Шольц! Вы свободны до... шести часов вечера. Ну, а мы с вами, господин Полонский, сейчас «ударим» по пиву и традиционным немецким закускам. Эй, кельнер!

Заказ советник сделал, видимо, заранее, ибо к столу от ближайшей жаровни тут же направились, сгибаясь под весом двух подносов, два кельнера. Пока они выгружали на стол принесенное, Агасфер удивленно поглядел по сторонам:

— Мы ждем еще кого-нибудь, герр Люциус?

— Если вы никого не приглашали, то нет! — рассмеялся немец.

— Но... Но это же все просто невозможно съесть вдвоем! — Агасфер перевел глаза на гигантские кружки с пенным напитком, принесенные к столу отдельно. — А тем более выпить!

— И съедим, и выпьем, и наверняка еще попросим! Прозит!

Немец оказался прав. Под невероятно приятное пиво свиные ребрышки с зеленью, хрустящие куриные крылышки на гриле так и «отлетали». После второй литровой кружки Люциус закурил и начал «обработку» гостя. Агасфер мысленно усмехнулся: похоже, практика приучила немца к тому, что с потенциальными агентами из России можно особо не церемониться.

— У вас служебная командировка или частная поездка, господин Полонский? — поинтересовался он.

— В основном, частная. Я выпросил у начальства несколько дней отпуска в обмен на обещание выполнить кое-какие поручения.

— Надеюсь, не слишком хлопотные, — посочувствовал Люциус. — Насколько я помню по первой нашей встрече, у вас запланирована встреча со старшим братом. Где-то в Италии?

— Ну, это рандеву тоже не приятных, — изобразил расстроенную гримасу Агасфер. — Мы с братом не слишком ладим по финансовым вопросам, связанным с наследством. Впрочем, дело это слишком личное и посторонним неинтересное.

— Извините за нескромность, но размер ставки на бильярде, предложенный вами господину Гримму, меня несколько удивил. Признаться, я никак не ожидал, что русские офицеры получают столь значительное жалованье. У меня были другие сведения. Взять, к примеру, того же господина Гримма: он постоянно сетует на скудное жалованье. Правда, он ставит на скачках, играет в польскую лотерею, без конца занимает. Хотя, как и вы, исполняет должность адъютанта, если не ошибаюсь!

— Ну, до займов я пока не докатился, — усмехнулся Агасфер. — Все-таки кое-что из спорного наследства мне урвать удалось. Надеюсь, что и нынешняя поездка окажется удачной... Слушайте, господин советник, это пиво действительно

возбуждает страшную жажду! Не заказать ли нам еще по кружечке?

— Ага! — шумно обрадовался немец. — А я что вам говорил?! А как насчет жареных колбасок?

— Пожалуй...

Через два часа, отяжелевшие после обильного питья и еды, Агасфер и фон Люциус выбрались, наконец, из biergarten и разместились в поджидавшем их автомобиле с верным Шольцем за рулем.

— Ну, какова наша дальнейшая программа? — поинтересовался Агасфер.

— Вы гость! — галантно уступил право выбора Люциус. — В принципе, я мог бы предложить сегодня послушать оперу, но после нашего пивного «загула» это, видимо, будет кощунством! К тому же опера от нас никуда не уйдет: у меня до конца месяца откупленные билеты в ложу.

— Может, тогда просто прогуляемся по набережной? — предложил Агасфер. — Ваш Шольц может высадить нас, скажем, в начале улицы Reichstagufer, а сам будет поджидать нас в конце. Устанем — будем отдыхать на скамеечках.

Предложение было принято без особого энтузиазма. Некоторое время шли молча, искоса поглядывая друг на друга.

— Не хотите поиграть в откровенность, герр Люциус? — неожиданно предложил Агасфер.

От неожиданности немец остановился, ухватившись обеими руками за перила ограждения набережной.

— Боюсь, что не совсем понял вас, господин Полонский, — наконец осторожно ответил он. — Разве мы и без этого недостаточно откровенны?

— Бросьте, господин советник! — жестко оборвал его собеседник. — Вы еще скажите, что столь же радушно встречаете в Берлине всякого русского офицера, с кем вы едва знакомы!

Люциус мгновенно перестроился, тут же превратившись из благодушного бюргера в собранного хищника.

— Допустим, не каждого, — протянул он. — И какой же вывод вы можете сделать?

— Выводов несколько. Во-первых, вы разведчик. Причем разведчик высокого ранга. И я вам нужен! Настолько нужен, что вы заблаговременно заказываете несколько номеров в первоклассных отелях Берлина, присылаете за мной автомобиль, носите в кармане месячный, если не годовой, абонемент в Берлинскую оперу, который стоит целое состояние. И все ради старшего адъютанта его высокопревосходительства Гейдена? Какого-то ротмистра?

— С чего вы взяли, что я разведчик? — перебил его Люциус.

— С того, что я работаю с секретными документами, и нахожусь под присмотром жандарма, прикрепленного к нашей Главной Императорской квартире. Признаться, меня вовсе не желали отпускать из России — во всяком случае, до окончания начатых секретных работ. И мой куратор показывал мне перед отъездом несколько фотографических портретов немецких разведчиков, которые могут заинтересоваться моей персоной. Ваш портрет тоже был в этой «коллекции», герр Люциус! К тому же, насколько я понял, вы постоянно работаете в России — причем работаете, извините, довольно нахально! Встречаетесь с людьми, находящимися под подозрением жандармов и Департамента полиции как предатели, передающие служебные секреты не уполномоченным, скажем так, на это людям.

— Интересно... Очень интересно. Знаете, если бы я не был уверен, что в Главном штабе у русских нет контрразведки как таковой, я бы мог сделать вывод, что вы, господин Полонский, именно из этого учреждения!

— Так мы играем в откровенность или не играем? — настаивал Агасфер.

— Отчего же не сыграть? — усмехнулся Люциус. — Свидетелей нашего разговора нет, и если вы даже донесете на меня, всегда можно сослаться на лишнюю кружку пива. Итак, играем! Да, я разведчик Генерального штаба прусской армии! И не мелкого калибра, как вы изволили заметить. Да, я знаю, что сейчас в Главной Императорской квартире

России — вернее, ее морском подразделении — приступили к сверхсекретной работе. Вы, лично вы, господин Полонский, отвечаете за составление карт минных полей для главных фарватеров Балтики. А выпустили за пределы России вас просто потому, что работа по составлению карт только началась. Вы довольны?

— Я вижу, вы неплохо осведомлены, господин советник!

— Это моя работа, — поскромничал Люциус. — Кстати, сейчас ваша очередь ответить откровенностью на откровенность. Я могу рассчитывать на вас в плане сотрудничества?

— Вы имеете в виду не сотрудничество, а предательство? Давайте называть вещи своими именами.

— Ну, пусть будет предательство! — поморщился разведчик. — Все зависит от точки зрения на тот или иной предмет. Я бы все-таки предпочел считать свое предложение деловым.

— Это почему?

— Ну, хотя бы потому, что Германия и Россия живут в мире и дружбе. Более того, наследник вашего престола не сегодня завтра женится на принцессе немецких кровей. Наши страны не грозят друг другу. Нам нечего делить в Европе, разве не так?

— Но зачем тогда эта охота за военными секретами друг друга? Не слишком по-соседски, вам не кажется, герр Люциус?

Немец остановился, повернулся всем телом к собеседнику:

— Мы, кажется, увлеклись, господин Полонский! Мы ведь играем в откровенность, а не в демагогию! А вы так и не ответили на мой вопрос!

— Хорошо. Отвечу, причем с использованием вашей же терминологии. Я согласен сотрудничать с Генштабом Германии на *деловой* основе и предоставить вам копии карт будущих минных полей на Балтике. Но не за деньги, а за равноценную услугу с вашей стороны.

— Что вы имеете в виду, господин Полонский?

— Я имею в виду аналогичные карты минных полей, которыми Британия и ее тогдашний союзник в Крымской

войне*, Австрия, напичкали Балтику. За двадцать лет в Европе многое изменилось, и теперь Австро-Венгрия — лучший друг Германии. Я думаю, австрийцы не могли не поделиться с вами этим маленьким секретом...

Как ни старался Люциус скрыть изумление, кое-что на его лице все-таки отразилось. Глядя на невозмутимое лицо Агасфера, он в конце концов искренне рассмеялся:

— Никогда не знаешь, чего ожидать от этих русских! — сквозь смех пробормотал он. — Надо же! Пытаюсь завербовать русского агента, а получается, что вербуют меня, Гельмута фон Люциуса!

— Обычное деловое предложение, — пожал плечами Агасфер. — Вы передаете мне старые карты с обозначенными на них фарватерами и минными заграждениями, а я дополняю их новыми русскими минными полями. Кстати, последние промеры глубин значительно ускорили бы мою работу.

— А каковы гарантии? — Люциус бросил на собеседника подозрительный взгляд.

— Гарантии? Что вы имеете в виду?

— Только то, что ваши новые дополнения на моих картах могут оказаться фальшивкой. И русские минные поля окажутся совсем в других местах. Или так: я передаю вам британские карты, а вы после этого перестаете меня узнавать, к примеру...

— Господин советник, я тоже могу высказать аналогичные подозрения.

— Ладно, посмотрим, что тут можно сделать, — буркнул Люциус. — Разведчики должны верить друг другу — если это не разовая сделка. У нас не разовая, я надеюсь? Сколько времени займет ваша поездка в Италию и свидание с братом?

— С учетом небольшой остановки в Вене — десять дней...

---

* Крымская война 1853–1856 годов, также Восточная война — война между Российской империей и коалицией в составе Британской, Французской, Османской империй и Сардинского королевства. Боевые действия разворачивались на Кавказе, в Дунайских княжествах, на Балтийском, Черном, Белом и Баренцевом морях, а также на Камчатке. Наибольшего напряжения они достигли в Крыму.

— Десять дней... Что ж, пожалуй, можно успеть все устроить.

— Но это еще не все, герр Люциус! У меня к вам есть еще одно *деловое* предложение!

Немец вопросительно поднял кустистые брови:

— В Вене у меня будет немного свободного времени, герр Люциус. Думаю, если вы меня познакомите с какой-нибудь симпатичной барышней, это время пролетит незаметно!

— Не нахальничайте, Полонский! — фыркнул Люциус. — Не нахальничайте, мне только и осталось, что быть сводней!

— О-о, это смотря какую барышню иметь в виду, господин советник! Я имею в виду Гертруду! Не совсем уверен, правда, что это барышня, но имя уж очень привлекательное!

— Гертруда, Гертруда... Не могу припомнить, увы...

— Ну как же! Как же! Вы упоминали эту «барышню» в одном из своих последних донесений через газету!

— Черт бы вас побрал, Полонский! Похоже, я и вправду отстал от жизни, и контрразведка в России действует. Да еще как действует! Откуда вам известно про Гертруду, Полонский? Если вы действительно хотите с ней познакомиться, вам придется назвать источник информации!

Агасфер покачал головой:

— Насколько я понимаю, хранить в тайне источники своей информации — первая заповедь разведчика, разве не так, герр Люциус?

— Слушайте, Полонский, а вы не знакомы случайно с полковником Архиповым и его группой? — вкрадчиво поинтересовался немец.

— Впервые слышу, — не моргнув глазом, хмыкнул Агасфер. — Я же уже сказал вам, что единственный мой учитель на ниве разведки — это прикрепленный к моей группе жандарм. У него и имя-то засекречено. Единственное, что я знаю про него — что он переведен к нам в Главную квартиру откуда-то с Кавказа.

— И просветил вас насчет Гертруды этот ваш «кавказский жандарм»?

Агасфер промолчал.

Мысли фон Люциуса неслись вскачь. Задумчиво глядя на неторопливые воды Шпрее, катившиеся возле его ног, он проклинал огромное количество пива, которое пришлось выпить и которое мешало ему сейчас думать. Напрасно он спросил у Полонского насчет Архипова и его группы. Ох, напрасно! Конечно, отсутствие левой кисти у Полонского и мадьяра, появившегося недавно в доме Архипова — совпадение более чем удивительное. Мадьяр, как его — ах да, Ковач! — принимал участие в налете на гостиницы в Петербурге. И отличался, спасибо донесению Терентьева, удивительной памятью. И поначалу, сопоставив поразительное сходство увечий — а это вам не родинка, черт побери! — Люциус, грешным делом, прежде всего решил, что под именем Полонского в Яхт-клуб заслан этот мадьяр по кличке Агасфер.

Однако, по здравому размышлению, Люциус отбросил эту мысль: Полонского узнали в клубе и управляющий, и буфетчик, и официанты. А на память этих людей можно положиться! И портрет на стене Яхт-клуба — не считая тонкого шрама через всю левую щеку, черты лица совпадали.

Но откуда тогда у собеседника информация о том, что Гертруда на пути в Вену? Месяц назад ему, фон Люциусу, удалось купить у русского военного инженера Бортникова копию чертежей с разработками прицельной рамки для корабельной артиллерии. Тогда с инженером получилось не слишком аккуратно: узнав о том, что его разработка уехала в Берлин, он не нашел ничего лучшего, как застрелиться. Агент Гертруда был не более чем курьером — правда, весьма надежным. Но, как оказалось, кроме надежности, его отличала техническая грамотность и полнейшее отсутствие моральных принципов. Получив доступ к чертежам Бортникова, он сумел сделать копию и предложить ее, кроме основных получателей, еще и австрийцам. Вставляя в газетную публикацию Полли-Полячека информацию о Гертруде, Люциус хотел обратить внимание своего начальства на то, что агент этот начал халтурить, продавать один товар по два раза.

Конечно, с австрияками Генштаб рейха работал в плотном контакте. Но это не означает, черт возьми, что Вена может снимать сливки со всего, что в поте лица добывал для своего штаба он, Люциус!

Советник покосился на невозмутимое лицо своего спутника. В конце концов, в его предложении «сдать» Гертруду может быть рациональное зерно. Что ж, попробуем!

— Вы упомянули про деловое предложение в связи с Гертрудой. Допустим, я вам ее отдам! Но что я получу взамен?

— Устроило бы вас, господин Люциус, имя штабного офицера Генштаба рейха, который вот уже второй год ведет двойную игру и работает не только на вас, но и на румын и русских?

Люциус был потрясен. Черт возьми, этот молодчик Полонский умеет удивлять! В штабе давно подозревали наличие такого агента, однако он работал весьма осторожно и ни разу не «засветился»! Если Люциус выведет этого «двойника» на чистую воду, то награда рейха ему обеспечена! Даже если кто-нибудь докопается, что имя предателя он добыл в обмен на русского курьера, на это просто не обратят внимания! Какой-то курьер и штабной офицер...

Агасфер ждал, не сомневаясь, что на такую «наживку» немец клюнет. Идея со сдачей «двойника» принадлежала опять-таки Лаврову. Франц Шиффлер, офицер Генштаба, работал под «прикрытием» представительства германского оружейного завода «Браунинг» и довольно неуклюже пытался вести активную работу по вербовке кадровых офицеров и чиновников структурных подразделений Военного и Морского ведомств. Как скупо рассказывал Лавров, Шиффлер был практически пойман за руку в ходе вербовки директора Сестрорецкого оружейного завода, но сумел выйти сухим из воды: напуганный директор успел застрелиться. Однако с перевербовкой Шиффлера не получилось. Не вышло — несмотря на то, что в ходе двухмесячного наблюдения за ним сыщики сумели не только зафиксировать его грязные привычки, но даже ухитрились сделать несколько компрометирующих его фотоснимков. Фотографии были сделаны во время посещения Шиффлером низкопробного «дома свиданий», специализирующегося на малолетних мальчиках и девочках. Он весьма спокойно отреагировал на предъявление ему этих фотографий и даже попросил отдать их ему на «память о России».

«Такую мразь и отдать не жалко», — резюмировал Лавров, передавая Агасферу фотографии вместе со сфабрикованным обязательством работать на русскую разведку. Любопытно, что обязательство действительно было написано рукой Шиффлера — специалисту-почерковеду из Департамента полиции удалось лишь весьма ловко заменить пару слов в тексте.

Тем не менее, Люциус постарался сыграть недоверие.

— Штабной офицер? — скептически переспросил он Агасфера.

Вместо ответа тот достал из кармана конверт с фотографиями и сфабрикованным обязательством.

— Шиффлер, — мгновенно узнал фон Люциус. — Вот оно что...

— Ну, большинство фотографий я комментировать не буду, — бросил Агасфер. — Они, знаете ли, на любителя! А вот эти, сделанные в морге, вас должны заинтересовать, герр Люциус. По просьбе военно-учетного комитета Главного штаба русской армии Шиффлер сообщал нам о заагентуренных им для Австрии и Германии перспективных агентах. Ну а мы предпринимали контрмеры: организовывали самоубийства предателей. Шиффлер рапортовал в свой Генштаб о завербованных высокопоставленных офицерах и чиновниках, а через какое-то время с грустью сообщал об их внезапной кончине.

— И вы можете мне отдать этот конверт?

— Разумеется, мой друг! Разумеется — в обмен на такой же. Только с фотографией Гертруды и коротким досье на эту милую «барышню».

— Надеюсь, вы понимаете, что я не ношу с собой подобных вещей, — проворчал Люциус. — Все будет готово к вашему возвращению из Вены.

— Не пойдет, — покачал головой Агасфер. — Гертруда и ее австрийские связи нужны мне в Вене. Так что жду вас либо нынче вечером, либо завтра утром. А с британскими картами минных полей и фарватеров — извольте, подожду!

— А вы ловкий сукин сын, как говорят в России! — усмехнулся, усаживаясь в автомобиль с верным Шольцем, Люциус. — Надеюсь, вы не обиделись на этот фольклор? Ладно, встречаемся завтра, в десять часов, в Николаикирхе*. В это время там почти нет посетителей, и нам никто не помешает. Ну что? Могу подбросить вас в ваш отель.

— Да, если будете столь любезны.

* * *

Вернувшись в отель, Агасфер первым делом попросил дежурного портье связаться с отелем «Фридрих» и узнать, нет ли среди его гостей некоего Гримма. А если есть, то узнать, по возможности — один ли он приехал или со спутницей?

— Айн момент! — с готовностью отозвался портье и схватился за телефон.

Через пару минут он доложил, что Анатолий Николаевич Гримм прибыл в отель «Фридрих» три часа назад, в сопровождении красивой дамы. Гости заказали столик для ужина в ресторации при отеле.

— Личного телефона в номере господина Гримма нет, — с оттенком превосходства добавил портье. — Такие услуги на сегодняшний день предоставляет своим гостям только наш отель. Если вы желаете, то господину Гримму можно передать записку, продиктованную по телефону. Без проблем, господин Полонский. Диктуйте!

Подумав, Агасфер продиктовал портье коротенький текст: «Господин подполковник! Рискуя нарушить Ваши планы на нынешний вечер, напоминаю о нашем уговоре сыграть матч-реванш в Берлине. Я в отеле „Кайзер“, мой личный телефон в номере...»

— Попросите вашего коллегу-портье из отеля «Фридрих», чтобы он, по возможности, передал мою записку господину Гримму приватно! Чтобы его спутница не узнала о моем приглашении...

Агасфер подкрепил свою просьбу крупной купюрой, услышав в ответ заверения в том, что все будет сделано так, как господин пожелает.

Не успел Агасфер подняться в свой номер и со вздохом облегчения отстегнуть постылый протез, как раздался телефонный звонок.

— Здесь Полонский! — ответил Агасфер по-немецки.

В ответ прозвучал смешок и русская речь.

— Рад приветствовать вас, ротмистр! Я гляжу, вы не ограничиваете себя ни в чем!

— Боюсь, что не совсем понимаю, о чем речь...

— Ну как же! Персональный телефон в номере-люкс! Про матч-реванш я помню, господин ротмистр, однако я только что приехал и пока еще не при деньгах. Вот разве что завтра или послезавтра...

— Удивительно, господин подполковник! Поделились бы опытом — где и как русский офицер может заработать в Германии? Я вот, к примеру, рассчитываю только на старшего брата. А то так и уеду из Берлина с воспоминаниями о номере-люкс. Простите, конечно, за бестактность.

— Ничего! А что касается заработков, так не у вас одного есть старшие братья в Берлине или в Италии... Братья или другие родственники... Ха-ха!

— Значит, матча-реванша не получится, — со вздохом констатировал Агасфер. — Жаль, очень жаль, потому что я завтра покидаю Берлин.

— Черт возьми, ротмистр, мне и самому жаль! Тем более что, насколько мне помнится, инициатором матча был я!

* Nikolaikirche — собор св. Николая — самая старая православная церковь Берлина, построенная в XIII веке. Нынче там размещен филиал Бранденбургского музея и концерт-холл.

Слушайте, а не сыграть ли нам под мою расписку? В конце концов, мы оба офицеры...

— Отчего же? Я вам вполне доверяю, господин подполковник. Но где мы будем играть? Надо полагать, что у вас в отеле есть бильярдные столы, но вот ваша спутница... Мне показалось, что она весьма нервно отреагировала на нашу игру в Петербурге...

— Вы заметили? Ха-ха! Мне кажется, что бильярдная должна быть и в вашем отеле, господин Полонский!

— Право, даже не знал! Что ж, подъезжайте, если хотите. Жду вас через час в бильярдном зале «Кайзера»!

* * *

Гримм приехал через час. Он обошел все три стола — игра шла только за одним. Потребовал у служителя строительный уровень, и под насмешливым взглядом Агасфера тщательно проверил ровность установки столов. Выбрал кий и встал напротив противника.

— Сколько партий играем? — поинтересовался Агасфер. — Чтобы потом не было, знаете ли, никаких недоразумений... Три? Пять?

Подполковник пожал плечами: ему было все равно.

— В случае «сухого» проигрыша предлагаю остановиться на трех партиях, — заявил Агасфер. — В иных случаях, по желанию одного из играющих, ему дается шанс отыграться. То есть «три плюс два». Принимается?

Подполковник молча кивнул:

— Разбивайте, ротмистр!

— Вы забыли про некоторые детали, господин Гримм! — Агасфер достал портмоне и вопросительно поглядел на противника. — Продолжим традицию Яхт-клуба или уменьшим ставки, скажем, до двух тысяч? С учетом ваших стесненных обстоятельств?

Подполковник вспыхнул, потребовал у служителя перо и бумагу. Черкнул несколько строк и протянул бумагу Агасферу:

— Вас устроит?

Тот пробежал глазами написанное и покачал головой:

— Добавьте: «по первому требованию»! В конце концов, это не банковский вексель, а простая расписка!

— Как вам будет угодно! — И Гримм добавил в расписку требуемую противником фразу.

Агасфер кивнул, достал из портмоне шесть пятисотрублевок и накрыл ими расписку Гримма.

Игра началась. Агасфер, разрабатывая стратегию «берлинского матча», решил проиграть первые две партии. Конечно, он рисковал, однако только так можно было заставить азартного противника потерять осторожность.

Выиграв первую партию, Гримм собрался с облегчением порвать свою расписку, но Агасфер остановил его:

— Погодите, господин подполковник! Разве вы не желаете удвоить наши ставки? Или это кажется вам слишком рискованным мероприятием? — Он вынул еще двенадцать пятисотрублевок и положил их на край стола.

— Играем!

Через десять минут и эта партия была проиграна.

— Играем на все? — Агасфер с невозмутимым видом снова полез в карман.

— Черт побери, ротмистр! Печатаете вы свои деньги, что ли? — повеселел подполковник. — Вы, кажется, хотели ехать решать свои финансовые вопросы к брату? С вашими ставками это вовсе не обязательно, мне кажется! Вы только что проиграли девять тысяч и собираетесь ставить еще столько же?

— Это не ваши деньги, подполковник! — процедил Агасфер.

— Пока не мои! — хохотнул Гримм. — Но сегодня Фортуна явно на моей стороне! Может, вернемся к первоначальной ставке?

— Трусите?

— Поосторожнее на поворотах, ротмистр! — вспыхнул Гримм. — Я хочу лишь сказать, что если вы проиграете третью партию, то, по условиям нашего матча, отыграться уже не сможете!

Агасфер молча выложил на край стола пачку крупных купюр, сменил кий.

— Разбивайте, господин подполковник!

На кону было восемнадцать тысяч рублей, считая расписку Гримма. За соседним столом игроки уже побросали свои кии, и, переглядываясь, выстроились за спиной этих русских сумасбродов.

— Эй, челаэк! — щелкнул пальцами кельнеру подполковник. — Рюмку коньяку! А-а, черт, не понимает по-русски! Кельнер, бите айн бренди! Впрочем, может быть, вы тоже хотите взбодриться, ротмистр? Я угощаю!

— Благодарю, не стоит! Разбивайте, разбивайте, Гримм! Сейчас ваш коньяк принесут, не будем терять время!

Третью партию Агасфер играл расчетливо и осторожно. Однако выиграл ее с большим трудом. Положив кий поперек стола, он не спеша сложил в карман свою ставку, обошел стол и собрал деньги Гримма.

— Сам дьявол, видимо, помогает вам! — вырвалось у немца.

— А от вас он отступился? — поддел Агасфер. — Впрочем, по нашим условиям, вы имеете право еще на две партии. Хотите, начнем с первоначальной ставки? Еще одну расписку я от вас, пожалуй, рискну принять!

Он не сомневался, что Гримм откажется играть. Судя по всему, подполковник привез в Берлин очередную порцию военных секретов и рассчитывал на завтрашней встрече со своим куратором из немецкого Генштаба получить свои «Иудины сребреники». Однако Агасфер уже придумал, как можно отложить свидание предателя с этим куратором и потребовать от Гримма немедленного расчета — по первому требованию. Ему не удалось сдержать улыбку, когда он представил, какой скандал закатит своему любовнику Серафима Бергстрем, оставшись «при своих интересах».

Однако Гримм и впрямь оказался азартным игроком. А может, тоже вспомнил про свою спутницу — и решил рискнуть. Он залпом выпил еще чуть ли не полный бокал бренди и принялся торопливо писать расписку.

Агасферу даже стало немного жаль своего азартного противника, но немец, как говорится, сам выбрал свою судьбу.

Итак, Гримм нацарапал вторую расписку. Игра началась.

Агасфер, чувствуя кураж, играл с блестящей небрежностью. Его шары с победным треском влетали в лузы. Противник занервничал и в отчаянии даже пытался мешать: задавал «под руку» какие-то нелепые вопросы, громко кашлял в момент, когда Агасфер наносил удар. А один раз даже попробовал незаметно толкнуть противника под локоть — причем так явственно, что зрители протестующе зашумели.

И, тем не менее, четвертая партия была Агасфером выиграна.

Пряча вторую расписку в отдельный кармашек портмоне, Агасфер церемонно поклонился противнику и заметил:

— Сегодня, видимо, не ваш день, подполковник. Даже подтолкнуть меня под руку толком не сумели!

— Что вы имеете в виду? — взвился Гримм.

— Только то, что видели все эти господа, наблюдающие за нашей игрой. А деньги мне понадобятся завтра до полудня, господин подполковник. Шесть тысяч, если изволите помнить.

На Гримма было жалко смотреть.

— Как — завтра? — ошеломленно пробормотал он. — Я полагал рассчитаться с вами в Петербурге, господин ротмистр! Или, по крайней мере, через день-два...

— Вы что, забыли, любезнейший Анатолий Николаевич? — холодно прервал его Агасфер. — Вы сами изволили согласиться и написали: по первому требованию! Завтра вечером я покидаю Берлин, и эти деньги мне нужны завтра же, до полудня! Неужели мне надо напоминать вам о чести офицера и святости карточных и иных игроцких долгов? Жду вас завтра до двенадцати часов дня у себя в номере. Впрочем, мне не составит труда подъехать к этому времени и в ваш отель. Честь имею, господин подполковник!

Чувствуя ненавидящий взгляд Гримма кожей спины, Агасфер поклонился еще раз и, насвистывая, направился в свой номер.

Оставалось сделать последнее дело.

Поднявшись к себе, он снял трубку телефонного аппарата и попросил барышню немедленно соединить его с номером, оставленным фон Люциусом.

Того на месте не оказалось, и чей-то тусклый голос поинтересовался, не требуется ли чего передать господину советнику.

— У меня есть срочное сообщение для господина Люциуса, — сказал Агасфер. — Не сочтите за труд передать ему, что его звонка ожидают в отеле «Кайзер»! Да, сообщение весьма срочное.

Люциус перезвонил через сорок минут.

— Ну, что у вас еще стряслось, Полонский? Впрочем, погодите. Не забывайте о том, что телефонные барышни весьма любопытны, и говорите, по возможности, иносказательно. Итак, я слушаю вас!

— Вы помните бильярдный турнир в Яхт-клубе, господин фон Люциус? И выволочку, которую вы устроили моему противнику за то, что он доставал деньги из казенного конверта вашего... страхового общества. Из конверта, который вы ему передали во время обеда. После вашего замечания этот человек переложил полученный им гонорар в свой бумажник, а конверт смял и небрежно бросил мимо урны.

— Черт бы его побрал, проклятого пьяницу! И что дальше?

— Смятый конверт попал не в те руки, господин советник. А ваш друг, соответственно, под пристальное наблюдение ваших конкурентов. Тех самых, в существовании которых вы сомневаетесь! Вы понимаете, о чем я говорю?

— Еще бы!

— Не далее как полчаса назад я расстался с этим вашим другом, который, как оказалось, тоже прибыл в Берлин со своей очаровательной спутницей. Он предложил мне матч-реванш, однако весьма неосторожно оговорился, что пока не при деньгах и весьма рассчитывает разбогатеть уже завтра...

— Проклятый болтун!

— Любой человек на моем месте сделал бы вывод, что ваш друг рассчитывает кое-что продать здесь уже сегодня или завтра. Продать то, что привез из России. Я не знаю, кто его покупатель, однако нетрудно догадаться, что он — из вашего э... страхового общества. Вряд ли это вы, ибо почти все время работаете в России и бываете здесь наездами.

— Нетрудно догадаться, — буркнул Люциус. — Но наша беседа затягивается! Итак?

— Сегодня ваш друг проиграл кучу денег с обязательством вернуть по первому требованию. И я не сомневаюсь, что если не сегодня, то завтра с утра он кинется в ваше «страховое общество» со своим предложением. Хотите совет, господин фон Люциус?

— Ох, уж мне эти ваши советы! Впрочем, почему бы не выслушать умного человека?

— Я убежден, что эта парочка, Гримм и его подруга, привезли из России не только «движимое имущество», пользующееся здесь спросом, но и некий «эскорт». Я видел его своими глазами! Причем двоих или троих из этого «эскорта» я узнал. Их называют у нас волкодавами и посылают в дальние командировки. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Понимаю, но не очень верю в то, что ваши охотнички рискнут промышлять на чужой территории, на немецкой земле. Так что вы мне хотели посоветовать?

— Посоветуйте куратору нашего общего друга ни под каким видом не встречаться с ним и не брать в руки то, что он привез. По крайней мере, завтра и послезавтра. Понаблюдайте за этой парочкой — и сами убедитесь, что я прав насчет «эскорта».

— Что ж, совет дельный. Возможно, что после соответствующей консультации я им воспользуюсь. Но как нам быть с вами? Вы, случайно, не привезли сюда такой же «эскорт»?

— Уверен, что нет.

— Тогда — до завтра! Даю отбой!

Повесив трубку, Агасфер зевнул и решил, что на сегодня с него приключений хватит. Ванна, ужин в номер — и спать, спать!

Понежившись в ванне, Агасфер надел халат и через горничную вызвал официанта, которому и сделал заказ на легкий ужин.

Через несколько минут в дверь постучали. Подивившись скорости немецкого сервиса, Агасфер поплотнее запахнулся в халат и крикнул:

— Дверь открыта!

Он причесывался перед зеркалом, когда вдруг услышал:

— Весьма неосторожно с вашей стороны, господин Полонский!

Агасфер резко обернулся и вместо кельнера с сервировочной тележкой увидел бледную красивую даму с густой вуалью на лице. Облик дамы не сулил ничего хорошего. Через мгновение он узнал в ней любовницу господина Гримма, Серафиму Бергстрем. Правую руку она держала в открытой сумочке.

— Неосторожно! — повторила, вернее, прошипела она. — С вашими-то деньгами следует держать двери на постоянном запоре.

— Что за бесцеремонность, мадам? Кто вы такая и что вам угодно?

Не отвечая и не отводя от Агасфера взгляда, она завела свободную руку за спину и дважды повернула ключ в замке.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Операцию по полузаконному проникновению в Литовский тюремный замок обсуждали и готовили в архиповском доме почти два дня. По счастливому стечению обстоятельств, женой главного смотрителя замка, Павла Викторовича Покровского, оказалась родная сестра Лопухина, и это позволяло надеяться, что отказать в посещении родственника он не сможет.

Дело в том, что, как сумел выяснить Зволянский, даже чины Главного тюремного управления были ограничены в доступе в секретное отделение номер семь. Оставалась одна

«лазейка» — «Попечительный о тюрьмах комитет», члены которого могли, следуя высочайшему рескрипту, посещать по своим надобностям любые тюремные заведения по своему усмотрению, на что давались соответствующие письменные разрешения. Эти разрешения были именными: кандидатуры членов Комитета утверждались лично императором.

Зволянский рвал и метал: знать бы такое дело, нужное разрешение можно было бы выхлопотать при недавней аудиенции у государя, и тем более — у императрицы, которой он во время визита оказал значительную услугу. Но не ехать же за разрешением обратно в Ливадию! Посвящать же в дело хотя бы одного из четырех вице-президентов Комитета, либо одного из дюжины директоров нечего и думать!

— А вы, ваше высокопревосходительство, срочную депешу бы телеграфную отбили в Ливадию! — посоветовал из своего угла присутствующий на обсуждении проблемы Медников.

— Кому депешу? Царю? — окрысился было Зволянский, но вдруг замолчал. И малое время спустя хлопнул сыщика по плечу: — Молодец, Евстратий! Царю не царю, а попробовать можно...

Срочную депешу он отправил на имя начальника личной охраны Заварзина, с которым несколько дней назад расстался весьма дружески. Ссылаясь на некую государственную необходимость, он попросил Заварзина решить этот вопрос через императрицу. И уже сутки спустя получил ответ: его просьба принята благосклонно, и на имя первого вице-президента «Попечительного о тюрьмах комитета» в Петербург послана ее величеством телеграмма с высочайшим указанием не чинить господину Зволянскому преград в его служебном рвении.

Начальник Департамента полиции лично отправился к перепуганному депешей за подписью императрицы вице-президенту «Попечительного о тюрьмах комитета» за письменным разрешением: тот усмотрел во всем деле неожиданную высочайше назначенную ревизию. «Видимо, рыльце-то в пушку», — злорадно подумал Зволянский и сумел настоять, чтобы

в разрешение было вписано и имя Медникова, каковой был представлен как следователь Петербургского окружного суда. Такие-то бумажки писари Департамента полиции «выпекали» едва ли не десятками ежедневно...

В Литовский тюремный замок «заговорщики» отправились в двух экипажах, с часовым интервалом. Первыми уехали Лопухин и Лавров, которого было решено представить как дальнего родственника, прибывшего в Северную столицу по делам.

Дежурный караульный офицер, предупрежденный смотрителем о визите родственника, встретил Лопухина со всем возможным почтением, однако Лаврова дальше караульного помещения пропустить категорически отказался. Возмущенный Лопухин тут же написал сестре короткую записку, и пока подчасок с ружьем бегал с этой запиской в личные апартаменты главного смотрителя, демонстративно отказался оставлять Лаврова «на произвол судьбы в караулке» и одному следовать за офицером к зятю.

— Велено пропустить! — доложил вскоре вернувшийся подчасок.

И только тогда дежурный офицер нехотя отворил перед посетителями калитку, за которой помощник дежурного ожидал гостей, чтобы проводить их через тюремный двор к господину главному смотрителю.

Шагая через пустой тюремный двор, посетители с любопытством озирались вокруг. Редкие окна в стенах, почти доверху замазанные известкой, были вдобавок прикрыты тяжелыми решетками. Возле дверей, ведущих в отделения, стояли попарно часовые. Кое-где у стен были видны небольшие загородки с хилыми растениями. Лишь два предмета нарушали суровую и убогую гармонию замка — столб посреди двора с громадным ящиком на вершине — голубятней, да еще один столб, пониже, к перекладине которого на верхушке был привязан колокол.

Подведя посетителей к двери с табличкой «Тюремная канцелярия», офицер распахнул ее и крикнул:

— Посетители к господину главному смотрителю!

Сидевшие за столами чиновники в форме Главного тюремного управления дружно вскочили и склонились в поклоне. А по лестнице уже спускался сам главный смотритель, титулярный советник Покровский, с кислой улыбкой на бритом лице.

— Ну, здравствуй, здравствуй, зятек! — без особой приязни приветствовал его Лопухин, подавая руку и прикасаясь по-родственному щекой к щеке. — Ты тут, я погляжу, совсем анахоретом стал! Не заедешь никогда запросто, ни сам, ни с сестричкой... Даже не протелефонируешь — неужели в твоей «богадельне» телефона нет?

— Телефонный аппарат имеется, однако сами должны понимать, Александр Алексеевич, что характер подведомственного мне заведения не располагает к пустопорожним разговорам.

— В общем, сам в тюрьме с отребьем всяким заперся, и сестру мою в заключении держишь, зятек, — без особых церемоний прервал зятя Лопухин. — Только и разницы, что подопечные твои грешные не по своей воле здесь отсиживают, а ты добровольно!

Писари за столами, продолжая стоять, тихо захихикали, но, заметив грозный взгляд смотрителя, примолкли.

— А где же Зиночка? Здорова ли? Почему старшего брата не встречает? Или ты ее, зятек, в камере держишь, а?

— Я попросил бы вас, Алексей Александрович, в присутствии подчиненных мне лиц воздержаться от неуместных и легкомысленных высказываний, — прошипел Покровский.

— А вот и я, Лешенька! — послышался с лестницы певучий женский голосок. — Жива-здорова, как видишь!

— Зиночка! — Лопухин раскрыл объятья, с грустью отмечая, что сестра превратилась из тонкой веселой девицы в грузную матрону. Лицо ее округлилось, некогда веселые глаза были еле видны из-за пухлых щек. — Здравствуй, родная! А я, как видишь, не один! Помнишь ли ты сестру нашей покойной маменьки, Софью Матвеевну? Так вот, это ее сынок-с!

Впрочем, вы никогда и не виделись — он с младых ногтей то в кадетах, то на службе. Видишь, до ротмистра дослужился наш красавец-то! Кстати, зятек, рекомендую: наш кузен, ротмистр Лавров, Владимир Николаевич! Стало быть, и твой родственник!

Покровский и Лавров раскланялись, сестра Зиночка присела в неуклюжем книксене и покраснела при виде красавца-офицера. Лавров, щелкнув со звоном каблуками со шпорами, ловко приложился к ручке новоявленной «родственницы» и тут же произнес дежурный комплимент. Зиночка покраснела еще больше.

— Ну вот, зятек, а ты чуть не оставил родственника за воротами! — усмехнулся Лопухин. — Слава богу, я догадался Зиночке записку черкнуть!

— Прошу ко мне! — Покровский, посторонившись, сделал приглашающий жест.

Лавров галантно предложил даме руку и повел ее наверх, в помещение, отведенное для главного смотрителя Тюремного замка.

Едва подали на стол горячее, дежурный офицер доложил о прибытии комиссии.

— По именному повелению государыни-императрицы, — прошептал он, подавая Покровскому пакет и две визитные карточки. — Прикажете пропустить и дать сопровождающего?

Смотритель слегка побледнел, скомкал салфетку и, не извинившись перед гостями, бросился лично встречать высоких гостей.

Через полчаса он вернулся, рассеянно извинился перед гостями.

— Что там у тебя случилось, зятек? — принялся допытываться Лопухин. — Неужто ты, брат, «нашалил», и кто-то из обиженных пожаловался в высшие инстанции? Дай-ка мне визитки этих гостей — может, кто знакомый?

Дотянувшись, он без спроса вынул из рук зятя визитные карточки.

— О-о, Сергей Эрастович Зволянский! — разыграл он изумление. — Директор Департамента полиции собственной персоной! А это кто? Старший следователь Петербургского окружного суда Медников — ну, этого я не знаю!

— А со Зволянским, стало быть, знаком? — с надеждой спросил Покровский.

— Ну, с Сергеем Эрастовичем мы по нескольку раз на неделе, бывает, встречаемся. Хорошо знакомы! — Лопухин, сдерживая смех, бросил визитки на стол. — И если что не слишком серьезное — дай знать, авось, уладим! Ты ему здесь, зятек, главное дело, не перечь. Он, брат, как порох.

— Да ничего и не надо улаживать! — смутился смотритель. — Просто впервые на моей памяти пришли проверять седьмое отделение, которым никто никогда не интересовался! Отделение-то секретное, о нем вообще мало кто знает!

* * *

Для «комиссии» срочно освободили смежную с канцелярией комнату. По распоряжению Медникова и Зволянского, писари и чиновники притащили туда целую кучу бумаг. Туда же был вызван старший приставник* отделения номер семь со статейными списками** содержащихся в отделении арестантов. Уже через полчаса Медников подсчитал сумму денежных переводов, полученных осужденным Александровым от Терентьева за два с половиной года. В статейном списке арестанта не нашлось никаких сведений, с помощью коих можно было установить место его нынешнего пребывания. Зволянский, обратив внимание на явно нервничающего приставника, взял его в «крутой оборот».

— Насколько я понимаю, милейший, денежные средства, поступающие на имя того или иного осужденного, не подлежат передаче самому арестанту, а поступают на его личный

* Так в некоторых тюрьмах царской России называли надзирателей.

** *Статейный список* — часть личного дела осужденного, включающее в себя приметы арестанта, данные о его происхождении, содержание совершенных преступлений и т. д.

счет. И выдаются арестанту на руки только в случае его освобождения?

— Точно так, ваше превосходительство!

— А в случае, если на имя арестанта приходят такие же денежные письма, как, например, этому Александрову? Наличные, так сказать.

— Осужденному сообщается о сумме денежного поступления, а деньги передаются кассиру Тюремного замка и хранятся в специальном несгораемом шкафу. Если со временем набирается изрядная сумма, кассир с казначеем открывают личный счет арестанта, куда и зачисляются наличные средства.

— И пользоваться этими деньгами арестант не имеет возможности.

— Только опосредованно, ваше высокопревосходительство! По его желанию и письменному заявлению ему выдаются пятнадцать-двадцать копеек для покупки свечей при тюремной церкви. Также, согласно заявлению арестанта, он может приобретать книги разрешенного содержания. Перед большими праздниками многие желают побаловаться фруктами или сладостями — это также возможно при отсутствии у арестанта замечаний со стороны надзирающего персонала.

— И как это происходит? — не отставал Зволянский.

— Обыкновенно, ваше превосходительство! — пожал плечами приставник. — Арестант письменно обращается с прошением к господину главному смотрителю, и тот обыкновенно дает согласие на покупку фунта-другого яблок, либо конфет. Кассир выдает назначенному для закупок приставнику деньги, а арестант после расписывается в журнале списания денежных средств.

— Существует ли ограничение на суммы производимых арестантом закупок со своего счета?

Приставник замялся:

— Видите ли, ваше превосходительство, формально такое ограничение, разумеется, существует. Но из соображений человечности на эти ограничения часто закрывают глаза.

— Закрывают глаза, — повторил зловеще Зволянский. — Теперь извольте подойти поближе, милейший! Поближе, еще поближе — и давайте посчитаем вместе! Возьмем, к примеру, того же Александрова. За время пребывания в Литовском тюремном замке он получил от одного только Терентьева денежных писем на сумму... э... триста сорок рублей. Верно? Личного счета у заключенного арестанта нет, а в кассовой книге за ним на сегодняшний день записано лишь восемнадцать рублей пятьдесят пять копеек серебром. Правильно?

— П-правильно, в-в-ваш...

— Молчать! — рявкнул Зволянский. — Теперь смотрим личное дело арестанта Александрова. Здесь содержится... Сколько там заявлений на приобретение литературы религиозного содержания, фруктов, овощей и прочего, Медников?

— Двадцать восемь, ваше-ство! — отрапортовал тот.

— Прекрасно! Теперь давайте возьмем наудачу два удовлетворенных заявления Александрова. Вот это и это, допустим... Потрачено в июле и сентябре прошлого года, согласно его письменному заявлению, шестнадцать рублей тридцать копеек. Что куплено? Огурцы свежие, яблоки, книги... Медников, сколько стоят в Петеребурге летом огурцы и яблоки?

— Огурцы — две копейки фунт, яблочки чуть подороже... Копееек шесть-десять.

— И как же ваш закупщик дотащил от рынка до Тюремного замка такую уйму огурцов, милейший? Ломовика нанимал?

— Дык книжки же еще...

— Молчать! Вот мы немного погодя пойдем в камеру к этому Александрову и посмотрим, какую библиотеку он успел здесь собрать за два с половиной года! А пока еще кое-что выяснить надобно. Этот Александров один по делу проходил, либо с сообщниками?

— Двое-с, ваше-ство. Только подельник, разжалованный поручик Егорьевский, уже полгода назад как того... Богу душу отдал-с. В тюремной больничке-с...

— Медников, в первую голову проверь денежные документы этого Егорьевского, по тем же признакам. А всего сколько арестантов в отделении номер семь числится?

— Сорок три души-с, ваше-ство. Только вход в это отделение дозволен, осмелюсь доложить, с личного на то дозволения господина главного смотрителя.

— Позвать сюда немедленно! Нет, не ты! Ты, брат, отсюда пока никуда не выйдешь! Умный какой нашелся: шепнуть, предупредить кого следует — и ищи потом ветра в поле!

Зволянский приоткрыл дверь, стукнув при этом створкой по голове изнемогающего от любопытства писаря. Потирая рукой ушибленное ухо, тот отскочил и встал по стойке смирно.

— Эй, кто-нибудь! А ну зовите сюда главного смотрителя Тюремного замка!

Но тот уже спускался по лестнице из своей половины. Вслед за ним, дожевывая на ходу пирог, следовал Лопухин.

— Сергей Эрастович! Кого я вижу?! Вот уж воистину говорят: мир тесен! Какими судьбами сюда, в «узилище Иродово»?

— Служба-с! А вот ты, Алексей Александрович, что тут делаешь? — нахмурился Зволянский.

— К сестрице в гости заскочил. К супруге господина Покровского, то есть. Вместе с кузеном, жандармским ротмистром Лавровым.

— С жандармским? Это, брат, пожалуй, даже кстати! — Зволянский грозно обернулся к смотрителю замка. — Заходите-ка сюда, милейший! Лопухин, ты своего кузена покличь, да тоже заходи с ним.

Перед тем как захлопнуть дверь, Зволянский, обведя канцелярию многообещающим взглядом, рявкнул:

— Всем оставаться на местах! Боже вас упаси покидать помещение!

Через полчаса, изрядно нагнав страху на всю канцелярию, в сопровождении Медникова и «мобилизованного» во временные помощники Лаврова, Зволянский шагал через

тюремный двор в отделение номер семь, не переставая на ходу стращать взятого в провожатые главного смотрителя. Лопухин, тоже «мобилизованый», был, к немалому его облегчению, оставлен присматривать за канцелярскими — чтобы никаких бумаг не попрятали, не сожгли и т. д.

— Как содержатся арестанты в седьмом отделении? — допрашивал на ходу Зволянский смотрителя.

— В дневное время содержание арестованных, как и в отделении номер восемь, для лиц благородного происхождения, свободное. Камеры запираются только на ночь, — торопливо докладывал Покровский. — Утром подъем по колоколу, в шесть утра. Пересчет арестантов, пересмена приставников, молитва. Для содержащихся в этих двух отделениях обязательных уроков* нет, только по желанию. Днем, при наличии открытых дверей, арестанты имеют возможность навещать знакомых в других камерах, гулять по коридору. В седьмом и восьмом отделениях дежурят по два приставника. В прочих отделениях, не считая женского, режим содержания гораздо жестче.

Забежав немного вперед, главный смотритель распахнул наружную дверь, пропустил посетителей вперед. В небольшом коридоре посетители остановились перед единственной дверью, обитой железом. В верхней части двери была вмонтирована железная же форточка, рядом с которой из двери торчал штырь с шаром на конце.

— Ну-с, как открывается сей сезам?

— Позвольте-с...

Пробравшись вперед, приставник несколько раз ударил по шару открытой ладонью, и удары отозвались звоном небольшого колокола. Словно в ответ, изнутри послышались резкие трели оловянных свистков, какие-то голоса, искаженные толстой дверью. Через минуту загремел засов, и дверная форточка откинулась, явив за собой лицо второго приставника.

* Уроками в местах лишения свободы, в тюрьмах и на каторге называли обязательные работы в мастерских, каменоломнях и т. д.

— Открывай, Сазонов! — крикнул напарник. — Вишь, начальство пожаловало!

Форточка захлопнулась, и после некоторой возни отворилась дверь. Посетители друг за другом вошли внутрь и оказались в длинном широком коридоре с дверями по обе стороны. Лишь в начале коридора, да в дальнем его конце светились тусклые пятна нескольких окон, густо замазанные известью и забранные решетками.

Снова забежав вперед, приставник остановился у одной из дверей, отрапортовал:

— Так что здесь камера осужденного Александрова.

— Открыть! — распорядился Зволянский.

Приставники переглянулись.

— Так что двери днем не запираются, ваше превосходительство... Как я уже докладывал, арестанты имеют возможность общаться друг с другом...

— Ах да... — Зволянский первым шагнул внутрь. Следом за ним в камеру, толпясь, вошли и остальные.

Две железные кровати, небольшой столик у дальнего конца камеры, два табурета, с одного из которых, не торопясь, поднялся при виде визитеров небольшого роста густо заросший бородой человек в серой арестантской рубахе навыпуск и таких же серых штанах.

— Кто таков? — отрывисто спросил Зволянский.

— А ты кто будешь, мил-человек? — с неожиданной издевкой отозвался бородач. — Никак в соседи напрашиваться ко мне станешь?

Лавров сжал локоть уже открывшего рот Зволянского, и тот понял, сдержался, промолчал. Промолчал под выразительным взглядом и уже выступивший вперед для грозного окрика Покровский. Нарушение тюремного устава было явным, с перспективой карцера после долгого начальственного разноса. Но с этим человеком предстояло работать, он мог дать нужные сведения. А мог и, заупрямившись, не дать.

— Я директор полицейского Департамента, действительный статский советник Зволянский. Со мной следователь

окружного суда Медников и ротмистр Лавров. Остальных, полагаю, вы знаете. — Директор, мгновенно сориентировавшись, перешел с начальственного «ты» на вежливое «вы».

— Сам главный фараон? Ух ты! Ну, присаживайтесь, гости дорогие, коли места для себя найдете! Я — арестант Александров, некогда поручик, решением военного суда лишенный чина, дворянства и прав состояния и осужденный для отбытия наказания в арестантские роты. Теперь вот переведен сюда, в Литовский тюремный замок, для отбытия бессрочного наказания. С чем пожаловали, господа хорошие? Нешто помилование мне вышло? — В голосе арестанта опять послышалась издевка.

— Насчет помилования не уполномочен! — буркнул Зволянский. — Жалобы на тюремную администрацию имеются?

— Лишен без объяснения причин прогулок, господин хороший. А так... — Александров пожал плечами. — На начальство жаловаться — себе дороже выйти может! Так что нету больше жалоб!

— Выйдем, господа! Медников, поработайте с осужденным, можно пока без протокола! — со значением подчеркнул Зволянский. — Ротмистр, может, вам лучше остаться? На случай буйного поведения арестанта?

— Не стоит, ваше превосходительство! — покачал головой Медников. — Я привыкший...

Прикрыв за собой дверь камеры, Зволянский не сдержался, обеими руками притянул к себе приставников за воротники, прошипел:

— Ну и где же книги, якобы закупленные вами по просьбе сего арестанта? Я что-то ничего не заметил, кроме кувшина для воды, веника и лохани для водных процедур.

— Не могу знать, ваше-ство. Может, порвал-с для удовлетворения нужд? Или дал товарищам почитать...

— Сейчас мы поищем их в других камерах! — пообещал директор. — Только за Александровым за два года записано более 60 книг и журналов. Да и другие арестанты, полагаю, выписывают литературу? А ну-ка, все книги этого отделения — в надзирательскую! Жи-ва! Духом!

Приставники бросились вон из камеры — исполнять приказ.

Минут через десять сбор литературы был завершен.

— М-да, — Зволянский, наклонив голову набок, пересчитал принесенные книги и журналы. — Библий — восемь штук, прочих — шесть. Остальные, надо полагать, порваны и испарились?

Приставники, потупившись, молчали.

— Ваше превосходительство! — Покровский повалился на колени. — Не погубите! Не доглядел, виноват! Лично проведу следствие, наведу порядок! Под суд отдам! Выгоню без выходного пособия, с «волчьими билетами»! Сами же знаете, ваше превосходительство: во всех тюрьмах порой носят запретное!

— Встань! Не позорь мундир! Поглядим... Ежели мой следователь добьется от арестанта того, что мне нужно — оставлю без последствий! Но всю эту братию разгонишь без рекомендаций, понял?

В дверь надзирательской просунулась лысина Медникова:

— На два слова бы, ваше превосходительство!

Зволянский вышел из надзирательской, плотно прикрыл за собой дверь. Вскоре из коридора донеслись отголоски гневного директорского баритона:

— С ума съехал, Медников? Меня под суд особого присутствия подвести хочешь? Сам по «Владимирке» кандалами позвенеть?!

— А иначе никак, ваше превосходительство! Ну в карцер его загоним — и что толку? Он и там ничего не выдаст!

— Замолчи! Ты хоть понимаешь, что предлагаешь?! Может, за пазухой эту дрянь носишь?!

— Мне-то ни к чему, ваше превосходительство! Для общего бы дела, а?

— А ежели наврет твой Александров? Чего руками разводишь? Нет, нет и нет! Не дозволяю!..

Не понимая, в чем дело, смотритель беспомощно озирался, заглядывал в глаза Лаврову. Приставники, видимо, понимая в происходящем больше, тихо вздыхали.

Пошумев, директор начал успокаиваться и давать Медникову более-менее связные указания, впрочем, перемежая их нецензурной бранью:

— Только потихоньку, понял? Изымешь ключи и сам возьмешь! От касторки-то отличить эту гадость сможешь? Ну, с Богом!

Вернувшись в надзирательскую, Зволянский поманил пальцем смотрителя:

— Проводи сей же час следователя в больничку вашу. Доктор-то на месте?

— Куда ему деваться — полагаю, что на месте. Однако... Должно, пьян, ваше превосходительство, как уж водится...

— Сам разбирайся! В общем, для пользы дела следователь кое-что у твоего доктора попросит. Не знаю, что именно, и знать не желаю! — вдруг заорал директор так, что все вздрогнули. — Подлецы! Сами под суд идете и меня тянете! Вон! Все вон! И попробуйте без этой гадости вернуться!

* * *

Из Литовского тюремного замка Зволянский возвращался мрачнее тучи: еще бы! Он, директор Департамента полиции, вынужден был покрывать вскрывшиеся факты мздоимства, грубейшие нарушения правил содержания арестантов. С его ведома и «благословения» откровенность арестанта Александрова была куплена ценой наркотического снадобья, вытребованного в аптеке у тюремного доктора.

Лопухин тоже был невесел, он жалел сестру. Мало того, что замужество обрекло некогда веселую и бойкую девицу на постоянное пребывание за мрачными тюремными стенами. Лопухин сомневался в том, что безобразия, творимые надзирателями и приставниками, являются тайной для зятя. Черт с ним, если он просто глуп — а ежели не по скудоумию подписывал десятками челобитные арестантов о закупке для них продуктов по сумасшедшим ценам? Да что продуктов! Вон, тому же Александрову с товарищем тайком носили и кокаин, и морфий, будь он неладен! Достукается ведь, паразит,

сам под суд попадет — а Зиночке куда тогда приткнуться? Деток, спасибо, Бог не дал...

О чем размышлял по дороге к архиповскому особняку Лавров, неизвестно.

Медников остался в Литовском замке — для беседы с Александровым: тот ни с кем, кроме него, говорить не пожелал.

Уже повернув в знакомый переулок, Зволянский словно очнулся, наклонил голову набок, прислушался:

— Господа, а что это за колокольный перезвон такой в городе? Просидели весь день, считай, за тюремными стенами — а тут что деется?

Директор ткнул рукояткой трости в спину возницы:

— Слышь, милейший, догони-ка постреленка с газетами! Неужели все-таки... Неужели Ливадия?

Интуиция не подвела директора Департамента полиции. В тот день, 20 октября 1894 года, тихо, без агонии, умер Александр III Миротворец. Дежурный телеграфист в Ливадии отстучал эту новость в два с половиной часа пополудни, и спустя какой-то час с небольшим скорбная весть разлетелась по электрическим проводам по всему миру.

Наборщики по требованию редакторов и метранпажей несколько раз меняли шрифты на первых страницах сегодняшнего выпуска. Еще полтора часа спустя ротационные машины начали печатать специальные внеочередные выпуски газет...

Выхватив из рук возницы газету, Зволянский раскрыл ее на первой странице: там был помещен портрет императора в траурной рамке и короткое сообщение о его кончине.

— Господа, прошу прощения, но мне надо непременно быть на службе! Боюсь, что Иван Николаевич* уже обыскался меня. Алексей Александрович, полагаю, вам тоже следует как

* *Иван Николаевич Дурново* — министр внутренних дел в описываемое время. Несмотря на доверие императорской семьи, в столице Дурново не пользовался ни авторитетом, ни уважением как в среде высших чиновников, так и среди общественности. Тем не менее, новый император Николай II в 1895 году назначил его председателем Комитета министров Российской империи.

можно скорее прибыть на службу! Господин ротмистр, — Зволянский повернулся к Лаврову, — голубчик, тут два шага уже до дома Архипова... Вы уж простите, что мы с господином Лопухиным коляски реквизируем!

— Да-да, конечно, ваше высокопревосходительство! — Лавров легко выскочил из экипажа. — А я, сколько могу, успокою Андрея Андреевича и буду Мельникова с докладом о его миссии поджидать!

— Господи, до нашей ли суетни сейчас, ротмистр? Государь в бозе почил! В столице нынче такие дела начнутся... Впрочем, наследник престола, насколько я понимаю, благожелательно относится к задаче защиты государственных секретов посредством создания нового органа — Разведывательного управления. Нам, господа, нужно набраться терпения, переждать «смутное» время смены власти, перетурбаций во властных структурах и снова идти, как говорится, на приступ сей крепости. Но не сегодня, разумеется! Честь имею, господа!

Экипажи разъехались в разные стороны, а Лавров пешком направился к дому Архипова.

Как оказалось, известие о кончине государя уже успело долететь и до особняка полковника. Поджидавшие возвращения «делегации» из Литовского тюремного замка Ванновский и Куропаткин спешно собрались и уехали на службу. К Петербургу, Москве и крупным губернским городам подтягивались поднятые по тревоге гвардейские полки. Учитывая тревожную обстановку, нельзя было исключить возможности народных волнений.

Лавров смог лишь вкратце просветить Архипова относительно результатов своей поездки: сообщник Терентьева найден, с ним остался работать Медников.

Архипов и Лавров по привычке расположились в библиотеке — телефонный аппарат полковник велел перенести туда же. Однако звонков было немного: один раз телефонировал Ванновский, сообщив о том, что у побережья Ливадии разыгралась сильная буря и что крейсер «Память Меркурия» по причине волнения не может выйти за телом усопшего

императора из Севастополя. Буря продлится, по мнению знающих моряков, не менее 3–4 дней.

Полковник и ротмистр переглянулись: не будучи суеверными, они все же не могли не усмотреть какого-то зловещего знамения в совпадении смерти императора со штормом.

Через малое время перезвонил Зволянский. За неимением прочих новостей, он зачитал телеграфную депешу из Ливадии:

> *Ливадия, 20 октября 1894. Диагноз болезни Его Величества Государя Императора Александра Александровича, поведший к Его кончине: с последовательным поражением сердца и сосудов, геморрагический инфаркт в левом легком, с последовательным воспалением. Подписано: Лейден, Захарьин, лейб-хирург Гиршев, профессор Н. Попов, почетный лейб-хирург Вельяминов, министр Двора граф Воронцов-Дашков.*

— Ну, а что там с нашим... «нефритом»? — помолчав, поинтересовался Зволянский. — Есть какие-нибудь известия из замка?

— Сами уж беспокоимся, — вздохнул Архипов. — Судя по тому, что там открылось, не забрили бы нашего Медникова в арестанты под каким-нибудь предлогом. Он же, насколько я понял, кое-что запретное арестанту передал. Возьмут нашего Евстафия в заложники, так сказать...

— Не будьте бабой! — грубовато прервал его директор. — Ишь, какие пули отливаете! Да если только Медников через два часа не вернется, я сам за ним с такой командой поеду, что тошнехонько будет всем тамошним мерзавцам! Даю отбой!

Наконец явился и сам Медников, встреченный только что не с оркестром. Сознавая важность добытых им сведений, прежде всего попросил чаю и чего-нибудь постного.

— Со вчерашнего дня крошки во рту не было, господа, — признался он.

Архипов повлек героя дня в столовую, на ходу призывая Кузьму.

Через полчаса, наскоро перекусив, Медников принялся рассказывать.

Как и предполагалось, заводилой в компании бесшабашных драгунских офицеров был Терентьев. Он же приохотил товарищей не только к тайному дому свиданий с малолетними девчонками-гимназистками, но и к кокаину, а позже и к еще более страшному зелью — морфию. Не попался Терентьев благодаря своей сообразительности: когда двум совсем юным «жрицам любви» стало от кокаина дурно, он сказал товарищам, что пошел за доктором. И не вернулся. Перепуганная хозяйка притона послала за родителями гимназисток.

Поднялся великий шум, товарищи Терентьева попали под арест, он однако нашел возможность втихомолку переговорить с ними.

— В ногах, говорит, у них валялся, больную маменьку поминал (дескать, при смерти она), ее именем заклинал молчать про него, и про «гостинец»-порошок не забыл, наобещал с три короба... В общем, промолчали товарищи про Терентьева на суде. А он их и во время следствия «подкармливал» зельем этим проклятым, и подсказал, как и через кого можно в Тюремном замке порошочек или ампулки добыть... А я слыхал раньше от знающих докторов, что постоянное употребление этой гадости и характер меняет у человека, и на умственных его способностях отражается. В общем, живет такой человек от понюшки до укола...

— Евстратий, ты извини, но тебя не за лекцией о вреде кокаина посылали! — довольно резко прервал рассуждения сыщика Лавров. — Знает ли Александров, где может скрываться Терентьев?

— Знать не знает, ваш-бродь, а вот пару «наводочек» полезных дал, — слегка обиделся Медников. — Во-первых, кокаин продается практически в любой аптеке, только не каждый аптекарь эту гадость без рецепта врача продаст! Дело хоть и неподсудное, но лицензии за продажу сильнодействующих снадобий, как и ядов, лишиться вмиг можно! А врача

с рецептами найти и того сложнее: в медицинских целях кокаин прописывают крайне редко, поэтому каждый случай на виду. В общем, говорил Терентьев несколько раз своим товарищам о некоем Карле. А один раз даже и подвозил на извозчике к той аптеке, когда «не хватило». Адрес Александров, конечно, не помнит: в полубредовом состоянии был. Ночь опять-таки... Звонить пришлось — да, чуть не забыл! Звонок в аптеке был какой-то оригинальный. Не похожий на прочие. Мост рядом. И переулок, в котором аптека располагалась, уж очень узкий. Извозчик ругался, говорят, — развернуться не мог. Под уздцы лошадь выводил, задом.

— Вот так приметы! — огорченно воскликнул Лавров. — Мост, аптекарь Карл, узкий переулок... Евстратий, ты хоть знаешь, сколько в Петербурге аптекарей-немцев с именем Карл? А ежели он не с самим аптекарем дело имел, а с провизором? По ночам-то хозяева спят обыкновенно. А мостов сколько в Петербурге? И потом: найдем мы того аптекаря, а он знать не знает, кто такой Терентьев и где его искать!

— Ну, чем богат! — развел руками Медников. — Кстати: упоминал арестант в замке, что Терентьев хвастался, что часто закатывался на пару-тройку дней в «дом свиданий» один. Любовь у него там с хозяйкой притона. Любашей зовут... Дом большой, несколько входов-выходов, а у главного стоит швейцар арапского черного племени. И аптека та, с Карлом, в нескольких минутах езды от Любашиного дома!

— Ну, это уже кое-что! — Лавров бросил на Архипова многозначительный взгляд. — Во-первых, Аптекарский департамент надо перетрясти, там лицензии на открытие аптечных дел выдают. Немцев-аптекарей в Петербурге, конечно, немало, но не все же Карлы, черт возьми! А потом с городовыми работать надо, Андрей Андреевич! Вот уж кто все «дома свиданий» знает! Однако, полагаю, без Зволянского мы сию шараду не решим.

На том и порешили. Правда, когда даст знать о себе Зволянский в свете последних трагических событий, решительно никто не знал.

— Да, вот еще что! — вспомнил Лавров. — Табачная лавка, которая использовалась Терентьевым как почтовый ящик! Наблюдение с нее снято, полагаю, Евстратий?

— Снял, ваше благородие! — сокрушенно развел руками Медников. — Да и то сказать: людишек-то у меня маловато. Трех-четырех «топтунов» плюс извозчика там постоянно держать надобно, чтобы плотно лавку и визитеров контролировать. А мне господин Вельбицкий, особенно когда господин директор в отъезде был, за каждого шею каждодневно пилил. Человечек из МИДа в съемной квартире напротив лавки неделю посидел, да без толку: никого из германского посольства не приметил. Как уж он смотрел — может, глаз не отрывал, может, спал целыми днями — врать не стану, не знаю. Нажаловался, видать, своему начальству — его и отозвали за ненадобностью.

— Наблюдение надо восстановить! — твердо заявил Лавров. — Терентьев может подать своим хозяевам сигнал о том, что перешел на «нелегальщину». И адресок свой новый для связи оставить!

— Ну-у, уж это точно без его превосходительства не решить! — покачал головой Медников. — Царь помер, всякая сволочня голову подняла. Митинги, стачки, агитация. Весь мой «летучий отряд» с утра до ночи на ногах. Ни одного человечка не дадут без господина директора, нечего и думать!

— Ладно, с господином Зволянским общий язык постараемся найти! — пообещал Лавров. — А пока, Евстратий, беги-ка ты в лавку, дворнику из дома напротив насчет бдительности напомни. Понимаю, что устал сегодня, — да что поделаешь! Про награду скажи непременно. Портрет Терентьева у него должен остаться — пусть бдит!

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

— Да в чем же дело? Вы сумасшедшая, мадам? — Агасфер сделал движение к кнопкам звонка для вызова портье и горничной, однако замер, увидев ствол револьвера, который дама выдернула из сумочки.

Револьвер был небольшим, из серии «малюток», однако на расстоянии двух-трех шагов промазать по такой крупной «мишени», как мужская фигура, трудновато даже для женщины, не имеющей навыков обращения с оружием. А мадам держала револьвер уверенно, курок был взведен. Агасфера поразили глаза любовницы Гримма, в которых читалась не только злоба, нет, можно было увидеть в них и отчаяние, владевшее этой женщиной.

Она сдернула с головы шляпку с вуалью и, двинувшись к Агасферу, насмешливо спросила:

— Неужели вы до сих пор не узнали меня, господин Полонский?

Притворяться было бессмысленно. Агасфер нахмурился, делая вид, что припоминает.

— Погодите, погодите... Я вас определенно где-то видел! А-а, вспомнил! Вы близкая знакомая господина Гримма! Как вас там... кажется, Серафима с какой-то скандинавской фамилией!

— Серафима Бергстрем, с вашего позволения! Сядьте на кушетку и не делайте глупостей. Уверяю вас, стреляю я изрядно и успею всадить в вас две или три пули, даже если вы броситесь на меня!

Агасфер, отступая к кушетке, захватил со стола сигару, приготовленную им, чтобы с удовольствием выкурить ее после заказанного ужина.

— Приму ваше утверждение к сведению! — спокойно ответил он. — А что касается глупостей, то призыв не делать таковых касается больше вас, чем меня! Ведь, явившись ко мне с оружием, вы уже наделали глупостей! Через несколько минут сюда явятся официанты с заказанным ужином и начнут стучать в дверь. Если вы прикажете мне молчать, я буду молчать, но официанты забеспокоятся. Они отопрут дверь запасным ключом — а что тогда будете делать вы, мадам? Стрелять во все стороны?

— Вы полагаете, что вы тут самый умный? — язвительно отозвалась женщина. — По дороге в ваш номер я предупредила горничную, что господин просит перенести ужин на два часа позднее, поскольку у него свидание с дамой. Так что нас никто не побеспокоит, Полонский!

Агасфер промолчал. Пару часов назад, злорадствуя насчет скандала, который наверняка учинит мадам своему любовнику за проигранные деньги, он и подумать не мог, что она окажется столь безрассудной.

— Итак, я пришла за расписками Анатолия! Две расписки, на три тысячи рублей каждая, по первому требованию. Вернете их добром или вынудите меня применить оружие?

— Во-первых, я поместил расписки в банковской ячейке отеля. Поведете меня в хранилище под дулом револьвера? На глазах обслуги и всей публики? И полагаете, что я при этом буду молчать? — рассмеялся Агасфер. — Мадам, для вас это кончится тюрьмой! Да-да, в Германии не делают скидок для женщин-грабителей!

Ход оказался верным, Серафима заметно побледнела и прикусила нижнюю губу.

— Врете, Полонский! — наконец заговорила она. — Во всяком случае, сначала мы с вами поищем эти расписки здесь, в номере. И если не найдем их здесь...

Агасфер вопросительно поднял брови:

— Договаривайте, мадам! И если вы не найдете их здесь?..

— Для начала я изуродую вас так, что мало не покажется! А ну-ка, покажите мне вашу руку! Да не эту, а ампутированную! Быстро!

— Зачем это вам, госпожа Бергстрем?

— Хочу посмотреть на обрубок, которым вы столь мастерски играете на бильярде! Ну, быстро! Не заставляйте даму ждать!

Агасфер не двинулся с места. В нем закипал гнев. Мало того, что эта мерзавка, прекрасно зная, как именно ее любовник «зарабатывает» на ее драгоценности, является, по сути, соучастницей предательства и наверняка подстрекает его торговать военными секретами России, она задалась целью вернуть проигранные Гриммом деньги, но при этом, в силу

своей глубокой порочности, еще и позволяет себе издеваться над калекой, грозит изуродовать его еще больше.

— Полонский, я считаю до пяти! Встаньте и сбросьте халат, покажите мне вашу культяшку! Иначе, клянусь Богом, я прострелю вам колени! Вам мало вашей однорукости? Желаете провести остаток жизни в инвалидном кресле? Раз... два...

Она хороший психолог и поэтому не мечется по номеру в поисках расписок, понял Агасфер. Хочет сломать меня морально, заставить валяться у нее в ногах, молить о пощаде... Чтобы я сам умолял ее забрать проклятые расписки...

— ...три, четыре... — Серафима стиснула револьвер двумя руками, и по чуть исказившемуся ее лицу Агасфер понял, что сейчас грянет выстрел. — Стены здесь толстые, Полонский, двери и окна завешены плотными шторами, в коридоре никого... Ну?! Пять!

Целилась она действительно в колено!

Грянул выстрел.

Позднее, анализируя ситуацию, Агасфер долго не мог доподлинно восстановить последовательность событий. Скорее всего, все случилось практически одновременно — телефонный звонок, выстрел и его отчаянный бросок под ноги мадам Бергстрем. Нет, пожалуй, телефон зазвонил на мгновение раньше. И отвлек мадам тогда, когда она уже нажимала на курок. Однако Серафима, в конечном итоге, не промахнулась: Агасфер, падая, почувствовал, как его словно хлестнули раскаленным железным прутом по спине.

Но мгновение было им выиграно. Серафима, сбитая с ног, упала, выронив револьвер и основательно «приложившись» головой о круглый столик. Она еще только пыталась подняться, а Агасфер на четвереньках уже подобрался к револьверу, схватил его здоровой рукой и направил ствол на женщину.

Старая школа побывавшего под огнем солдата не забывается. Морщась от боли в спине, он сделал несколько глубоких вдохов и выдохов, пытаясь определить характер своего ранения. Дыхание было свободным — стало быть, и рана поверхностная.

Мадам все еще лежала на ковре, не делая попыток встать, и только с ненавистью глядела на Агасфера.

А тот выщелкнул обойму, осмотрел головку верхней пули и буднично, словно ровным счетом ничего и не произошло, заговорил:

— Мадам, а вы знаете, что сделает мягкая свинцовая пуля, попав в вашу переносицу? Она мгновенно расплющится о твердую кость и, распавшись на осколки, пойдет «гулять» между мышцами лица, будет рвать и калечить кожу. Ни один хирург не сможет ликвидировать последствия такого ранения — до конца жизни от вашего вида будут лошади шарахаться!

Агасфер замолчал, досадливо оглянувшись на продолжавший трезвонить телефон. Осторожно встал на ноги, подошел к большому зеркалу, ничуть не смущаясь дамы, скинул халат и повернулся боком, чтобы осмотреть рану. Ранение, как он и предполагал, оказалось пустяковым: пуля, ударив под углом в ребро, скользнула по нему и висела, сплющенная, чуть ниже, на обрывке кожи. Зашипев от боли, Агасфер сорвал пулю, накинул халат и лишь после этого снял трубку телефона.

— Здесь Полонский!

— Наконец-то! — послышался в трубке ворчливый голос Люциуса. — Чем вы так заняты, что целых три или четыре минуты не можете подойти к телефону? Поди, нашли смазливую немецкую шлюху и вовсю развлекаетесь с ней?

— Вы правы, господин Люциус! Ко мне, действительно, ворвалась в номер наглая шлюха, и мы развлекаемся с ней прямо на полу! — Агасфер не спускал глаз с мадам Бергстрем. — А вы что поделываете? У вас нет желания подъехать и поразвлекаться втроем? По-моему, дама не будет против...

— Перестаньте говорить глупости, Полонский! — начал сердиться Люциус. — В отличие от вас, я на службе и занимаюсь делами. Нашими общими делами, между прочим! Мое руководство одобрило наш обмен. А позвонил я вам единственно потому, что время нашей завтрашней встречи переносится на час позже!

— На час позже... Что ж... К сожалению, я плохо знаю Берлин. Скажите, герр Люциус, успею ли я за час с места нашей встречи поспеть в отель «Фридрих»?

— Успеете. Верный Шольц в вашем распоряжении.

— Тогда у меня к вам просьба частного характера, последняя на сегодня, герр Люциус.

— Опять просьба?!

— В наших же с вами интересах, уверяю вас! Насколько я знаю, в «страховых конторах» вроде вашей всегда есть под рукой доктора, которые умеют молчать. Не могли бы вы прислать одного такого ко мне в отель? Видите ли, я получил легкое ранение, и боюсь перепачкать кровью дорогие ковры «Кайзера».

— Что случилось, Полонский? — несмотря на полушутливый тон собеседника, Люциус понял, что что-то произошло. — Вы ранены? Кто?..

— Ранение легкое. А стреляла в меня шлюха, с которой я тут «развлекался». Впрочем, вы с ней знакомы: это нежная подруга нашего общего друга из Петербургского Яхт-клуба!

— Администрация отеля в курсе? — быстро спросил Люциус. — Полиция? Может быть, послать вместе с доктором моих людей?

— Все тихо, никто ничего не знает. И не узнает — если, конечно, мадам сама не станет болтать о происшедшем на каждом углу!

— Проклятая тварь завтра же получит предписание покинуть Германию! Так ей и передайте! Даю отбой!

Агасфер, обойдя продолжавшую лежать на полу Серафиму, закурил сигару, уселся на кушетку и закинул ногу на ногу.

— Ну, и долго вы намерены валяться у меня в номере? — поинтересовался он. — Вставайте и убирайтесь! И не вздумайте убеждать вашего «Ромео» потихоньку съехать из «Фридриха», не рассчитавшись со мной! Вставайте, вставайте!

К удивлению Агасфера, Серафима Бергстрем без охов и ахов встала, поправила сбившееся платье. Однако не кинулась к дверям, а подняла сумочку, шляпку и... уселась напротив Агасфера.

— А вы неплохой человек, господин Полонский! — заявила она. — Я искренне прошу у вас прощения за свою несдержанность. И за этот дурацкий выстрел. Может быть, вы позволите мне самой, до прихода доктора, осмотреть вашу рану и помочь вам?

— Нет уж, мадам! — усмехнулся Агасфер. — Боюсь, что после вашей «помощи» профессиональному доктору что-либо делать возле моего бренного тела будет поздно!

— Зачем вы обижаете меня недоверием? Я ведь уже извинилась! А как ваше имя?

— К чему вам это, мадам? Ну, допустим, Виктор Александрович...

— Виктор — это означает победитель, не правда ли? — вздохнула Серафима. — Вот вы и победили слабую женщину, Виктор! Унизили, заставили валяться у вас в ногах, да еще лишили того, что обещал мне этот глупый напыщенный дурак Гримм!

Агасфер невольно расхохотался, однако тут же ойкнул от боли, неосторожно откинувшись назад.

— Значит, я вас унизил, заставил валяться на полу, лишил очередных побрякушек, обещанных вашим любовником! Бог мой, и это я слышу от женщины, которая несколько минут назад просто чудом не размозжила мне колено! Убирайтесь!

— Погодите... Виктор! Можно, я буду называть вас Виктором — такое красивое имя!

— Мадам, ваши уловки бесполезны!

— Ну почему вы называете меня «мадам»? Вы Виктор, я для вас — Серафима. Можно просто — Сима. А вы знаете, Виктор, что во мне течет скандинавская кровь, кровь викингов? Вы что-нибудь слышали о викингах, Виктор?

— Мадам, я мог бы прочесть вам целую лекцию о викингах, их предках, особенностях национального характера... Уходите и скажите спасибо, что легко отделались!

— Но вы не знаете, Виктор, как женщины-викинги умеют любить! — Мадам соскользнула с кресла и, как кошка,

устроилась у ног Агасфера, обняла его за колени. — Вы не знаете, каковы мы в постели! Мы — ураган страсти, мы — нежная буря чувственности. Мы покорны и верны, Виктор! Хотите попробовать меня, Виктор? Я предлагаю вам это от всей души, ибо вы — мой победитель!

— Покорны и верны?! Человека, который в течение нескольких лет осыпал вас драгоценными побрякушками, вы только что назвали глупым напыщенным дураком! — начал выходить из себя Агасфер. — И ведь вы прекрасно знаете цену этим побрякушкам, мадам! Это — цена предательства вашей родины! Вы не стесняетесь украшать себя серьгами и ожерельями, каждое из которых может в случае войны обернуться жизнями сотен и тысяч солдат! Русских солдат!

— Ах, мы, женщины, так далеки от этих войн, сражений... Мы предпочитаем «сражаться» на шелковых простынях, Виктор! А Гримм... признаться, я никогда не интересовалась ни его делами, ни финансами. Да, он покорил меня своим вниманием и щедростью, не скрою! Но какое, скажите, мне дело, откуда мужчина берет средства для того, чтобы сделать женщине приятное?

Снова зазвонил телефон, и Агасфер, с трудом вырвавшись из цепких рук по-прежнему сидевшей у его ног женщины, снял трубку:

— Алло, здесь Полонский!

— Господин Полонский, вас беспокоит дежурный портье. Ваша гостья передала нам пожелание повременить с ужином. Вы не могли бы сказать поточнее, когда вы освободитесь? Метрдотель очень беспокоится...

Краем глаза Агасфер заметил, как мадам Бергстрем, словно невзначай, направилась в ванную, расстегивая на ходу многочисленные пуговички на платье. Вот упорная стерва! Сейчас разденется, и попробуй ее потом, голую, выгони! Откашлявшись и нажав на рычаг отбоя, Агасфер нарочито громко, словно продолжая разговор, сказал:

— И еще, господин портье, насчет упомянутой вами гостьи. Она ворвалась в мой номер обманом, я ее знать не

знаю! И только врожденная деликатность мешает мне вышвырнуть ее вон. По-моему, она сумасшедшая. Пришлите, пожалуйста, двух-трех охранников покрепче. Да и карету психиатрической помощи, думаю, стоит вызвать... Разумеется, с черного хода. Пусть завернут ее в полотенца, или скатерти, не знаю. Только избавьте меня от нее, ради бога! Хорошо, жду!

Не успел Агасфер положить трубку на рычаги, как мадам Бергстрем стремительно вылетела из ванной.

— Идиот! Калека! Обрубок чертов! Импотент! Погоди, мерзавец, мы еще встретимся на узкой дорожке!

— И вам доброго пути, госпожа! — смеясь, напутствовал «гостью» Агасфер.

Закрыв за ней дверь, он тут же вынужден был впустить прибывшего от Люциуса доктора. Доктор разделся, долго мыл руки, потом раскрыл принесенный саквояж и вопросительно поглядел на Агасфера.

Тот, тоже молча, скинул халат и повернулся к нему боком. Ощупав длинные края раны сильными пальцами, доктор спросил:

— Пулю сохранили?

Агасфер протянул салфетку с завернутой в нее пулей. Доктор взял ее пинцетом, покрутил перед глазами, положил снова в салфетку.

— Ложитесь, — велел он. — Сейчас будет немножко больно...

От этого «немножко» Агасфер едва не взвыл и закусил зубами угол подушки. Доктор, не обращая на стон внимания, промыл рану какой-то пахучей жидкостью, промокнул тампоном, наложил стерильную салфетку, заклеил рану пластырем и начал собирать инструменты. Уже в дверях он поинтересовался:

— Ревнивая дама?

— Почему ревнивая? — удивился Агасфер.

— Герр советник сказал: ревнивая дама. Да и пуля от дамского револьвера. Я приду завтра, в это же время.

— Завтра меня здесь уже не будет! — запротестовал Агасфер. — Нельзя ли пораньше, часа в два?

— Можно. Мыться и снимать пластырь не советую.

— А ваш гонорар, доктор? — Агасфер поднялся с кушетки.

— Я государственный служащий. Всего доброго!

* * *

— Извозчик? — обиженно поджал губы дежурный портье «Кайзера». — Вы имеете намерение совершить романтическую поездку по старому Берлину на старинном экипаже?

— Нет, — ответил Агасфер. — Я хочу посетить православный собор святого Николая, своего небесного покровителя. Поставить свечку, помолиться, как это принято у русских.

— Тогда я могу предложить вам прокатное авто! — с гордостью заявил портье. — Наш отель — один из немногих в Германии, кто может предоставить своим гостям такой сервис, созвучный времени! Вам с шофером, или вы имеете навыки управления авто?

— Боже упаси. И к тому же плохо знаю ваш чудесный город. Итак, вы рекомендуете нанять автомобиль? — Вспомнив вчерашний инцидент со стрельбой, Агасфер поспешно добавил: — Разумеется, я имею в виду закрытый автомобиль! Скажем, на десять утра?

— Разумеется, господин Полонский! Ровно в десять часов автомобиль с опытным шофером, хорошо знающим Берлин, будет ожидать вас у главного подъезда. Вы желаете нанять авто на какое-то определенное время?

— Если можно, на целый день.

— Весьма разумно, — важно кивнул портье. — Так получится даже экономнее.

* * *

За тяжелыми двухстворчатыми дверями собора царила почти осязаемая тишина. Даже гулкие шаги посетителя по каменному полу словно глохли. Оглянувшись в поисках церковной лавки, Агасфер увидел небольшой закуток с иконами,

церковной литературой и свечами разной толщины, сложенными ровными штабельками. За прилавками маячила женская фигура.

— Мне нужны две свечи, — негромко попросил Агасфер. И на тот случай, если прислужник не понимает по-русски, добавил по-немецки: — Zvei Kerzen, bitte!

— В храме все понимают русский язык, — столь же тихо ответила женщина, проводя рукой над штабельками свечей. — Вам какие, господин?

Купив свечи и бросив сдачу в ящик для пожертвований, Агасфер снова обратился в прислужнице:

— Я ожидаю товарища. Можно мне побыть в храме некоторое время?

— Как будет угодно господину. В храме хорошо думается, здесь в голову приходят только светлые мысли. Может быть, господину нужен священник? Исповедь, заказ молебна?

Агасфер отрицательно покачал головой и отошел в сторону. Время замаливать грехи для него еще не настало...

Ждать фон Люциуса долго не пришлось. Через несколько минут сквозняк от открывшихся дверей заставил затрепетать огоньки лампад и свечей. Послышались тихие шаги, и немец остановился рядом с Агасфером, кивнул ему в знак приветствия.

Агасфер протянул советнику одну свечу, со второй прошел вперед, к кануннику* под фигурой распятого Христа. Зажег ее, подогрел основание над пламенем уже горящей свечи, укрепил. Люциус, посапывая, повторил все его действия.

Перекрестившись, Агасфер направился к выходу, слыша за собой шаги своего спутника. На крыльце храма, повернувшись к нему лицом, перекрестился еще раз. Немец креститься не стал — ни в церкви, ни на улице.

Спутники направились к двум автомобилям, стоявшим в переулке бок о бок.

---

* *Канунник* — специальное место в православном храме, где ставят свечи за упокой души.

— Господин Полонский, а почему в православном храме совсем нет скамеек? Неужели прихожанам приходится все время стоять? Это же очень неудобно, особенно для пожилых людей.

— Я не большой знаток церковных канонов, — пожал плечами Агасфер. — Наверное, всякое удобство отдаляет человека от Бога...

Люциус хмыкнул:

— А что означает то, что мы с вами поставили у распятия две свечи? Вы приобщили меня к какому-то русскому обряду?

— В кануннике, у распятия, принято ставить горящие свечки за упокой чьей-то души. Или душ... Неужели вам некого поминать, господин Люциус?

Немец пробормотал нечто невразумительное, потом махнул перчаткой, зажатой в руке.

— Всему свое время, Полонский. Когда-нибудь и мне придется давать отчет перед Всевышним по полной, как говорится, программе. А пока, извините, — дела! Итак, как я уже упоминал, руководство одобрило ваше предложение. Одобрило как разовую акцию! — Люциус шутливо погрозил Агасферу пальцем. — Так что не спешите докладывать своему руководству о том, что завербовали крупного немецкого разведчика!

— Не зарекайтесь, господин советник. Жизнь — штука длинная. А земля, как известно, круглая — может, еще и понадобимся друг другу!

— Не знаю, не знаю, — проворчал немец. — Теперь о деле. Британские копии фарватеров и минных полей вы получите через несколько дней, после возвращения из Вены. Материалы по интересующей вас Гертруде — в этом конверте. А где ваш конверт с нашим человечком?

Агасфер передал немцу конверт, заглянул в принесенный Люциусом. Кроме двух фотографий — в анфас и профиль, — в конверте лежало несколько светокопий отпускных офицерских билетов и копия обязательства, подписанного

неким Брюхановским, поручиком штаба Петергофского артиллерийского корпуса. Педантичный немец присовокупил сюда же и три расписки Брюхановского в получении крупных денежных сумм.

— А это что?

— А это фотография имения, выкупленного Гертрудой после получения наших гонораров. Где-то под Москвой, там, на обороте, написано.

— А почему Гертруда?

— Так звали его горничную и, вероятно, любовницу. Не знаю точно — каждый агент выбирает себе рабочее имя сам.

— Что касается Гертруды, остается одна маленькая деталь, о которой вы, герр советник, вероятно, забыли. Кто куратор Брюхановского у австрийцев?

— Полковник Рунге.

— Может быть, я прошу слишком многого, господин советник, но мне нужна еще одна подсказка: вы случайно не знаете, где обычно останавливается в Вене господин Брюхановский?

— Отель «Стефания», господин Полонский. Это, кстати, не слишком далеко от Генерального штаба. Смешно сказать, но господин Брюхановский почти не знает немецкого языка. Мне рассказывали, что когда он заявился в штаб впервые, то долго просил часового вызвать офицера, владеющего русским языком. Как он нынче обходится без языка — право, не знаю. Но Рунге по-русски говорит!

— Все, что касается Брюхановского-Гертруды, условно принимается, — Агасфер спрятал конверт с досье предателя поглубже. — Теперь насчет карт: я хочу получить не копии, которые очень легко сфальсифицировать, а оригиналы двадцатилетней давности. Со всеми пометками. Оставьте копии себе, герр Люциус! В конце концов, скоро у вас будут в наличии новые карты, дополненные русскими минными полями!

— Вы предлагаете мне вскрыть главный сейф в нашем штабе и изъять оттуда документ, зарегистрированный в десяти гроссбухах? Вы с ума сошли, Полонский!

— Вам все равно придется вскрывать этот сейф. Не нужно ломать комедию, герр советник: только оригиналы — это мое непременное условие!

— Черт с вами, Полонский! — подумав, махнул рукой немец. — Получите вы свои оригиналы!

— В Петербурге, после моего и вашего возвращения туда, — внес поправку Агасфер. — Не исключено, что мне придется возвращаться в Россию кружным путем, минуя Берлин.

— Кстати, не обижайтесь, Полонский, но с этой минуты вы находитесь под нашим приглядом. И если заметите «хвост» — не паникуйте. Это будут мои люди! Они же позаботятся об отсечении прочих «хвостов», кои у вас могут появиться. — Люциус протестующе поднял обе руки: — И никаких возражений, Полонский! Это не мое решение, а с руководством не спорят! Кстати, как ваша рана?

— Благодарю, терпимо. В два пополудни ваш доктор обещал заглянуть и сделать перевязку.

— Вот что получается, когда агент попадает под дамский каблук! — усмехнулся Люциус. — Нам-то, в сущности, все равно, куда и как потратит агент полученный гонорар. Лишь бы тратил деньги аккуратно, не привлекая внимания. Ну, нам обоим, кажется, пора!

Собеседники попрощались, расселись по автомобилям и разъехались.

Около полудня прокатный автомобиль доставил Агасфера к дверям отеля «Фридрих». Помахивая тросточкой, Агасфер прошел мимо услужливо склонившегося швейцара в вестибюль, приглядел в курительном салоне удобный столик под раскидистым мандариновым деревом с маленькими ярко-оранжевыми плодами. Щелкнул пальцами мгновенно появившемуся кельнеру:

— Кофе и рюмку коньяку.

— Господин ожидает кого-нибудь?

— Да, скорее всего, — Агасфер вынул из кармашка серебряную монету. — Мне нужна маленькая справочка, любезный!

— Слушаю вас, мой господин!

— У меня здесь свидание с господином Гриммом, гостем вашего отеля. Не могли бы вы узнать у портье, он в номере или куда-нибудь вышел?

— Айн момент, мой господин!

Через минуту кельнер вернулся:

— Вы правы, господин Гримм — гость нашего отеля. В настоящий момент его нет в отеле: портье уверен, что господин Гримм вышел очень рано! Его спутница в номере. Недавно заказала завтрак в номер. Может...

— Нет-нет, мне нужен только господин Гримм! А-а, вот, кстати, и он!

Агасфер встал и радостно помахал влетевшему в вестибюль подполковнику. Тот, помедлив, направился к столику.

— К сожалению, сегодня утром я обманулся в своих ожиданиях, — не здороваясь, начал Гримм. — Моя сделка может состояться только завтра или послезавтра. Я готов переписать расписки с учетом процентов за задержку...

— В этом нет необходимости, — покачал головой Агасфер. — Я готов купить у вас то, что вы привезли в Берлин. Знаю я и цену «товара» — вам обещано шесть тысяч рублей. Так что несите бумаги, а я верну вам ваши расписки!

Подполковник ошеломленно плюхнулся в кресло, несколько раз открыл и закрыл рот, словно зевающая рыба.

— Выпейте коньяку, господин Гримм. Я заказал его специально для вас — зная, что он стимулирует умственную деятельность. Да пейте же быстрее, пока тут не появилась ваша подруга!

Гримм машинально опрокинул рюмку и в упор уставился на собеседника.

— Кто вы, Полонский? — глухо спросил он. — На кого вы работаете?

— На себя, подполковник. Я коллекционер, знаете ли! Собираю военные тайны, а заодно и типов, их ворующих. Не надо задавать бессмысленные вопросы, Гримм! Несите бумаги! У нас мало времени! Мне еще предстоит визит к доктору — на перевязку раны. Да-да, Гримм! Ваша подруга

чуть не убила меня в моем же собственном номере! Я надеюсь, что это не вы отправили ее ко мне с револьвером?

— Какой револьвер? Что вы себе позволяете, Полонский?

Агасфер демонстративно щелкнул крышкой часов:

— Если через десять минут вы не принесете нужные мне бумаги, я встану и уйду. Кстати, эти бумаги, кроме меня, здесь никто не купит, будьте покойны! Итак, я уйду, а вас на русской границе встретит жандармская стража с наручниками. Кстати, до жандармов дело может и не дойти! Смотрите, Гримм!

Агасфер положил на стол левую руку с глухо стукнувшим по дереву протезом. Здоровой рукой разогнул указательный палец. Раздался тихий сухой щелчок, и один из мандаринов на соседнем дереве в кадке слегка закачался.

— Будете проходить мимо, Гримм, посмотрите внимательно на этот плод. Возле воткнувшейся в него стрелки должна быть капелька жидкости. Это вытяжка из игл тропической рыбы-шара. Ни один врач в Европе не сможет определить этот яд — в заключении доктора будет написано: паралич сердца!

Агасфер убрал увечную руку под стол и слегка улыбнулся:

— Вы еще здесь, Гримм? А у вас остается восемь минут... И отель оцеплен...

Сорвавшись с места, подполковник сломя голову бросился по лестнице вверх. Через пять минут он вернулся, тяжело дыша и вытирая платком свежую царапину на щеке. Он бросил на стол слегка помятый пакет и поспешно отступил на несколько шагов.

— Ваша щека... Готов держать пари, что это отметина от коготков вашей мадам Бергстрем! Верно? Вам повезло больше: в меня она стреляла! До встречи в России, Гримм!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

— Вот, милостивые государи, что получается, когда мы распыляем силы! Когда бросаемся из стороны в сторону! Упустили Терентьева! Из-под носа ушел, и сигнал тревоги,

надо думать, успел подать! — Архипов говорил вроде в сторону, однако упреки его были адресованы Зволянскому и Медникову.

— Успокойтесь, Андрей Андреевич! — Зволянский торопливо заканчивал завтрак. — С себя вины не снимаю — надо было как следует объяснить Вельбицкому важность порученного Медникову дела. Но и вы, позволю себе заметить, хороши. Нашли время мемуарами заниматься! Да еще бросать их где попало! Я уверен, что Терентьев сбежал после того, как нашел ваши записи. И потом: ничего еще не потеряно! Дворник проявил бдительность, записал номера извозчиков... Теперь диапазон поисков значительно сузился.

...Накануне дворник дома, расположенного напротив табачной лавки, дополнительно проинструктированный Медниковым, сообщил околоточному надзирателю Христофорову о замеченном им «безобразии». И настоятельно попросил, со ссылкой на высокое полицейское начальство, передать в «охранку» записку на имя Медникова (тот догадался оставить дворнику клочок бумаги со своим именем). Записка, к сожалению, попала к сыщику только вечером — она весь день пролежала в присутствии у Вельбицкого и лишь волею случая попала на глаза начальнику охранного отделения.

Накануне, получив от Зволянского «разгон за недопонимание важности операции», Вельбицкий устроил своему письмоводителю суровую выволочку с лишением наградных за месяц и послал людей на розыски Медникова. Быстро найти не удалось — Медников был в «бегах». В общем, дворника допросили только сутки спустя. То, что он рассказал, представляло немалый интерес.

Сначала дворник обратил внимание на коляску, которая стояла явно в ожидании кого-то или чего-то в квартале от лавки. Вскоре седок подозвал мальчишку-оборвыша, пробегавшего мимо, сунул ему что-то, и оборвыш, изменив свой маршрут, направился к лавке, держа в руке белый конверт. «Ванька» не спеша двинулся следом за мальчишкой. Тот, видимо, особой грамотностью не отличался, поскольку подолгу

стоял у каждой табачной лавки, читая вывески. Дойдя до нужной, он бросил конверт в щель почтового ящика и, довольный легким заработком, побежал по своим делам.

Как только конверт оказался в почтовом ящике, седок ткнул «ваньку» в спину, и тот, нахлестывая лошаденку, помчался по улице.

Сообразительный дворник тут же нацарапал огрызком карандаша на подоле фартука номер извозчика и продолжил наблюдение за лавкой.

Ближе к полудню возле лавки остановился «лихач» в экипаже на «дутиках»*. Его пассажир, как уверял дворник, «чистый немец», зашел на минутку в лавку, вышел оттуда с пустыми руками, сел на «лихача» и был таков. Дворник записал и этот номер и стал поджидать оказию, чтобы передать важные сведения начальству и получить обещанную награду.

Выдав дворнику рубль за бдительность, Медников вернулся в «охранку» и по журналам без труда узнал адреса съезжих дворов, где ночуют искомые извозчики. Найдя их, удалось установить и адреса, по которым были развезены посетители табачной лавки. «Лихач», как и предполагалось, высадил пассажира возле германского посольства. А «ванька» пожаловался, что его пассажир, указав адрес, выскочил на ходу из экипажа, не доезжая и не заплатив, и скрылся в проходном дворе.

Терентьевские хозяева, без сомнения, сигнал от него получили. И с этим сделать уже было ничего нельзя. Что было в том письме? Об этом мог рассказать только сам Терентьев. И поиски сосредоточились на нем.

Полицейская машина в Петербурге того времени работала четко и быстро. Полагая, что Терентьев выскочил из коляски неподалеку от логова, где скрывался, Вельбицкий по крупномасштабной карте Северной столицы очертил красным карандашом круг диаметром в версту с центром возле злосчастного проходного двора. В очерченном круге оказалось три околотка*.

Уже на следующее утро, по приказу начальника «охранки», в его присутствии были собраны шестеро околоточных (по двое с каждого участка) и полтора десятка городовых, не ждавших от вызова начальства ничего для себя хорошего.

— Ох, и дух же от вас, братцы! — покрутил носом Вельбицкий, вышедший из кабинета по докладу письмоводителя. — Нешто с утра до ночи пьете горькую, а? Впрочем, главное — ума не пропивать, верно? А ну, орда, пошли в кабинет! Сапоги-то хоть чистые? Натопчете мне тут...

Прикрывая чувствительный нос платочком, Вельбицкий подвел «орду» к карте с очерченным кругом, объяснил задачу. Где-то здесь имеется «дом свиданий» (возможно, незарегистрированный, тайный), а также аптека, владелец которой (либо его помощник, провизор) зовется Карлом.

— Вы, сукины дети, за «поздравительными» каждый дом в своих околотках обходите, каждую собаку знать должны! Карту-то можете читать, пропойцы несчастные?! Соображаете, что это ваши участки карандашом обведены? Ближе подойдите! Да не ко мне, пьянь несчастная, к карте! И глядите мне! Не найдете аптеку и притон — всех, к чертовой матери, разгоню по рабочим окраинам!

Чтобы не смущать своим грозным видом низших полицейских чинов (да и носу следовало дать передышку), Вельбицкий отошел к окну, распахнул одну из створок, вдыхая свежий осенний воздух.

Шепотом посовещавшись, «орда» указала на карте две аптеки, одна из которых, как выяснилось, была расположена в узком тупике. В обоих заведениях работали Карлы — один был хозяином, другой — дежурным провизором. Насчет «дома свиданий» околоточные, пряча глаза, отпирались:

---

* *«Дутики»* — пневматические шины.

* *Околоток* — минимальное территориальное подразделение внутри городского полицейского участка. Во второй половине XIX века околоток насчитывал 3–4 тысячи жителей и был подведомствен особому должностному лицу полиции — околоточному надзирателю (околоточному).

— Господь с вами, ваш-бродь, нешто мы порядка не знаем? Кабы был притон — рапортом бы сообщили! Нет, Бог миловал — нету здесь притонов!

Знают, собаки, в бешенстве подумал Вельбицкий. Кто-то из них да знает, однако признаваться боятся — видать, «отступные» хорошие с «мамок» получают!

— Все — вон! — не сдержавшись, заорал начальник «охранки». — Злыдни пропитые! Ну, погодите, сам найду! А уж как найду — не обессудьте, братцы! — зловеще пообещал Вельбицкий.

Стуча сапогами и украдкой крестясь, «орда» покинула кабинет грозного начальника.

А Вельбицкий стал яростно накручивать ручку телефонного аппарата, торопясь доложить о результатах Зволянскому. Тот, выслушав, неожиданно мягко согласился:

— Ты прав, Константин Эдуардович! Знают, но боятся признаться. Тут, брат, ничего не попишешь. Надо попробовать Терентьева через аптекарей достать! Ты вот что сделай: арестуй-ка всех аптекарей с помощниками, да свези их в Казанскую часть. А тем временем — обыск в аптеках тех проведи! С приглашением эксперта из Аптечного департамента. Ревизию организуй! По документам, допустим, полфунта этой гадости в аптеке должно быть, а на деле с пудик припрятан! Ты же, полагаю, кокаин от сахарной пудры не отличишь, верно? А склянок в аптеке много — вот пусть эксперт и разбирается. Все понял?

— Не все, Сергей Эрастович, извините великодушно... Аптекарей-то нашими мордоворотами только попугать? Или по необходимости «поучить»?

— Гм... Аптекари, конечно, люди благородные, это тебе не «мокрушники» с Сенного рынка. Иностранные подданные, опять же. Лупасить их вроде и невместно, но... Но и Терентьев мне позарез нужен, Константин Эдуардович! Давай уж там по обстановке. Военную хитрость примени какую-нибудь... В общем, решай сам! Даю отбой!

Выругавшись в замолчавшую трубку, Вельбицкий нервно застучал пальцами по столешнице. Начальству легко: сказал, что Терентьев ему позарез нужен — вывернись, а предоставь! Военную хитрость ему примени! Впрочем, отчего бы и не попробовать?

Повеселев от пришедшей в голову идеи, Вельбицкий взялся за телефон. Сделав несколько звонков, он организовал и экспертов из Аптечного департамента, и полицейский налет на аптеки. И начальнику Казанской части, кажется, сумел втолковать то, что от него требуется.

* * *

Уже ближе к вечеру, будучи приглашен в дом Архипова для личного доклада, Вельбицкий, с удовольствием нюхая столь любимый начальством арманьяк из широкого бокала, посмеиваясь, рассказывал подробности.

— Ваша правда, Сергей Эрастович! Военная хитрость иной раз больше пользы дает, нежели мордобой! Ну, арестовали мы всех аптекарей с помощниками, увезли в «Казанку». Начальника я предупредил, вот и завели их в камеру, где ночью приказчик, бандюгами побитый, отлеживался. Убрать там не успели — все в кровище! Хе-хе! Запихнули немцев в камеру — у тех глаза по полтиннику! А в соседнюю камеру я надзирателя определил для «концерта», поголосистее! Тот лупит палкой по тюфяку, да и орет диким голосом. Немцы смотрят, слушают, бледнеют-с... А тут и Гриню с Гавриком велел запустить к ним. Аптекари, как мордоворотов наших увидели — в фартуках окровавленных, да с дубинками — на колени попадали! Молят: все скажем, только не бейте!

— Подловато, конечно, но... действенно! — Архипов залпом выпил свой коньяк. — Ну, и что в результате?

— Подловато? — переспросил Зволянский. — Вот она, наша интеллигенция! Чистыми ручками хотим скверну из России вычистить! Давай, заканчивай, Константин Эдуардович!

— Так, собственно, вот и все! — развел тот руками. — Оба аптекаря, по их собственным признаниям, торгуют из-под полы кокаинчиком. Один давно, второй, глядючи на его

доходы, недавно приобщился, так сказать. Так вот, первый-то оказался знакомцем Терентьева, причем старым! И адресок-с его моментально назвал — действительно, тайный дом свиданий. Причем посещаемый преимущественно студентами и гимназистами! Снарядил по этому адресу команду. Дом оцепили, двери вышибли — притон в чистом виде! И Терентьева вашего чуть не сыскали — прятался под кроватью хозяйки!

— Погодите! Как это — «чуть не сыскали»? — подался вперед Лопухин. — Сами изволили упомянуть, что под кроватью был! Он что — сбежал?!

— Сбежал, Алексей Александрович! — виновато развел руками Вельбицкий, чувствуя себя штрафником. — У него под кроватью полицейский мундир был, вот он его под сурдинку напялил, вылез и утек. Полицейских привлечено много было, из разных околотков. Никто на него внимания не обратил. Это потом уже догадались, когда под кроватью одежду статскую нашли и портфельчик с бумагами. В том числе и с черновиком письма шефам своим, и украденным дневником господина полковника Архипова.

— И что там, в письме?

— Предупреждает, что Агасфер и Полонский, отправленный в свое время в Яхт-клуб, — одно и то же лицо! И что данное лицо пять дней назад выехало в Германию, Австрию и Италию для решения оперативных и вербовочных дел, причем без санкции официальных органов.

— Боже, что я наделал! Что я наделал! — схватился за голову Архипов. — Его же убьют! Казнят! И мы тут бессильны — он же неофициальное лицо, господа!

— Погодите вы! — прикрикнул Зволянский. — Подсчитать все надо! Агасфер уехал семнадцатого октября. Двое суток до Берлина, считайте, провел в пути. Девятнадцатого октября, по идее, он должен был встретиться с Люциусом... А перехваченное письмо Терентьева попало в почтовый ящик табачной лавки двадцать второго. Ежели по нему были сразу приняты меры, то Люциус должен был получить шифровку

из посольства либо в тот же день, либо днем позже. А по нашему плану Агасфер должен был покинуть Берлин и выехать в Вену двадцатого, либо, в крайнем случае, двадцать первого октября! Значит, из Берлина он вырвался в любом случае, господа!

— Плюс еще сутки относительной свободы в Вене, — добавил Куропаткин. — Кстати, господа, а какое у Агасфера задание в Вене? Ох!

Охнул генерал под уничижительным взглядом Зволянского, который круто развернулся к нему на каблуках.

— Какое задание? — вкрадчиво переспросил директор. — А давайте подождем, когда Андрей Андреевич занесет это в свой дневник и представит на всеобщее рассмотрение.

— Сергей Эрастович! Господин тайный советник, если угодно! — Куропаткин встал, одернул мундир. — Наш старый боевой друг совершил ошибку, в которой он уже глубоко раскаялся. Рискну заметить, что ни ваш чин, ни занимаемая должность, ни даже то, что в силу своих должностных полномочий вы и ваши люди делаете для нашего общего дела больше, чем мы, не дает вам права издеваться над заслуженным боевым офицером! Прошу также не забывать, что все мы пользуемся его гостеприимством!

— Господа, господа! Ну, нам теперь только перессориться не хватало!

Зволянский первым разрядил обстановку. Подойдя к Архипову, он с поклоном протянул руку:

— Прошу прощения за свое мальчишество, Андрей Андреевич! Прошу простить и забыть — нервишки на пределе! — Директор повернулся к начальнику охранного отделения: — А ты молодцом, Константин Эдуардович! Думаю, тебе стоит внимательнее поглядеть рождественское представление о повышениях и наградах. Мне кажется, найдешь там знакомое имя!

— Спасибо, ваше превосходительство! — Вельбицкий понял, что ему вежливо предлагают удалиться, вскочил, щелкнул каблуками: — Честь имею, господа!

Дождавшись, когда дверь за Вельбицким закрылась, Зволянский повернулся к Лаврову:

— Генерал Куропаткин интересовался венским заданием Агасфера, Владимир Николаевич! Ваша задумка, вам и пояснения давать!

— В Вене Агасферу предстоит наиболее, на мой взгляд, сложное: найти агента-курьера из России по кличке Гертруда. Предполагается, что это высокопоставленный офицер одного из окружных штабов. Это, скорее всего, даже не агент, а резидент: секретные сведения поставляются им противнику из разных округов и разных родов войск. Скорее всего, он каким-то образом сумел заагентурить несколько предателей. Единственное, что удалось узнать — он должен прибыть в Вену в служебную командировку двадцатого-двадцать первого октября. Одновременно он работает также и на Германию. Ни немцам, ни австриякам такое положение дел не нравится, но они вынуждены мириться. На этот раз нам удалось подкинуть немцам дезинформацию: якобы им пытаются продать «старье». Таким образом, немцы с Гертрудой пока не сговорились, решение вопроса отложили, и новейшие оружейные разработки российских инженеров-артиллеристов поехали в Австрию! Кто этот агент — мы не знаем. Не знаем даже — мужчина или женщина. Агасфер, возможно, уже знает.

— Вот уж, воистину, как в сказке: принеси то, не знаю что, — покачал головой Куропаткин. — Боюсь даже спрашивать, каким образом Агасфер может определить эту Гертруду? В Вену ежедневно приезжают тысячи людей, среди них — десятки русских, в том числе и офицеров. Где и как запланирована встреча Гертруды с «покупателем» — тоже, насколько я понимаю, неизвестно... И что же должен предпринять Агасфер, если он каким-то чудом найдет Гертруду?

Лавров улыбнулся:

— Он должен попытаться перевербовать Гертруду под «чужим флагом»...

— Перевербовать под «чужим флагом», — повторил Ванновский. — Насколько я понимаю, Агасфер должен войти с

Гертрудой в контакт под личиной итальянского или британского, скажем, разведчика. Способ не нов, но порой приводит к отличным результатам! Но что это нам даст?

— Если Гертруда согласится на смену «покупателя», то будем давать ей задания определенного свойства, чтобы как можно быстрее добраться до ее агентов. И русские секреты при этом не будут уходить из отечества. Доберемся до ее сети агентов — прихлопнем всех сразу!

— А если не согласится? Или раскусит хитрость?

— Тогда остается одно: ликвидация...

— Ясно, — мрачно констатировал Куропаткин. — Ясно: ликвидация. Вот только если весточка Терентьева доберется до Люциуса раньше, чем Агасфер до Гертруды, то, боюсь, нас ждет ликвидация иного рода!

— А предупредить Агасфера о том, что он раскрыт, никак нельзя? — поинтересовался Лопухин.

Ответом ему было всеобщее молчание: правила «игры» подобный канал связи не предусматривали...

...В Вене Агасфера спасли три сошедшихся воедино обстоятельства: непрофессионализм Терентьева, немецкая педантичность и... смерть Александра III: в германском посольстве в России все силы были брошены на просчет возможных вариантов дальнейших отношений Германии и России.

Получив из спецотдела посольства расшифрованную записку Терентьева, чиновник, замещающий уехавшего в Германию фон Люциуса, прежде всего проверил наличие специальных пометок, говорящих о срочности передаваемого сообщения. Таковых не оказалось: Терентьев о них просто забыл. Не вникая в суть, чиновник отложил депешу до возвращения шефа: несрочно — значит, нет нужды снова шифровать и пересылать в Германию, перегружая тем самым линии связи и отвлекая начальство.

Лишь через два дня, приводя в порядок скопившиеся бумаги, разведчик сопоставил упоминавшиеся в дешифровке имена и понял свою ошибку. В Генеральный штаб Германии молнией полетела депеша-предупреждение для фон Люциуса.

А там выяснилось, что господин советник, закончив свои дела и консультации в Германии, только что отбыл на вокзал, чтобы вернуться в Россию. Посланный вдогонку мотоциклист увидел лишь «хвост» уходящего экспресса...

* * *

Прекрасно выспавшись на мягком диване спального вагона «Берлин — Вена», Агасфер прибыл в «город вальсов Штрауса». Наняв на вокзале извозчика, он не отказал себе в удовольствии попросить покатать его часок-другой по улицам древнего города.

В отеле «Стефания» свободных номеров не оказалось, и портье порекомендовал господину другой отель, неподалеку. Агасфер справился о своем знакомом, господине Брюхановском из России.

— О да, мой господин! — кивнул портье, ловко сбрасывая со стойки серебряную монету. — Господин Брюхановский всегда заблаговременно резервирует у нас номера. Зарезервировал и нынче, с сегодняшнего числа. Господину угодно будет оставить ему сообщение?

— Я предпочитаю подождать своего старого друга, — заявил Агасфер. — Мы знакомы только по переписке — видите ли, я ученый, занимаюсь наукой... В вашем курительном салоне подают кофе?

— Разумеется, мой господин. Тридцать пять сортов кофе в вашем распоряжении! Но, может быть, господин желает позавтракать? Тогда я осмелился бы порекомендовать кафе в левой части вестибюля. Там вы сможете получить свежайшие булочки от нашего шеф-повара!

— Благодарю, но я предпочитаю подождать...

Попивая великолепный кофе, Агасфер припоминал «урок психиатрии», который организовал для него предусмотрительный Лавров. Старичок-профессор психиатрии к визиту жандармского офицера и его спутника поначалу отнесся весьма настороженно, долго отнекивался даже от ознакомительной «лекции» по чтению языка жестов и телодвижений

человека. Однако постепенно увлекся любимой темой, а заглянув в конверт, словно нечаянно подвинутый к его локтю Лавровым, и вовсе воодушевился. Хотя сразу предупредил, что ни за пару часов, ни за месяц научиться «читать» телодвижения и мимику человеческую никак невозможно.

— Я расскажу вам об основах такого «чтения», а уж как вы ими распорядитесь, молодые люди, — решать вам! Итак, вступая в контакт с незнакомым человеком и желая знать его истинное отношение к предмету беседы, обращайте внимание на глаза, губы и руки. Это альфа и омега будущей науки кинесики либо паралингвистики!

Глаза: прищуренный взгляд означает настороженность, недоверие, угрозу. Если ваш собеседник, отвечая на трудный для него вопрос, поглядит вверх и вправо, то, скорее всего, ответ будет придуманным. Руки: руки в карманах означают неуверенность, затруднение, напряженность. Сжатый кулак — признак волнения. Если при этом большой палец спрятан в ладони — это признак скрытого характера. Большой палец расположен вдоль остальных — человек доброжелателен. Касание рукой уха или уголка глаза означает робость и стремление как можно быстрее прекратить беседу или сменить ее тему. Касание рукой кончика носа или попытка прикрыть рот означает ложь...

Покидая профессора, Агасфер поинтересовался у своего шефа: сколько было заплачено за сию лекцию?

— Двадцать пять рублей. А что?

— Ничего-с, Владимир Николаевич, — вздохнул Агасфер. — У каждого признака, перечисленного профессором, десятки составляющих. Чтобы научиться «читать» мимику и движения человека, требуется огромный опыт. А вы хотите, чтобы я за час научился чтению мыслей незнакомого человека? За этим, дружище, к цыганам надо было идти... И дешевле, и вернее было бы!..

Ждать Брюхановского пришлось часа полтора. Народу в курительном салоне было немного. Агасфер невольно обратил внимание на двух молодых людей, явных по виду художников —

в длинных просторных блузах и с ручными мольбертами. Оба сидели скромно, ближе к выходу и, поглядывая через широкие зеркальные стекла на оживленную улицу, делали на листах бумаги какие-то наброски. Один из них ухитрился исподтишка набросать портрет сидевшей неподалеку дамы с длиннющим мундштуком, и с поклоном показал его «натурщице». Однако даме портрет по каким-то причинам не понравился, и она отказалась его покупать.

Неподалеку от входа в отель меланхолично крутил ручку шарманки старик с широкополой шляпой, лежащей у его ног. В шляпу изредка летели мелкие монеты прохожих — пока важный полицейский, усмотрев в игре уличного музыканта нарушение каких-то правил, не уволок его за угол вместе с шарманкой.

К стойке портье постоянно подходили люди, но тот знака любезному господину пока не подавал.

Агасфер отдавал себе отчет в сложности стоявшей перед ним задачи. Тем более — при жесточайшем лимите времени, данного ему для «обработки» совершенно незнакомого человека. Те обрывки сведений, что сообщил о Гертруде фон Люциус, кое о чем говорили, но этого было явно недостаточно!

То, что дебют на шпионском поприще предатель сделал совершенно нахально, сомнений не вызывало. Приехать в чужую страну и искать встречи с разведчиком без знания языка, прямо на пороге Генерального штаба Австро-Венгерской армии, — это же анекдот. Может, он просто ненормальный? Однако при всей своей «ненормальности» продавать один товар сразу двум «покупателям»? Какая-то патологическая жадность. Да и нахальство к тому же.

С фотографической карточки, переданной Агасферу Люциусом, глядело довольно необычное лицо, похожее на поставленную «на попа» тыкву: узкие, словно сдавленные виски по обе стороны тщательно замаскированной прядями волос лысины. Нижняя же часть лица с круглыми щеками была словно накачана воздухом. А пушистые бакенбарды делали эту нижнюю часть еще шире.

«Старый друг» вскоре, наконец, прибыл. С помпой, на прокатном автомобиле. Засуетились швейцары, посыльные бросились на «перехват» двух солидных кожаных чемоданов. И портье выскочил из-за стойки, приветствуя по-русски постоянного клиента:

— Добро пожаловать, господин Брюхановский! Ваш номер ожидает вас. А также вас ожидает ваш старый друг! Сюрприз! Сюрприз!

Брюхановский обернулся и заметил привставшего из-за столика в курительном салоне человека в сером костюме английского покроя, помахавшего ему свернутой газетой. Распорядившись отправить чемоданы в номер, Брюхановский с некоторым колебанием все же подошел к незнакомцу. Его маленькие серые глубоко посаженные глаза сверлили Агасфера.

— Мне сказали, что вы ожидаете меня... Однако, боюсь, что вы ошиблись, любезный! У меня хорошая зрительная память! Я не имею чести знать вас! — Брюхановский говорил по-русски медленно, помогая себе жестикуляцией — так говорят с человеком, который плохо слышит.

— О-о, здесь нет ошибки! Прошу вас, присядьте на минутку, господин Брюхановский! Всего лишь на минуту!

Агасфер говорил тоже по-русски, но имитируя английский акцент.

Вид у незнакомца был вполне респектабельный, на пальце правой руки сверкал массивный перстень. Приезжий присел на краешек стула, готовый, однако, немедленно вскочить и уйти.

— Вы отлично говорите по-русски, любезнейший, но с каким-то акцентом, — сказал он, продолжая сверлить Агасфера подозрительным взглядом. — Так что же вам угодно? Я только что приехал и хотел бы привести себя в порядок в номере. Итак?

— Привести себя в порядок с тем, чтобы немедленно нанести визит господину Рунге из Генштаба? — Агасфер махнул рукой кельнеру. — Какой кофе в это время суток вы предпочитаете, господин Брюхановский? Тут очень богатый выбор! Или, как все русские, вы предпочитаете чай?

— Какой Рунге? — растерянно бормотал Брюхановский, порываясь встать. — Я уже сказал, что не имею чести знать вас! Как и упомянутого вами Рунге...

— Марк Смит, коммерсант! — Агасфер протянул собеседнику визитную карточку. — Да, я англичанин, но долго работал и жил в России. Я уверен, что вас заинтересует мое предложение!

Брюхановский начал терять терпение:

— Послушайте, мистер Смит, или как вас там! Что вам угодно, черт возьми? Я не коммерсант, а русский офицер! И ничего не покупаю! Я полагал, что «Стефания» — приличный отель, гости которого избавлены от назойливого внимания каких-то странных субъектов...

— Успокойтесь, господин Брюхановский! — Агасфер перестал улыбаться и подпустил в голос металла. — Или вы предпочитаете, чтобы вас называли вашей бабьей кличкой — Гертруда?

Несколько мгновений Брюхановский ошеломленно молчал, с ужасом глядя на металлическую кисть руки собеседника — перчатку для пущего эффекта Агасфер заранее снял.

— Кто вы такой? — наконец, тихо спросил Брюхановский. — Вы знаете Рунге, вы знаете мое рабочее прозвище... Вы из заграничного охранного отделения?

— Чушь! — фыркнул Агасфер. — Хотите знать правду? Извольте: я полковник Британской секретной службы ее величества Марк Смит! Мы договорились с полковником Рунге из австро-венгерского Генштаба о том, что вашим временным куратором становлюсь я!

— Но я не понимаю...

— Вам и не надо ничего понимать! В разведке люди часто оказывают друг другу услуги. Я помог Рунге, он помогает мне.

Агасфер чувствовал, что нужно как можно быстрее увести проклятую Гертруду из такого людного места, как холл первоклассной гостиницы. Но не хватать же его за шиворот, чтобы убрать из-под «прицела» десятков любопытных глаз! И, наверное, не только любопытных: вот и Люциус предупредил его, что в Европе за Гертрудой будет «присмотр». Не исключено, что и австрийцы приставили к нему «хвост» с самого момента приезда в Вену.

Что же делать? Агасфер скрипнул зубами. А Брюхановский, все еще рассматривая визитную карточку «Марка Смита», продолжал бормотать:

— Но я все равно не понимаю...

— Это потому, что ваши предки, вероятно, произошли не от обезьяны, Брюхановский! Я полагаю, что это были тупые крокодилы! Я назвал вашу кличку, имя вашего куратора. Что вам еще нужно? Слушайте, как вы вообще попали в разведку? Зачем? Весь австрийский Генштаб хохотал, когда вы два года назад привезли из России первый материал и, не зная языка, пытались проникнуть к руководству разведочным отделом Генштаба с помощью часового у входа! Удивительно, что тот часовой не сдал вас в полицию! Ну, что вы молчите?

— Я не знаю, что сказать...

— Вам и не нужно ничего говорить! Просто покажите мне то, что привезли. Если это представляет интерес, вы получите свой гонорар и можете убираться в свою Россию!

— Я привез очень ценный материал! — оживился Брюхановский.

— Настолько ценный, что немецкий Генштаб отказался его у вас покупать? — саркастически рассмеялся Агасфер. — Давайте пройдем в ваш номер, и вы покажете мне ваш материал. Эй, кельнер! Получите с меня за два кофе!

Через час, просмотрев чертежи и техническое описание новинок русской артиллерии, Агасфер откинулся на спинку дивана, заложил руки за голову и с хрустом потянулся.

— Слушайте, Брюхановский! Неужели вы все это везли через несколько границ, прямо в чемодане? Без всякой маскировки?

— Вы говорите, что долго жили в России, а не понимаете таких элементарных вещей? — Предатель, видя, что ему ничто не угрожает, начал понемногу приходить в себя. — Я заместитель командующего Варшавским военным округом,

полковник. Кто же осмелится перетряхивать чемоданы такого человека, как я? Я ехал, разумеется в статском, однако парадный военный мундир лежал в чемодане на самом верху. А подпись самого Парамонова в командировочном предписании разве ничего не значит?

— М-да... Россия — действительно странная страна, — пробормотал Агасфер. — Ладно, это я могу у вас купить. Скажем, за три тысячи фунтов стерлингов.

— Айн момент! В переводе на рубли это будет... — Брюхановский схватил со стола лист почтовой бумаги с гербом отеля и принялся чиркать карандашом. — Господин Смит, но это же мало! Австрияки дали бы в полтора раза больше! Это, извините, грабеж! За такие гроши я материалы вам не отдам!

Сопя, Брюхановский начал собирать чертежи и бумаги.

— Вы не поняли, Брюхановский: три тысячи фунтов — это аванс. Я не очень-то разбираюсь в артиллерийских делах и должен показать ваш «товар» своему специалисту. Если он подтвердит ценность бумаг, вы получите еще тысячу!

— Полторы! — заявил Брюхановский. — И потом: почему я должен верить вам на слово? Вы заберете разработки — и ищи потом ветра в поле!

— И что вы предлагаете?

— Давайте свяжемся с герром Рунге! Если он подтвердит ваши полномочия и гарантирует выплату всей суммы — так и быть!

— Это невозможно! Это непрофессионально, черт вас возьми! Вы торгуетесь как русский еврей на базаре! Вена кишит русскими шпионами, и я вовсе не хочу попадать к ним на заметку!

— Тогда платите сразу четыре с половиной тысячи фунтов и забирайте материалы! В конце концов, я не собираюсь сразу же уезжать из Вены! Мне нужно побыть здесь еще пару-тройку дней. За это время ваш специалист сумеет оценить переданные вам бумаги!

Деньги у Агасфера были. В том числе и выданные Зволянским под расписку пять тысяч фунтов стерлингов.

— Это из каких же секретных фондов, Сергей Эрастович? — полюбопытствовал перед его отправкой Куропаткин.

— Из склада вещдоков, — мрачно отозвался директор. — Господин Агасфер, предупреждаю: фунты фальшивые, изъяты в ходе проведения операции с псковскими «блинопеками»*. Сделаны качественно, но... Спецы, особенно в банках, подделку сразу определят. Так что ими лучше расплачиваться в сумерки и не давать долго разглядывать! Будет возможность — привезите обратно! Нам с англичанами только такого повода собачиться не хватало...

Агасфер с удовольствием рассчитался бы с Брюхановским «псковскими блинами», но смущало два обстоятельства. Он не сомневался, что Гертруда, верный своей привычке, попытается продать копию секретных материалов и своему Рунге. И непременно начнет расспрашивать про таинственного Марка Смита. Австрийский разведчик, знать не знающий про британского агента, начнет наводить справки. И фальшивые фунты тут могут «всплыть».

Да и сам Брюхановский, подозрительный по своей природе, может отправиться с фальшивками в какой-нибудь венский банк — чтобы поменять фунты на более привычную ему валюту. Опять шум-скандал, опять активные поиски таинственного британца...

Нужно как можно быстрее увести Брюхановского из отеля и, желательно, вообще из города. Для чего — было понятно: крайним вариантом в случае с Гертрудой была обговоренная еще в Петербурге ликвидация. Вариант для Агасфера был весьма неприятен: одно дело — сойтись с неприятелем лицом к лицу и с оружием в руках. И совсем другое — убить исподтишка. Да еще и так, чтобы тело не сразу нашли.

Однако другого выхода, пожалуй, не было: тут уж кто кого...

Отпустить Гертруду означало неминуемо попасть в лапы полковника Рунге.

---

* *«Блинопек»* — фальшивомонетчик *(жарг.)*.

Кроме того, Брюхановский был очень неприятным типом. О перевербовке не может быть и речи: слишком жаден. И в Петербург не доставишь, чтобы отдать под суд. Агасфер вздохнул:

— Господин Брюхановский, у вас, без сомнения, есть копия технической документации, которую вы мне показывали. Так?

— Допустим.

— И вы попытаетесь сбыть ее Рунге, как только мы расстанемся. Так?

— Думаю, что покупателя на такие вещи я всегда найду. Не австрийцы, так еще кто-нибудь купит, — самодовольно улыбнулся Брюхановский.

— Тогда у меня есть к вам новое предложение. Я куплю и оригинал, и копию, — Агасфер предостерегающе поднял руку. — Не раскатывайте губы, не за девять тысяч фунтов! Оригинал — за четыре, плюс еще две за копии. Но в этом случае вы берете на себя обязательства не предлагать свой товар никому другому!

— Годится! Семь тысяч фунтов.

— Шесть. Правительство ее величества умеет считать деньги. Ну сами подумайте, к чему вам лишние хлопоты? Будете метаться по Европе, предлагая столь специфический товар? Дело это рискованное, можно напороться на зарубежное Бюро русской охранки...

— Хорошо. Я согласен. Как мы это сделаем?

Агасфер выбросил на стол тяжелую пачку фунтов, перевязанных банковской бандеролькой. Брюхановский благоговейно взял пачку в руки, осмотрел со всех сторон и даже понюхал.

— Здесь пять тысяч фунтов стерлингов. Это аванс. Вы забираете его и передаете мне оригинал документации. Копии забираете с собой, и мы едем к моему эксперту. Если он подтверждает ценность документов, вы получаете последнюю тысячу, а я — второй экземпляр и ваше письменное обязательство работать отныне только на британскую разведку.

— А с вами приятно иметь дело, господин Смит! Где ваш эксперт?

— Далековато. Через час поезжайте на главпочтамт, где получите письмо на ваше имя. В конверте будет билет на пароход до Прешпорока*. Пароход идет туда примерно два часа. На пристани Прешпорока я вас буду ждать. Надеюсь, уже с благоприятным отзывом эксперта. Мы производим окончательный расчет и расстаемся. Вы на том же пароходе возвращаетесь в Вену.

— Но к чему все эти сложности? Главпочтамт, тайная покупка билетов, раздельная поездка? Я думаю, что билеты до этого вашего Прешпорока можно заказать и в отеле.

— В отеле вы закажете на сегодня ложу в Венскую оперу. Мы торгуем не венскими сосисками, Брюхановский!

— А как будете добираться до этого городишки вы?

— Туда можно добраться не только по Дунаю, — уклонился от прямого ответа Агасфер. — И последнее, Брюхановский: если уж вы выбрали трудную стезю разведки, приучайтесь меньше болтать! О речном путешествии — никому ни слова! Я сейчас уйду, а вы через четверть часа спускаетесь к портье, заказываете ложу и заявляете о своем желании покататься по Вене на извозчике или авто. Я найду способ узнать, если вы начнете болтать, наводить справки и нарушать инструкции. И тогда в Прешпороке вы меня просто не увидите!

— Даю слово офицера. Слушайте, мистер Смит, а к чему шиковать с этой ложей, к примеру? Вполне достаточно будет и места в партере!

— О-о, господи! — Агасфер вынул из портмоне три купюры и бросил на стол. — За триста шиллингов вы закажете лучшую ложу в Опере! Нельзя быть таким скаредным, Брюхановский!

* * *

Рабочий день начальника разведцентра Генерального штаба Австро-Венгрии полковника Рихарда Рунге начинался в 10 часов утра с чтения оперативных материалов и раскодированных

* *Прешпорок* — старое название Братиславы, употреблявшееся до 1919 года.

депеш из всех уголков Европы. Первыми в папке помощники полковника нынче клали все бумаги из России, что и не удивительно: смерть Александра III и возможная смена правительственного курса в связи с восшествием на престол его наследника взволновала умы всех европейских политиков.

Александр умер 20 октября, и пять дней его тело пролежало в Ливадийском дворце. 25 октября тело переместили в Большую Ливадийскую церковь, а оттуда гроб императора должен быть перенесен на борт крейсера «Память Меркурия», который доставит его в Севастополь, где уже стоял под парами траурный поезд. 30 октября поезд прибудет в Москву, и гроб с телом Александра III под звон колоколов, на глазах десятков тысяч стоящих на коленях москвичей привезут в Архангельский собор Кремля, а на следующий день, после непрерывных служб, снова на вокзал и оттуда — в Петербург.

Так... А что докладывают коллеги из Германии? Здесь уже интереснее. Разведцентр сообщал о прибытии в Берлин некоего ротмистра Полонского, которым занимался лично фон Люциус. В бумагах была пометка: судя по месту службы Полонского, тот работал над картами минных полей на фарватерах Балтики — что ж, внимание старого друга Люциуса было оправданным. Старый лис наверняка договорился с ротмистром и скоро раздобудет эти карты, ловкач!

Отдельная депеша — приметы Полонского и его краткое досье. По сообщениям немецких коллег, конечная точка маршрута Полонского — Италия, где у него была запланирована встреча со старшим братом, дрейфующим нынче на собственной яхте где-то вдоль западного побережья.

Одна из примет Полонского заставила Рунге нахмуриться: у объекта ампутирована левая кисть, он носит протез. Что-то было связано с этим протезом... Он нажал кнопку звонка и велел помощнику принести досье группы полковника Архипова из Санкт-Петербурга. Поджидая помощника, Рунге продолжал просматривать бумаги.

Уже следующая депеша заставила его вздохнуть: там сообщалось об очередном визите в Берлин их общего агента по кличке Гертруда. Немцы получили со стороны заслуживающую доверия информацию о том, что Гертруда пытался «впарить» им старый хлам — они, во всяком случае, отказались от покупки привезенного Гертрудой «товара». Сообщалось также, что Гертруда проследовал в Вену.

Опять этот старый дурень Брюхановский будет рваться в Генштаб через центральный вход, размахивая над головой секретными бумагами. Бумаги, несмотря на отказ немцев, стоило поглядеть: а вдруг старый лис Люциус получил «дезу» или просто перестраховался? Рунге сделал пометку: послать в отель, где обычно останавливается Гертруда, человечка: пусть все-таки посмотрит материалы.

Отдельная папка содержала самые свежие, сегодняшние донесения агентов. Так... Гертруда прибыл утренним экспрессом, долго и со вкусом завтракал в привокзальной ресторации, потом нанял авто и, прокатившись по городу, направился в отель «Стефания», как и предполагалось.

Следующие донесения были от агентов «Шарманщик» и «Художник». Они доносили, что Гертруду встретил у входа в отель некий человек с протезом на левой руке. Беседа продолжалась минут десять, потом оба поднялись в номер Брюхановского. Полонский? Но зачем ему Гертруда?

К донесению «Художника» прилагался наскоро набросанный карандашом портрет визави Брюхановского.

Рунге вдавил до упора кнопку звонка и заорал на появившегося в дверях помощника:

— Я просил принести досье Архипова, черт возьми!

— Вот оно, господин полковник. Прошу прощения, оно было в регистрационном отделе, и пришлось ждать...

Не дослушав помощника, Рунге нетерпеливо вырвал у него из рук папку, раскрыл ее, быстро «перетасовал» несколько снимков и положил перед собой один. Полковнику не было нужды смотреть пометку на обороте, он и без этого знал, что на фото изображен Ковач по кличке Агасфер... Он положил

рядом карандашный набросок, сделанный сегодня: вне всякого сомнения, это был он! Немного измененная прическа, более темные волосы, неизвестно откуда взявшийся шрам на левой щеке — но это он, Агасфер!

Черт возьми, где были глаза фон Люциуса? Ведь он располагал точно таким же фотоснимком Ковача! Что это? Потеря профессионального чутья или... Или какая-то хитрая игра с ним, с полковником Рунге?

Он снова вызвал помощника и отдал категорический приказ: направить в отель «Стефания» команду сыщиков, усиленную мотоциклистами для оперативной связи. Докладывать о каждом шаге Брюхановского и этого однорукого через каждые полчаса.

Однако за весь день полковник Рунге получил одноединственное донесение: оба интересующих его человека исчезли из отеля! Брюхановский через портье заказал на вечер ложу в Венскую оперу и уехал кататься по городу. Что же касается Полонского (Ковача, Агасфера), то он в «Стефании» номер не снимал. Не оказалось его и в других гостиницах Вены.

В три часа пополудни Рунге снял телефонную трубку и попробовал дозвониться до Берлина. Ему доложили: советник посольства Германии в России, приезжавший в рейх для консультаций по поводу перемен на русском престоле, уже отбыл в Россию.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Чудом вырвавшись из Варшавы, Агасфер впервые почувствовал безмерную усталость. Сказывалось нервное напряжение. Он почти не спал несколько суток еще с тех пор, как ликвидировал Брюхановского, а потом на пароходишке, следующем в Мюнхен, вздрагивал от каждого громкого звука, топота матросов по палубе, маневрирования судна.

Судя по нахальству, с которым действовала в Варшаве команда Гедеке, подобного можно было ожидать и по приезде

в Петербург. Поэтому Агасфер решил сойти с поезда раньше. Ближайшей к Северной столице России станцией была Гатчина, излюбленная резиденция только что почившего в бозе Александра III.

Обычно пустой дебаркадер Гатчинского вокзала поразил Агасфера своей многолюдностью. Больше всего здесь было жандармских и воинских патрулей с траурными повязками на рукавах шинелей.

Направившись к бирже извозчиков, Агасфер вдруг вспомнил, что денег у него нет: Гедеке, будь он неладен, отобрал все — и деньги, и документы. Правда, в тайнике протеза у него осталось три золотых империала. Две монеты пришлось отдать мальчишке в гостинице — за поданную весточку старому Якобу Шлейзеру, третью — за обед в привокзальной ресторации. Математика была не в пользу Агасфера: за 30 рублей, пусть и золотыми монетами, ни один лихач не согласится везти его в Петербург. Откажутся, да еще и ближайшему городовому укажут на подозрительного пассажира. Понятно, что Зволянский и Архипов вытащат его из «холодной», куда непременно засунут подозрительного типа без денег и документов, но сколько придется просидеть там?

Уже чувствуя на себе подозрительные взгляды железнодорожных чинов и жандармов, Агасфер подхватил саквояж и решительным шагом направился к телеграфной конторе.

— Чем могу служить? — Телеграфист подошел к барьеру, отделявшему служебную часть помещения.

— А скажите-ка мне, любезный, за сколько времени отправленная отсюда телеграмма будет доставлена адресату в Петербурге?

— Ежели по срочному тарифу, то часа через два-три, сударь! — с поклоном ответил телеграфист.

— Отчего ж так долго?

— По проводам депеша пройдет быстро, — охотно пояснил скучающий телеграфист. — Дело застопорится при доставке-с! Время нынче, сами знаете, какое, телеграфы перегружены, служащих и курьеров не хватает-с.

Агасфер разочарованно прищелкнул языком.

Телеграфист между тем обратил внимание на золотую монету, которой приличный господин, словно бы в рассеянности, постукивал по перильцам барьера. Помолчав, он с понимающей улыбкой поинтересовался:

— А протелефонировать адресату, сударь, можно?

— Можно-то можно, да кто мне позволит? Откровенно говоря, милейший, в поезде я попал в неприятнейшую историю! Сел в картишки перекинуться, да все и спустил! Заграничный паспорт даже в залог пришлось оставить!

— Есть на нашей станции два телефонных аппарата, сударь, — помолчав, решился телеграфист. — Один у начальника станции, другой у жандармов. Ну, к жандармам, полагаю, вам нет никакого резона идти...

— Ну и?..

— А вот начальник станции, как мне известно, только что обедать ушел. И ключик запасной от его конторы у меня имеется — на случай экстренной надобности. Вы ведь недолго будете телефоном пользоваться, сударь?

— Два слова только сказать! Чтобы экипаж за мной прислали! Выручайте, любезный! В долгу не останусь! — Агасфер положил на барьер ярко блеснувший империал.

— Попадет, конечно, мне, если узнают! — заколебался телеграфист. — Места лишиться за такие дела можно... Вы не из социалистов будете, часом, сударь?

— Кой черт из социалистов! Нешто похож?

— Вот и я гляжу, что не похожи. Солидный вроде господин... Ну да ладно, где наша не пропадала! Прошу за мной, сударь!

Телеграфист нырнул под барьер, запер контору и, поминутно оглядываясь, повел Агасфера по темным коридорам. У неприметной двери он остановился, прислушался, достал из кармана ключ.

— Этим ходом господин начальник пользуется, когда требуется незаметно прийти или уйти. — Он отпер дверь и, придерживая ее, протянул ладонь. — Извините, сударь, только сначала денежки позвольте! Благодарствую! Пойдемте, сударь, только тихо!

Проскочив вперед, телеграфист плотно задернул шторы и только после этого поманил посетителя пальцем.

— Сюда-с! — Он снял слуховой рожок, покрутил ручку динамо-машины. — Алло, барышня! Соедините меня с Петербургом-Центральным! Да-да... Номер говорите, — прошипел он Агасферу.

— 8-64, дом полковника Архипова!

— Алло, Центральная! 8-64, будьте добры! Жду-с... Алло, это номер 8-64? Дом полковника Архипова? Сейчас с вами Гатчина говорить будет! — он сунул слуховой рожок Агасферу. — Говорите, сударь!

— Алло, Кузьма, это ты, что ли?

— Кто говорит? У телефона Зволянский! Вам полковника Архипова нужно?

— Сергей Эрастович, господин Зволянский, это Берг вас беспокоит! Я в Гатчине, вернулся вот...

— Плохо слышно, черт возьми! Не понял — кто это?

— Берг! Берг говорит! Агасфер!

— Господи, Агасфер?! А я уже отвык, знаете ли, от вашего имени... Где вы? Мы тут с ума сходим! Приезжайте скорее!

— Рад бы, да не могу, Сергей Эрастович! Попал в руки к шулерам, проигрался до нитки. Еле до Гатчины хватило добраться! Выручайте!

— Мишель, это вы? — видимо, полковник, презрев приличия, отобрал трубку у Зволянского. — Вы живы, слава Богу! Но почему в Гатчине?

— Все потом расскажу, Андрей Андреевич! Забрать бы меня отсюда побыстрее! Ни денег, ни документов...

— Где вас там искать? Гатчина большая...

Агасфер прикрыл ладонью микрофон, спросил у телеграфиста:

— Найдете мне местечко часа на два? Не обижу! Алло, Андрей Андреевич! В Гатчине, на вокзале, спросите телеграфиста.

Он будет знать! Ну все, не могу больше говорить! — стал прощаться Агасфер, заметив отчаянную жестикуляцию своего благодетеля. — Даю отбой!

— Ну все! Пошли скорее отсюда, сударь!

До конторы телеграфиста добрались без приключений. Агасфер в порыве чувств обнял его.

— Спасибо, благодетель! Спасли, право слово, спасли!

— А господин Зволянский, с которым вы говорили, — это тот самый? Директор Департамента полиции? — помолчав, поинтересовался телеграфист. — Ну, слава Богу! Я, грешник, все-таки сомнения имел: уж не социалиста ли в святая святых пустил?

— Но теперь-то не сомневаетесь?

— Раз человек с самим полицейским начальством дело имеет, тут уж все в порядке должно быть! Но... Вам бы отдохнуть, сударь! На вас лица нет! От Петербурга на резвых лошадях сюда часа полтора ходу. Ежели не побрезгуете, то чуланчик у меня тут имеется, для отдыха ночного...

— Я сейчас ничем не побрезгую! Как зовут-то, благодетель?

— Николаем крестили... Пошли, пошли за мной!

В темном чуланчике, заставленном какой-то рухлядью, пахло мышами и прелью. Агасфер вздохнул: не до жиру! И в курятнике устроишься!

Он вытянулся на скрипучем топчане, подложив под голову саквояж, изрядно опустевший после обыска в Варшаве. Прикрыл тяжелые веки и мгновенно провалился в сон.

Однако выспаться не удалось. Не прошло и четверти часа, как за стенкой загремели сапоги, послышались громкие грубые голоса. Агасфер мгновенно проснулся, сел, прислушиваясь.

— Куда ты его дел, «морзей» несчастный? А? Ну-ка, показывай гостя своего!

Агасфер поморщился: вот тебе и «благодетель»! Решил, значит, подстраховаться, жандармам шепнул — «чтобы чего не вышло».

Дверь чуланчика, едва не слетев с петель, распахнулась, светлый проем мгновенно загородили фигуры с фонарями в руках.

— Ага, вот он! — Жандармский офицер шагнул вперед, молодцевато кинул к шапке два пальца: — Господин фон Берг? Поручик Тиссель, начальник Гатчинской жандармской команды! Согласно телефонограмме обер-полицмейстера Петербурга, имею поручение доставить ваше высокородие в Петербург! Прошу следовать за мной!

Спустя малое время к дебаркадеру был подан крытый экипаж, запряженный парой лошадей.

— Лошадки временно взяты у начальника пожарной части, так что не извольте беспокоиться, ваше высокородие! — отрапортовал Тиссель. — Мигом домчат!

— Благодарю, поручик! — Агасфер подумал, что только чрезмерная усталость не позволила ему самому додуматься до такого простейшего решения. К чему гнать экипаж из Петербурга, если его можно было организовать и здесь?

— С Богом, ваше высокородие! Конвой надежен, не извольте беспокоиться!

Сытые пожарные лошади резво взяли с места, вслед устремились двое конных конвойных жандарма.

Не прошло и двух часов, как все же задремавший Агасфер очутился возле особняка полковника. Встречали его всем домом. Даже слесарь Тимоха, хоронясь от полковника за осанистой фигурой швейцара Трофима, не утерпел: при виде вышедшего из кареты Агасфера подбросил вверх шапчонку и вполголоса крикнул «Ура!».

Переходя из объятия в объятие, Агасфер все же обратил внимание на то, что в обществе за время его отсутствия кое-что изменилось. Ванновского он, к примеру, впервые увидел в партикулярном костюме. Лавров был явно невесел и, похлопав Агасфера по спине, тут же отошел в сторонку и закурил — это было для него необычно! Кроме того, возле подъезда дежурил щегольский автомобиль с замершим, словно статуя, шофером и офицером, явно адъютантом, возле передней правой двери.

— Ну что, господа? Гатчинскую коляску отпускаем? Свободны! — скомандовал Зволянский кучеру и конвою. Лихо козырнув, те развернулись и поскакали в сгущающуюся темень.

Необычайно оживлен был Зволянский, отметил Агасфер. Лопухина же, обычно находившегося в доме Архипова с утра до ночи, и вовсе не было видно.

— Ну, что же мы тут стоим, господа? — спохватился, наконец, Архипов. — Стол накрыт! Извините, Мишель, что успел за два часа организовать, тому и будем воздавать должное! Но зато, представьте себе, решился извлечь из винного погреба арманьяк двадцатипятилетнего возраста. Специально для особого случая берег. Вы, конечно, чертовски устали, барон, но полчаса мы у вас украдем! Хоть вкратце, но расскажите нам о своих приключениях!

— Погодите, Андрей Андреевич! — мягко прервал его Агасфер. — Арманьяк от нас не уйдет — прежде стенографист желателен! Пока держу в памяти некий документ, из-за которого, собственно, и попал в лапы австрийской разведки!

— Алексей Николаевич! Ваше превосходительство! — обратился Архипов к Куропаткину. — Слыхали новость? Агасфер в своей удивительной голове что-то нам особенное привез! Стенографиста бы организовать!

— Сию минуту-с! — Куропаткин подозвал адъютанта, дежурившего возле автомобиля, и вполголоса отдал распоряжение. Тот, козырнув, сел в авто, шофер крутнул заводную ручку, и машина умчалась.

Еще одна новость, отметил про себя Агасфер: раньше Ванновский такие вопросы решал... И авто у нашего Куропаткина откуда-то появилось... Ладно, поживем — все узнаем!

Трофим торжественно распахнул двери, снял фуражку. Офицеры, переговариваясь, устремились к двери.

Куропаткин и Зволянский прошли в дом первыми. Архипов, следуя за ними, остановился в проеме, хотел что-то сказать Агасферу — и не успел. Как раз в этот момент все услыхали нарастающий бешеный стук копыт. Лавров приостановился, вглядываясь в сумерки.

— Эк его носит, мерзавца! Всех прохожих посшибает этак-то! — покачал головой Лавров.

И тут из-под опущенного верха коляски засверкали вспышки, мигом спустя сменившиеся трескотней выстрелов. Кучер натянул вожжи, придерживая лошадь.

— Ложись! — крикнул Лавров, падая на тротуар и увлекая за собой Агасфера. Увидев, что Кузьма, Трофим и Тимоха от неожиданности замерли, как статуи, он еще громче закричал: — Падайте, олухи! Убьют же сейчас!

— Долой самодержавие! Смерть царским прихвостням! — раздалось из почти остановившейся коляски, и оттуда снова загремели выстрелы.

— Эх, револьвер нынче не взял! — сквозь зубы процедил Лавров, прижимая голову Агасфера к скользким камням тротуара.

Агасфер все-таки попытался повернуть голову, чтобы рассмотреть коляску и стрелка. Но увидел только темный силуэт и искры, высекаемые пулями рядом с его лицом. И считал выстрелы. Шесть, семь...

— Пошел! — завизжал седок, швырнув на мостовую револьвер с опустошенным барабаном.

Возница стегнул кнутом, закричал на лошадь, и та рванула с места.

Когда стук копыт замер вдали, Лавров и Агасфер поднялись с каменного тротуара, почистили платье.

— Все целы? Никого не зацепило? — спрашивал Лавров, глядя только на Агасфера.

— Да, благодарю... Тимофей, ты чего не встаешь? Не задело тебя?

Тот с кряхтением поднялся с корточек — выполнить команду «ложись» он так и не успел — как, впрочем, и швейцар, продолжающий держаться за дверь. Из-за нее осторожно выглядывали Куропаткин и Зволянский.

— А где полковник, господа? Андрей Андреевич, где вы?

— Тут я, тут! — ворчливо отозвался Архипов, пытаясь подняться с ковра и держась за ногу. — Хороши же мы,

господа офицеры! Пятеро нас тут — и ни у кого оружия не случилось!

— Господи, да вас ранило! — Куропаткин, шагнув к старому другу, первым разглядел расплывающееся темное пятно на ковре в вестибюле. — Кузьма, телефонируй в полицию, пусть доктора пришлют! Трофим, свисти! Городовые — где они, черт их побери!

Однако Зволянский, обогнав Кузьму, первым побежал по лестнице к телефонному аппарату, и вскоре по всему дому разнеслись раскаты и переливы его начальственного баритона, прерываемые частой руганью.

Тем временем Лавров, присев возле Архипова, уже определил место ранения, — разрезал левую брючину, осмотрел сквозную рану в бедре, перетянул ногу жгутом из носового платка.

— Ничего, господин полковник! Я, конечно, не доктор — но, по моему, вам повезло! Рана сквозная, крови немного, темного цвета — стало быть, артерия не задета. И кость, по-моему, тоже! Кузьма, дай что-нибудь полковнику под голову, пусть полежит здесь, пока доктор приедет!

Он распрямился, ободряюще улыбнулся Архипову. Взяв за локоть Агасфера, повел его на улицу.

— А мы с вами, Берг, давайте осмотримся, пока городовые да зеваки не затоптали тут все на свете! Трофим, Кузьма, фонарь есть где-нибудь близко?

Лавров и Агасфер вышли на улицу и тут же услыхали приближающиеся свистки городовых с двух концов улицы.

— Ну, сейчас тут будет вавилонское столпотворение! — хмыкнул Агасфер. — Мы куда идем-то, Владимир Николаевич?

— Хочу найти место, где экипаж вас поджидал...

— Меня? Почему вы так говорите? — удивился Агасфер. — Слышали, как стрелок кричал про царских прихвостней? Нашли прихвостня, ха!

— Ерунда все это, Берг! И про «смерть самодержавию», и про прихвостней... Хорошо организованная засада, вот что это! А вопли — это для маскировки, для отвлечения внимания! Ага, кажется, здесь! — Лавров посветил фонарем на небольшую кучку лошадиного навоза.

Посветив фонарем вокруг, он обнаружил несколько окурков египетских папирос, а чуть в стороне — два окурка папирос другой марки. Бережно собрал окурки в кульки, сделанные тут же из вырванных листов записной книжки.

Пряча кульки в карман, Лавров внезапно повернулся и направил фонарь в подворотню, высветив бородатую фигуру с метлой. Лавров отвел фонарь, крикнул начальственным голосом:

— Дворник! А ну-ка иди сюда, братец! Ты почему, подлец, не докладываешь о происшествии?!

Дворник, волоча за собой метлу, нехотя приблизился, с подозрением вглядываясь в статский наряд Агасфера и непохожее на полицейский мундир форменное обмундирование Лаврова.

— Сколько стоял здесь этот экипаж?

— Екипаж? А часа два стоял, ваш-бродь! Я и то обратил внимание: стоять и стоять! Кучер не на своем месте пребывал, а возле угла маячил, папиросы курил. На меня цыкнули: молчи, мол, дворник! Тут полицейская операция производится! Ну я и «цыкнул» обратно в подворотню к себе.

— А второго видел? Который в коляске был?

— Не-а, ваш бродь! Только голова в шляпе высовывалась. Тоже курили часто, через мундштюк. На непонятном языке, осмелюсь доложить, с кучером переговаривались. Не то немецкий, не то французский — не силен я в языках, ваш бродь!

— Ну а потом что?

— Замерз я, в подворотне наблюдаючи, ваш-бродь! — признался дворник. — К себе в конурку пошедши. Так, поглядывал иногда... Никаких безобразиев не творят, ждут кого-то! Топот потом слышу — засвистал кучер, коляска с места и рванула. А потом выстрелы, Господи прости!

— Все, братец, спасибо за службу! — Лавров сунул дворнику полтинник. — Если вдруг вспомнишь что-нибудь важное — найди швейцара Трофима из того большого особняка, понял? Спросишь господина Лаврова — это я буду. Еще получишь!

— А-а, тык вы не с полиции? — сплюнул дворник. — А я-то, дурень, полчаса перед вами тут, любопытствующими, распинаюсь!

— Пойдемте, Берг! — Лавров увлек Агасфера к подъезду архиповского особняка, возле которого уже начал собираться народ. — Кое-каких новостей за две недели отсутствия вы не знаете, поэтому я коротко, в двух словах, вас просвещу.

Во-первых: его высокопревосходительство Ванновского «подвинули». Теперь военный министр у нас — генерал-адъютант Куропаткин*. Ванновского высочайше назначили членом Государственного совета — ну, вы сами понимаете, Берг, это «почетная отставка». Ходят слухи, что его ближайшее назначение — расследование студенческих беспорядков. Зволянский чем-то перестал устраивать господина министра внутренних дел Ивана Николаевича Дурново, и на его место, я слышал, прочат Лопухина. Не сегодня завтра вопрос с созданием Разведывательного отделения будет, надеюсь, закрыт. Генерал Куропаткин имел несколько приватных бесед с наследником, вопрос практически решен! Ждут официальной церемонии захоронения почившего в бозе императора Александра III, и Высочайший указ на сей счет будет подписан! И вот тут-то, Берг, начнется самое ужасное!

— Что же здесь ужасного? — удивленно приостановился Агасфер.

— А то, что если раньше самостоятельность нашего учреждения была априори и поддерживалась всеми членами нашего кружка, то теперь это мнение кардинально поменялось! Зволянский — сам ли, или с подачи своего министра — настаивает на объединении Разведывательного отделения с Загранслужбой охранного отделения. То есть налицо явное желание лишить РО самостоятельности и поставить его под контроль Министерства внутренних дел, объединить с полицией! Да и господин Куропаткин уже несколько раз приглашал меня поговорить приватно о том, что финансирование деятельности Разведывательного отделения необходимо проводить только по линии Военного министерства! То есть, просишь деньги — объясни, на что потратишь! И не министру — тому, как вы понимаете, недосуг заниматься подобными вещами, — а какому-нибудь асессору Пупкину-Ляпкину, который будет дотошно вникать в подробности планируемой работы, чтобы вечером, в компании таких же Пупкиных-Ляпкиных, похвастаться причастностью к вопросам, представляющим государственную важность!

— Иными словами, самостоятельность и независимость русской контрразведки, которая только испытывает потуги рождения, уже под вопросом! — усмехнулся Агасфер. — Понимаю, понимаю! В дело включились некие силы высшего порядка, которые не желают, чтобы порядок был действительно наведен!

— Значит, поняли? — обрадовался Лавров. — Но тише, умоляю! Мы уже подходим к нашим единомышленникам, и не надо, чтобы они слышали то, о чем мы только что говорили.

— Один вопрос, Владимир Николаевич! — приостановился Агасфер. — А что думает по этому поводу Архипов?

— Андрей Андреевич верен себе: он за полную самостоятельность контрразведки. Но он всего лишь полковник, причем отставник. Ваш покорный слуга пока вроде единственный претендент на кресло начальника Разведывательного отделения. И я очень хотел бы видеть господина полковника своим заместителем. Однако Зволянский и Лопухин категорически против. Мне в товарищи прочат некоего Мануйлова! Слыхали? Ну, еще услышите! И генерал Куропаткин начал колебаться — несмотря на нашу старую дружбу и полное доверие и взаимопонимание... Но давайте прервемся, Берг: судя по количеству прибывающих экипажей и авто, тут скоро будет половина Петербурга!

«Покушение на смертоубийство», действительно, вскоре собрало в доме Архипова великое множество и сыщиков, и сановников. От разноцветья мундиров рябило в глазах.

* Авторская вольность. Ванновский был заменен Куропаткиным несколько позже, в 1903 году. То же самое касается Зволянского, прослужившего начальником Департамента полиции до 1902 года. Тогда его сменил действительно А. А. Лопухин.

Прибывшее сюда едва ли не в полном составе Сыскное отделение допрашивало свидетелей происшествия по несколько раз, были найдены и выковыряны из дверей практически все пули стрелка. Среди черных полицейских мундиров начали мелькать пиджачки газетчиков, несколько раз вспыхнул магний фотографов.

В конце концов Агасферу удалось поймать за рукав Зволянского и буквально поставить перед ним ультиматум: либо ему дают возможность в спокойной обстановке продиктовать то, что еще осталось в голове после множества происшествий в Варшаве и случившегося потом, либо он не ручается за свою память. Архипов, которому надоело присутствие в его доме десятков бесцеремонных людей, тоже начал громко стонать и требовать тишины и покоя.

Зволянский и Куропаткин приняли меры, и вскоре дом все-таки опустел.

Агасфер, уединившись с двумя военными стенографистами в библиотеке, попытался сосредоточиться, как это обычно бывало, но с ужасом осознал, что не может вспомнить и половины того, что ему удалось прочесть в секретном досье. Оставив обескураженных офицеров, он бросился в свою комнату и, едва не плача, зарылся лицом в подушки.

Лишь позднее он нашел в себе силы прийти к полковнику Архипову и признаться в беспамятстве. Зволянский и Куропаткин, слышавшие это «покаяние», утешили Агасфера, говоря, что иногда для включения механизма памяти, дающего сбой, следует на некоторое время оставить его в покое.

Стенографистов на всякий случай оставили в одной из гостевых комнат с ночевкой, а общество, вопреки «библиотечной» традиции, сосредоточилось для обмена мнений в спальне полковника, куда он был помещен благодаря настоятельному требованию полицейского доктора. Рана, кстати, как и предсказывал Лавров, оказалась сквозной и относительно легкой.

На доктора, мешавшего своим присутствием откровенным разговорам, постепенно начали коситься с плохо скрываемым раздражением и совсем уже собрались было выпроводить

его до утра. Однако старичок оказался настоящим профессионалом.

— Я понимаю, господа, что мои уши тут лишние, и сейчас покину вас — однако у меня есть вопрос вот к этому молодому человеку, — и он кивнул на Агасфера. — Мне показалось, что он садится, встает и поворачивается с еле прикрытой гримасой боли. Так вот, молодой человек, признавайтесь: вы тоже получили ранение или серьезный ушиб правого бока?

Агасфер попробовал сделать удивленное лицо, но в конце концов вынужден был признаться, что с неделю назад получил «легкую царапину». Он был тотчас же отправлен в свою комнату, где, по настоянию доктора, разделся.

— Действительно, касательное пулевое ранение в область пятого ребра, — пожевал бородку доктор. — И, судя по остаткам пластыря на ране, первичную помощь вы получили. Но перевязкой пренебрегли, и, к тому же, намочили рану! Извольте ложиться и терпеть!

Терпеть пришлось основательно: доктор вскрыл загноившуюся от «купания» в Дунае рану, почистил ее и наложил повязку с необыкновенно свирепой мазью. Процедура закончилась двумя инъекциями, снимающими воспаление. Прописав Агасферу постельный режим, доктор, наконец, удалился.

Едва в коридоре затихли его шаги, Агасфер встал, накинул халат и поспешил в спальню Архипова, боясь пропустить что-нибудь важное. Но там «напоролся» на неуемного доктора, посчитавшего долгом доложить хозяину дома о состоянии второго раненого.

Выслушав все, что обычно говорят медики непослушным больным, Агасфер поклялся, что только попрощается с присутствующими и не позже чем через десять минут окажется в своей кровати.

Стараясь быть кратким, он рассказал об основных моментах своего «европейского турне». Тем не менее, вопросы возникали и требовали ответов. В конце концов, призвали Кузьму, притащившего в спальню полковника несколько подносов с холодной птицей, мясными рулетами и, конечно же, арманьяком.

Солнечный напиток сделал свое дело, и вскоре нервное напряжение у присутствующих спало.

— Ну-с, — Зволянский обвел глазами присутствующих, — кто желает высказаться?

— Если позволите, господа, я начну! — решительно встал Лавров. — Ситуация представляется мне сложной. Господин Берг грамотно провел серию встреч с фон Люциусом, «обменял» никчемного предателя на Гертруду и, вольно или невольно, посеял вражду или недоверие между германской и австрийской разведками. Уверен, что теперь австрияки, опознавшие под личиной лже-Полонского Агасфера, будут относиться к информации из Берлина с большой долей сомнения! Относительно обмена старых британских карт минных полей на новые — полагаю, этот «номер» уже не пройдет! Разве что Люциус, обозленный упреками относительно своей профессиональной «слепоты», будет по-прежнему считать, что австрийцы перестраховались, и что Полонский и есть Полонский... Когда и как он должен был передать вам старые карты, чтобы вы сделали на них новые отметки, Берг?

— Я назвал ему адрес портного Соломона Циммермана — он должен прислать ему «штуку английского сукна». Думаю, надо немедленно взять дом Циммермана под наблюдение.

— А что случилось с Брюхановским-Гертрудой?

— Мне удалось купить у него один экземпляр технической документации. Кстати, с использованием фальшивых фунтов стерлингов. Второй экзепляр он был намерен во что бы то ни стало продать австрийцам. Пришлось выманить его за город, уколоть снадобьем, спрятанным в протезе. А потом, дождавшись темноты, затащить тело под причал пристани. Я не слишком разбираюсь в артиллерии, но не мог допустить, чтобы австрийцы воспользовались нашими секретами! Готов нести за это ответственность!

— О какой ответственности вы говорите, Агасфер? — возмутился Зволянский. — Вы раздавили никчемного таракана!

— Я наводил справки, — кивнул Куропаткин. — Вы предотвратили большую беду, Берг!

— Но как вы попали в лапы к австрийцам?

— Когда я добрался из Прешпорока до Мюнхена и не обнаружил за собой слежки, то, видимо, потерял бдительность. В Берлине я совсем успокоился и, оказавшись в одном купе с пьяным курьером, перевозившим секретные документы, не удержался и залез к нему в портфель. Там был секретный приказ о награждении австрийской агентуры за успешную работу в России. Фамилии, клички, места службы... В общем, попался как мальчишка: в соседнем купе, как выяснилось, засели агенты-австрийцы и поймали меня буквально за руку. «Угостили» эфиром, сняли в Варшаве с поезда, затащили в какой-то подвал с гильотиной и устроили допрос.

— Но вы все-таки вырвались!

— Сам до сих пор не верю! Этот палач, капитан Гедеке, был настолько упоен своей победой и моим согласием работать на него, что оставил меня в гостинице без присмотра!

— Тогда не слишком переживайте насчет того, что не можете вспомнить текст секретного документа, который вам специально подсунули, — высказался Лавров. — Думаю, что там была сфабрикованная специально для вас «липа»!

— Послушайте, господа, а не австрияки ли устроили сегодняшнюю стрельбу возле моего дома? — зашевелился, постанывая, Архипов.

— Вряд ли! — усомнился Зволянский. — Это была тщательно спланированная операция, на подготовку которой у них не было времени.

— Вы забыли про господина Гримма и его подругу, господа! — устало покачал головой Агасфер. — Простите, я сейчас вернусь...

Он добрел до своей комнаты, нашел в кармане сюртука смятую коробку египетских папирос и потащился обратно. Бросил папиросы на стол и попросил Лаврова:

— Владимир Николаевич, покажите окурки, которые вы насобирали на месте стоянки кареты. Похожи? Так вот: эта коробка выпала из сумочки Серафимы Бергстрем, когда она ворвалась в мой номер, чтобы застрелить меня! И голос,

господа! Вспомните голос: «Долой самодержавие! Смерть царским прихвостням!» Это был женский голос, господа...

— Что же вы раньше молчали, господа сыщики? — возмутился Зволянский. — Сейчас же направлю к Гримму и его шлюхе команду побойчее!

— Тише, господа! — зашипел Архипов, показывая на упавшего на его кровать Агасфера. — Доктор ведь предупредил, что вкатил ему изрядную порцию снотворного! Пусть поспит! Ему за последнее время здорово досталось!

— Если вы не возражаете, пусть поспит здесь, господин полковник! — предложил Лавров. — Кровать у вас достаточно обширная, а переносить его рискованно...

— Конечно, конечно!

Зволянский, позвонив, вернулся. «Совещание», по предложению Архипова, вполголоса продолжилось: ну не уносить же отсюда холодную дичь и арманьяк, господа!

Минут через сорок Кузьма приволок в спальню телефонный аппарат: спрашивали Зволянского. Послушав собеседника, тот в расстройстве «махнул» лишний бокал и доложил:

— Гримм пьяный как зюзя! По словам денщика, пьет второй день. Так что его участие в сегодняшней акции под вопросом. А вот мадам Бергстрем исчезла! В ее квартире — одни коробочки из-под драгоценностей и следы поспешных сборов. Гримма до утра я велел в «холодную» определить. По-моему, пора его арестовывать — и под суд. Мы много чего можем ему предъявить на сегодняшний день. А мадам будем искать!

— Господа, у меня есть предложение! Агасфер обозлил не только эту мадам, но и всю австрийскую разведку! Может, отправить его на пару недель куда-нибудь подальше? — предложил Лавров.

— А что? Разумно! Дадим «вечному страннику» что-то вроде короткого отпуска! — поддержал Куропаткин. — Кстати, господа, я вот думаю, не пора ли обратиться к наследнику с ходатайством о полном прощении господина Берга?

— Не уверен, что он одобрит эту идею, — покачал головой Архипов. — К тому же, не будем забывать, господа,

что у нашей организации, несмотря на ее молодость, уже немало завистников и врагов! Я, например, не сомневаюсь, что наследник будет лично утверждать каждого офицера Разведывательного отделения! И личность Агасфера может, как это ни печально, вызвать и вопросы, и противодействие.

На том и порешили: вопрос с прощением и реабилитацией Агасфера отложить до лучших времен.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Когда гости все-таки разошлись, Архипов послал Кузьму поглядеть, не спят ли его помощники в мастерских? Как он и предполагал, там под водительством Тимофея вовсю, хотя и не шумно, праздновали возвращение молодого барина и счастливый финал покушения на него. К просьбе полковника его помощники отнеслись с пониманием: вместе с одеялом, на которое свалился Агасфер, мужики перенесли его в занимаемую им комнату и уложили на кровать. Раненый хоть и постанывал во сне, но так и не проснулся.

Снотворное, которым «угостил» его старый полицейский доктор, вкупе с усталостью привело к тому, что Агасфер проснулся около полудня — случай для него из ряда вон! Возможно, он спал бы и дольше, однако был разбужен тем же самым старичком-доктором, который считал своим долгом не оставлять пациентов до их выздоровления. Он уложил на рану свежую порцию мази, заклеил новым пластырем и велел лежать по меньшей мере до вечера.

После его ухода Агасфер немедленно встал и поковылял в подвальные мастерские.

Здесь его ждала неожиданная встреча: истомившись от вынужденного безделья, чуть раньше сюда спустился хозяин дома и теперь увлеченно возился со своими помощниками над какой-то древней шкатулкой.

— Андрей Андреич, доброе утро! Вы где костыли-то раздобыли? — подивился Агасфер. — И чего вам не лежится? Здравствуй, Тимофей! Здорово, мужики!

— По той же причине, что и вам, господин Берг! — подмигнул ему Архипов и тут же обрушился с бранью на помощников: — Чего глаза поразинули? Поддерживайте винты на дне, олухи, выпадет ведь механизм шкатулки сей момент! Извините, Берг, я отвлекся! О чем мы говорили-то?

— Признаться, я вообще не помню, о чем мы вчера говорили, Андрей Андреич! Как в яму какую-то провалился. Что-то про папиросы мадам Бергстрем — а дальше как отрезало!

— Хорошее снотворное у доктора! — хмыкнул Архипов. — Он разве нынче вам не признался? Уснули вы, господин Агасфер, прямо у меня на кровати. Рухнули как убитый.

Извинившись перед Архиповым за свою слабость, Агасфер поблагодарил и Тимофея за отлично действовавшую механику протеза «с начинкой». Тот, довольный похвалой, только кряхтел и все порывался рассказать о том, как именно он устроил в указательных пальцах механической руки замаскированные самострелы.

— А стрелки-то еще остались? — поинтересовался Агасфер. — Я ведь, братец, не сохранил те...

— Жалко! — поцокал языком Тимоха. — Эти полые стрелки с поршнями — полработы, считай...

— Ну, я в долгу не останусь, сам знаешь! Договоримся! Андрей Андреич, я хотел попросить у вас помощника «взаймы» попроворней. Мальца какого-нибудь. За травками сбегать в аптеку: чувствую я, что с мазью этого доктора я недели две валяться буду!

— Берите, коли надо. Вот Коляна хотя бы, он и проворен, и сообразителен. Пропуск только на него оформить надо бы, от греха! А то и не выпустят, и не впустят в дом!

Посмеиваясь, Архипов рассказал, что после вчерашних событий со стрельбой Зволянский и Куропаткин едва не поссорились, сойдясь сначала в одном: в доме полковника должна быть постоянная охрана! А вот чья — военная или полицейская — это и стало предметом разногласий! Вот сейчас в доме охрана военная: без письменного разрешения хозяина никто не выйдет и не зайдет.

— А что за травки-то? — спросил Архипов, когда Агасфер подробно растолковал мальчугану — куда именно надо идти и передал ему бумажку с названиями трав и кореньев. — Вот не знал, милостивый государь, что вы еще и знахарскими способами владеете! Только той аптеки, что вы из прошлой своей жизни вспомнили, может, и нету уже!

— То не знахарство, а травоведение, — деликатно поправил Агасфер. — В библиотеке у паулинов много чего было, в том числе и старинных книг. Вот вы слыхали, к примеру, про монашеский обет самоистязания? Вот чтобы самих себя до смерти не забить, монахи нашли состав трав, который за ночь восстанавливал все раны и рубцы на теле. И день спустя можно было снова бичевать себя! Не уверен, правда, что Колян наш найдет все эти травки: действительно, той аптеки и старухи, может, давно уже нету! Да и мало кто в наше время этим делом всерьез занимается... Но будем надеяться!

Взгромоздясь на костыли, Архипов увлек Агасфера в библиотеку, где тоже была собрана кое-какая старая литература по траволечению, а по пути передал кое-что из вчерашних разговоров товарищей. И завел речь про «отпуск», который Агасферу, ради общего дела, стоило бы взять. К удивлению полковника, Агасфер не стал возражать.

— Спасибо. Я и сам хотел на недельку-другую отпроситься. Только уговор, Андрей Андреич: поскольку я поеду по своим личным делам, то никаких «проездных» и «подъемных»!

— Не согласен! — зашумел полковник. — Что за недисциплинированность! Вы у меня на службе, господин Агасфер! И пострадали, если на то пошло, тоже на моей службе. Что за мерихлюндия, милостивый государь! Вот только в Европу не советую-с! А так — готов оплатить путешествие хоть в Северную, хоть в Южную Америку! Может, в Африку, а? Хотя в том климате зловонном с вашей раной долго ждать заживления придется...

— Хорошо, как-нибудь поладим, Андрей Андреич, — уклончиво отложил неприятный для него разговор Агасфер. — Расходы невелики будут: в Крым хочу прокатиться.

— Вот оно что, — протянул Архипов. — Ностальгия-с... Признаться, я сам бы не выдержал на вашем месте. Только вы уж там как-нибудь поделикатнее... Чтобы и женщину не травмировать прошлым, знаете ли... Впрочем, вы не мальчик, что я вас учить-то, старый дурень, взялся... Сами решите — как лучше...

— Мне, Андрей Андреич, уж очень на мальчишек хочется взглянуть, — разоткровенничался Агасфер. — Мои ведь мальчишки могли быть вполне... Мы ведь с Настенькой в прежние времени так и мечтали: три мальчика... Только вы, ради Бога, никому, ладно?

— Про мальчишек — само собой. А вот про Крым, вообще-то, не знаю... Наверное, не по-товарищески будет — не сказать... Мало ли что! Я вот другому, Мишель, — ничего, что я вас так называю? — так вот, я другому удивляюсь. Перед европейским своим «турне» этакую заботу о другой Настеньке проявили. Приехали — и ни гу-гу! А мы с Ванновским старались, старались, госпожу Новосильцеву «обрабатывали» — чтобы все получилось как бы само собой... И Сергей Эрастович доволен вроде, и дочка, Танечка его, в восторге от новой домашней воспитательницы. Зволянский ворчит даже, что не столько воспитательница ваша мадмуазель Стеклова, сколько подружка его дочери. Но доволен, видно! Даже с кошкой смирился, хотя всегда противником кошачьего племени себя позиционировал...

Агасфер, постояв с опущенной головой, внезапно шагнул к полковнику, обнял его за плечи. И тут же, устыдившись своих чувств, стал извиняться за несдержанность.

— Я уж и боялся спрашивать. Разговор-то тот изрядно арманьяком был «сдобрен», Андрей Андреевич! Думал себе — поговорили, да и забыли!

— Плохо о своих товарищах-офицерах думать — последнее дело, милостивый государь! — выбранил его Архипов. — Так что — не захотите перед отъездом поглядеть на свою протеже? Или вы безо всякой задней мысли ее судьбой были обеспокоены, а?

— Она совсем девчонка, а я инвалид, — признался Агасфер. — Дурно так пользоваться благодеянием, полагаю! Да

я ведь и в самом деле просто пожалел мадмуазель Стеклову, безо всяких задних мыслей, как вы изволите выражаться...

— Ну, как хотите! — сделав равнодушное лицо, пожал плечами Архипов. — А то я, признаться, хотел Танечке Зволянской на именины игрушку забавную передать. Думал себе — вот и посыльный найдется!

— Ну почему? Я с удовольствием! То есть, готов оказать вам услугу, — смешался Агасфер. — Только в экипаже, боюсь, стоя ехать придется из-за проклятой докторской мази! Да и амбре от нее такое, что семейство Зволянских на порог может не пустить!

— Экий вы скорый, милостивый государь! — рассмеялся полковник. — Именины у Танечки, во-первых, только послезавтра. А там, глядишь, и мазь смените! Вот только одно условие поставлю: после покушения на вашу персону ваш визит к Зволянским надо обставить с максимальной безопасностью!

— И ему до поры не говорить, — кивнул Агасфер. — А то всех городовых Петербурга в качестве почетного конвоя отрядит!

* * *

— Позвольте мне представить вас моей дочери, Татьяне! — в глазах мадам Зволянской вспыхивали насмешливые искорки. — С Настасьей Васильевной ведь вы, кажется, знакомы.

Настасья Васильевна сделала еле приметный знак, и двенадцатилетняя девочка присела в книксене. И тут же подбежала к своей воспитательнице, прижалась к ее боку, заглянула снизу в ее лицо.

— Да, мы знакомы! — с улыбкой подтвердила Настя. — Вообще, я должна сказать, что знакомство с господином Агасфером изменило мою судьбу... Как вы сегодня странно одеты — в русском народном стиле! Будто на маскарад собрались! Здравствуйте, господин Агасфер!

Длинная свободная рубашка с вышитым воротником, наподобие балахона, в коих летом щеголяют в петербургских садах художники, была единственной одеждой, которая почти

не касалась залепленной пластырем и все еще болезненной раны. Поэтому Агасфер надел ее, собираясь на «свидание» с мадмуазель Стекловой. Но не говорить же ей об этом! И он просто молча поклонился.

— Агасфер? — удивилась Таня. — На уроке закона Божиего в гимназии я слышала, что это такой седой противный старик, который обидел кого-то и в наказание должен вечно скитаться по свету!

— Ну, поседеть я еще успею, мадмуазель Татьяна, — улыбнулся Агасфер. — И противным стать, наверное, тоже. А пока я только скитаюсь, и, как видите, забрел к вам! А где же та особа, которой я обязан счастью знакомства с вашей воспитательницей, мадмуазель Татьяна?

— А-а, это вы про кошку! Про Марусю! Мам, ты не видела Марусю?

— Ну где ж ей быть, как не в папином кабинете! — вздохнула мать. — Твой отец пропадает на службе с утра до ночи, и кабинет в полном ее распоряжении! Самое удивительное, что Маруське, единственной в нашем доме позволено ворошить бумаги на его столе и валяться на всех креслах! Хотите ее увидеть, господин Агасфер?

— Если это возможно, мадам! Даже у противных скитальцев есть в этой жизни свои привязанности!

— Вот видишь, Татьяна, ты обидела нашего гостя! — начала выговаривать дочери мать. — Пойдемте, я не думаю, чтобы Сергей Эрастович стал бы возражать против такого визита в его кабинет в его отсутствие. Интересно, узнает она вас или нет?

Кошка Маруська умывалась на рабочем столе директора Департамента полиции. Она мельком глянула на вошедших и тут же, покачивая хвостом, направилась прямо к Агасферу. Оказавшись на краю стола, она прыгнула к нему на грудь и громко замурлыкала.

— Ой... А у вас, господин Агасфер, рука деревянная или железная? — спросила Зволянская-младшая, внимательно наблюдая за гостем.

— Татьяна! — крикнула мать, хмурясь уже по-настоящему.

— Ничего страшного! — успокоил ее Агасфер. — Кто-то рождается с обычными руками, а кто-то с железными! Вот там, где мне приходится странствовать, людям с обычными руками приходится труднее... Правда, Анастасия Васильевна?

— Молодые люди! — решила разрядить обстановку мадам Зволянская. — Кухарка сказала мне, что с обедом она управится часа через два-три. Не желаете ли пока прогуляться? А мы с Татьяной посмотрели бы ее вышивки...

— Боюсь, что столько времени у меня просто нет, — виновато откликнулся Агасфер, боясь посмотреть в сторону Анастасии Васильевны, надевшей с утра явно «прогулочное», нарядное платье. — Я нынче, видите ли, должен уезжать и зашел только засвидетельствовать свое почтение.

— Тогда я провожу вас. Ну хотя бы до конки, — вызвалась явно расстроенная девушка.

— Ну разве что до экипажа, — улыбнулся Агасфер. Не мог же он объяснять девице, что полковник взял с него слово временно воздержаться от пеших прогулок без сопровождения Медникова.

— Прощайся с нашим гостем, Татьяна. Он уходит. — Мадам, явно пресекая попытки дочери напроситься в провожатые до экипажа, увлекла ее в детскую. — Возьми Маруську, а то наш гость никак не может оторвать ее от себя!

— Хорошо, мамочка. До свидания, господин Агасфер! А вы можете привезти мне из странствия что-нибудь интересное? А то папа одних кукол привозит...

— Татьяна! — уже не шутку рассердилась мать.

— Ничего, ничего! — Агасфер легко прикоснулся к кудряшкам девочки. — Обещаю, что из своего странствия я привезу вам что-нибудь интересное!

Выйдя из парадного и кутаясь в длинную цветную шаль, Настя испытующе поглядела на спутника:

— Как странно... Мы встречаемся с вами в третий раз, а у меня ощущение, что я знакома с вами давным-давно.

— Я тоже испытываю нечто похожее, — признался Агасфер.

— И еще мне кажется, что вы немножко чародей. Вот мы с вами встретились, и у меня стало сбываться то, о чем только мечталось. — Настя искоса поглядела на Агасфера. — Признайтесь, это ведь вы приложили свою «волшебную» руку к моим переменам?

— Ни в коем случае! Что вы!

— И у вас очень опасная служба. Или жизнь у вас опасная, не знаю... Ваша очередная отлучка тоже будет опасной?

— О-о, совершенно нет! Даю вам слово!

— Вы каждый раз даете слово и возвращаетесь с новой раной, — покачала головой девушка.

— С чего вы взяли?

— Когда вы надевали пальто, то скривились словно от боли. Знаете, я ведь очень наблюдательная!

— Да-а, от вас ничего не скроешь... Я это заметил, — согласился Агасфер. — Но на сей раз моя поездка не будет опасной. Вам нравится у Зволянских?

— Сергея Эрастовича я почти не вижу. Он уходит рано утром и иногда под утро и возвращается. А его жена очень мила. Танечка же — просто чудо!

— Слушайте, Анастасия Васильевна, а когда я вернусь, вас отпустят со мной в синематограф?*

— В синематограф? Ой, как здорово! — обрадовалась Настя. — Я только слышала об этом чуде, но никогда не видела его! Я полагаю, что отпустят! А вы скоро вернетесь?

— Думаю, недели через две. И обещаю, что потом долго-долго никуда не буду ездить! Прощайте, Анастасия Васильевна. — Агасфер коснулся губами ее руки, сбежал по ступеням крыльца и захлопнул за собой дверцу экипажа.

Медников, ожидавший в закрытой карете возвращения Агасфера, только крякнул, когда подопечный от рывка экипажа неловко сел ему на руку. Начальника «летучего отряда» на время пребывания Агасфера в Северной столице назначили его личным телохранителем, чем опытный сыщик был, естественно, не слишком доволен. Однако, симпатизируя Агасферу, старался рассматривать свое задание как товарищескую услугу.

— Симпатичная девица, — буркнул он. — Только уж больно грустная какая-то. Неприятности?

— Ее неприятности уже позади! — усмехнулся Агасфер. — Ну, какие будут дальнейшие указания от начальства?

— Его высокопревосходительство генерал Куропаткин велел вам прибыть в Главный штаб. К следователю военно-окружного суда Топилину, тот вас давненько ожидает.

— Это еще зачем? Мы ж договорились с генерал-адъютантом, что мои действия в Берлине и Вене будут рассматриваться в особом порядке. Я же не официальный агент, а лицо вне штата военно-учетного отдела*.

— Это вы сами с военными министрами разбирайтесь — кто официальное лицо, а кто за штатом, — не слишком любезно отозвался Медников. — А я, господин Агасфер, рылом не дорос до министров! Мне сказали: охраняй пуще глаза, я охраняю. Велели что передать — передаю...

— Ну-ну, не прибедняйся, Евстратий! Погоди, вот организуемся в Разведывательное отделение — лично тебе эполеты пришью. Как начальнику военно-диверсионного отряда!

— Ага, пришьете, как же! По моим делам энти эполеты мне только на задницу и пришивать, для маскировки! И кожух не сымать даже летом, чтобы эполеты никто не увидел!

— Ну-ну, Евстратий! Ты тут профанацией знаков воинского отличия не занимайся! «На задницу!» — передразнил

* Синематограф пришел в Россию в конце XIX века. Первый показ был организован 4 мая 1896 года в Санкт-Петербурге (в саду «Аквариум»). Начало распространения синематографа было положено съемкой и публичной демонстрацией короткометражных фильмов. Вольность автора перенесла синематограф на два года раньше.

* Накануне создания Разведывательного отделения в Главном штабе русской армии существовали военно-учетные отделы, которые, при всей безобидности своего наименования, производили следственные действия в отношении лиц, совершивших воинские преступления, в том числе шпионского характера.

Агасфер. — Услышит кто из начальства, так тебе на другое место эполеты пришьют, на переднее! И прямо к телу, чтобы не оторвались!

Перешучиваясь, разведчики незаметно доехали до Главного штаба. Кучер, имея опыт доставки подобных пассажиров, подвез их к боковому крыльцу. Часовой, прочитав пропуск Агасфера за личной подписью военного министра, молча козырнул и распахнул дверь.

Следователь военно-окружного суда Топилин принял посетителя в статском настороженно. Для него не было секретом создание в ближайшее время Разведывательного отделения при Главштабе, однако, как и большинство штабных офицеров, Топилин рассматривал эту новость пока лишь в качестве слуха. Поэтому и к бумаге с размашистой подписью военного министра Куропаткина отнесся с недоверием: мало ли кто такую предъявить может. А вдруг похищена?

> *Предъявитель сего является личным секретным порученцем военного министра со всеми вытекающими из сего полномочиями. Имеет право входа в Главный штаб в любое время суток. Содействие предъявителя сего при его просьбе всеми офицерами РА выполняется по первому требованию, об отказе в содействии докладывается лично военному министру.*
>
> *(подпись) Куропаткин*

— Присаживайтесь, господин порученец! Насколько я понимаю, воинского чина вы не имеете, имя свое называть не можете — как же мне, милостивый государь, обращаться к вам? А самое главное — как по казенным бумагам ваши показания проводить прикажете? Конфидент* генерала от инфантерии? Так вы же не иностранец...

— Агент Агасфер, ваш-бродь. Так будет проще всего...

Пробурчав что-то невнятное, Топилин все же оставил пустым место в графе бланка допроса, подумал и спросил:

* Так в конце XIX века именовались зарубежные источники разведывательной информации, как правило, из числа иностранцев на оккупированной территории либо в тылу врага.

— Насколько я понимаю, в Берлине вы были в одно время с подозреваемым Гриммом. Что вы можете сообщить по этому поводу следствию?

— Подполковник Гримм, по данным, полученным мной еще в Петербурге, привез в Берлин для передачи своему куратору в Генштабе армии Германии несколько секретных документов, похищенных им в штабе Варшавского военного округа, а также незаконно скопированные секретные документы, доступа к которым он не имел. А именно: им была привезена «Инструкция командующему войсками по управлению Варшавским военным округом» и «Секретная часть всеподданнейшего отчета командующего войсками за 1883 год»*.

— Минуту, господин Агасфер: подполковник Гримм сам перечислил вам вышеупомянутые документы?

— Документы были отняты у него силой.

— И где же они ныне?

— Опасаясь обыска моих личных вещей и багажа — поскольку я ездил в Берлин под чужими документами, — я уничтожил изъятые у Гримма документы.

— Уничтожили, — повторил Топилин. — А ежели теперь арестованный Гримм заявит, что все это — ваша фантазия? И что под громким заголовком и штампом «Секретно!» была подготовленная для врага «липа»... Что прикажете делать?

— Я могу дословно пересказать вам содержание каждого документа, отобранного у предателя, а вы уж судите — «липа» это или не «липа».

— Вы осмелились ознакомиться с документами весьма ограниченного пользования, господин как вас там...

— Агасфер. Я не только ознакомился, но и помню их наизусть, вместе с цифрами, составляющими государственную тайну!

* Подлинное наименование выкраденных адъютантом штаба Варшавского округа А. Ф. Гриммом для германской разведки документов. Позже, после следствия и военного трибунала, предатель получил 12 лет арестантских рот.

— Ну, знаете ли...

— Знает, Топилин! Он побольше нашего с тобой знает! — В дверях, посмеиваясь, стоял незаметно подошедший военный министр, генерал-адъютант Куропаткин.

Топилин, вскочив и вытянувшись в струнку, успел, однако, застегнуть все пуговицы на своем мундире.

— Что, Берг, успел на вас ужаса мой следователь нагнать? — продолжая смеяться, Куропаткин прошел в кабинет, пожал руку вскочившему также Агасферу.

— Господин следователь сомневается в подлинности документов, изъятых мной у Гримма в Берлине. И в моем праве заглядывать под обложку этих документов, Алексей Николаевич...

— Ну ты даешь, Топилин! А как же разведчику узнать — то он раздобыл или нет? Я вот, братцы мои, помню, в Турции, уже генерал-майором, был направлен в разведку для сбора данных об укреплениях противника на Босфоре...

И следователь, и Агасфер не раз слышали эту историю, однако выслушали ее вновь с неослабным вниманием*. Дослушав, Агасфер повернулся к следователю:

— Устройте мне личную встречу с арестованным, господин следователь! Не думаю, что приведенные мной детали наших встреч с Гриммом позволят ему долго запираться!

— Ну, ладно, не стану вам мешать, — Куропаткин махнул рукой и покинул кабинет, на ходу поинтересовавшись у Агасфера:

— Мы с вами сегодня еще увидимся вечером, или вы прямо с допроса — туда?... — Он неопределенно махнул рукой.

— Так точно, туда, — кивнул Агасфер.

— Гм! Давно имеете удовольствие личного знакомства с господином военным министром? — словно невзначай поинтересовался Топилин.

---

* Реальный факт из жизни военного министра А. Н. Куропаткина, свидетельствующая о личном мужестве этого офицера. Будучи пойманным с чертежами укреплений, он без всяких разбирательств был бы направлен на виселицу.

— Да нет, не очень... У вас есть еще ко мне вопросы, господин капитан?

— Вопросы? Несколько, с вашего позволения! — С уходом генерал-адъютанта к следователю снова вернулся дар речи. — Что еще вы имеете добавить по данному делу?

— Только то, что копии документов, имевшихся у любовницы Гримма, некоей Серафимы Бергстрем, сопровождавшей его в этой поездке, предназначались для передачи также и австрийской военной разведке. Я вынудил обоих спешно покинуть Берлин и вернуться в Россию.

— У вас, по-видимому, необыкновенный дар убеждения! — не без сарказма обронил Топилин. — Подумать только! Матерый шпион, уличенный нами в передаче немецкой и австрийской разведкам не менее дюжины секретных документов и топографических карт, как пай-мальчик послушался гм... инвалида и бросился вон из Берлина, поджав хвост!

— Ну почему «поджав хвост»? — Агасфер встал, сдернул поясок своей псевдо-русской рубашки и сорвал ее с плеч. — Видите? Эту рану оставила мне мадам Бергстрем. Промахнись она на дюйм, и мы бы с вами не беседовали нынче!

Он не торопясь оделся, обошел стол следователя и поднял его вместе со стулом под потолок.

— А это что касается инвалидства, — резюмировал он, ставя стул со следователем на место. — У вас есть еще ко мне вопросы, господин следователь?

Топилин хотел было отчитать нахального конфидента за дерзость, однако, припомнив детали давешнего диалога с военным министром, решил воздержаться. Покашляв, он перетасовал папки на рабочем столе, открыл одну.

— А что с полковником Брюхановским получилось? — спросил он.

— Полковник Брюхановский оказался австро-немецким разведчиком по кличке Гертруда. Его «сдал» мне... В общем, я получил сведения из заслуживающих доверия источников о том, что Брюхановский является своего рода резидентом и

имеет в ряде русских округов подкупленных и запуганных им агентов-офицеров, а также писарей из штабов, копирующих для него секретные документы. Воспользовавшись тем, что в Варшавском военном округе сменилось руководство мобилизационного отделения, Гертруда предложил назначенному туда подполковнику Пустовойченко помощь по приемке дел. Тот с благодарностью эту помощь принял. Брюхановский передал для копирования дела писарям Кречатовичу и Куриловичу*, причем велел им изготовить лишнюю копию и для него. Успеваете записывать, господин следователь?

— Да-да. Хотя, по правде говоря, секретаря-стенографиста не мешало бы позвать, — проворчал следователь.

— Далее. Около двух месяцев назад он специально познакомился с ведущим инженером арсенала Бойчуком, который только что закончил чертежное оформление своего изобретения — принципиально новых прицельных рамок для морских орудий среднего калибра. Предложил «обмыть» окончание работы и втянул в карточную игру с шулерами, работающими на него. Бойчук, естественно, проигрался. С него требовали крупный «долг чести». Видя отчаяние Бойчука, Гертруда предложил ему выход: копию чертежей за погашение долга. Тот, естественно, отказался. Тогда Брюхановский «угостил» его сильным снотворным, унес чертежи, поднял по тревоге чертежников штаба, и те за ночь, полагая, что выполняют срочное задание командующего, скопировали чертежи. Утром Брюхановский отнес чертежи на квартиру инженера, а копии увез в Берлин. В Берлине я успел подбросить в Генштаб «дезу» о том, что предлагаемые Гертрудой чертежи — хлам и старье. Тогда он повез чертежи в Вену...

— Удивительные вы вещи рассказываете, господин э... Агасфер!

— Австрийцы же «раскусили» меня как дезинформатора и намеревались купить секретную новинку. Пришлось мне принять некоторые меры.

* Имена действующих лиц — подлинные.

— То есть, вы расправились с Брюхановским. Без суда и следствия, не выявив его пособников и помощников... Много на себя берете, господин Агасфер!

— А что мне оставалось делать? Тащить на себе визжащего, словно боров, Брюхановского через две границы на глазах у немцев и австрийцев? Чтобы принести его к вам?! Я сам еле вырвался из Варшавы, где на меня насели австрияки!

— Вы не имели права заменять собой следствие и правосудие! Откуда я знаю, что вы, пользуясь близким знакомством с военным министром, не морочите мне голову?

— Допросите чертежников из штаба, допросите Бойчука. Поинтересуйтесь, наконец, откуда у скромного подполковника две квартиры в Петербурге и огромное имение под Москвой.

— Не учите меня работать, господин конфидент!

— Я уже рассказывал вкратце эту историю господину военному министру и получил полное одобрение своим действиям. И зашел к вам единственно по его просьбе, чтобы грамотно оформить материалы для суда и помочь восполнить имеющиеся пробелы! — Агасфер встал, одернул рубашку. — Но, как я погляжу, у вас на все своя точка зрения! Прощайте, господин Топилин! Далее управляйтесь без меня!

— А я не отпускал вас! Как вас назвал его высокопревосходительство? Кажется, Берг? Разберемся для начала с вами, господин Берг! Кто вы? Откуда?

— Хотите попробовать задержать меня? С директивой военного министра в кармане? Да я мог бы просто выбросить вас вместе со стулом в окно, господин следователь!

Агасфер вышел из кабинета и направился к выходу из штаба. Несколько раз, обратив внимание на его «лубочную» рубашку, пробовали останавливать дежурные офицеры, однако при виде пропуска и указания о содействии за подписью Куропаткина извинялись и козыряли.

Заблудившись в бесконечных коридорах, он призвал на помощь одного из бесчисленных порученцев и попросил проводить к выходу, где истомился ожиданием Медников.

— Да, брат Евстратий, рановато нам с тобой, пожалуй, об эполетах думать, — задумчиво пробормотал он. — Для этого и голову особенную иметь надо, и мозги! Лучше быть свободным...

Медников только хмыкнул и приказал кучеру: к Архипову! Самое время было собирать чемодан и отправлять Агасфера в его очередное турне. Нет, не приживется он в Петербурге, думал мудрый Медников.

А Агасфер молчал, вспоминая далекий вечер в Прешпороке. Он ведь там не сразу убил Брюхановского, а попробовал, затащив его под сваи ресторанчика-поплавка на Дунае, допросить. Не давала ему, например, покоя мысль о той легкости, с которой такие, как Гертруда, проникают в штабы и секретные конструкторские бюро, легко пересекают границы с бдительной, казалось бы, пограничной стражей и провозят чемоданы, набитые военными секретами. Брюхановский отчасти подтвердил то, о чем Агасфер догадывался и так. Легкомыслие и деньги. Деньги и легкомыслие.

Почивший в бозе царь подарил стране не только полтора десятилетия покоя и мира. Похоже, военная служба в его царствование превратилась в нудную и плохо оплачиваемую необходимость. Необходимость не столько честно отрабатывать скудное царское жалованье, сколько искать возможности заработать любой ценой.

Разумеется, не все, далеко не все офицеры были продажными. Но «науку» не видеть врагов и шпионов, не считать своим долгом бороться с предательством многие, похоже, усвоили вполне!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

К завтраку приезжие художники-живописцы никогда не спускались. Это никого из остальных жильцов пансионата мадам Петрищенко не удивляло, ибо домой они возвращались всегда под утро. Иногда настолько навеселе, что, будучи не в состоянии преодолеть два десятка ступенек лестницы, оставливались, чтобы перевести дух, усаживались в плетеные кресла на веранде, да там и засыпали, оглашая окрестности богатырским храпом.

В таких случаях мадам, ворча, расталкивала дворника Муртазу, и тот, зевая, по одному разносил обоих «братьев», как они себя называли, по их комнатам, а мадам начинала сервировать стол на веранде для завтрака.

Жильцов нынче у мадам Петрищенко было немного, половина комнат пустовала, и только это обстоятельство удерживало ее, как она утверждала, от того, чтобы раз и навсегда отказать несчастным пьяницам от стола и крыши над головой. К тому же они шибко не шумели, и платили почти всегда вовремя.

Иногда на «братьев» находило вдохновение, и они, хмурясь и вздыхая, брались за кисти и краски. Правда, далеко от дома в этом случае не уходили — утверждая, что в Симеизе что ни уголок природы, то шедевр, так и просящийся на холст.

И вдруг в пансионате мадам Петрищенко, под «занавес бархатного сезона», в начале ноября появился еще один художник. Он настолько отличался от уже имеющихся, что мадам дважды просила его показать свои бумаги — вежливый и аккуратный иностранец откуда-то из Венгрии. Даже бородка и усы у господина Ковача хоть и наличествовали как доказательство принадлежности к богеме, однако тоже отличались ухоженностью и аккуратностью. Не то что у Акима или Бориса — всклокоченные, перепачканные в краске и каких-то порошках бороденки, по которым всегда можно было определить — что «братья» ели в последний раз: хлеб с сыром, шашлык или яичницу.

С собой новый жилец привез чемодан и, как водится, мольберт.

Жильцы во главе с мадам Петрищенко завтракали, когда он, постояв перед калиткой, несмело зашел во двор, поставил чемодан и мольберт на нижнюю ступеньку веранды, снял шляпу и с едва уловимым акцентом сказал:

— Здравствуйте, господа! Приятного всем аппетита!

— И вам здравствуйте, — за всех ответила хозяйка густым басом, с подозрением глядя на мольберт — совсем новенький, только что из магазина художественных принадлежностей.

— У вас на калитке висит билетик насчет свободной комнаты, — застенчиво улыбнулся пришелец. — Я бы снял хорошую комнату на две недели, со столом и вообще, как это здесь положено.

— Вообще-то я сдаю комнаты только помесячно, — начала хозяйка, но тут же, вспомнив про конец сезона, поспешно поправилась: — Но можно договориться и на две недели. Вы, как я погляжу, художник?

— Начинающий, мадам! Так сказать, вынужденно начинаю приобщаться к искусству после ранения. — Он показал рукой на протез левой кисти в коричневой перчатке дорогой кожи.

— Обычно я беру четыре рубля в месяц, а с художников — пять, ввиду доставляемого ими беспокойства, — заявила хозяйка.

Остальные жильцы — старенький доктор Венедикт Сергеевич, пожилая супружеская пара из Москвы и две дамочки бальзаковского возраста — поглядели на хозяйку с некоторым изумлением: четыре рубля в месяц была красной ценой в августе-сентябре, но никак не в начале ноября или весной. Впрочем, и сама хозяйка быстро сообразила, что запросила лишнее. Опасаясь, что новый жилец подхватит свое имущество и уйдет в соседский пансионат, где запросто снимет комнату за рубль-полтора, мадам Петрищева сбросила цену:

— Впрочем, для такого солидного господина, с условием оплаты вперед, достаточно будет и двух рублей. Со столом и утренними сливками — двух с половиной, — поправилась хозяйка.

— Отлично! Комната, считайте, за мной! — просиял пришелец и достал из кармана портмоне, при виде которого мадам пожалела, что сбросила цену. Но слово не воробей, как говорится...

— Если вас устраивают условия, то у меня тоже будут пожелания, сударь! — заявила она. — Имея печальный опыт общения с художниками, я всегда настаиваю на спокойном и трезвом поведении своих жильцов. Никаких сборищ, никаких вечеринок — особенно с молодыми особами легкого нрава! Не пачкать стен, не разливать по полу красок, не вытирать кисти простынями, снятыми с веревок для просушки после стирки...

— Договорились! — Новый жилец протянул хозяйке трехрублевую ассигнацию. — Насчет сдачи не беспокойтесь — оставьте прислуге, пожалуйста.

При последних словах активно зашевелился Муртаза, чинивший под верандой метлу. Он вскочил на ноги, подхватил чемодан с мольбертом, и, не спрашивая дозволения хозяйки, унес багаж незнакомца в лучшую комнату на втором этаже.

Нового жильца тут же усадили пить чай. Выспросили о видах на ближайшее будущее. Узнав о том, что для начала господин Ковач намерен совершить экскурсию по дачному поселку и узнать — «где и что», обе воспрянувшие духом одинокие дамы бальзаковского возраста наперебой вызвались быть его «гидами».

Поселок обошли за какой-нибудь час. Гостю показали местный базарчик, общественный сад с двумя аллеями, несколько винных погребков, где можно было купить вполне приличное местное вино нового и прошлых урожаев, фотостудию, на пороге которой скучал без работы местный фотограф, несколько магазинчиков и лавок, где продавалось «все вперемешку». Вот таков был Симеиз того времени.

В пансион вернулись, купив две великолепные дыни, корзину местного винограда, зелень. Вера Павловна и Эльвира Сергеевна, узнав, что у венгров не принято, обращаясь к человеку, упоминать его отчество, уже называли гостя Михалом и Мишелем и очень обижались, когда он упорно отказывался называть их Верочкой и Элей.

Пока «экспедиция» бродила по поселку, какое-то чудо (а скорее, чутье) необычно рано подняло со смятых простыней и коллег новоприбывшего художника. Так что по возвращении

господин Ковач был шумно встречен полуодетыми Акимом и Борисом. К его немалому изумлению, оба бросились к нему с объятиями, теребили, бесцеремонно упрашивали рассказать историю его страшного ранения, пытались найти общих знакомых в Петербурге и Москве. И в конце концов потребовали с коллеги немедленной «прописки» — то бишь ведра молодого вина.

Однако Ковач, несмотря на застенчивую улыбку и явное смущение столь восторженным приемом, сумел выказать стальной характер. «Прописка»? Да, он уже заказал на вечер ведерный кувшин вина и договорился с местным мясником о свежем барашке, из которого тот же мясник вызвался самолично приготовить настоящий крымский стол с шашлыком и бараньей похлебкой. Местный лавочник-пекарь обещал к вечеру напечь каких-то изумительных местных лепешек, и зелень уже имеется. Так что все будет, господа, но только на закате, на закате, не раньше! Причем на «прописку» приглашаются все жильцы пансионата — иначе в Венгрии не принято, господа...

А пока Ковач попросил Акима и Бориса показать свои работы, чем немало смутил обоих. Оба принялись наперебой оправдывать отсутствие готовых работ депрессией, показали какие-то наброски и девственно-чистые холсты на подрамниках и без таковых.

Потом Ковач продемонстрировал коллегам свой «инструментарий», при виде которого у них потекли слюнки. Они даже выпросили у венгра несколько «лишних» дорогих кистей китайской работы. Потом Ковач выразил желание отдохнуть с дороги и мягко, но решительно выпроводил Акима и Бориса из комнаты. Мелькало иной раз в его взгляде что-то такое, что напрочь отбивало желание спорить...

Обиженные художники отправились в винный погребок Ахмета, обмениваясь по дороге впечатлениями о новом жильце.

— Совсем «зеленый», — поставил диагноз Аким. — Слушай, он даже не знал, что холсты перед работой надобно

непременно загрунтовать! Пастель впервые в жизни, кажется, увидел, ха!

— Ага! — поддержал его Борис. — Спросил, не помогу ли я правильно загрунтовать несколько холстов — ну, я ему тут же всучил штук пять своих, готовых! Дал по рублю за каждый!

— Оно и видно, что денег у него куры не клюют, у Михала нашего!

— Где ж он воевал, интересно? — вслух размышлял Аким. — Я спросил — он ответил что-то неопределенное.

— А мне про экспедицию в Тибет что-то пытался «впарить». Может, конечно, оно и правда...

Как только художники ушли, Ковач спустился на веранду, где дремал в кресле доктор Венедикт Сергеевич. У него Ковач поинтересовался, нельзя ли найти в поселке настоящие старые «травники», и показал список растений, которые были ему потребны. Признавшись, что не очень понимает в траволечении, доктор, тем не менее, сказал, что, по слухам, на окраине поселка живет полусумасшедшая старуха, которую все считают колдуньей именно по причине интереса к различным целебным растениям. И уже шепотом, с оглядкой, добавил, что в этом древнем занятии, видимо, что-то есть: к той старухе бегают иные легкомысленные особы, неосторожно забеременевшие в разгар курортных романов.

Венедикт Сергеевич нарисовал схему поселка с указанием тропинки, ведущей к хижине старухи, подавив в себе желание поинтересоваться, зачем вся эта «дикость» прогрессивному цивилизованному иностранцу.

Второй вопрос Ковача удивил его еще больше: тот спросил, проживают ли нынче в поселке настоящие художники?

— Помилуйте, господин Ковач, а чем вам наши-то не угодили?

— Я имел в виду тех, кто по-настоящему рисует, а не бражничает над пустыми холстами недели напролет, — объяснил Ковач. — Только, ради Девы Марии, не передавайте Акиму и Борису мое о них мнение!

Знал Венедикт Сергеевич и таких художников — во всяком случае, видел во время своих врачебных экспедиций по югу полуострова людей с мольбертами. И объяснил, где и в какое время их можно встретить.

Поблагодарив доктора, Ковач поднялся к себе и появился только часа через два, сменив сюртук столичного жителя на более демократичный дачный наряд — легкие брюки, высокие сапоги, свободная сорочка и курточка венгерского образца. В руке у него был толстый фолиант, в котором доктор тут же опознал справочник растений.

— Пойду по делам! — вежливо улыбнулся Ковач и наотрез отказался от услуг Верочки и Эллочки, вызвавшихся снова его сопровождать.

— Только что приехал — и уже дела? — недоверчиво бросила вслед ему Верочка.

— Просто наше общество его не устраивает, — надулась Эллочка.

Ориентируясь по схеме, изображенной доктором, Ковач прошел через весь поселок и вскоре нашел тропинку, ведущую к хижине «колдуньи».

Старуха встретила его неприветливо — продолжала, не отвлекаясь, разбирать охапку растений, собранных, по-видимому, рано утром. Ковача это не смутило. Он решительно выставил перед старухой подарок — старую каменную ступку, купленную только что в поселке, в лавочке под многообещающей вывеской «Колониальные и археологические товары». Торговец заверил его, что ступке не меньше нескольких сотен, если не тысяч лет, и что добыта она в старинных, полуразрушенных временем могильниках тавров — аборигенов местной земли.

Подарком старуха не шибко заинтересовалась. Покрутила ступку перед глазами, отставила ее в сторону и вопросительно уставилась на гостя: зачем, мол, пожаловал?

Ковач раскрыл перед ней ручной работы «Справочник растений», которому уж точно было несколько сотен лет, справочник, подаренный ему некогда в числе прочего настоятелем

монастыря. Книга была не только богато иллюстрирована, между страницами в конвертах из толстой бумаги лежали высушенные образцы растений, какие-то листики и корешки.

Справочником старуха заинтересовалась гораздо больше, чем ступкой. Положив фолиант на колени, осторожно принялась листать его заскорузлыми грязными пальцами. Узнавая растения, восторженно вскрикивала и произносила несколько слов или фраз на непонятном Ковачу языке. Затем, прижав книгу к высохшей груди, задала глазами немой вопрос, не подарок ли также и эта книга? Ковач с извиняющейся улыбкой отрицательно покачал головой и перешел к делу. Он скинул куртку, снял сорочку и повернулся к старухе спиной, демонстрируя никак не заживающую рану. Потом молча, не одеваясь, указал «колдунье» на несколько растений в справочнике, отмеченных закладками.

Пожевав губами, старуха осмотрела его и содрала пластырь, отчего Агасфер зашипел от боли. Сковырнула ногтем остатки мази, понюхала и даже пожевала кусочек. Сплюнув, старуха перешла к переговорам. Жестами она дала понять, что может вылечить гостя. Но кое-какие травы, упомянутые в справочнике, то ли не годятся, то ли тут не растут. Замену надо искать высоко в горах.

Кивнув, Ковач вытащил из кармана пригоршню золотых монет и показал старухе. Но та оказалась упрямой: или книга, или никак! Золотые монеты ей без надобности. Пришлось согласиться. Тогда старуха нарисовала палочкой на земле три солнца и месяц. Стало быть, на подготовку ей понадобится трое суток, а прийти «пациенту» надо будет вечером четвертого дня? Старуха закивала. Тогда Ковач тоже жестами дал ей понять, что «гонорар» будет передан ей только в случае успешного лечения. Старуха не возражала — на том они и расстались.

Одевшись, Ковач зашагал по направлению к поселку, время от времени осматривая окрестности в бинокль. И, наконец, заметил то, что искал: еле заметную фигурку в белом балахоне и с мольбертом — работающего художника. Ковач направился

прямо к нему. За два золотых империала он с ним быстро договорился, хотя и вызвал у художника некоторое недоумение. Ковач, однако, был крайне доволен этим знакомством, потому что художник проживал в соседнем поселке, что хотя бы отчасти гарантировало отсутствие сплетен и пересудов.

* * *

Под конец третьего дня пребывания гостя в пансионате жильцы были просто шокированы заявлением Ковача о том, что он уходит и ночевать вряд ли вернется. Верочка и Эллочка понимающе переглянулись и язвительно улыбнулись, услышав поспешное заявление господина Ковача о том, что он уговорил старую «колдунью» показать ему редкие растения, которые расцветают только ночью...

...Старуха жестом велела Ковачу раздеться до пояса и лечь ничком на охапку душистого сена — так могут пахнуть только горные травы, подумал он. Краем глаза он не без опаски наблюдал, как старуха, что-то бормоча и приплясывая, поднесла поближе к нему котелок с каким-то варевом из трав и кореньев, который сняла с огня, очевидно, недавно. Накатала ладонями длинную колбаску из сырой глины и обложила ей вкруговую рану Ковача, покрепче прижав ее к коже.

Присев рядом, она дала «пациенту» выпить полную чашку какого-то резко пахнущего варева. И опять-таки жестами, как могла, объяснила, что сейчас будет очень больно, однако потом боль постепенно пройдет, и утром он встанет здоровым.

Старуха вновь стала приплясывать вокруг Ковача, время от времени пробуя пальцем снадобье в котелке и продолжая потчевать его резко пахнущим варевом. Постепенно Ковач почувствовал что-то вроде опьянения и одновременно легкости во всем теле. Он прикрыл глаза — и тут же рванулся от жгучей боли, когда старуха, зачерпнув полные пригоршни горячего снадобья, плеснула им на воспаленную рану. Он не вскочил на ноги только потому, что старуха с неожиданным проворством села ему на спину и продолжила втирать в рану жгучую смесь.

Зелье постепенно остывало, жжение стало терпимым. А старуха все заставляла его пить из чашки, но теперь уже какую-то другую, как ему показалось, жидкость. Потом накрыла «пациента» тряпкой и принялась монотонно подвывать, заменяя, видимо, своим воем колыбельную. И Ковач уснул...

На рассвете он открыл глаза и увидел старуху, увлеченно разглядывающую свой «гонорар». Заметив, что «пациент» проснулся, она впервые за все время знакомства улыбнулась ему беззубым ртом, сдернула «покрывало» и жестом велела подняться.

Вставал Ковач осторожно, как всегда в последнее время, боясь разбудить боль в боку. Однако от боли остались какие-то отголоски! Пока старуха жесткими ладонями сковыривала присохшую к его спине глину и загустевшее снадобье, он, изогнувшись, попытался рассмотреть свою рану, но, к немалому изумлению, увидел гладкую, розовую, как бывает после ожога, кожу. Рана зажила за одну ночь...

А старуха, одной рукой прижимая к груди заработанный ею «гонорар», второй протягивала ему бутылку из-под шотландского виски, заполненную остатками своего снадобья...

* * *

Перед завтраком мальчишки затеяли у крыльца веранды, как обычно, шумную возню. Старик-хозяин небольшого поместья в Симеизе, чуть заметно покачиваясь в плетеном кресле-качалке, опустил на колени журнал и одобрительно наблюдал за внуками — Павликом, Мишей и Родионом.

Мать неугомонных мальчишек, отдав необходимые распоряжения горничной, традиционно составляла список покупок, за которыми вскоре должен был отправиться на местный рынок слуга, он же охранник Булат — мрачного вида бородатый детина из местных. Покусывая кончик карандаша, Анастасия Петровна мучительно вспоминала название одного из местных сортов твердого сыра, из которого получался отличный салат, обожаемый всеми в этом доме.

Булат поправлял седло, что-то ласково бормоча своему жеребцу — тот признавал только хозяина. Когда к жеребцу приближался кто-то из посторонних, жеребец начинал тревожиться, тихо всхрапывать и перебирать на месте тонкими, но чрезвычайно сильными ногами. Если посторонний продолжал приближаться, Аюп, как бы невзначай, поворачивался к нему задом и вполне мог лягнуть. Опасаясь за сыновей, Анастасия Петровна неоднократно просила Булата поменять дикого жеребца на «что-нибудь» более спокойное и приветливое к людям.

— Своих Аюп никогда не обидит! — сверкал белозубой улыбкой Булат и в качестве доказательства подводил к жеребцу кого-нибудь из мальчиков.

Аюп неодобрительно храпел, косил на мальчишек лиловым глазом, но позволял им дотронуться до своей иссиня-черной короткой шерсти, дергая при этом кожей в месте прикосновения столь нервно, что второй раз погладить его мало кто решался.

Булат на своем Аюпе выигрывал все скачки, устраиваемые по праздникам, — так что часто, чтобы не обижать земляков, отказывался принимать в них участие. А когда участвовал, тогда его Аюп несся вперед, подобно черной стреле, выпущенной из гигантского лука. Догоняя соперника, он норовил укусить его и — побеждал.

Приезжие богатеи и местные миллионщики, владельцы огромных участков земли и виноградников, предлагали Булату за коня немалые деньги, но тот неизменно говорил: нет!

К уединенному поместью Соколовых от поселка вела неширокая дорога, петляющая среди скал и трещин в земле — следов былых землетрясений. В одном месте можно было на несколько верст сократить путь, проехав по узкой тропинке, в другом месте тропинку прерывала пропасть шириной не менее трех саженей*. Иногда жители поселка в складчину нанимали местных умельцев, и те строили над этой пропастью мост. Однако весенние паводки и долгие осенние ливни постоянно сносили его. Только Булат на своем Аюпе отваживался ездить по опасной тропинке и прыгать через препятствие, у которого не было видно дна. Однажды изрядно подвыпивший хозяин большого виноградника, привезя откуда-то с Востока породистого скакуна, решил составить Булату конкуренцию — и свалился с конем в пропасть. По словам местного доктора, хоронить после этого падения было просто некого...

Бывая по делам в поселке, Анастасия Петровна лишь раз рискнула поехать на бричке по короткой дороге. Хилый мостик она переходила с закрытыми глазами, крепко держась обеими руками за пояс Булата. Переведя хозяйку через пропасть, Булат вернулся назад, вскочил на Аюпа, отъехал немного назад и, гикнув, погнал коня. Хозяйка закрыла глаза руками, но все же успела увидеть взметнувшийся в воздух силуэт коня. Задние копыта скакуна ударились о камни на самом краю пропасти...

Вот и сейчас Аюп высоко поднял длинную морду, широко раздул ноздри и всхрапнул как-то по-особенному, коротко. Булат поглядел в густые заросли кустарника, за которыми скрывалась ведущая к поместью дорога и, поймав взгляд хозяйки, сказал:

— Таратайка едет. Доктор скоро будет здесь...

Хозяйка окликнула отца и детей:

— Папа, мальчики, Венедикт Сергеевич едет! Сейчас будем завтракать! Мальчики, мойте руки и встречайте гостя!

Петр Романович Белецкий очнулся от дремы, положил в журнал закладку и поправил на коленях сползающий плед. Семья Белецких жила в своем крымском имении весьма уединенно, и каждый визит нового человека, будь это доктор или точильщик ножей, был здесь событием.

Действительный тайный советник и некогда товарищ* министра путей железнодорожного сообщения Белецкий, выйдя

* *Сажень* — древнерусская мера длины, нынче приравнена примерно к двум метрам.

* Заместитель.

в отставку, купил это небольшое поместье в Симеизе лет десять назад, когда его зять, тоже высокопоставленный железнодорожный служащий Соколов, скоропостижно скончался, подцепив какую-то редкую хворь во время среднеазиатской экспедиции. Единственная дочь, Настенька, смерть мужа переживала недолго и, как подозревал Белецкий, больше из соображений приличия. Мужа она никогда не любила, навечно сохранив в памяти образ бесследно сгинувшего жениха, веселого и остроумного офицера-гвардейца. Исчезнувший жених и все разговоры о нем в доме были табу. Анастасия Петровна и замуж-то за нелюбимого вышла только потому, что *так было надо, так было у всех*. Но еще и затем, чтобы родня и знакомые не вздыхали понимающе, не выражали открытое сочувствие первой и последней, как оказалось, любви.

В одном ей повезло: трое мальчишек родились один за другим. Анастасия Петровна, отказавшись от кормилицы и бонн, все свое время отдавала им. А когда муж умер, и у среднего сынишки, Павлика, обнаружились какие-то проблемы с легкими, охотно согласилась переселиться в отцовское поместье.

В то время Крым считался глухой и малонаселенной провинцией, и немногочисленные подруги наперебой уговаривали Анастасию Петровну «не делать глупостей»:

— Уж в твой Симеиз никакой принц точно не завернет, Настенька! Там нет ни приличного общества, ни холостых состоятельных соседей. А ты женщина видная, негоже себя раньше времени в глуши хоронить. Пусть Павлик поживет там с дедом — и ему хорошо, и Петру Романовичу веселее! Наймут прислугу, бонну — а ты здесь, в Петербурге, с двумя мальчиками... Еще год-полтора — и их можно будет отправить на учебу в какой-нибудь швейцарский пансионат. Или в кадетское училище — да все так делают, Настя! А мы тебе здесь, молодой-красивой, такого принца подыщем, что сама ахнешь, право слово!

Но вдова Соколова только улыбалась и отрицательно качала головой. Так и уехали в Крым все вместе.

Года через два о возвращении уже не было и речи — даже если бы Анастасия Петровна и передумала: у ее отца стали пухнуть ноги, и ходил он с великим трудом. Сначала пытался обойтись модной тросточкой, потом перешел на солидную и прочную палку, а потом и окончательно пересел в кресло-качалку на веранде, вставая с нее только в случае крайней нужды.

...Тонкий слух жеребца Аюпа не подвел и на сей раз: скоро за поворотом послышалось тарахтенье колес брички, на которой с обычным еженедельным визитом прикатил единственный на всю округу доктор Венедикт Сергеевич.

Мальчики бросились наперегонки навстречу. Двинулся, немного погодя, встречать доктора и Булат — как всегда, застенчиво улыбаясь и неуклюже кланяясь на ходу. Анастасия Петровна крикнула горничной насчет самовара и не торопясь стала спускаться навстречу визитеру, укоризненно качая головой сорванцам, мгновенно перехватившим у доктора вожжи и пытавшимся заставить его старую клячу перейти в галоп. Но та только раздраженно мотала головой и по-прежнему неторопливо переставляла копыта.

Выйдя наперерез кобыле, Булат взял ее под уздцы, так же ласково, как и своего коня, похлопал по шее. Кобыла, тяжко вздохнув, доверчиво положила голову ему на плечо.

Доктор сполз с таратайки, снял соломенную шляпу.

— Ну, как тут поживают мои пациенты? Здравствуйте, Анастасия Петровна! Мое почтение, Петр Романович! Здравствуй, Булат-оглы! Здоров ли сам, мать с отцом?

Тот с поклонами что-то пробормотал, поминая Аллаха, и повел кобылу с таратайкой в конюшню — поправлять упряжь, в которой доктор ничего не смыслил, угощать лошадь кукурузой и морковью.

— Здравствуйте, здравствуйте, господин целитель! — приветливо улыбнулась и хозяйка, протягивая доктору руку. — Ваши пациенты все живы-здоровы и только напрасно отнимают у вас время! Пойдемте пить чай, Венедикт Сергеевич!

Приложившись к ручке хозяйки, доктор вскарабкался по ступеням, пожал руку хозяину:

— А вы, Петр Романович, все «симулируете» в своем кресле? Ай-яй-яй! А кому было сказано: гулять, гулять и гулять не менее двух раз в день! Анастасия Петровна, голубушка, как ваш отец выполняет мои рекомендации?

— Какое там! — махнула та рукой. — Его из кресла не вытащишь! Папа, пойдем к столу! Ну же!

Визит доктора проходил по давно устоявшейся традиции. Сначала Венедикта Сергеевича поили чаем с несколькими видами варенья и булочной мелочью. За столом обменивались местными сплетнями и поселковыми слухами. Выпив несколько чашек, доктор выкуривал папиросу, мыл руки и уединялся с мальчиками в детской, особое внимание обращая на Павлика. Лечение Миши и Родиона ограничивалось замазыванием царапин и прикладыванием к синякам свинцовых примочек.

Главу семьи доктор безжалостно гнал в кабинет, на второй этаж дома — мотивируя это тем, что хоть раз в неделю старику надо немного разминать мышцы ног. У Анастасии Петровны, однажды и навсегда отказавшейся в свое время от врачебных осмотров, проверялся только пульс.

После этого наступала очередь прислуги. Осмотр Булата доктор ограничивал несколькими ударами ладонью по гулкой спине и заглядыванием в горло. Горничная Сима использовала «день осмотров» на всю катушку, припоминая при этом, как посмеивался доктор, не только свои, но и матушкины хвори.

Потом Булат с почтением вел Венедикта Сергеевича в свою саклю, прилепившуюся под скалой саженях в полутораста от границы участка — там вместе с ними жили два младших брата, сестра и старики-родители.

Ко времени возвращения доктора на веранду на столике для писем его обычно поджидал и конверт с гонораром и предложение снова выпить чаю — на дорожку. За чаем, теперь уже только с Анастасией Петровной, подводились, как правило, и итоги врачебных осмотров.

— Благодарствую, хозяюшка! — Доктор без стеснения брал гонорар, пряча конверт во внутренний карман куртки. — Теперь мой доклад: как я уже говорил, в состоянии Павлика я вижу только положительные динамические сдвиги. Никаких хрипов и прочих признаков болезни легких я не усматриваю у него вот уже месяца три-четыре. Так что вот вам мой «рецепт», Анастасия Петровна: мальчикам вполне можно возвращаться в Петербург. Тем более что скоро в гимназиях начнутся занятия, и детям лучше все-таки учиться не дома, а в обществе сверстников.

Доктор свернул еще одну папиросу, закурил, разогнал дым рукой.

— Слуги ваши тоже, слава Богу, здоровы. Разве что Симе, чтобы совсем свой врачебный авторитет не уронить, пришлось анисовых капель выписать.

Посмеявшись над мнительностью прислуги, переходили к серьезному.

— А вот отец ваш, Петр Романович, внушает мне, голубушка, самое серьезное беспокойство. Кстати, недавно в «Скальпеле» я вычитал любопытную публикацию относительно перспектив лечения закупорки вен в нижних конечностях на грязях и водах в Швейцарии. Да и Петр Романович, будучи давним подписчиком этого журнала, тоже ее читал... Боюсь, дорогая Анастасия Петровна, что более ничего на сегодняшний день предложить для его лечения не могу-с! А он и слышать не желает ни о каких поездках!

Доктор помолчал, рассматривая тлеющий кончик папиросы.

— Да-с, не могу! — повторил он. — Именно поэтому возвращение вашего семейства в Петербург представляется мне наиболее оптимальным решением. Все-таки столица, Анастасия Петровна! Там и доктора с европейскими именами, светила! Медицина, замечу вам, как и всякая наука, быстрее всего движется в столицах, драгоценная моя Анастасия Петровна!

— Венедикт Сергеевич, мы столько раз уже говорили об этом, право... Я тоскую в Петербурге, тоскую здесь. Я не могу

представить себе место, где мне не будет тоскливо, Венедикт Сергеевич, — вздохнула собеседница. — Единственное, что меня привязывает к жизни — это мальчики. И, конечно, отец... Но он никуда не поедет, я знаю! Ни в Петербург, ни в Швейцарию вашу. Ему и друзья пишут, зовут...

— Ах, да! Чуть не забыл, — спохватился доктор. — В нашем пансионе появился приезжий. Он художник. Целыми днями бродит по окрестностям, ищет натуру... Или пейзажи — простите, я плохо понимаю в этом, Анастасия Петровна! Он передал вам письмо — вот оно...

Нахмурившись, г-жа Соколова взяла запечатанный и ненадписанный конверт, вскрыла, прочла. Собственно, это было не письмо, а короткая записка.

— Не знаю, право... Я никогда не была близко знакома ни с одним художником, но много слышала, что все они пьяницы и сквернословы. Все пачкают своими красками, лезут с разговорами о том, о чем нормальные люди и не говорят-то никогда. — Она возвысила голос: — Папа, слышишь? Какой-то художник, Ковач, просит позволения поработать на натуре на территории нашего поместья! Как ты полагаешь?

Задремавший отец не ответил. Зато доктор, откашлявшись, заступился:

— Ваше право, конечно, Анастасия Петровна, — можете и к черту его послать! Но, справедливости ради, скажу слово в защиту сего типуса: он живет в нашем пансионе уже почти неделю. Тихий и скромный человек, право слово... Никогда от него не то что скверного — грубого слова не слыхал. Грустный какой-то все время... И на словах велел передать — близко к дому не подойдет! Его интересует... как же он сказал? А! Склоны Ай-Петри на восходе и закате, по-моему... Игра теней, что ли... Это на самой границе вашего участка, Анастасия Петровна... Кстати, он и в травах разбирается — спрашивал у меня как у старожила, если ли здесь редкие лекарственные растения. Оч-чень, очень образованный человек! Впрочем, как вам будет угодно!

— Не знаю... Я подумаю...

— По-моему, он положил в конверт свою визитку... Ага, вот она! Михал Ковач — иностранец, надо думать. Кстати, непьющий! У нас в пансионе еще двое с весны живут, художники — так те «не просыхают»! А этот, Ковач, даже толком не «прописался», как они говорят! Из ведерного кувшина молодого вина — выпросили художники-«старожилы» все-таки, «на прописку» — половину бокала еле выпил... Ладно, Анастасия Петровна, я, пожалуй, поеду. К Филимоновым заглянуть еще надо... Прощайте!

Уже из брички, которую почтительно разворачивал Булат, доктор напоследок крикнул:

— Так что передать этому художнику, Анастасия Петровна? Ковачу? Дозволяете границу пересечь, или как?

— Мам, ну, мам! — заныли вертевшиеся поблизости Миша и Павлик. — Мы никогда настоящего художника не видали! Мы бы ему альбомы свои показали!

— Никаких альбомов! — отрезала мать. — Нечего к незнакомому человеку приставать со своими глупостями! Во всяком случае, пока на этого Ковача наш Булат не поглядит! Пусть приходит, Венедикт Сергеевич! — вынесла она, наконец, свой вердикт. — Море-то, оно общее! Если на бережку будет малевать свои опусы — так и Бог с ним! Но в дом не пущу, так и передайте! И близко пусть не подходит!

Доктор помахал на прощанье шляпой, крикнул, развернувшись в бричке:

— А насчет Петербурга подумайте все же, Анастасия Петровна! Ей-богу, подумайте! Прокиснете вы все тут! Прощайте! Через недельку навещу, как обычно!

* * *

На следующее утро мальчики, пошептавшись о чем-то с таинственным видом, отпросились у матери «погулять в роще». Вернулись они только к обеду, с унылыми физиономиями.

— Что, не пришел ваш художник? — поддразнила Анастасия Петровна, потрепав сыновей за отросшие вихры. — Запо-

мните: взрослые люди живут своей, взрослой жизнью! Передумал он, или место, более подходящее для работы, нашел!

Зато Булат вечером доложил:

— Хозяйка, видел я этот художник. Вечером, на закате приходил на берег... Шеловек как шеловек — в белый длинный рубашка, с большой коробка из дерева. Походил, поглядел вокруг. Вежливый — даже поздоровался с Булат! Спросил — где граница поместья нашинается. Завтра утром, сказала, придет...

— Спасибо, Булат, — рассеянно поблагодарила Анастасия Петровна. — Мальчикам только ничего не говори! Будут приставать к нему, отвлекать. Да и мало ли что!

— Беспокоиться не надо, хозяйка! — Булат угрожающе сдвинул брови, положил ладонь на рукоятку внушительного кинжала. — Если нада, Булат из него кишка вынет! Обидеть молодых джигитов никому не дам!

Но сам, видимо, проговорился мальчишкам — на следующий день, еще до завтрака, те тайком убежали из дома — так им все же не терпелось поглядеть на таинственного художника. Заметив, что Булат своим пружинистым шагом пошел на конюшню за Аюпом, а потом, ведя жеребца в поводу, двинулся следом за «молодыми джигитами», Анастасия Петровна успокоилась: тот мальчиков в обиду не даст!

Мальчики вернулись, слегка разочарованные знакомством с художником. Поначалу они, как разведчики, подкрались через кусты к «пятачку» на каменистом пляже, где был установлен мольберт и разложены всякие принадлежности для рисования. Художник сидел на валуне в глубокой задумчивости и глядел на море. Потом, услыхав в кустах шелест и шепот «разведчиков», встал и поманил их к себе. Долго расспрашивал — кому сколько лет и кто чем любит заниматься, как проводят время.

Холст на мольберте был девственно чистым, и на все просьбы мальчишек показать, как надо «по-настоящему» рисовать, их новый знакомец отвечал отказом: то солнце не так светит, то не придуман сюжет... Кончилось тем, что

дядя художник выдавил из тюбика немного синей краски и нарисовал на холсте смешную рожицу.

Альбомы мальчишек он просмотрел тоже как-то равнодушно, а просьба нарисовать там их портреты его просто смутила. Он опять забормотал что-то про освещение, а потом неожиданно заявил, что лучше всего у него получаются рисунки по памяти. И попросил разрешения взять альбомы с собой, торжественно пообещав под «честное индейское» вернуть их уже с портретами если не завтра, то послезавтра. Зато тут же показал, как классно он умеет «печь» блины — бросать в море плоские камешки, чтобы они прыгали по волнам, как гуттаперчевые.

В общем, художник оказался самым обыкновенным мужчиной — разве что вместо одной руки у него был протез. Даже про войну не стал рассказывать, где он руку потерял.

Потом по тропке спустился Булат с Аюпом в поводу, и вот тут-то глаза «дяди Михала» загорелись. Не обращая внимания на предостережение Булата и мальчишек о диком нраве жеребца, он запросто подошел к нему. И — о чудо! — Аюп не укусил незнакомого человека, не пробовал лягаться! Он покорно дал погладить себя по длинной морде и шее, похлопать по крупу. Вывод Булата о личности незнакомца был тоже странным.

— Не злой шалавек художник, но, наверное, немножко шайтан!

— Это почему же? — рассмеялась Анастасия Петровна. — Шайтан — и вдруг не злой? Шайтаны — все злые!

— Сам так думал. И первый раз видел, как Аюп к себе незнакомый шалавек подпустил! Знашит, сапсем не шалавек!

— А какой руки у художника нет? — неожиданно проявил интерес к разговору, казалось, дремавший в кресле дедушка. — Левой?

* * *

Когда мальчишки убежали, художник собрал свои принадлежности и поспешил в поселок. Там он разыскал фотографа и спросил, не сохранились ли у него негативы фотографий

мадам Соколовой с детьми — по его сведениям, они фотографировались у него в прошлом году.

Крупная купюра оживила память фотографа, а еще одна, обещанная, побудила немедленно начать поиски нужных негативов у себя в кладовой. Вскоре негативы были найдены — и общий снимок мадам с детьми, и снимки одних мальчишек. Ковач попросил как можно быстрее сделать для него увеличенные копии всех снимков.

На следующий день послеобеденный отдых мадам Петрищевой на тенистой веранде был ознаменован неожиданным визитом художника из соседнего поселка, спросившего, не здесь ли остановился господин Ковач. Пока его искали, пробудившиеся от дневной «сиесты» Аким и Борис, оказавшиеся шапочными знакомцами пришельца, безуспешно пытались выпытать, что за сверток тот принес для «друга Михала».

Но тут появился Ковач, забрал сверток, поблагодарил «коллегу» и, уведя его в свою комнату, сделал ему еще одно предложение. Поглядев на снимки, тот заявил, что никогда не делал портретов по фотографиям. Он, конечно, может попробовать — но тут, по его разумению, годятся только угольные карандаши или пастель. Работу он обещал выполнить к завтрашнему дню — если получится, конечно.

Пока Ковач со своим гостем отсутствовали, Аким и Борис, со свойственной им простотой, развернули сверток, в котором угадывалось два подрамника.

— Что за чертовщина? — пробормотал Аким, разглядывая наброски одной и той же вершины Ай-Петри в разной степени готовности. — Боря, ты что-нибудь понимаешь?

Спустившийся на веранду Ковач отобрал у коллег сверток безо всяких объяснений. Лишь заметив, что у русских, кажется, есть поговорка про любопытную Варвару, лишившуюся носа вследствие своего любопытства.

— Ну-у, брат, такая скрытность — это не по-товарищески, — попробовал разговорить коллегу Аким, однако поймал такой яростный взгляд Ковача, что мгновенно потерял к загадке всяческий интерес.

* * *

Начали терять интерес к «дяде Михалу» и мальчишки Соколовы. Явившись за своими альбомами на следующий день, они застали художника сидящим в той же позе на валуне, в глубокой задумчивости. Правда, на холсте появились очертания горы Ай-Петри, но при них «дядя Михал» так и не взялся за кисти, сколько они его ни просили. Альбомы же он пообещал вернуть завтра.

И действительно, альбомы были возвращены — в каждом из них были пастельные портреты всех трех мальчишек. Явно продвинулась работа «дяди Михала» и на холсте: там появились яркие солнечные блики на волнах у подножья Ай-Петри. Однако на вопрос, когда же будет закончена картина, — «дядя Михал» с грустью сказал, что завтра уезжает. И поэтому вряд ли успеет ее закончить.

* * *

— Мамочка, мамочка, погляди! Дядя Михал нарисовал наши портреты! Только он вредный: мы его просили нарисовать каждого из нас по одиночке, а он... Но все равно — правда, похоже?

...Неизвестный художник действительно постарался. Однако, не зная имен мальчишек и боясь что-то напутать, нарисовал пастелью в каждом альбоме всех троих. На заднем плане заказчик попросил хоть несколькими штрихами наметить море. И это пожелание было исполнено...

Анастасия Петровна с улыбкой разложила на столе альбомы сыновей. И чем больше она их рассматривала, тем больше сжимались ее губы, тем больше они начинали дрожать. Она подняла на сыновей почему-то испуганные глаза:

— Он рисовал это при вас? Ах, по памяти...

Как ни старался художник, времени он обмануть не смог — так же, как и памяти матери. Павлик был одет в «матроску», безнадежно сожженную при утюжке в прошлом

году. А у Мишеньки на рисунке были не успевшие отрасти после ветрянки волосы.

— Идите, поиграйте пока, мальчики. Я вас потом позову...

Захватив альбомы, Анастасия Петровна поднялась в свою спальню, где на стене висели фотографии ее детей — начиная с младенческого возраста. Проведя по последним, прошлогодним дрожащими пальцами, она вновь спустилась на веранду, подошла к креслу отца.

Тот за последние дни совсем сдал и почти все время проводил в полудреме, не сразу откликался, если к нему обращались, просил повторить вопрос. Сегодня был день визита доктора, и Анастасия Петровна хотела обратить его внимание на ухудшившееся состояние здоровья отца.

— Отец, я хотела с тобой серьезно поговорить. Папа, да проснись ты!

Петр Романович с трудом вынырнул из полузабытья, поморгал, улыбнулся дочери:

— Настенька... Что случилось, дочка?

— Папа, скажи мне правду, наконец! Ты много раз уверял меня, что мой Мишель умер. Несколько раз ездил его искать, и однажды сказал, что видел в каком-то монастыре его могилу. Это правда?

— Он умер, Настенька... Умер хорошо, как солдат... Не то что я — никому ненужный, угасаю в своем кресле... Свеча догорает...

Анастасия Петровна сорвалась с места, принесла икону Божией Матери, поднесла ее к глазам старика.

— Папа, поклянись перед этой иконой! Поклянись, что Мишель умер!

Старик закрыл глаза, из-под тяжелых морщинистых век выкатились две слезинки.

— Отец, поклянись иконой, поклянись своими внуками, что он умер!

— Я не могу, — после долгой паузы раздельно произнес Белецкий, не открывая глаз. — Настенька, это было

так давно... Он взял с меня клятву! Но он не мог выжить, дочка!

Анастасия Петровна поднялась с колен, увидела Булата, встречающего бричку с Венедиктом Сергеевичем. Она машинально ответила на приветствие доктора, шепча:

— Этого не может быть! Не может! — и, словно проснувшись шагнула к доктору: — Венедикт Сергеевич, у меня к вам просьба. Помните, вы рассказывали мне про художника, про Ковача... Я очень бы попросила вас передать ему записку, пригласить его сегодня к ужину, на именины Мишеньки...

— Разумеется, голубушка! Но я не могу, я уже попрощался с ним! Он уезжает сегодняшним поездом. Хороший, но странный человек. — Старый доктор, кряхтя, подхватил свой саквояж. — Приехал на две недели и вдруг уезжает... Он часто улыбался, но глаза его всегда были печальны. Да что случилось, Анастасия Петровна?

Она промолчала, потом снова бросила взгляд на альбомы детей, на отца.

— Доктор, дети говорили, что у него не было руки — правой, левой?

— Кажется, левой. Протез, знаете ли... Сразу-то и не разберешь... Что стряслось-то?

Анастасия Петровна, не отвечая, вернулась к отцу:

— Папа, заклинаю: какой руки не было у Мишеля, когда ты его видел в последний раз? Левой?

— Он взял с меня клятву... Ты была еще ребенком, по сути... А он не хотел быть обузой, чтобы его жалели... Настенька, ты куда?

А дочь уже бежала к Аюпу, который, оседланный, стоял рядом с хозяином. Булат удивился, когда хозяйка вырвала у него из рук уздечку и крикнула:

— Помоги сесть!

До сих пор она никогда не подходила к дикому жеребцу — а сегодня тот покорно позволил чужой женщине взобраться ему на спину — и это тоже было удивительно!

— Хозяйка... Госпожа! Аюп — очень быстрый конь! Будь осторожна, хозяйка!

— Куда это она? — не понял старый доктор.

— Мальчики, я скоро вернусь! — крикнула детям Анастасия Петровна, поворачивая коня в сторону поселка.

— Только не езди по каротка дорога, хозяйка! Там опять смыло мост! — Булат обнял жеребца, что-то шепнул ему на ухо и отступил, легонько шлепнув его по шее.

Конь сорвался и помчался, легко перескочил через палисадник. Старый доктор охнул, когда Аюп взвился в воздух, но Булат успокоил его:

— Хозяйка умеет ездить верхом! Он часто ездил раньше — не на Аюпе, конечно! Но Аюп — кароши кон! Он не сбросит седок нарочно, он довезет!

Женщина, пригибаясь под низкими ветвями деревьев, чувствовала себя в седле все увереннее и кричала коню:

— Аюпушка, скорее! Ты же можешь, я знаю!

А жеребец и так летел во весь опор, плавно входя в повороты. У развилки, где начиналась опасная тропинка, он сбавил ход, покосился на наездницу, словно спрашивая: куда? Не раздумывая, она шевельнула левой уздечкой...

Вот и пропасть с разбросанными там и сям остатками моста.

— Прыгай, Аюпушка! Мы сможем! — Женщина, видя надвигающуюся широкую трещину в земле, не выдержала, закрыла глаза.

Она только почувствовала, как с чудовищной силой сжались и сразу же расслабились мышцы конского крупа — и Аюп взлетел над пропастью. Женщина инстинктивно легла ему на шею, обхватила ее руками...

Открыла глаза она лишь тогда, когда жеребец на полном скаку влетел в поселок и тихо заржал, как будто снова спрашивал: а теперь-то куда?

Анастасия Петровна соскочила с коня у самого забора пансиона мадам Петрищенко. Поправляя на ходу растрепавшиеся волосы, спросила у сидевших на веранде людей:

— Могу я видеть господина Ковача? Он, кажется, здесь проживает?

Мадам Петрищенко не спеша поставила чашку, смерила взглядом редкую в поселке гостью.

— Увы, дорогая, вы опоздали! Господин Ковач получил телеграмму из Петербурга и срочно стал собираться. Муртаза уже отвез моего постояльца на станцию. — Она покосилась на часы. — Поезд должен прибыть с минуту на минуту. Но куда же вы?

Анастасия Петровна уже бежала к коню, подхватив подол длинного платья. Помочь ей было некому, но она сама взлетела в седло, тронула бока Аюпа каблуками.

На вокзале пассажиров и провожающих было мало: сезон давно кончился. Аюп чуть ли не галопом проскакал по дебаркадеру, к немалому возмущению дежурного по вокзалу. Помедлив, он величественным жестом направил к нарушительнице служащего с метлой.

А женщина, бросив уздечку, уже быстро шла вдоль короткого состава. Нужного ей пассажира она увидела сразу — он стоял у вагона второго класса, докуривая сигару, сливающуюся по цвету с его рыжеватой бородой. Услышав шаги, обернулся. Бросил сигару под вагон, взялся за поля широкополой шляпы, словно намереваясь ее снять — и не снял. Лишь поправил круглые синие очки.

— Здравствуйте, господин Ковач! А где же ваш мольберт?

— Elnezest, asszonyom, de en nem az orom, hogy a baratok. Talan engem osszeteveszt valakivel*, — поклонился в ответ незнакомец.

— Господин Ковач, с моими детьми вы прекрасно говорили по-русски! — Женщина тряхнула копной пепельно-русых волос и улыбнулась: — Мишель, неужели вы не узнаете свою Настеньку? Я, конечно, постарела и подурнела, надо думать,

* — Простите, госпожа, но я не имею удовольствия быть с вами знакомым. Вероятно, вы спутали меня с кем-то! *(венг.)*

но не настолько же, чтобы вы не узнали невесту, которой клялись в любви двадцать лет назад!

— Но... Я действительно не понимаю, о чем речь, — помедлив, сказал Ковач, стараясь говорить с акцентом. — Я подданный Австро-Венгрии Михал Ковач, к вашим услугам!

— Мишель, это ведь ты? — Улыбка женщины стала гаснуть, но она еще не теряла надежды.

Позади послышался злобный храп Аюпа и удар копытами по доскам, от которого пошел гул по всему дебаркадеру.

— Дамочка, с коньми на дебаркадер никак нельзя! — воззвал проворно отскочивший от жеребца служащий. — Лошадочку вашу, будьте любезны, уберите. Пока она никого из пассажиров и персонала не покалечила!

Ковач покачал головой:

— Вы ошиблись, добрая госпожа! Вы прекрасны, как, наверное, и двадцать лет назад, но я вас не знаю. К великому моему сожалению, — подумав, добавил он.

— Ага, вот ты и проговорился, Мишель! — Женщина сделала шаг вперед. — Сними эту ужасную шляпу с очками! Я хочу видеть твои глаза, Мишель!

Послышался стук копыт. Жеребец, вытянув длинную морду и игнорируя сбежавшихся служащих с метлами, которые, впрочем, предпочитали держаться подальше, шел к хозяйке. Но смотрел он при этом не на нее, а на Ковача. Принюхавшись, подошел совсем близко и с протяжным вздохом положил морду ему на плечо.

Тот совсем не удивился этому знаку внимания, потрепал коня по шее и улыбнулся женщине. Отрицательно покачал головой.

— Тогда загляни в мои глаза, Мишель! Неужели ты не видишь, сколько слез они выплакали в ожидании весточки от тебя? Почему ты так жесток, Мишель?

Повинуясь жесту дежурного, помощник ударил в станционный колокол три раза и зычно крикнул:

— Господ пассажиров просют занять свои места в вагонах! Поезд отправляется!

Женщина заплакала, закрыв руками лицо, и Ковач неуверенно сделал шаг к ней. В это время его тронул за локоть проводник:

— Господин, займите свое место!

— Простите меня, но мой поезд уходит, госпожа! Elnezest... De nem lehet be ketszer ugyanabba a folyoba, asszonyom! Прощайте!

— Что ты сказал сейчас, Мишель?

Уже стоя на подножке вагона, он повторил:

— В одну реку нельзя войти дважды, мадам Настя...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

— О-о, Мишель, вы и вправду привезли мне то самое платье от мсье Ворта?! — Настенька, как маленькая девочка, захлопала в ладоши. — Так давайте же мне его скорее, Мишель! Ну же!

Берг, не сводя с Настеньки глаз, снял крышку с вместительной коробки, ухватил щепоткой нечто воздушное, ароматное и с поклоном протянул невесте.

Она в восторге протянула руки к обновке — и вдруг вскрикнула от нескрываемого ужаса.

— Что с вами, дорогая? Не тот фасон? — спросил Берг недоумевая, но тут же понял, в чем дело.

Платье парижского фасона висело не в его привычных руках с округлыми ухоженными ногтями, а на длинных стальных крючках, в которые отчего-то превратились его пальцы.

Берг тоже вскрикнул и уронил на пол привезенную из Парижа обновку.

— Не надо так волноваться, Мишель! — первой опомнилась Настенька и подошла к нему, погладила по щеке, положила руку ему на плечо.

Ее рука отчего-то показалась ему страшно тяжелой. С ужасом глядя на свой протез, Берг осторожно взял Настеньку за запястье, хотел поцеловать — и в страхе попятился: ее рука тоже превратилась в стальные рычаги-крючья!

— Что с вами, Мишель? — удивилась невеста, переведя взгляд с его руки на свою. — У всех так нынче... А вы что, и не знали, глупенький?

Берг продолжал пятиться, пока не поскользнулся на чем-то и не почувствовал, что падает, проваливается куда-то глубоко и навсегда.

Он хотел закричать — и проснулся с влажным от пота лбом, запутавшийся в простынях. Еще не в силах отличить сон от яви, Берг медленно выпростал из-под одеяла здоровую руку, осмотрел ее — обыкновенную, с нормальными пальцами.

Культю и вытаскивать не стоило — она давно стала для него привычной.

Немного погодя он наконец сообразил, что находится в купе поезда, мчащегося из Крыма в Санкт-Петербург. По полу, тонко позванивая на стыках рельсов, каталась пустая бутылка из-под коньяка — единственное снотворное, которое сумело подарить ему вчера покой и забвение.

Но этот сон преследовал его уже около месяца — с небольшими, правда, вариациями. То вместо далекой, из юности, невесты Настеньки ему снился иезуит из монастыря, а то и несостоявшийся тесть, тайный советник Белецкий.

Нашарив в изголовье электрический фонарик, он направил его на часы, с вечера положенные на небольшой столик: половина четвертого утра. Можно попробовать снова уснуть: практика показала, что два кошмара подряд не снятся.

Берг повернулся на бок и закрыл глаза. Да, неплохо было бы почитать труды по психологии Эрнста Вебера или Германа Гельмгольца*. Как, интересно, наука интерпретирует связь сна и яви? А самое главное — можно ли как-то от всех этих кошмаров избавиться?

Он отдавал себе отчет, что вчера поступил с Настенькой жестоко и вел себя глупо. Но другого выхода у него не было. Если бы не срочная телеграмма из Петербурга, он, наверное, нашел бы в себе силы нанести визит в уединенное поместье,

* Выдающиеся немецкие психологи XIX века.

еще раз потрепать за вихры мальчишек, ставших чьими-то, а не его сыновьями. Можно было бы даже попробовать объяснить Настеньке мотив своего поступка двадцатилетней давности — хотя даже для него этот мотив был не совсем ясен.

Может быть, именно поэтому он воспринял пришедшую на почту Симеиза телеграмму как знак свыше, как возможность избежать встречи с прошлым?

Телеграмма была хоть и не зашифрованной, но весьма таинственной — для посторонних, разумеется.

> вамъ следует нъмъдленно вернуться музей тчк дом построен зпт но мъжду хозяевами і арендаторами і новым прорабомъ возникли разногласія тчк в томъ числъ по вашъму поводу тчк
> подробності у телеграфіста зпт которому слъдуетъ сообщить дату вашего возвращъния тчк любящий васъ дядя.

«Музей» — это, понятное дело, архиповский особняк. «Построенный дом» мог означать только высочайшее утверждение идеи открытия Разведывательного отделения при Главном управлении Главного штаба. Под «арендаторами» наверняка имелись в виду те люди, которые были против создания РО, но раз уж дело решено, то им требуется непременно к «нему примазаться». «Новый прораб» — загадка, в отличие от «телеграфиста»: у Агасфера был единственный знакомый телеграфист, который помог ему в Гатчине. Ну, а с «дядей» все было ясно: им мог быть только сам полковник Архипов.

Агасфер вздохнул, дернул за сонетку, поинтересовался у немедленно появившегося проводника, скоро ли будет крупная ближайшая станция, где можно купить свежие выпуски газет. Через два часа? Милейший, не сочтите за труд купить там все свежие газеты, какие только найдете. Вот и прекрасно, сдачи не надо, Агасфер протянул проводнику купюру, и тот с поклоном исчез, прихватив катающуюся по полу пустую посудину.

Что же произошло за девять дней его отсутствия?

Телеграмму, между прочим, можно было читать и меж строк: требование немедленного возвращения наверняка

означало, что стрелок, покушавшийся на Агасфера после его возвращения из Берлина, наконец-то пойман. Неужели этим стрелком и вправду была Серафима Бергстрем? Ладно, до Гатчины не более суток езды, там все и раскроется...

* * *

Предполагая, что в Гатчине ему, как и после Берлина, придется сойти с поезда, Агасфер на станции захватил саквояж и, не предупреждая проводника о своем возможном невозвращении, отправился в телеграфную контору.

Телеграфист Николай принял Агасфера как родного, хотя и не сразу признал его благодаря отросшей бороде и синим очкам.

— Вас поджидают! — Николай кивнул на тот самый чуланчик, в котором Агасфер две недели назад провел несколько тревожных часов.

Он гостеприимно, как для своего, открыл проход в барьере, однако из чуланчика уже выходил встречающий. Ну, конечно же, Евстратий Медников!

— Вы в купе один едете? С проводником договоримся насчет «лишнего» пассажира? Отлично! Тогда пойдемте, господин Агасфер, поезд здесь стоит недолго... Да и времени на то, чтобы ввести вас в курс наших дел, не более часа — скоро в Петербург приедем...

— Прощай, Николай! — по-дружески обнял Телеграфиста Агасфер. — Видишь, жизнь какая: все на бегу! Даже поговорить не успели!

— Удачи вам, господин Агасфер! — Телеграфист перекрестил спины уходящих.

Во внешнем виде Медникова произошли разительные перемены. Полукрестьянскую повседневную одежду, которой он всегда отдавал предпочтение, сменили брюки со штрипками и пиджак американского покроя. Он укоротил волосы и отрастил небольшие усики, отчего приобрел вид банковского служащего. Вид этот, правда, слегка портили заметные выпуклости в области подмышек, где угадывались подвешенные на

специальные помочи крупнокалиберные револьверы. Проследив за взглядом Агасфера, Медников усмехнулся:

— Вот такая жизнь настала, господин Агасфер! Приходится постоянно по два фунта железа на себе таскать! Впрочем, чего это я о себе да о себе? Как съездили? Как встреча с прошлым? Не жалеете о поездке в Крым?

— Да как тебе сказать, Евстратий, — неопределенно ответил собеседник. — Долг сердцу отдал, а напрасно или нет — время покажет!

Послышался троекратный удар колокола, локомотив свистнул, и пол вагона под ногами качнулся.

— Не откажите в любезности, господин Агасфер, сельтерской заказать у проводника, — попросил Медников. — Да и вам, я гляжу, не помешало бы горло промочить... Так вот, теперь о наших, столичных новостях слушайте! Ваша поездка в Европу, скандал с подполковником Генштаба Гриммом и «несчастный случай» с господином Брюхановским в Вене свое дело сделали: Николай Александрович подписал-таки специальную докладную записку о создании Разведывательного отделения*. Всего одно слово: «Согласен. Николай» — а сколько ждать пришлось, сколько своей и чужой крови пролить... Зато все как надо получилось! Даже адрес РО никто из министров не знает, — похвастался Медников. — Хотите, назову?

— Раз не назвал сразу, а только спрашиваешь, значит есть у тебя, Евстратий, некие сомнения, — глядя в глаза собеседнику, ответил Агасфер. — Что, неправ я?

— Сомнения не сомнения, а кое-что есть. И давай-ка без обид, господин Агасфер, договоримся: сначала я тебе все новости расскажу, а ты уж сам решишь, надо тебе этот адресок знать или погодить до лучших времен. Большие знания — большие беды, сам знаешь! — Медников как-то

* На самом деле особый секретный розыскной орган, названный для конспирации «Разведывательным отделением», был санкционирован Николаем II 21 января 1903 года. Эту дату можно считать днем рождения Российской контрразведки.

очень просто перешел на «ты». — Мы-то с тобой пуд соли съели, не доверять тебе я просто правов не имею, но есть *обстоятельства*!

— Ну, давай, радуй! — криво усмехнулся Агасфер, стараясь не выказывать обиду.

— Новый директор Департамента полиции у нас с тобой появился, господин Агасфер. Ну, это ты из газеток, поди, знаешь уже?

Тот кивнул.

— И дело это, по моему разумению, мутное. Оказывается, его высокопревосходительство министр внутренних дел господин Плеве не единожды уже Лопухину, *правоведу* нашему, пост вице-директора предлагал. А правовед все отказывался, не желал под Зволянского идти. И к тому же, идейные расхождения у него с господином Плеве были, как и с прежним министром, Сипягиным*. Не верил он раньше в министерские благородные побуждения. А нынче, может, приснилось Лопухину, что тот в либералы перекинулся. А тут, когда Сергея Эрастовича в сенаторы и тайные советники задвинули, неожиданно согласился**. Он, оказывается, в ужасе был от того, что господин Зволянский себе с законом позволял. Особенно если вопрос политических касался. И решил, что способен исправить дело. А вот так, как мы с Сергеем Эрастовичем тебя от мадам Серафимы спасали, он бы ни за что не поступил!

— Не понял? — удивился Агасфер.

— Выкрутилась ведь почти, стерва. От всего весьма удачно отперлась — и что вместе с Гриммом несколько лет документики в Европу возили, и что таскал русские секреты подполковник из штабов по ее наущению, выполняя требования по покупке побрякушек драгоценных. Были косвенные доказательства, что она и без любовника секреты в Германию продавать ездила. Так вот я и говорю: от всего она отперлась! Даже от покушения на тебя — кабы не те окурочки, что вы с Лавровым в месте ожидания ее кареты нашли.

— Такие египетские папироски половина петербургских дам курит, — все еще не понимал Агасфер.

— Вот-вот, все вы чистенькие, господа законнички, — сплюнул Медников. — Только где бы вы были, если б раб божий Евстратий, по подсказке Зволянского, не подсунул бы к тем уличным окуркам домашние, со следами ее губной помады! Во время обыска Бог или черт надоумил меня несколько штук таких в карман положить. Ну и предъявили их ей вместе с изъятой помадой и заключением какого-то профессора-специалиста, что помада на окурках *идентична образцу*! — Последние слова Медников, видимо, освоил недавно, потому что произнес их с особым вкусом.

— Извини, Евстратий, но это сродни шулерству в карты!

— Вот тут-то наша Серафима и «поплыла»! И в покушении призналась, и даже в кое-каких европейских «шалостях». Теперь звенеть бы ей кандалами по Владимирскому тракту, но и тут, мерзавка, ход нашла!

— Это какой же?

— Осудили ее в каторгу, а в последний момент кто-то из высоконьких резолюцию на приговор наложил: ограничиться высылкой в город Иркутск!

— Но ведь с окурками это было нечестно! — стоял на своем Агасфер. — В карете она тогда наверняка в мужское платье одета была. И курила всегда через мундштук — откуда бы там помада взялась?

— Значить, по-твоему, господин Агасфер, честнее было бы отпустить Серафиму за недоказанностью? И всю жизнь тебя от нее охранять? Эх, дружище! Вспомнишь еще меня! Не засидится мадам Бергстрем в Иркутске! Снова тут объявится, и тогда держись! Эта стерва в тебе, между прочим, корень зла видит! Поминать тебя не может без зубовного скрежета!

---

* *Д. С. Сипягин* — предшественник Плеве на посту министра внутренних дел. Убит боевиком-эсером С. Балмашевым в Мариинском театре.

** В. К. Плеве, будучи министром внутренних дел, действительно предложил А. А. Лопухину пост директора Департамента, зная о его либеральных взглядах и несогласии со многими методами полицейской работы, в частности — с так называемыми провокациями.

— Ничего! Один раз справился, и в другой раз Бог поможет! — Агасфер покрутил пальцами в воздухе, не найдя слов для определения.

— Но ведь она стреляла! И в Берлине, и в Петербурге! Архипова подстрелила, между прочим! Ладно, тут мы с *законничками* общего языка не найдем, вижу... Тогда расскажу о составе Разведывательного отделения. Начальником, слава Господу, Лаврова утвердили. Шестеро наблюдательных агентов и седьмой старший, начальник. Девять внутренних агентов для внедрения, агент-почтальон, архивариус для собирания справок и установления личностей, взятых под наблюдение, да двое почтальонов*. Вот и все! Двадцать один человечек! Все прошли высочайшее утверждение!

— Архипов кто? — подозревая недоброе, спросил Агасфер.

— Полковник? Господин полковник — двоюродный плетень нашему забору! Не вошел в состав РО Андрей Андреич!

— Ты что, шутишь?! Человек, который все наше дело сколько лет пробивал — и отодвинут? Погоди, Евстратий, мы ведь сейчас про центральный аппарат говорили? А в округах?

— В округах и при штабах разведывательные отделения пока только планируются.

— Архипов где будет?!

— Я ж тебе сказал, господин Агасфер: пока кандидатура полковника Архипова только в резерве! Во-первых, рана у него не совсем зажила. Во-вторых — сам понимать должен! Не простят Архипову его детища!

— Ты имеешь в виду, что слишком доходным для кого-то было «не замечать» целого сонма шпионов в Петербурге и в России вообще?

— Умен ты не по годам, господин Агасфер! — хмыкнул Медников. — Ты про себя, уважаемый, отчего не спрашиваешь?

* Подлинное штатное расписание первого состава Разведывательного отделения.

— На посыльного либо почтальона не гожусь? — с насмешкой спросил Агасфер.

Медников вздохнул:

— Не гоже, конечно, самое поганое напоследок оставлять, да приходится. Намечен ты, господин Агасфер, как обвиняемый для суда Особого присутствия Правительствующего сената!

— Ого! Это за какие же заслуги такая честь? — хохотнул Агасфер, однако в его смешке слышалась тревога: чувство юмора Медникову было неведомо.

— Первым делом — за Брюхановского, гниду этого! Ты себе не представляешь, господин Агасфер, какие у убиенного тобой паразита связи оказались! И никто из этих начальничков, вплоть до великого князя — ну, ты знаешь, о ком я — не верит в предательство Брюхановского! Ангел, а не человек был, говорят! Ну, а если где и «споткнулся» — так надо было следствие учинять, под суд справедливый отдавать! А не топить в Дунае, как кутенка...

— Здорово...

— Куда как здорово! — Медников залпом выпил бутылку сельтерской, потянулся за другой. — Одно твое слово против мнений действительных и «просто» тайных советников, сенаторов, генералов — много ли весит? Кто, кроме тебя, видел у Брюхановского чертежи какие-то там? Никто!

— Погоди! А инженер, которому он деньги предлагал? А чертежники из штаба, которые всю ночь перечерчивали для него технические чертежи прицельной рамки? Это не свидетели? Я ж все подробно изложил в рапорте!

— Инженер сначала в Стокгольм съехал, потом в Америку, слыхал я, подался. Чертежники? Одного с ножом под лопаткой нашли, другой вовсе исчез без следа, а третий все отрицает! Не было, мол, ничего, понимаешь?! Ты теперь фон Люциуса в свидетели позовешь, что ли?

— А у Гримма заступничков не нашлось?

— Там — другое дело! Во-первых, любовница весь его «архив» следствию выдала. Хранил у нее, дурак, все расписки за суммы, от немцев и австрияков полученные. С пометками —

когда и за что получено. А самое главное, я думаю, *делиться господин Гримм не любил*! А Брюхановский умнее оказался, *«прикармливал»* кого следовало. Плюс еще одна деталька: Гримм по характеру своей службы с секретной частью штаба был связан. А Гертруда твоя, то бишь Брюхановский — нет!

— Погоди. Давай помолчим, Медников. Подумать хочу!

— Подумай, подумай! Будешь мыслить — не забудь о медвежьей услуге, которую тебе нынешний военный министр оказал! Нашел время справедливость восстанавливать, имя гвардейского прапорщика фон Берга обелять! Вот «обелил так обелил»! Тут же все пошло-поехало... «Погодите, это какой Берг? Который чуть переговоры с японцами не сорвал, японского дипломата убил, присягу нарушил, в бега подался?! Который до сей поры в розыске, санкционированном лично покойным государем Александром II числится?!» А ну подать Берга сюда для пояснений!»

— Погоди, помолчи! — повторил Агасфер. — Я сигару закурю... Знаю, ты не переносишь.

Медников кивнул, вышел в коридор.

Агасфер закурил, вытянул ноги, подложил под шею диванную подушку и прикрыл глаза.

Первое — с Медниковым разобраться надо. Друзьями они стать не успели, пуд соли съесть не съели — тут Евстратий перегнул. Разные они люди — потомственный дворянин и мужик. Но мужик не из простых — из умных. Карабкаться наверх умеет, и в удовольствие ему это. Внешний вид, одежда поменялись, говорить по-иному стал. Раньше по-простому изъяснялся, мужицкие словечки через одно вставлял. Маскировался под простого, недалекого. Зачем? Дань профессии «топтуна», сейчас это ему не нужно.

Штатное расписание Разведывательного отделения перечислил — на чем упор сделал? Во внутренние агенты он не годится — в «наружняках», скорее всего, остался. Может быть, даже в старших. Но это для него — без перспективы роста, товарищем начальника ему никогда не стать. Значит, не в старших: тут он горы свернет, чтобы в старшие наблюдательные агенты выбраться. Это, считай, вице-начальник — на время его отсутствия или если что случится с Лавровым. Теперь главный вопрос: можно от него подлости ждать? Карьерной — вряд ли. Только если кто-то попытается ему жизнь испортить — тут Евстратий зубами заживо грызть будет, а своего, кровного, не отдаст.

Агасфер закинул ногу на ногу, выпустил несколько ровных колечек сизого дыма.

Так, теперь телеграмма. Ясно как день: от Архипова. Это и подпись, и упоминание музея, и построенного дома. Вот только арендаторы, Медниковым никак не упомянутые, — кто это? Разберемся со временем, конечно... Теперь главный вопрос: не может ли быть телеграфная депеша ловушкой, чтобы побыстрее его из Крыма выманить? Может. Хотя и попроще что-нибудь сгодилось бы. Но подлости от Архипова не жди, это Агасфер мог и голову прозакладывать. Использовать его вполне могли, кстати. А вот сам он — никогда!

— Не докурил еще? Интересно, окна-то открываются здесь? — всунулся в купе Медников.

— Открываются. Заходи, Евстратий! — Агасфер отвернул два барашка, открыл половину широкого окна. — Давай теперь в вопросы-ответы поиграем. Телеграмму кто послал?

— Архипов. С Лавровым посовещался, текст поправили и отправили депешу.

— Почему ты меня в Гатчине ждал? К Архипову опасно идти? Арестовать могут?

— Насчет ареста не думаю. И идти, полагаю, к нему надо, только, может, не сразу... А почему ждал в Гатчине — Лавров попросил. Обстановку разъяснить, прощупать тебя, на реакцию посмотреть.

— Посмотрел? И как?

— Могло, на мой разум, хуже быть.

— А если бы хуже было?

— Тогда поехали бы не к полковнику, а на явочную квартиру. И стали бы решать, куда тебя спрятать на время. Или отправить куда за границу.

— Арендаторы, упомянутые в депеше, кто это?

— А вот это тебе, господин Агасфер, начальник лучше объяснит. На Таврической семнадцать. Туда и поедем сразу. Только побриться вам надобно, господин Агасфер! И шрамик на левой щеке восстановить! Паспорт Полонского сохранил?

— Тот паспорт еще в Варшаве у меня Гедеке отобрал, — Агасфер испытующе поглядел на Медникова. — Неужели Люциус нашему портному штуку сукна с картами прислал?

— Про то я не знаю. Мне про бороду сказали: с бородой тебя в Петербурге на вокзале ждать могут. А новый паспорт Полонского вон он, держи! — На стол легла свернутая бумага с гербовыми знаками. — Помочь побриться-то?

— Со шрамом поможешь. Насколько я понимаю, в столицу прибываю не я, а господин Полонский?

* * *

На Таврической «лихач» притормозил лошадь, получил положенную мзду и уехал. Агасфер огляделся: на доме под номером «17», в ряду прочих, синела скромная табличка:

Перестраховочное товарищество на паяхъ «ЗЛОБИНЪ и компания» Все віды страхованія!

За застекленной, на европейский манер, дверью маячила чья-то любопытная физиономия в фуражке с синей ленточкой и надписью «Курьеръ».

Улица была небойкой, прохожих немного. В соседнем со злобинским дверном проеме возились рабочие. На огороженной части тротуара высились штабеля кирпичей, лежали инструменты, ящик с цементом заботливо прикрыт мешковиной от сырости.

Хмыкнув, Агасфер толкнул дверь перестраховочного общества, огляделся: контора как контора. Четыре письменных стола за традиционным невысоким барьером, пальма в кадке. Для посетителей — казенного вида диван с небольшим столиком.

Четверо конторщиков в белых сорочках с сатиновыми нарукавниками усердно перекладывали какие-то бумажки, с треском крутили ручки ставших модными арифмометров «Odnner»*. Пятый, в черном сюртуке и за столом побольше — очевидно, старший конторщик — говорил по телефону. Курьер на табуретке под пальмой — кажется, из «летучего отряда» Мельникова, кажется Матвей, зевал во весь рот и листал газету.

Лицо одного из конторщиков тоже показалось Агасферу знакомым. Прищурившись, он вгляделся и узнал Михаила Петрова, агента из охранки, славившегося феноменальной памятью на лица — нынче, надо полагать, архивариуса РО. Михаил поднял голову, равнодушно взглянул на «посетителей» и, прикрывшись бумагой от соседа, неожиданно подмигнул Агасферу в знак узнавания.

— Нам туда, — Медников показал на дверь в глубине зала, над которой висела табличка «Служебное помещение».

В задней комнате, как и предполагалось, были отгорожены две кабинки с надписями «WC», причем на одной висело предупреждение «Просим простить! Удобства временно не работают!»

Медников, тем не менее, направился к «нерабочей» кабинке, нажал на неприметную кнопку, и боковая панель отъехала в сторону, открыв ход на освещенную лестницу. На верхней площадке лестницы посетителей уже ждал Лавров в модном статском платье американского образца.

— Значит, не испугался, не обиделся? Ну, тогда добро пожаловать в нашу контору, господин Берг! — обнявшись с Агасфером, Лавров провел пальцем по свежему «шраму» на левой щеке заметил: — Поправить надо: у Полонского он ближе к уху и чуть поглубже внизу. И про волосы не

* Механическая вычислительная машина, предназначенная для точного умножения и деления, а также для сложения и вычитания. Вильгодт Однер — шведско-русский механик, изобретатель ряда машин, в том числе и удачного арифмометра «Однер».

забыть — колер потемнее нужен! Ну, проходите, присаживайтесь, господа! Вы знакомы?

— Э-э... в каком смысле? — поднял бровь Агасфер. — Конечно! Мы с господином Медниковым...

— Он здесь не Медников, а наблюдательный агент первого класса Александр Харитонов, — поправил Лавров. — А вы, господин Берг, его начальник, старший наблюдательный агент и вице-директор РО Семен Перешивкин!

Вникая в суть сказанного, Агасфер опустился в кресло перед приставным к рабочему столиком, огляделся. Скромный кабинет директора Разведывательного отделения был самым обычным. Письменный стол, ряд шкапов во всю стену, уголок отдыха с небольшим диваном и журнальным столиком.

— Ничего не понимаю! — признался, наконец, Агасфер. — Мне господин э... Харитонов сообщил, что моя персона в столице вообще non grata*, что список Разведывательного отделения высочайше утверждается поименно.

— А он действительно утверждается поименно! — с улыбкой заметил Лавров. — Только нам с Куропаткиным удалось убедить Николая Александровича**, что ни в одной цивилизованной стране мира подлинных фамилий в подобных списках по соображениям конспирации нет. Вот он и утвердил псевдонимы!

— Лихо! — покрутил головой все еще не пришедший в себя Агасфер. — А ежели опознают и донесут?

— Выкрутимся! — небрежно махнул рукой Лавров. — Значит, будем работать, Берг! Прямо с сегодняшнего дня! Нынче у вас встреча с господином фон Люциусом. Желательно — в том же Яхт-клубе: тамошняя обслуга, видевшая вас в обличье Полонского не столь давно, никаких сомнений не испытает! Так что телефонируйте ему — и с Богом! Карты он Соломону передал — вам ведь сказали?

* Латинское выражение non grata — нежелательная персона, применяется, в основном, как дипломатический термин.

** Император Николай II.

— Но почему, Владимир Николаевич? Ему же на меня австрияки глаза не раскрыть не могли! Не может же старый лис к своим коллегам не прислушаться!

— Вот и я тут ничего понять не могу, Берг! — серьезно кивнул Лавров. — Не старческий же маразм у Люциуса, в конце концов! Тут какая-то игра, но ее правил мы не знаем! Надеюсь, после сегодняшнего свидания что-нибудь прояснится...

— А ежели он просто заманивает лже-Полонского этими картами, и Агасфера просто застрелят, чтобы Люциус мог реабилитироваться, так сказать? — вставил слово Медников.

— Если Люциус вышел из доверия, то хоть кого он застрели — доверия не вернешь! Кстати: «хвоста» за вами с вокзала не было, Харитонов?

— Обижаете, Владимир Николаевич! — оскорбился Медников. — Сколько лет в этом «котле» варюсь...

— Не надо обижаться! Как и расслабляться никогда не надо. Ладно, господа, позже подробнее поговорим. Телефонируйте Люциусу от Архипова, Берг!

Лавров подошел к одному из шкафов, вынул книгу — шкаф выехал из стены, открыв за собой лестницу, ведущую куда-то вниз.

Заметив удивление Агасфера, Лавров объяснил:

— Вы, верно, думали, что мы за девять дней вашего отсутствия такую работу по обустройству провели? Ан нет, дружище! Здесь было раньше любовное гнездышко неких высокопоставленных особ, и все эти ходы-выходы нам в наследство достались. Новый выход сейчас только строится — видели рабочих на тротуаре? Там откроем еще одну безобидную контору и будем «нырять», в случае чего, через нее!

— А сейчас куда выйдем? — не утерпел Агасфер.

— На соседнюю улицу, через квартиру, которая вечно сдается, но никогда не будет сдана. Тоже в наследство нам досталась! — рассмеялся Лавров. — Только вооруженную охрану там свою поставили, под видом консьержа с женой — чтобы с тылу к нам никто не подобрался! Ну, удачи вам, Берг!

Спускаясь по лестнице, Агасфер с досадой вспомнил, что так и не спросил у Лаврова насчет «арендаторов». Кто же это такие, черт бы их взял?

* * *

Не менее теплой вышла и встреча с полковником Архиповым. Обнимая старого друга, Агасфер с досадой вспомнил, что забыл поинтересоваться у Лаврова не только о загадочных «арендаторах». Вот про кого надо было спросить в первую очередь! И не спросить, видимо, а потребовать отчета за явную несправедливость...

Ладно, успеется. Не последний день на свете живем, подумал Агасфер. И на правах старого друга потребовал показать ему состояние сквозной раны в бедре.

Заживала рана плохо — то ли организм у полковника был ослаблен возрастом, то ли лечили не так. Агасфер решил попробовать применить снадобье «колдуньи» из Крыма: не просто так ведь крымская старуха ему остатки в бутылке отдала!

Спросил — есть ли дома опийная настойка? Старуха-то потчевала его каким-то варевом аналогичного действия. А раз не дала его — значит, большого значения не имеет. Продемонстрировал Архипову свою зажившую рану — от нее на боку осталась только еле заметная розовая полоска. Кузьма был отправлен в аптеку за лечебной глиной, а пока он ходил, Агасфер, решившись, позвонил по знакомому номеру в германское посольство.

Подошедший к аппарату Люциус разговаривал как ни в чем не бывало. Так говорят со старыми знакомыми. Выразил сочувствие в связи с варшавским инцидентом, смеясь, поведал о том, что некий знакомый «разгильдяй» Г. разжалован в чине до лейтенанта и, по слухам, должен быть переведен куда-то на тыловую работу.

Встретиться в Яхт-клубе? Сегодня? А почему бы и нет? Старый лис поинтересовался, сшил ли что-нибудь приличное старый еврей Соломон из прекрасной британской ткани, ему присланной? И если нет, то сошьет ли вообще? Непременно?

Ну, тогда сегодня в 10 часов вечера он приглашает господина Полонского отведать марсалу нового урожая! До встречи!

Разъединившись, Агасфер еще долго уговаривал полковника довериться старой «колдунье» — тот все-таки сомневался. Остатки снадобья вытряхнули из бутылки в фарфоровую салатницу, нагрели в камине, на открытом огне. Глину чуть размочили, скатали из нее длинную «колбаску», окружили этой «колбаской» зияющую рану на ноге полковника.

Долго пришлось уговаривать Кузьму — «в интересах дела оседлать полковника», чтобы лишить его движения от жгучей боли, каковую непременно причинит вылитое на рану снадобье. Сожалея о том, что, поскольку рана сквозная, «экзекуцию» придется проводить, видимо, дважды, Агасфер перекрестился и вылил слегка остывшее снадобье прямо в центр круга, образованного глиняной «колбаской».

Подпрыгнувший от боли Архипов сбросил Кузьму с постели на пол — прошлось Агасферу наваливаться на старого друга самому. Выждав, пока боль чуть успокоится, вместе с Кузьмой и подоспевшим на помощь Тимофеем перевернули полковника на другой бок. Позже Тимофей признался, что не слышал столь виртуозной брани не то что из уст полковника — но даже из «пасти» английского боцмана, которому на причале нечаянно поставили на ногу якорную «лапу».

Дав Архипову лошадиную дозу опийной настойки, повторили лечение. Забинтовали, влили внутрь «для закрепления» успеха» его любимый арманьяк, и постепенно тот забылся сном.

Глянув на часы, Агасфер, наконец, начал готовиться к вечернему рандеву с немецким разведчиком — красить и стричь волосы, поправлять шрам на щеке.

* * *

Хоть и ехал он на сей раз в Императорский Яхт-клуб без сопровождающего, однако чувствовал себя спокойно, не сомневаясь в том, что персонал и обслуга непременно узнают «Виктора Александровича Полонского».

Так оно и вышло. Совершив непременный обмен приветствиями с казначеем клуба и дегустацию марсалы нового завоза, Агасфер поинтересовался — ждут ли его. И если ждут, то где именно — в большой или малой обеденной. Оказалось, что в малой.

Агасфер направился в полутемный зал и уверенно подошел к привставшему навстречу Гельмуту фон Люциусу.

Произнесли дежурные фразы о погоде, опять-таки о нынешней марсале, о наследнике престола Николае Александровиче, затем переключились на более близкие обоим темы.

— Значит, после венских приключений вам так и не удалось добраться до Италии и решить свои проблемы с братом? — словно невзначай поинтересовался немец.

— Почему не удалось? — в свою очередь удивился лже-Полонский. — Наша яхта была в Турине, и мы с Костей беседовали едва ли не полдня. А потом я доехал поездом до Мюнхена и там пересел на Берлинский экспресс...

— ...А в Варшаве на вас насели молодчики полковника Рунге, спутавшие вас с другим русским, — сочувственно кивнул разведчик.

Агасфер пристально поглядел на собеседника, однако не уловил ни малейшего признака насмешки. Хмыкнув, он тем же тоном перешел в наступление:

— А потом те же молодчики насели на вас, герр Люциус, инкриминируя вам то ли старческий маразм, то ли куриную слепоту, то ли прямое предательство, не так ли?

— Не хватало еще мне выслушивать нотации от всяких Dumkopfen*, дорогой друг!

— Не хотите поговорить откровенно, господин советник?

— А разве мы не делаем этого? Впрочем, не возражаю. Итак?

— Вас обвинили в том, что вы «лопухнулись» с Полонским. Что на самом деле это не Полонский, а Агасфер, он же венгр Ковач, подручный некоего полковника Архипова...

* *Dumkopfen* — круглый дурак *(нем)*.

— У вас хорошие источники информации, — пробормотал Люциус. — А вы действительно Агасфер?

— Я, как и вы, разведчик, Люциус. Но у меня другой псевдоним!

— Что не помешало вам сделать в Берлине то, что непременно сделал бы настоящий Агасфер! Вы вынудили Гримма отдать привезенные для нас разведданные вам и напугали его до смерти. Вы внушили мне недоверие к качеству материалов, привезенных Гертрудой, выманили его из Вены и ликвидировали вместе с привезенными материалами. Или я ошибаюсь?

— Тогда почему же вы, герр Люциус, привезли и передали Соломону для меня британские карты северных фарватеров? Или это «липа» и приманка?

— В Берлине, помнится, угощал вас я, Полонский. Вы не хотите отдать «долг вежливости»? Или мне придется заказывать ужин самому? — неожиданно спросил Люциус.

— Вы правы, простите, — Агасфер сделал знак метрдотелю. — Удивите моего гостя, любезный! Предложите ему самое лучшее, что может предложить своим гостям шеф-повар!

Когда мэтр удалился, Агасфер откинулся на спинку кресла и рассмеялся:

— А вы хитрая лиса, Гельмут! Взяли паузу для того, чтобы как можно лучше сформулировать правдоподобный ответ?

— Не без этого, — согласился немец. — Ход, действительно, выглядит неожиданно, не правда ли? Но иногда самая сложная задача имеет простое решение, Виктор! Можете мне верить, можете нет — но слушайте! В Берлине, беря санкцию руководства на передачу вам старых британских карт, я стопроцентно был уверен в том, что имею дело с Полонским. После скандала, который мне устроили Рунге и этот змееныш Гедеке — причем последний постарался, чтобы даже канцлер узнал о моей промашке, — у меня не осталось другого выхода, как продолжить верить, что вы — не Агасфер! Вы меня понимаете?

— Кажется, да. Отказавшись от предложенной мной акции, вы выглядели бы как старый беззубый пес, потерявший

и нюх, и зубы. Если бы вас и не выбросили из разведки, то отодвинули бы на задний план.

— Сформулировано великолепно, Полонский! Кстати, поздравляю: русские все-таки официально обзавелись своей контрразведкой. Итак, каким будет ваш ответный ход?

— Если бы я был Агасфером, мне бы никто не разрешил нанести на ваши карты подлинные минные поля, герр Люциус. У Полонского, кстати говоря, тоже есть выбор: подсунуть вам «липу» и остаться русским патриотом. Или получить свои тридцать сребреников, а потом пойти на каторгу или под расстрел как шпион, предавший Россию.

— Великолепно! — повторил Люциус. — Верно все-таки говорят, что на немецком языке можно только со вкусом ругаться. Но если ты хочешь выразиться сильно и красиво, для этого надо выбрать русский язык! Но, как бы красиво вы ни выражались, Виктор, очень многое зависит от того, что в данном случае считать эквивалентом «иудиных» денег!

— Что вы имеете в виду?

— А если я предложу вам за подлинные карты... себя, господин Полонский?

Агасфер еле сдержался, чтобы изумленно не вскинуть на собеседника брови.

— Вы готовы работать на русскую разведку, герр Люциус? Вы, мэтр германского шпионажа, доверенное лицо канцлера и самого кайзера! Разведчик с четвертьвековым стажем!

— А я уже начал работать, Виктор! — вздохнул немец. — Разверните мою карту и поставьте горячий утюг на Финляндию. Через несколько минут на этом месте проявится мой собственноручный автограф. Своего рода обязательство работать на Россию. Правда, не с завтрашнего дня. Через три года. В общем, вы или ваше руководство все поймете, когда прочтете!

— Любопытно... За три года может случиться многое. Извините, но за это время вы можете умереть, скажем, от какой-либо неизлечимой болезни...

Фон Люциус положил ладонь на протез Агасфера.

— Ну-ну, перестаньте фантазировать, Полонский! Когда вы прочтете, то все, повторяю, поймете! В том числе и то, чем я рисковал, делая эту запись! Давайте хотя бы на остаток этого вечера забудем о рыцарях плаща и кинжала и просто вкусно поужинаем!

— Но я...

— Вам не терпится побежать за горячим утюгом? — невесело рассмеялся немец. — Mit Harren und Hoffen hat's mancher getroffen*.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Агасфер вернулся в особняк чуть за полночь, проник в дом с «черного хода» и был встречен, как обычно, Кузьмой со своей громадной фузеей. Узнав приближающегося по садовым дорожкам Агасфера, старик перекрестился, зажег фонарь, открыл дверь.

— Ты почему здесь, а не рядом с хозяином? — выговорил ему Агасфер. — Я же просил тебя не отлучаться от него — мало ли что!

— Он долго бредил после вашего, с позволения сказать, лечения, — оправдывался старик. — Теперь, правда, успокоился. Возле него дежурит человек, так что не беспокойтесь, господин Агасфер! Вас, кстати, поджидает ротмистр Лавров. Он в библиотеке-с...

— Хорошо, я сначала проведаю Андрея Андреевича...

Не включая света, чтобы не беспокоить больного, Агасфер скинул пальто и, лишь иногда подсвечивая фонариком, направился в спальню полковника.

Там было темно, ночник в изголовье почему-то не горел. Агасфер на цыпочках подошел к кровати, открыл защелку фонаря и, отпрыгнув, вскрикнул: в ногах у полковника на корточках сидело какое-то чудище. Нащупав револьвер, Агасфер крикнул шедшему следом Кузьме:

* Ожидая и надеясь, можно кое-чего достигнуть *(нем. пословица)*.

— Включи свет! Тут чертовщина какая-то! Дьявол!

— Да какой же это дьявол! — хихикнул старик, включая верхний свет. — Это же дикарь, который в зоологическом музее у нас жительство имеет! Мотькой я его зову. А что? Спит цельными днями, да жрет только — вот пусть хоть за хозяином присмотрит, думаю... Забыл вас предупредить, конечно — прощения просим, господин Агасфер.

Отмахнувшись от старика, тот подошел к Архипову, прислушался. Тот дышал ровно и сильно.

— Ладно, до утра подождем. Бог даст — обойдется. Ну, старик, ты так и до кондрашки мог меня довести. Гони этого Мотьку в себе в берлогу, дежурь сам! А я в библиотеку...

* * *

— Берг, вы сошли с ума! — Лавров вскочил, взялся ладонями за виски и тут же рухнул обратно в кресло. — Положительно, вы сошли с ума! Сначала напихали в рану полковника какой-то непроверенной колдовской дряни и наверняка занесли туда инфекцию, потом являетесь ко мне со свидания с Люциусом и предлагаете отдать ему подлинные карты минных полей в северных проливах Балтики! Вам что, компания в каторгу нужна?!

— Владимир Николаевич, простите, я не успел сказать вам, что на одной из старых британских карт, переданных Люциусом портному, есть, по его уверению, собственноручная расписка с обязательством работать на российскую разведку!

— Давайте быть последовательным, Берг, — устало оборвал его Лавров. — Сначала про ваше «шаманство» с полковником.

Он внимательно выслушал рассказ Агасфера про лечение у крымской «колдуньи», осмотрел еле видимые следы от раны на его боку, задал несколько вопросов.

— Вы сами говорите, что объяснялись со старухой в основном жестами. Хорошо. Она видела вашу рану и знала, что именно лечит. Отлично! Но с чего вы взяли, что остатки

снадобья, которые она вам отдала, являются панацеей для всяких ран?

— Интуиция, Владимир Николаевич. Я привык доверять своей интуиции.

— Но вы же ни черта не поняли из того, что она вам говорила! А вдруг «обряд», который она к вам применила, просто не допускал выливания остатков варева в костер или в ручей? В конце концов, это варево могло прокиснуть!

— Не забывайте, Владимир Николаевич, что я тоже кое-что смыслю в траволечении. И мы со старухой, как ни парадоксально, пользовались одним и тем же древним способом исцеления. Она узнала часть трав, изображенных в древней книге.

— Сумасшедший дом! — Лавров снова взялся пальцами за виски. — Берг, я ни черта не смыслю в вашем траволечении, колдовстве и знахарстве. Но если полковнику станет хуже, утром я отправлю его в военный госпиталь, а вас — в сумасшедший дом!

— Не возражаю. В этом случае отпадет и мой вопрос насчет «игры» с Люциусом. Но пока-то он актуален!

— Он станет актуальным, если вы сумеете мне объяснить, для чего матерому немецкому разведчику на старости лет «продаваться» России. Не рассчитывает же он на великокняжеский титул, черт возьми!

— Здесь мы можем перейти только в область предположений, господин ротмистр! Скандал с австрийской разведкой, по сути обвинившей его в легкомысленности, должен был серьезно подорвать его репутацию. Он хочет ее вернуть — вот, по-моему, главное. Причем вернуть на той же «раздаче карт» — на «Полонском»! Если он представит в Генштаб рейха натуральные карты русских минных полей, предоставленные ему «Полонским» — австрияки со своими обвинениями будут посрамлены!

— Логично. Но почему такой срок — три года? Может, он действительно серьезно болен и просто не доживет до объявленного им срока?

— У меня нет ответа на этот вопрос, Владимир Николаевич. Не знаю! Но могу предложить способ узнать мотивы Люциуса! Насколько я знаю, у нас в Генштабе Австрии есть глубоко законспирированный агент. Редль! Пока он только получает русские гонорары — пусть отработает их, черт возьми!

Лавров внимательно поглядел на Агасфера:

— Вы неплохо осведомлены, Берг, если знаете про Альфреда Редля*. В нашем Разведывательном отделении только предполагают наличие такого агента. Это имя вы услышали тоже от *вашего друга* Люциуса?

Агасфер промолчал.

— Все равно без полковника Архипова до люциусских карт нам не добраться: они где-то здесь, в его доме, — постановил Лавров. — На Таврическую переносить их посчитали нецелесообразным: тамошнее помещение еще не совсем готово, как вы изволили видеть. Насчет предложения Люциуса никому не говорите, Берг. Лучше придумайте, как добраться до этих самых карт минных полей. Не могу же я заявиться к генерал-адъютанту Авелану** и сказать: Федор Карлович, мы тут в Разведывательном отделении решили проверить — что будет, если передать в немецкий Генштаб схему постановки минных заграждений на Балтике... В общем, пока берем паузу. До пробуждения полковника. Вы будете у себя, в своей комнате, Берг? А я, по договоренности с Андреем Андреевичем, занял одну из его гостевых комнат.

— Последний вопрос! — уже на пороге остановил его Агасфер. — В полученной мной депеше упоминались некие арендаторы. Что имелось в виду, Владимир Николаевич?

---

* *Альфред Редль* — австрийский офицер контрразведки, начальник агентурного отделения разведывательного бюро генерального штаба, полковник. В 1903 году Редль был завербован русской разведкой под угрозой предания огласке его гомосексуальных связей. В течение десяти лет выдавал русскому командованию австрийских агентов в Петербурге.

** *Ф. К. Авелан* — русский флотоводец, адмирал, в описываемое время отвечал за безопасность морских путей на Балтийском море. Согласно Табелю о рангах, адмиралы не были министрами, а лишь управляли морскими министерствами.

— А-а, эти... Ну, если коротко, то Лопухин обзавелся собственным разведывательным отделением в лице Манасевича-Мануйлова. Этот типус и раньше был при Департаменте, числился в заграничной, или парижской «охранке». С помощью французских спецслужб наблюдал за деятелями политической эмиграции. Я его плохо знаю, но слышал, что это матерый аферист и ловкач! Деньги выгребал из департаментского бюджета с большим усердием. Зволянский несколько раз пытался от него избавиться, но у Мануйлова крепкие связи. А теперь сей аферист почуял дополнительную поживу, и задурил Лопухину голову созданием собственного «Специального отделения по розыску о международном шпионстве». Ни штатного расписания, ни своего устава, ни четко разработанных правил... В общем, будут только путаться под ногами и перехватывать лакомые кусочки, как надеется Майнуйлов. Кстати, контр-адмирал Вирениус из Главного морского штаба также оставил за собой право напрямую работать с морскими атташе. МИД через своих дипломатов кое-какие интересные сведения по-прежнему добывает. Правда, «делиться» не хочет. Вот кто имелся в виду под арендаторами, Берг. Спокойной ночи!

Однако выспаться Агасферу нынче было не суждено. Ворочаясь в постели, он невольно суммировал в голове то, что когда-то слышал или читал в документах Департамента полиции о Мануйлове.

Ваня Манасевич родился в семье еврея-чиновника, сосланного в Сибирь за подделку акцизных бандеролей и вскоре там умершего. Шустрого семилетнего мальчонку усыновил богатый сибирский купец Мануйлов, отправил его в Петербург, где тот закончил реальное училище, принял лютеранство и начал карьеру в департаменте духовных дел.

Припомнил Агасфер и особо секретный донос на Мануйлова, уже в юности подписавшего обязательство верой и правдой служить государю в качестве агента «охранного отделения». В доносе указывалось также на гомосексуальные отношения с влиятельным князем Мещерским, благодаря чему Иван получил долгосрочную командировку в Париж и Рим. Там он

вел наблюдение за русскими революционными группами и одновременно подкупал французских газетчиков — для создания положительного имиджа России в Европе. Финансирование подкупа шло из личных фондов Департамента полиции. Причем несколько докладных, направленных в Департамент, неопровержимо свидетельствовали о том, что часть средств «прилипала» к шаловливым ручонкам агента-авантюриста.

Прослышав о создании в России Разведывательного отделения, он примчался в Петербург и предложил себя в качестве его руководителя. А когда не получилось при Зволянском, уговорил-таки нового директора Департамента полиции Лопухина создать собственную полицейскую разведку — ссылаясь при этом на свои многочисленные связи со спецслужбами Европы... Так полиция России и обзавелась организацией по борьбе с иностранным шпионажем...

Его полуразмышления-полудремоту прервали странные шаги в коридоре. Шаги были неровные и чередовались с каким-то постукиванием и шорохами — как будто к комнате пробиралось что-то большое. Между тем часы только что пробили половину шестого утра. Нащупав под подушкой револьвер, Агасфер с некоторой опаской ждал развития событий.

Шаги замерли у его комнаты, после чего дверь скрипнула (Агасфер в свое время нарочно не стал смазывать петли), потом раздался осторожное покашливание, и голос Архипова спросил:

— Мишель, вы не спите?

— Нет-нет, заходите, Андрей Андреевич! — ответил Агасфер и только тогда сообразил, что зайти полковник по идее никак не может: в последнее время он передвигался только с помощью костылей.

Однако Архипов все-таки вошел, припадая на раненую ногу и опираясь при этом на трость.

— Мишель, вы что, волшебник? — вместо приветствия сердито спросил Архипов. — Или мне вся эта чертовщина просто снится? Не далее как вчера вечером я по душевной слабости позволил вам испытать на мне какой-то инквизиторский метод лечения. И что я вижу сегодня?

— И что же вы видите?

— Просыпаюсь от зуда в ране и храпа Кузьмы. Дрыхнет «сиделка» моя, спит сном праведника! Хватаюсь за ногу — рана залеплена какой-то дрянью. Начинаю припоминать ваше «шаманство». Соскребаю — не больно! Ну, почти не больно, — поправился полковник. — Включаю свет, гляжу: рана затянулась, как бывает недели через три-четыре после ранения. Пробую встать — полагая, что все это во сне происходит, — чувствуется боль, но едва-едва! Стало быть, это не сон, Мишель?

— Не сон, — рассмеялся Агасфер. — Признаться, я и сам не ожидал такого эффекта! До моей кровати можете дойти, господин полковник?

— Только с подпоркой! — опираясь на трость, Архипов доковылял до кровати, сел рядом. — М-да, с вами не соскучишься, Мишель!

В коридоре опять послышался какой-то шум, голоса — один — чуть визгливый, другой спокойный. Дверь снова распахнулась — на пороге стоял всклокоченный, закутанный в одеяло Кузьма и Лавров.

— Ну вот, Кузьма, твой хозяин! — показал рукой Лавров. — Можешь подойти и пощупать — живой! А ты чего? Представляете, господа, врывается ко мне это пугало, голосит: господина полковника ангелы на небо взяли — исчез! Клянется, что глаз не закрывал!

— А кто ж тогда храпел? «Глаз он не закрывал!» — передразнил Архипов. — Ладно, равно теперь никому не уснуть — пошли-ка в столовую, что ли, господа! Я, признаться, что-то проголодался. Мишель расскажет нам, как прошла встреча с Люциусом.

Поймав предостерегающий взгляд Лаврова, Агасфер еле заметно кивнул. И в своем рассказе о предложении передать немецкому разведчику подлинные карты не упомянул.

Кузьма был послан с утюгом в мастерскую, где в кузне никогда не гас огонь. За картами полковник, поддерживаемый Агасфером, сходил сам — они были спрятаны в музее, в одной из механических ловушек.

Расстелили на столе карты, нашли на ней обозначенное Великое княжество Финляндское.

— Ну, Господи благослови! — Архипов широко перекрестился и поставил на нужное место горячий утюг. — Держать-то долго надо? Не сгорит бумага?

— Есть несколько способов тайнописи «симпатическими» чернилами, насколько я знаю, — откликнулся Агасфер. — Думаю, минуты в любом случае будет достаточно...

Когда утюг сняли, под ним обнаружилась четкая надпись темно-коричневого цвета.

Настоящим подтверждаю, что Генштаб Германии не имеет планов войны с Россией в течение ближайших 10 лет. К сведению русского правительства и всех заинтересованных лиц: Япония будет окончательно готова к войне на Дальнем Востоке не позднее чем через 3 года.

Начальник «Центрального Бюро по высшему руководству шпионажем в России» (подпись)*

— У нас есть хоть одна рукописная бумага с подписью Гельмута фон Люциуса? — прервал повисшее молчание Архипов. — Хорошо бы провести графологическую экспертизу — все это слишком серьезно!

— Автограф-то Люциуса мы найдем, — задумчиво протянул Лавров. — И другие образцы подписи раздобыть можно. Однако, полагаю, что сомневаться не стоит: это его рука! Вот, значит, для чего ему требуется три года...

* * *

— Я поставлен в совершенно дурацкое положение! — Лавров, с трудом сдерживая раздражение, шагал вдоль ряда шкафов, выравнивал «по ранжиру» бесчисленные папки на полках. — И не удивляйтесь, если вскоре услышите обо мне как о кандидате в сумасшедший дом, Берг! И отправлюсь туда не только я, между прочим!

* Так официально называлось подразделение Генерального штаба Германии.

У Агасфера вертелась на языке подходящая к случаю острота, однако, с учетом настроения директора РО, она была бы совершенно неуместной. Поэтому он только с сочувственным видом кивал головой и сгибал и разгибал мертвые пальцы на протезе.

— Я рассылаю по штабам восточно-азиатских округов директивы с требованием усилить наблюдение за лицами монголоидной расы, выявлять лиц той же расы, заподозренных в шпионаже. От имени военного министра я шлю шифровки нашим атташе в Японии, Корее и Китае с требованием данных о подготовке страны к военным действиям на территории противника. И что я получаю в ответ?

Лавров положил перед Агасфером толстенный бювар с двумя-тремя сотнями расшифрованных депеш, рапортов, докладных записок.

— Нынче военный агент в Японии — сын Ванновского, бывшего нашего военного министра. К слову: он закончил Пажеский корпус, служил в конной артиллерии. В Японию был назначен вместо генерал-майора Янжула, испросившего полугодовой отпуск по семейным обстоятельствам, но, как показало время, и не собиравшегося возвращаться в Японию. Вот резолюция Куропаткина на представление, в которой Алексей Николаевич особо отмечает исключительную добросовестность Ванновского-младшего.

Лавров уселся в кресло напротив Агасфера, нервно дернул носком сапога.

— И что же? Именно добросовестность сына дала ему основание через полгода после начала службы в Японии написать честную докладную записку. Человек *не знает японского* языка, Берг! И не имеет тайной агентуры в этой стране, а посему просто не знает, о чем ему рапортовать! Японцы, искушенные в шпионаже, показывают только то, что хотят показать! Я вошел в правительствующий сенат с просьбой усилить внимание к этой стране — и что я получил в ответ? Кучу докладов и докладных записок за последние пять-шесть лет, где в один голос говорится о том, что эта страна

будет иметь боеспособную цивилизованную армию лет этак через двадцать! *Никто*, понимаете, Берг, *никто*, не верит в способность и намерения Японии развязать войну против России!

— Но Петербург и вся Россия напичкана японскими шпионами, и вы это знаете не хуже меня, Владимир Николаевич! Помните полномасштабную акцию, которую проводил по настоянию Архипова прежний директор Департамента полиции, Зволянский?

— Я-то помню! И нынешний господин сенатор Зволянский, выделивший мне четверть часа своего драгоценного времени, помнит! Ну и что? Да ничего! На строительство Кругобайкальской железной дороги японцы нанимаются сотнями! Работают под предводительством десятников — запасных унтер-офицеров своей армии! В Иркутске их уже тысячи — так называемых прачек, хозяев гостиниц и съезжих дворов. А меня хлопают по плечу, мол, не будьте таким подозрительным. Кстати, на фоне всего этого возникает резонный вопрос: ежели вы, господин главный разведчик, так обеспокоены «японской угрозой», то зачем вашему ведомству карты северных проливов на Балтике?

Агасфер молчал — да и что он мог сказать?

— Я добыл эти карты, снял с них хорошую копию, — помолчав, признался Лавров. — Так что можете связываться с Люциусом и докладывать, что выполнили его просьбу. Если успеете, конечно...

— Что вы хотите этим сказать, господин ротмистр? «Если успеете»?

— Только то, что по вашим следам идет господин Мануйлов.

— По моим следам? Для чего?

— По-видимому, господину Мануйлову не понравилось ваше отношение к *буграм** как таковым! Он откопал где-то

* «Буграми» в описываемое время называли мужчин, склонных к гомосексуализму.

донесения французских спецслужб о том, что двадцать лет назад в Париже вы устроили за неким японцем слежку без санкции и без ведома начальства! А потом, уже в архивах Вельбицкого из петербургской охранки, я нашел сведения о том, что где-то под Варшавой вы зарезали японца, и двадцать лет скрывались от розыска и следствия. Что дезертировали из гвардейского батальона и неизвестно чем занимались все это время. Что скажете, Берг?

— Но вам-то я все рассказывал, Владимир Николаевич!

— Да я помню! — отмахнулся Лавров. — Плохо, что он знает, что вы вернулись в столицу! Думаю, к Архипову вам возвращаться нельзя... Дом наверняка обложен полицией!

— Но почему?

— Скорее всего, для того, чтобы арестовать вас и отдать под суд Особого присутствия.

— Но за что? Господи, с тех пор прошло столько лет! Поединком с японским агентом-сепаратистом я спас переговоры по Сахалину, способствовал сохранению имиджа государя и России! В конце концов, я могу обратиться к господину Лопухину! Он не позволит!

— К Лопухину! Amicus Plato, sed magis amica Veritas. Слыхали? «Платон мне друг, но истина дороже». Я уже говорил с его превосходительством Лопухиным, он разводит руками: пусть разбирается правосудие! Кстати, не будучи уверенным, что вы вернулись из Крыма, именно господин Лопухин догадался протелефонировать на квартиру Зволянских и попросил к телефону вашу Настю. И та ничтоже сумняшеся сказала, что вы вернулись и уже водили ее в синематограф.

— С-скотина! Не Настя, конечно! — поправился Агасфер. — Слушайте, Владимир Николаевич, может, мне стоит отдаться этому суду? Не инквизиция, в конце концов, разберутся...

— Вы сумасшедший, Берг! Из этого суда для вас только одна дорога: на каторгу! И то в лучшем случае!

Помолчали.

— И все-таки я думаю, что надо попытаться поговорить с Лопухиным, — задумчиво произнес Агасфер. — На мой взгляд, лучше всего для этого подходит Архипов! Пусть он, по старой памяти, пригласит его превосходительство к себе в дом. Поглядим, как пойдет разговор. Может, мне удастся убедить директора в своей лояльности к государственным устоям! Полагаю, что кое-какие заслуги у меня все же имеются!

— Ваша самонадеянность способна умилить кого угодно, Берг. Но только не Лопухина! Хотя... Что-то делать надо в любом случае. Да и вряд ли Лопухин пойдет на то, чтобы задержать вас в доме старого друга! Ну что — телефонируем? Впрочем, я готов держать пари, что директор Департамента найдет повод отказаться от встречи!

* * *

Вопреки мрачным прогнозам Лаврова, новый директор Департамента полиции все же приехал к Архипову. Полковник встретил его с должной почтительностью, у дверей.

— Давненько, давненько не заглядывали ко мне, Алексей Александрович! «Четверги»-то и вовсе забыты... Или, простите, мне теперь следует обращаться к вам по уставу: ваше превосходительство?

Лопухин был одет в статское. Хмыкнул, передал шляпу, трость и пальто швейцару, обнял Архипова за плечи:

— Старая дружба не ржавеет, Андрей Андреевич! Бросьте вы эти чинопочитательские замашки — «ваше превосходительство»! Арманьяком-то своим знаменитым будете угощать?

— А как же! Прошу со мной!

Лопухин оценивающе оглядел полковника с ног до головы.

— А мне передавали, что вы еще от раны не оправились, с постели почти не встаете... А вы молодцом! Хорошего доктора нашли? Или ваша просьба навестить раненого была просто предлог для личной встречи и серьезного разговора?

— Не без этого, Алексей Александрович! Не без этого...

— Тогда позвольте угадать предмет нашей беседы. Агасфер?

— Вы всегда отличались проницательностью, — Архипов распахнул дверь библиотеки, пропуская гостя вперед. — Прошу!

— Благодарю, — Лопухин с наслаждением вдохнул давно знакомый аромат старых фолиантов, перемешанный с сигарным «настоем». — Значит, решили не мытьем, так катаньем старого законника взять? Где наш Берг-то?

— Присаживайтесь, Алексей Александрович, — Архипов указал на кресло и обернулся: — Кузьма, подай нам чего-нибудь...

— Давайте сразу поставим все точки над «i». — Лопухин садиться передумал. — Мне, чисто по-человечески, симпатичен ваш Агасфер, но от своего я не отступлюсь даже ради старой дружбы с вами! Берг до сих пор официально числится в бегах и должен предстать перед судом Особого присутствия. Закон един для всех — это мое непоколебимое убеждение. Передайте, пожалуйста, ему, Андрей Андреевич: жду еще два дня. Потом на Берга будет объявлена охота со всеми вытекающими последствиями. В том числе и с привлечением к ответственности его укрывателей. Лаврова — в первую очередь. Других вариантов вы от меня не услышите, господин полковник.

— А если оставить Агасфера в покое прикажет лично ваш министр, Вячеслав Константинович Плеве?

— Тогда мне придется напомнить ему, что я согласился занять пост директора Департамента только при условии прекращения всяких «игр» с законами! Закон, повторяю, не должен иметь исключений!

В дверь постучали, и вместе с Кузьмой в библиотеку вошел Лавров.

— О-о, вот уже и двое на одного? — усмехнулся Лопухин. — Желаю здравствовать, ротмистр! Тоже будете за Агасфера меня агитировать?

— Не за него, а против тех, кто пишет на него грязные доносы. Например, ваш протеже Мануйлов. Извольте полюбопытствовать, ваше превосходительство!

Лавров положил перед Лопухиным бювар. Не открывая его, директор вперил в ротмистра недружелюбный взгляд.

— Собираете досье на моих подчиненных, ротмистр? Похоже, это обычная профессиональная зависть, господин Лавров. За последний месяц господин Мануйлов сумел добыть через свою агентуру в Париже больше, чем вы за год!

— Больше, не спорю! Но что именно добыл? В этой папке лежат четырнадцать якобы «перехваченных» им японских шифрованных телеграмм. Вы сами-то читали перевод, ваше превосходительство?

— У директора Департамента дел хватает, поверьте! — ушел от прямого ответа Лопухин. — Мне вовсе не обязательно знать все детали работы своих служб.

— Не читали, стало быть? И, тем не менее, отдали распоряжение оплатить господину «бугру» из казенных сумм все его «расходы»! — жестко прервал его Лавров. — С помощью дешифровальщиков и знакомого вам японоведа, господина профессора Попова, мне удалось выяснить, что речь идет не о важных документах, а о сущих пустяках, о бытовых мелочах! А последний «добытый» господином Мануйловым японский шифр — представьте себе, это просто перефотографированные странички из японского словаря иностранных слов! Он просто мошенник, ваше превосходительство! Аферист, который с вашей помощью пытается убрать с дороги «конкурентов», настоящих мастеров своего дела!

— Не слишком ли жестко вы отзываетесь о коллеге, господин ротмистр? — прищурился Лопухин. — Столь серьезные обвинения следует обосновывать!

— Он мне не коллега! Вот, если желаете, мой официальный рапорт насчет мошенничества Мануйлова — с приложением объяснений япониста Попова! Разрешите осведомиться, ваше превосходительство: когда этим моим бумагам будет дан официальный ход?

Лопухин начал багроветь:

— Не ваше дело, ротмистр! С Мануйловым я разберусь как-нибудь без вас! Если он где-то ошибся, с него взыщут! Но сие не значит, что я должен закрывать глаза на *ваших* нарушителей закона!

— Однако вы весьма ревностно защищаете Мануйлова, господин Лопухин. — Лавров с недоброй улыбкой сделал многозначительную паузу.

Директор соскочил с кресла.

— Договаривайте! — почти прошипел он. — Весьма ревностно... Ну и что?..

— А то, что любой полицейский с мало-мальским опытом непременно сделал бы следующий вывод: либо Мануйлов делится кое с кем вытребованными из казны суммами, либо... один наш общий знакомый разделяет его извращенные любовные предпочтения!

— Что-о? — Лопухин всем корпусом рванулся к неподвижно стоявшему Лаврову.

— Владимир Николаевич! — Архипов проворно встал между своими гостями. — Право, вы того... чересчур!

— А что? — с той же недоброй улыбкой продолжил Лавров. — Ваше превосходительство, кажется, хотели ударить меня? Правда глаза колет? Учтите, Лопухин, если я получу подтверждение своим предположениям, я вас раздавлю!

Лопухин несколько раз открыл и закрыл рот, как выброшенная на берег рыба, потом сорвался с места и, ни с кем не прощаясь, выбежал из библиотеки.

— Вот вы и обрели еще одного врага! — констатировал Архипов, тяжело опускаясь в кресло. — Да и я, пожалуй... Вы ведь намеренно вывели его из себя, ротмистр?

— Разумеется! Разозленный человек начинает делать ошибки. Вполне предсказуемые ошибки. Агасфер, выходите! Вы все слышали?

Агасфер вышел из-за стеллажа, хмыкнул:

— Видимо, теперь у меня нет и двух дней на раздумья — сдаваться или нет. Не удивлюсь, если в самое ближайшее

время здесь будет с полсотни полицейских, вызванных разъяренным директором. Кажется, мне пора уходить, Андрей Андреевич!

— Пожалуй, — согласился тот. — Но прежде мы позвоним Зволянским: уходить надо и вашей Настеньке! Лопухин из тех, кто способен ради удовлетворения своих мстительных чувств взять заложника! Но не грустите, Берг! У нас с вами есть еще один вариант!

— Вариант? Вам не кажется, Владимир Николаевич, что я не напрасно избрал для себя кодовое имя? Только оно определяет мой образ жизни. Раз назвался Агасфером — надо идти... Вечно идти... Вот только куда?

— Куда? У меня есть ответ на этот вопрос — если он вас устроит, конечно. Но сначала я спрошу кое-что у вас, Берг!

Лавров встал, прошелся по библиотеке, повернулся к Архипову:

— Вы позволите сделать пару звонков, Андрей Андреич?

— Да звоните вы куда хотите, пока этот идол не успел доехать до ближайшей полицейской части, — простонал Архипов. — Только учтите: с Лопухина станется посадить на телефонную станцию своего человека!

* * *

Лавров остановился напротив Агасфера, сунув руки в карманы бриджей и раскачиваясь на носках:

— Вы что-нибудь слышали про Сахалин, Берг?

— Разумеется. Остров на краю Евроазиатского материка. Царская каторга «повышенной комфортности». Подыскиваете мне острог построже и подальше?

— Подойдите, Берг! — Лавров распахнул один из шкафов, сделал шаг в сторону. Агасфер увидел на средней полке аккуратно сложенный мундир черного цвета, накрывшую его фуражку с кокардой Главного тюремного управления. Поверх фуражки лежали паспорт и сложенный вчетверо лист бумаги с водяными знаками.

Агасфер поднял удивленный взгляд на Лаврова:

— Не знаю, правильно ли я вас понял, Владимир Николаевич...

— Думаю, что правильно. Вам надо как можно быстрее исчезнуть из Петербурга. А на Сахалине вас никто искать не станет! К сожалению, последний пароход общества Добровольного флота в нынешнем сезоне ушел из Одессы на Сахалин еще два месяца назад. Но нет худа без добра: вы поедете сегодня же вечером в Иркутск! Там сейчас обитает столько японцев, что при желании их язык можно выучить и без Японии!

— В Иркутск?! Японский язык?

— Ваш конечный пункт назначения — Япония. Легче всего до нее добраться с Сахалина — да и искать вас там никто не будет, как я уже упоминал. Пока я смог добиться для вас должности инспектора-ревизора Главного тюремного управления. Но попасть на остров вы сможете не раньше начала лета следующего года — это во-первых. А во-вторых, Главное тюремное управление принимает на службу только женатых чиновников! С мадмуазель Настей Стекловой у вас... серьезно?

— Погодите, у меня голова кругом идет, Владимир Николаевич! — попросил Агасфер. — Право, не знаю. Я не спрашивал у нее... Но мне кажется, что скорее да, чем нет. Если ее не смущает спутник жизни без одной руки. Но при чем здесь Настя, Владимир Николаевич? Иркутск? Сахалин?

— И вам, и ей надо исчезнуть из Петербурга, — терпеливо пояснил Лавров. — А мне нужен свой человек на Сахалине. Конфидент. Япония от Сахалина, как говорится, в двух шагах. На юге острова много японских промышленников, которые, согласно Петербургскому трактату*, имеют там рыбные промыслы. Мне нужен человек, который сойдется с японцами,

* Договор, подписанный между Россией и Японией в 1875 году. Согласно трактату, Сахалин остался русским владением, между тем как Курилы для России были потеряны. Кроме этого, трактат предусматривал целый ряд льгот для японцев на юге Сахалина.

завяжет с ними дружеские отношения. И если война действительно начнется, мой конфидент найдет возможность перебраться в Японию и организует там резидентуру.

— А если все-таки не начнется?

— Тогда мой конфидент покончит с государственной службой, заведет на Сахалине дружбу с японскими рыбопромышленниками, войдет в их дело, либо откроет свое — и все равно переберется со временем в Японию. Но ехать придется через Иркутск, Берг!

— Почему?

— Повторяю, последний в этом году пароход на Сахалин уже ушел. Это во-первых. А во-вторых, вам надо подучиться тюремному делу. Вы же едете туда инспектором-ревизором Главного тюремного управления! Никакому другому чиновнику на Сахалин не попасть! А где можно приобрести опыт тюремного дела лучше, чем в Александровском централе?*

Конечно, Агасфер слышал про этот централ. Читал о нем — как слышала и читала, наверное, вся грамотная Россия. В 1895 году Иркутск посетили французы — один был депутатом парламента, другой — мэром какого-то городка. Французы ехали в Китай с коммерческими целями. В Сибири их поражало все: наши порядки, наши купцы. Но совершенно потрясла их поездка в Александровскую каторжную тюрьму под Иркутском. «Вы — государство контрастов и невероятных возможностей! Ведь такой тюрьмы, таких тюремных порядков, как в Александровском централе, нет нигде в мире», — говорили французы на встрече с иркутянами.

Александровский централ действительно представлял собой уникум. Эта тюрьма никогда не отличалась особой строгостью режима, и арестанты чувствовали себя здесь вольготно. Каторжане могли отлучаться из тюрьмы даже в Иркутск,

* *Александровский централ* — Александровская центральная каторжная тюрьма, одна из каторжных тюрем дореволюционной России. Учреждена в 1873 году в селе Александровском, что в 76 километрах к северо-западу от Иркутска, на территории бывшего Александровского винокуренного завода, основанного в XVIII веке.

для уголовников был смягченный режим, хотя и здесь были в ходу и розги, и карцер, и кандалы.

— Мне придется побыть в этом централе надзирателем? — мрачно поинтересовался Агасфер. — Или, может быть, для лучшего «вникания в образ», стать каторжником?

Лавров улыбнулся:

— Нет, конечно! В России произошла тюремная реформа. В Петербурге создано Главное тюремное управление, в губерниях появились тюремные инспекции. Мы хотим предложить вам должность инспектора-ревизора из столицы. Ваша задача: изучить на месте все хорошее, что делается в Иркутске, и попытаться применить это на Сахалине. И главное: в Иркутске вас никто не найдет. Ни Лопухин, ни Мануйлов.

— Ну, спасибо и на этом! — усмехнулся Агасфер. — Впрочем, вы забыли упомянуть про подружку господина Гримма, сосланную в Иркутск. Про мадам Бергстрем!

— Тут уж ничего не поделаешь, — развел руками Лавров. — Однако меня заверили, что тюремный персонал живет не в самом Иркутске, а в некой слободке при Централе. А мадам Бергстрем обитает где-то на вольном поселении, в городе. Пореже посещайте клубы и прочие злачные места, обожаемые этой мадам. А она, будьте уверены, и близко не подходит к тюремной слободке!

Агасфер поджал губы, хмыкнул, но промолчал.

— На Сахалине вы довольно быстро уволитесь со службы, — продолжал Лавров. — Там многие увольняются — спиваются или уезжают. А вы займетесь коммерцией. Сахалин — это русский Клондайк. Когда начнется война, вы сделаете все, чтобы эвакуироваться в Японию. Для чего — я уже говорил.

— А как я попаду на Сахалин из Иркутска? Железная дорога на Восток только строится. С котомкой?

— По почтовому тракту. Пару недель на почтовых, вся вторая половина по попутным рекам. Я думаю, это будет интересное путешествие! И займет не более месяца.

— Мне надо подумать, Владимир Николаевич! И спросить Настю, разумеется...

Разговор происходил на конспиративной квартире, куда Лавров и Агасфер со всеми возможными предосторожностями уехали из дома Архипова. Лавров пристально посмотрел на Агасфера, затем шагнул к двери и распахнул ее. За дверью, сложив руки на коленях, сидела на стульчике... Анастасия Васильевна Стеклова. У ног ее стоял небольшой саквояж.

— У вас четверть часа, господа! — бросил Лавров, выходя из кабинета.

Агасфер подошел в Насте, присел рядом со стулом на корточки, положил голову на колени девушке. Та, немного помедлив, обняла его, прижалась щекой к затылку.

— Вот, еду Бог знает куда, и даже не знаю, как ко мне относится мой суженый... ради которого и еду... Дура я, наверное, Мишенька...

— Ты умница, Настя! Поэтому я тебя и люблю! Но я боялся об этом сказать из-за... — Агасфер показал девушке изувеченную руку с протезом.

— Думала, что я дура, а оказывается, еще дурнее меня есть! — прошептала Настя и обняла его еще крепче.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 5
Предисловие 7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Пролог 11
Глава первая 19
Глава вторая 34
Глава третья 51
Глава четвертая 61
Глава пятая 86
Глава шестая 109
Глава седьмая 124
Глава восьмая 142

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Пролог 163
Глава девятая 166
Глава десятая 174
Глава одиннадцатая 193
Глава двенадцатая 209
Глава тринадцатая 225
Глава четырнадцатая 240
Глава пятнадцатая 262
Глава шестнадцатая 278
Глава семнадцатая 299

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Пролог 323
Глава восемнадцатая 332
Глава девятнадцатая 356
Глава двадцатая 375
Глава двадцать первая 390
Глава двадцать вторая 412
Глава двадцать третья 429
Глава двадцать четвертая 444
Глава двадцать пятая 471
Глава двадцать шестая 491

Литературно-художественное издание

СЕРИЯ «УЛИЦА ЧЕХОВА»

Вячеслав Каликинский

СТАРЬЕВЩИК

Роман

Ответственный редактор *Павел Крусанов*
Редактор Алексей *Шельвах*
Технический редактор *Сергей Малахов*
Верстка *Алексея Положенцева*
Корректор *Инна Ростовцева*

Подписано в печать 15.09.2015. Формат 84×108 $^{1}/_{32}$.
Гарнитура CharterC. Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,88.
Тираж экз. Заказ

ООО «Книжная лаборатория» —
обладатель товарного знака ЛЕНИЗДАТ®

ООО «Книжная лаборатория»
191028, Санкт-Петербург, Литейный пр., д. 22, лит. А, пом. 2Н
Тел./факс (812) 331-50-68

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ».
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14.

VAGS1030B09901